Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»
Лаборатория исторического краеведения

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае

2010 г.

Археология, этнография, устная история

Выпуск 7

Материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25–26 ноября 2010 г.

Барнаул • 2011

УДК 902+39
ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)
П 491

Редакционная коллегия:

М. А. Демин, д-р ист. наук, профессор;
Т. К. Щеглова, д-р ист. наук, профессор;
А. Н. Телегин, старший преподаватель;
Н. С. Грибанова, старший преподаватель

П 491 Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. : Археология, этнография, устная история. Вып. 7 : материалы VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаб. ист. краеведения. 25–26 нояб. 2010 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина, Н. С. Грибановой. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — 412 с.: ил.

ISBN 978-5-88210-578-4

В сборнике публикуются материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии. В издании представлены результаты исследований различных научных, учебных и музейных центров в области археологии, этнографии и устной истории на территории юга Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана в 2010 г.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

УДК 902+39
ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)

ISBN 978-5-88210-578-4

© Алтайская государственная педагогическая академия, 2011

1 Лаборатории исторического краеведения – 20 лет

М. А. Демин

Лаборатория исторического краеведения в научно-образовательном сообществе Алтайского края

Создание лаборатории исторического краеведения связано с общими процессами, происходившими в нашей стране на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Они сопровождались возрастанием роли и статуса регионов в экономической и политической жизни России, бурным развитием краеведческого движения, увеличением количества часов на дисциплины национально-регионального компонента в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях. В отечественной историографии также происходили кардинальные изменения, связанные с введением в научный оборот ранее закрытых по цензурным соображениям источников, формированием новых исследовательских подходов и историографических направлений (социальная история, история повседневности, микроистория и пр.).

В Барнаульском государственном педагогическом институте к 1990-м гг. в области исторического краеведения уже существовала серьезная научно-методическая база, был накоплен немалый археологический и этнографический материал. А. А. Худяков выпустил первый учебник по истории Алтайского края и сделал попытку создать небольшой музей по истории края. А. Д. Сергеев вел многолетние экспедиционные и архивные исследования, много внимания уделял развитию общественного краеведения и изданию краеведческих сборников, подготовил серию добротных публикаций по истории и историографии Алтая и методике краеведческой работы в школе и вузе. А. П. Уманский плодотворно занимался раскопками археологических памятников и изучением Телеутской «землицы», подготовил обобщающее издание по памятникам истории и культуры Алтайского края, много сделал для развития на факультете научного студенческого творчества.

В приказе, подписанном ректором БГПИ В. Н. Гончаровым 26 декабря 1990 г., говорилось, что «создание новой концепции исторического образования немыслимо без опоры на историко-краеведческую работу... [Лаборатория исторического краеведения] должна выполнять роль опорного пункта и научно-исследовательского центра для развертывания историко-краеведческой работы в институте и школах Алтайского края, а также стать экспериментальным центром по поиску и разработке новых форм и методов обучения и воспитания студентов и школьников».

Первыми научными сотрудниками лаборатории стали В. Б. Бородаев, А. П. Уманский, Т. К. Щеглова. Вскоре к ним присоединился П. И. Шульга. Заведующим лабораторией был назначен М. А. Демин. Сектором эт-

нографии и устной истории в лаборатории все эти годы руководила Т. К. Щеглова. Сектор археологии и охраны памятников истории возглавил П. И. Шульга, а затем С. М. Ситников. Историко-архивные исследования осуществлялись преимущественно А. В. Контевым и В. Б. Бородаевым. В 1993 г. при лаборатории был открыт историко-краеведческий музей (заведующие — Н. И. Юртаев и Н. С. Грибанова, методист Е. Ю. Сластинина). Сектор музеологии был создан в 2006 г. с приходом О. Н. Труевцевой. В составе лаборатории плодотворно трудились также А. Н. Телегин, Л. В. Малиновский, К. В. Григоричев, Н. А. Старухин, М. А. Овчарова, А. В. Юсупова, Т. А. Гориявчева и др. Для работы в лаборатории приглашались известные ученые и педагоги из других учреждений: Д. Я. Резун, О. Ф. Кунгурова, Ю. М. Гончаров, И. В. Куприянова и др.

Деятельность лаборатории осуществлялась в тесном взаимодействии и сотрудничестве с научными учреждениями (Институт истории СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омский филиал Института культурологи и др.), высшими учебными заведениями (Алтайский государственный университет, Томский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Новосибирский государственный педагогический университет и др.), музеями (Алтайский государственный краеведческий музей, Государственный художественный музей Алтайского края и др.), образовательными учреждениями (Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования, Алтайский краевой педагогический лицей, Барнаульский государственный педагогический колледж), научно-производственным центром «Наследие», Государственным архивом Алтайского края, Алтайской краевой универсальной научной библиотекой.

Ежегодно, несмотря на финансовые и организационные сложности, лабораторией с помощью ректората АлтГПА, при поддержке районных администраций, учреждений образования и культуры, а также частных лиц проводятся археологические и этнографические экспедиции в различных районах Алтайского края. Среди них особо следует назвать многолетние раскопки в районе сел Сентелек и Покровка Чарышского района (научный руководитель П. И. Шульга), которые дали богатейший, порой уникальный материал, позволивший значительно расширить наши представления об исторических процессах, протекавших в предгорьях Алтая в древности и средневековье. В результате исследований был реконструирован монументальный погребальный комплекс «Царский курган», который широко используется в экскурсионно-туристских целях. 15 лет археологические экспедиции АлтГПА проводят охранные работы на берегу Гилевского водохранилища в Третьяковском районе (руково-

дители — М. А. Демин, В. Б. Бородаев, С. М. Ситников, С. С. Запрудский). В ходе работ удалось спасти от разрушения десятки погребальных и жилищных комплексов, проследить историю населения Верхнего Алея, начиная с эпохи камня и вплоть до средневековья включительно, уточнить и конкретизировать многие исторические вопросы, связанные с происхождением, межэтническими контактами, хозяйством, социальной стратификацией, материальной и духовной культурой обитателей этой территории во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Многолетние археологические работы С. М. Ситникова в Хабарском районе проводятся с помощью педагогов и школьников близлежащих районов и, развивая исследования его предшественников, привели к открытию десятков новых памятников, что позволило закрыть многие «белые пятна» в истории Кулунды. Не случайно раскопки С. М. Ситникова привлекли в последние годы внимание ведущих специалистов — археологов Алтайского государственного университета. Стационарные раскопки в Ключевском и Шипуновском районах около 20 лет проводит А. Н. Телегин. Высокий профессионализм и методический уровень работ, энтузиазм, умение заинтересовать результатами работ местные власти увенчали тяжелый труд по исследованию крупных курганных захоронений рядом уникальных находок, которые украсят экспозицию любого исторического музея. Историко-археологические работы сотрудники лаборатории В. Б. Бородаев, А. В. Контев и С. М. Ситников проводили под эгидой НПЦ «Наследие» на Барнаульском нагорном кладбище и территории Барнаульского сереброплавильного завода. Следует отметить, что уже 15 лет наряду со студентами Педагогической академии в археологических экспедициях участвуют учащиеся исторического класса Алтайского краевого педагогического лицея (директор В. С. Былков) и студенты Барнульского государственного педагогического колледжа (директор Н. И. Шипулин, соруководитель практики М. И. Сафронов). Сотрудничество лаборатории с БГПК вылилось в открытие специализации «Организатор историко-краеведческой работы в школе», которая реализуется совместными усилиями профессорско-преподавательского состава педакадемии и педколледжа.

Обширную экспедиционную программу выполняет группа сотрудников лаборатории во главе с Т. К. Щегловой. Сплошному историко-этнографическому обследованию подверглись 22 района Алтайского края. В результате сформировался огромный фонд устных исторических источников — мемораторов, содержащий более 2 000 часов аудио- и видеозаписей непосредственных свидетелей исторического прошлого. Изучение наряду с традиционными устных материалов позволило Т. К. Щегло-

вой впервые в сибирской историографии осветить многие важнейшие стороны жизнедеятельности сибирского крестьянства, которые были обойдены вниманием официальных источников.

Среди монографических изданий сотрудников лаборатории исторического краеведения выделим капитальные труды по истории ярмарочной торговли Т. К. Щегловой, а также ее новаторскую работу «Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история». В ней взгляд на прошлое сибирского села на переломном этапе его развития дан «изнутри», глазами самих очевидцев и участников событий.

Особенность деятельности лаборатории в педагогическом вузе определила большое внимание к разработке учебных пособий и программ для начальной, средней и высшей школы. Важный вклад в эту деятельность внесла учитель высшей квалификационной категории, а ныне декан педагогического факультета Алтайского государственного университета О. Ф. Кунгурова. Неизменный интерес среди учителей и школьников вызывают учебные пособия по истории Алтая и Барнаула, подготовленные В. Б. Бородаевым и А. В. Контевым. Неоднократно переиздавалась, в том числе и в федеральном краеведческом центре, методическая разработка по сбору устных исторических источников Т. К. Щегловой. Учебное пособие М. А. Демина «Коренные народы Сибири в ранней русской историографии» было рекомендовано Министерством образования для исторических факультетов высших учебных заведений.

Среди других работ, подготовленных сотрудниками лаборатории, отметим два издания «Исторического атласа Алтайского края» В. Б. Бородаева и А. В. Контева, которые и по содержанию и по оформлению являются образцами современной книжной полиграфии. Итогом экспедиционных и архивных изысканий лаборатории и других краевых и районных организаций являются сборники материалов по истории и культуре отдельных районов края (научный редактор Т. К. Щеглова). Важную лепту в краеведческое изучение края и популяризацию исторического наследия вносят библиографические календари знаменательных и памятных дат «Страницы истории Алтая» и «Барнаульский хронограф», которые ежегодно выпускаются Алтайской краевой универсальной научной библиотекой при участии Государственного архива Алтайского края и лаборатории исторического краеведения АлтГПА. Изданный в 1998 г. сборник научно-исследовательских работ школьников Алтайского края по историческому краеведению «Дебют» положил начало целой серии краевых и районных публикаций учащихся по местной истории.

Большая работа проводится лабораторией по подготовке и проведению научных, научно-краеведческих и школьных конференций.

С 1994 г. по инициативе Т. К. Щегловой проходят международные научно-практические конференции «Этнография Алтая и сопредельных территорий», Щеглова и которые собирают специалистов соответствующего профиля из разных регионов России и Ближнего Зарубежья, и стали заметным явлением в сибирской, да и российской этнографической науке. По инициативе А.Н. Телегина с 2004 г. организуются региональные конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история», которые посвящены памяти выдающегося исследователя и педагога Алексея Павловича Уманского. Кроме того, лаборатория совместно с другими учреждениями брала на себя ответственность по проведению Гуляевских и Ползуновских чтений, конференций по охране и изучению культурного наследия Алтайского края. Важными для сохранения преемственности в краеведческих изысканий явились конференции, посвященные памяти наших предшественников: М. Ф. Розена, А. А. Худякова, А. Д. Сергеева, А. П. Уманского. Специфику деятельности лаборатории и ее подразделений отражают всероссийские конференции «Историческое краеведение: теория и практика» (1996 г.) и «Устная история (Oral History): теория и практика» (2006 г.).

Лаборатория оказывает существенную поддержку учебного процесса в вузе, и прежде всего в рамках специализации по краеведению и историческому туризму, а в последнее время – новой специальности – «социально-культурный сервис и туризм».

Почти 20 лет по инициативе и при непосредственном участии сотрудников лаборатории реализуется программа по развитию школьного краеведения. За это время было проведено 18 краевых и 14 барнаульских городских историко-краеведческих конференций школьников, через которые прошли сотни юных исследователей из различных уголков Алтайского края. Для педагогов – научных руководителей школьников в рамках конференций ежегодно организуются семинары по различным проблемам истории Алтая и методики организации краеведческой работы.

Отличительной чертой 20-летней деятельности лаборатории является сочетание краеведческих исследований, популяризации историко-культурного наследия с глубокой научной проработкой ряда проблем истории, археологии, этнографии, историографии, источниковедения, картографии и библиографии Сибири и Алтая. В этом плане важно, что в рамках и по тематике лаборатории подготовлены и защищены 12 диссертаций, включая три докторские.

О научном уровне исследований свидетельствует и то, что ежегодно сотрудники лаборатории, включая аспирантов, выигрывают гранты ме-

ждународных, российских и краевых фондов, а также выполняют хоздоговорные проекты. А. П. Уманский, Т. К. Щеглова, В. Б. Бородаев и А. В. Контев стали лауреатами гуманитарной премии Алтайского отделения Демидовского фонда.

Список сотрудников лаборатории исторического краеведения[1]

№	Ф. И. О. сотрудника	Должность	Принят в штат ЛИК	Уволен
1	Бородаев Вадим Борисович	сотрудник сектора охраны памятников истории и культуры; ведущий специалист по учебно-методической работе	26.12.1990; 02.01.1992	
2	Демин Михаил Александрович	заведующий ЛИК	26.12.1990	
3	Елисеева Наталья Анатольевна*	лаборант ЛИК	26.12.1990	26.03.1996
4	Уманский Алексей Павлович*	заведующий сектором охраны памятников истории и культуры; ведущий науч. сотрудник; заведующий ЛИК	26.12.1990; 06.09.1995; 05.10.2003	23.12.2005
5	Щеглова Татьяна Кирилловна	заведующая сектором устной истории и этнографии	26.12.1990	
6	Шульга Петр Иванович*	старший научный сотрудник	31.01.1991	03.05.1997
7	Малиновский Лев Викторович*	ведущий научный сотрудник	01.12.1992	01.12.1993
8	Негреев Дмитрий Викторович*	научный сотрудник	27.08.1992	22.02.1993
9	Юртаев Николай Иванович*	заведующий историко-краеведческим музеем	08.07.1992	19.06.1998
10	Контев Аркадий Васильевич	младший научный сотрудник; программист	01.07.1993	
11	Куприянова Ирина Васильевна*	заведующая архивом ЛИК; научный сотрудник	01.09.1993	30.06.2004
12	Федоренко Ольга Алексеевна*	лаборант ЛИК	26.02.1993	31.03.2001
13	Гончаров Сергей Михайлович*	старший научный сотрудник	01.03.1994	01.10.1995
14	Резун Дмитрий Яковлевич*	старший научный сотрудник	01.08.1994	01.07.1995
15	Старухин Николай Алексеевич*	младший научный сотрудник	15.08.1994	31.10.1998
16	Кардакова Клавдия Васильевна*	главный библиограф; заведующая отделом редких книг и краеведения	10.03.1994; 15.09.1997	05.11.2001
17	Григоричев Константин Вадимович*	старший лаборант	01.01.1995; 02.11.2000	20.11.1997 21.08.2002

[1] Подготовлен Т. А. Гориявчевой и А. В. Юсуповой.

№	Ф. И. О. сотрудника	Должность	Принят в штат ЛИК	Уволен
18	Телегин Андрей Николаевич	библиотекарь; методист ЛИК	01.01.1995; 01.01.2003	
19	Бирюков Алексей Михайлович*	лаборант, старший лаборант	01.07.1997	04.10.1999
20	Кунгурова Ольга Фридриховна*	старший научный сотрудник	01.10.1999	04.08.2002
21	Боровков Александр Сергеевич*	старший лаборант	01.10.1998	01.09.2004
22	Грибанова Наталья Святославна	заведующая историко-краеведческим музеем	26.06.1998	
23	Кригер Елена Эвальдовна*	заведующая историко-краеведческим музеем	01.12.1998	30.07.2000
24	Сокольских Елена Юрьевна*	старший лаборант	01.10.2000	01.12.2002
25	Ситников Сергей Михайлович	заведующий кабинетом	01.04.1994	
26	Пушкарев Борис Борисович*	методист	04.10.2002	01.09.2003
27	Кандаурова Наталья Павловна*	старший лаборант	08.09.2003	01.12.2003
28	Кукушкин Антон Иванович*	старший лаборант	15.09.2003	25.08.2006
29	Гончаров Юрий Михайлович*	программист	01.04.2004	30.06.2010
30	Овчарова Мария Александровна*	старший лаборант; ведущий специалист по учебно-методической работе	01.10.2004	01.09.2009
31	Соколов Алексей Максимович*	старший лаборант	01.09.2004	01.07.2006
32	Смарыгина Наталья Геннадьевна*	старший лаборант	01.09.2004	01.09.2005
33	Кидяева Галина Владимировна*	методист	04.11.2005	14.05.2006
34	Олейник Татьяна Евгеньевна*	старший лаборант	06.12.2005	11.09.2007
35	Ветров Алексей Анатольевич*	старший лаборант	01.09.2006	31.05.2007
36	Запрудский Сергей Сергеевич	старший лаборант	01.09.2006	
37	Труевцева Ольга Николаевна	ведущий специалист по учебно-методической работе	01.10.2006	
38	Юсупова Анна Валерьевна	старший лаборант; ведущий специалист по учебно-методической работе	01.09.2007; 01.10.2009	30.06.2009
39	Сластинина Елена Юрьевна	методист; ведущий специалист по учебно-методической работе	12.09.2008	
40	Гориявчева Татьяна Анатольевна	старший лаборант	16.08.2010	

* — бывшие сотрудники ЛИК.

Участники торжественного заседания, посвященного 10-летию лаборатории исторического краеведения БГПУ. Сидят (слева направо): Н. А. Старухин, Е. Ю. Сокольских, Н. С. Грибанова, И. В. Куприянова, А. М. Бирюков; стоят в первом ряду: Н. И. Шипулин, В. С. Былков, Г. В. Терновая, В. И. Матис, А. В. Казанцев, О. Ф. Кунгурова, С. Р. Хмырова, А. П. Уманский, Н. И. Юртаев, Н. И. Разгон, М. А. Демин, В. Б. Бородаев, А. Д. Сергеев, В. С. Бойко, Т. К, Щеглова, Н. В. Кладова, Т. А. Шеметова, В. А. Бармин; стоят во втором ряду: Я. Е. Кривоносов, А. В. Контев, К. В. Григоричев, Е. Смазнев

Т. К. Щеглова

Устная история и этнография: пути и формы взаимодействия (из опыта внедрения новых подходов, методов и технологий в этнографические исследования)

Двадцатилетние исследования по истории и этнографии базировались, с одной стороны, на традициях предшественников, их опыте краеведческой и научной работы, с другой стороны, на поиске и внедрении новаций. При формировании научных программ историков сектора устной истории и этнографии благоприятными условиями являлись происходящие в зарубежной и отечественной исторической науке кардинальные изменения: смена парадигм, междисциплинарный обмен и др. Данная публикация посвящена не столько истории сектора устной истории и этнографии[1], сколько характеристике сформировавшегося за эти годы инструментария, методов и технологий исследований.

Исследовательская стратегия определялась рядом объективных факторов. Прежде всего, Алтай является *периферийным* и *аграрным* регионом. Это обусловило особенность региональной истории – ее *массовость, вторичность событий,* т. е. ее можно назвать *«массовой историей».* Исходя из этого объектом исследования была определена информационная среда населенного пункта с его материальными и духовными следами прошлой жизни и культуры, с мыслительными конструктами деятельности историко-культурных и этносоциальных групп, прежде всего алтайского села, или социокультурное поле села и города и историко-культурное наследие, в том числе образ жизни, поведенческие нормы, повседневные стереотипы и мифологемы, жизненные установки и целепологания и т. д. Это потребовало новых технологий и методик исследования информационного пространства и социокультурного поля.

[1] Об этом существует ряд публикаций: Щеглова Т. К. Исследования по этнографии и устной истории на историческом факультете БГПУ: итоги 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г. (археология, этнография, устная история): материалы 2-й регион. науч.-практ. конф. 1–2 дек. 2005 г. [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2006. С. 192–200; она же. Сектор этнографии и устной истории лаборатогии исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета (ЛИК БГПУ): итоги и перспективы // Полевые экспедиции в Врхнем Приобье и на Алтае, 2004 г. (археология, этнография, устная история): материалы регион. науч.-практ. конф. 9–11 дек. 2004 г. [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2005. С. 175–181; она же. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.) [сост. и науч. ред. Т. К, Щеглова]. Барнаул, 2007. С. 16–22; она же. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа и значение в сохранении историко-культурного наследия // Музеология, музеи в меняющемся мире: сб. материалов междунар. симп. [редкол. О. Н. Труевцева, М. А. Демин, О. Н. Шелегина]. Барнаул, 2008. С.41–43 (ICOFOM Study series) и др.

Они были найдены в соединении исследовательских технологий устной истории и этнографии. Сама устная история явилась продуктом междисциплинарного взаимодействия, в первую очередь истории, социологии, лингвистики, культурной и социальной антропологии. Взаимодействие и взаимодополнение этнографических и устноисторических исследований определили методы исследования: 1) технологии устной истории: исследовательское (историческое) интервью; 2) технологии этнографии; фото-, аудио-, видеофиксация; описание; опрос.

Большое значение для формирования стратегии исследования имел и так называемый антропологический переворот в исторической науке, который переключил внимание историков с изучения глобальных процессов развития государств, экономики, политики, общества и других макроструктур и макросистем на *«человека в истории»*. Поэтому ориентацией всех научно-исследовательских программ устных историков и этнографов лаборатории исторического краеведения стало *«человеческое измерение истории»*. В целом исследовательское поле определилось и как *«мир человека в истории»,* и как *«мир истории в человеке»*. Его изучение определялось двумя принципами: во-первых, принципом «история снизу», когда исторические события, явления и процессы даются в оценках рядовых участников, история рассматривается не только как история государства, но и как история людей; во-вторых, принципом «история изнутри», т. е. интерпретацией исторических событий, явлений и процессов их участниками и очевидцами.

Необходимость внедрения методов устной истории в этнографическую практику и совершенствование методического арсенала было обусловлено рядом современных реалий развития этнографической науки. Во-первых, в этнографии предметом исследования наряду с этнокультурными артефактами являются не только обрядово-ритуальные продукты духовной традиционной культуры, но и мировоззренческие представления, целеполагания, жизненные установки, то, что отражает «этничность», «идентичность», «ментальность». Нужен инструментарий проникновения в них.

Во-вторых, в индустриально-аграрных развивающихся государствах с развитой светской культурой, сферой бытования традиционной культуры остается малограмотная, неграмотная или просто не озабоченная и не ориентированная на письменную фиксацию культурного наследия часть общества. К ней во всех странах мира относится население, связанное с сельскохозяйственным трудом (земледельцы, скотоводы) или промыслами (охотники, рыболовы, собиратели). В России именно крестьянство выполняло и выполняет функции хранения, воспроизводства

и трансляции традиционной самобытной культуры. Высокий процент аграрного населения на Алтае открывает большие перспективы в изучении так называемой народной истории с помощью методов устной истории и этнографии.

В-третьих, в этнографических исследованиях на сегодняшнем этапе развития российского общества и других государств опрос приобретает доминирующее значение, так как внимание исследователей все больше перемещается с материальных компонентов культуры в духовную сферу (психология, ментальность, этничность). Связано это, с одной стороны, с такими процессами, как глобализация, интернационализация, информатизация, ведущими к унификации материальной среды общества и сужению предметного поля этнографии. Традиционное внимание к материальной вещественной сфере остается только в изучении бесписьменных народов или архаичных культур. В индустриально развитых странах фактически не осталось памятников традиционной материальной культуры (поселений, жилищ, одежды, украшений и т. д.). Стирается также этнографичность витальных обрядов. И в изучении духовной культуры объективно все чаще внимание переносится с изучения ее «готовых форм» (ритуально-обрядовых действий, фольклорных текстов) в область выявления идентичности, этничности, самосознания, которые проявляются в поведении, поступках, целеполагании, представлениях, установках человека. Этнография нуждается в совершенствовании активных методов проникновения в сферу внутренних механизмов трансляции этнических компонентов.

В-четвертых, в результате интенсификации межкультурных связей, динамики миграционных процессов усложняется этнический состав населения во всех странах мира. В полиэтнических обществах встречаются разные культуры, с традиционными жизненными установками, конфессиональными и этнокультурными представлениями, культурно-бытовыми привычками. Изучение духовности и ментальности этнической культуры требуют проникновения в глубинные пласты сознания и знаний человека. Получение информации, которая часто носит латентный характер, требует профессионализма в научно-методической проработке опроса и его проведении. Большую помощь этнографам могут оказать исследовательский арсенал устной истории и опыт зарубежных и отечественных устных историков.

Названные реалии развития современной этнографии обусловили необходимость использования устноисторических технологий. На наш взгляд, сферой взаимодействия устной истории и этнографии является формирование архивов устных исторических источников. В этнографи-

ческих исследованиях при новациях в исследовательских технологиях (примером является развитие визуальной антропологии) остается почти нетронутой технология документирования и архивирования получаемого материала.

В свете этого возникла необходимость обосновать новое понятие — *создание с помощью интервью (и других видов опроса) исторического документа* — и разграничить два понятия: «сбор устных источников» и «создание устных исторических (этнографических) источников». Между ними существует разница.

Традиционный метод этнографических исследований — «сбор этнографических источников», представляющий собой фиксацию преданий, легенд, былей, причитов, колядок, свадебных песен и других подобных форм устной традиционной культуры, циркулирующих в информационной среде. Метод сбора памятников духовной культуры приравнивается к сбору предметов материальной культуры — продукции гончарства, ткачества и т. д. И в этом смысле можно говорить о сборе и фиксации готовых форм традиционной культуры.

Предлагаемый новый метод этнографических исследований — *«создание»,* или *«фабрикация» этнографических источников*, представляет собой получение и фиксацию индивидуальной информации, с помощью исторического или исследовательского интервью или опрос с проникновением в «этничность» с последующим документированием и архивированием. Опрос всегда доминировал в этнографических исследованиях. Его результатом являются так называемые «ПМА» — полевые материалы автора. В результате исследовательского интервью создаются так называемые устные исторические источники. И между ними также существует разница. Эта разница обусловлена разными способами фиксации устной информации: техническим (устный исторический источник) и ручным (ПМА) оформлением и требованиями к хранению документов.

При формировании исследовательской стратегии, постановке целей и задач, определении методов и исследований учитывались сильные и слабые стороны устноисторических и этнографических технологий и вводимых в научный оборот устных исторических источников и ПМА.

В исторических исследованиях, в том числе и в рамках этнологии, в последнее время все настойчивее звучит мысль о введении требований к группе источников — «полевым материалам автора» (ПМА). Они справедливо подвергаются критике за отсутствие единых требований к оформлению, высокую долю субъективности при ручной фиксации, их незащищенность и частую потерю без обязательного размещения на

хранение в архивах с гарантией авторских прав и т. д. Поэтому, формируя документацию историко-этнографических исследований, сотрудники сектора устной истории поставили следующие вопросы.

1. Что такое «полевые материалы автора»? В чем их достоинства и недостатки как источника?

2. Как этот источник формировался на этапе разработки содержания научно-методического опроса и на этапе фиксации получаемого от информатора материала: вручную, вслед за рассказом? При технической поддержке записи (аудио, видео)? Имел место спонтанный опрос или научная проработка документации опроса?

3. Как записывался? Дословно или «что успел», что услышал, как понял? Только то, что интересует исследователя, или весь контекст рассказа?

4. Как фиксировался: наспех, на коленях, или была создана «ситуация успеха», т. е. условия для полного развернутого рассказа человека (удачно выбрано место, время)?

5. Как устная информация превращалась в письменный документ, т. е. как велось документирование устной информации и создание «письменного устного источника»?

В результате были выявлены негативные последствия отсутствия требований к ПМА и принято решение об использовании методов устной истории в этнографических исследованиях, в первую очередь технологии устной истории по обработке, документированию и архивированию создаваемых интервьюированием этнографических источников. В своей работе этнографы лаборатории исторического краеведения использовали принципы «фабрикации документов» на основе опроса, интервью, беседы, разработанными за рубежом в устной истории — oral history. Эти технологии были апробированы как в основных научно-практических программах сектора устной истории и этнографии, таких как «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие», «Этнография Алтая и сопредельных территорий», «Устная история: теория и практика», так и в тематических программах «Депортации народов и репрессии на территории Алтайского края»; «Устная история переселений»; «Человек на войне: повседневная жизнь»; «Переселенческая архитектура»; «Историко-культурное наследие населения Романовского района в русско-украинской контактной зоне»; «Казахи Панкрушихинского района» и др. В результате проводимых в течение двадцати лет полевых исследований сформировался опыт «устноисторической практики» по транскрибированию и документированию материалов «исследовательского» или «исторического» интервью по проблемам истории и культуры народов Алтая,

оформились новые подходы и принципы полевых исследований информационной среды и социокультурного поля населенных пунктов Алтайского края.

Одним из путей реализации методов устной истории в этнографических исследованиях стало формирование архива устных источников с обязательным документированием и сдачей материалов полевых исследований. Они представляются альтернативой ПМА. Традиция комплектования домашних архивов этнографов, с одной стороны, оправдывается авторским правом, мобильностью введения новых материалов в научный оборот. С другой стороны, ее можно подвергнуть критике за ряд издержек как на этапе формирования источника, так и на этапе его консервации. В частности, при записи этнографами устной информации вручную (ПМА), по мнению устных историков, усиливается вмешательство исследователя в авторскую интерпретацию рассказчика. Первозданный материал искажается в результате сокращения услышанного во время записи, так как исследователь не успевает за рассказчиком. Часто допускается переформулировка или редактирование услышанного. Еще чаще текст записывается так, как его понял интервьюер, из-за чего теряется смысл, который вкладывал рассказчик. Существуют и другие негативные следствия фиксации материалов опроса вручную, наносящие урон авторской версии повествования.

Полученный материал является частью историко-культурного наследия. Собранный интервьюированием материал, конечно, создается этнографом, но в этой работе его соавтором является носитель информации. Исследовательский материал подлежит охране авторских прав и той и другой стороны и одновременно должен быть доступным и для последующих исследователей и использоваться в государственно-общественной практике.

Чтобы защитить авторские права и одновременно сделать ПМА достоянием науки, можно использовать технологию архивирования материалов интервью и оформления авторских прав. Устноисторическая практика позволяет совместить традиции формирования полевых материалов автора как личных архивов и принципы формирования «устных архивов» с соблюдением требований к оформлению и хранению документов в государственных хранилищах и одновременно обеспечить гарантии авторских прав. Последнее волнует любого исследователя, не только этнографа. Но любого исследователя должна волновать и опасность гибели уникальных материалов личных архивов. В этнографической практике ПМА часто теряются, так как их жизнь заканчивается с жизнью их создателя: можно привести десятки подобных примеров.

Зарубежная практика архивирования устной информации и широкое распространение так называемых «устных архивов» при научных и образовательных учреждениях, при библиотеках, при ведомственных и муниципальных архивах может быть востребована профессиональными этнографами наряду с системой учета, регистрации, фондирования, хранения создаваемых этнографами документов. Большую пользу может принести и система доступа и использования этнографических источников, в том числе разработка требований к публичному цитированию полученных от респондентов материалов и научно-моральные принципы интерпретации материалов.

Конечно, соблюдение требований документирования и архивирования материалов опроса требует от коллектива историков и этнографов ЛИК дополнительных сил и времени, которое не всегда хочется тратить. Но эти затраты необходимы. Что касается авторских прав, то при правильном архивировании с разработкой условий доступа все права этнографа являются защищенными. Этнографам необходимо использовать опыт устных историков в оформлении устных исторических источников, которые предусматривают их документирование (транскрибирование с выполнением требований к оформлению) и архивирование (фонды письменных и оцифрованных источников).

С помощью технологии устной истории удалось повлиять на формы и содержание устного исторического (этнографического) источника, в первую очередь на степень «полноты» и «сюжетности». Этнограф, как правило, фиксирует только тот материал, который ему нужен, например описания игр, если он занимается изучением традиционных праздников и зрелищно-игровых форм, или описания сюжетов свадебного поезда, если он изучает обряды витального цикла. Можно сказать, что, в отличие от устного исторического источника, он создает не полновесный, а «цитатный» источник и фиксирует «тематические отрывки», «тематические цитаты». Устный историк фиксирует полную версию, т. е. все, что говорит человек. При этом он понимает, что «руда», которая сопровождает необходимую ему информацию, может быть востребована другими исследователями. Изучая исторические события в соответствии с вопросником, он часто касается тем, характеризующих эпоху, и не отказывается от фиксации этого материала. Этнограф в этом плане более избирателен, не всегда фиксирует то, что не входит в круг его научных пристрастий, меньше обращает внимание на исторический фон. Устный историк тоже направляет опрос в русло интересующих его тем, но при этом выстраивает беседу-диалог вокруг «жизненной истории» (life story) и записывает «сырье» в виде отступлений на другие сюжеты,

события, явления, которые могут служить материалом для других исследователей или использоваться самим историком для выявления глубинных мотивов поступков, поведения или действий человека.

Таким образом, введение в этнографическую практику опыта устной истории помогло не только расширить исследовательский инструментарий, но и создать прочную источниковую базу устноисторических и этнографических исследований. На сегодняшний день устный архив ЛИК включает фото-, аудио- и видеоархив, устные исторические источники. Коллекция интервью составляет 2 882, коллекция аудиокассет — 1 190 (запись интервью — 1 963 часа, цифровая запись — 592), объем видеозаписей — 23 часа. Сформирован фотоархив, содержащий 317 фотопленок, 4 736 фотоснимков, 27 045 цифровых фото. Этот архив включает материалы полевых обследований с 1990 по 2010 гг. на территории 20 районов. Полевые исследования охватили 249 сельских администраций и 542 села. Наряду с новационными методами устной истории сотрудники ЛИК используют в своей работе традиционные методы и получают традиционные материалы, благодаря которым созданы каталоги крестьянской архитектуры, картотеки исчезнувших сел и другие информационные банки.

На основе полевых материалов было подготовлено и опубликовано свыше 20 научных и научно-популярных изданий с введением в научный оборот устных исторических источников и других этнографических материалов, а также содержащих учебно-методические материалы. Архив устных исторических и этнографических источников является базой научно-исследовательской работы студентов. За последние годы опубликовано свыше 250 студенческих работ.

С 2001 г. (Нальчик) в рамках Конгресса этнографов и антропологов организуется работа секции «Устная история как метод и источник этнографических исследований», в 2003 г. в г. Омске, 2007 г. в Саранске, 2009 г. в Оренбурге. В 2011 г. она пройдет в Петрозаводске.

Наконец, обширный архив источников позволил учредить тематические конференции, издавать тематические сборники и презентовать историческое и этнографическое наследие Алтайского края в сериях «Этнография Алтая и сопредельных территорий» [1], «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие (Очерки по истории и культуре регионов)» [2] и «Полевые исследования» (секция этнография и устная история) [3].

Литература и источники

1. Этнография Алтайского края: (науч.-метод. материалы) / БГПУ, лаб. ист. краеведения, АКИПКРО; [отв. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул, 1994; Этнография Алтая: (материалы 2-й науч.-практ. конф.) / БГПУ, АКИПКРО; [отв. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул, 1996;

Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы и сообщ. по этнографии: [3-я науч.-практ. конф.] / БГПУ [и др.; отв. ред.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. Барнаул, 1998; Этнография Алтая и сопредельных территорий: [материалы IV науч.-практ. конф.] / БГПУ, лаб. ист. краеведения, ИАЭТ СО РАН; [отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. Барнаул, 2001; Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГПУ, каф. отеч. истории, лаб. ист. краеведения; [отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. Барнаул, 2003; Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф / БГПУ, Каф. отеч. истории, лаб. ист. краеведения; [отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. Барнаул, 2005; Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГПУ, СО РАН, Ин-т археологии и этнографии; под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. Барнаул: изд-во БГПУ, 2008.

2. Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район) / Отв. ред. С. Д. Сергеев, отв. за выпуск Т. К. Щеглова. Павловск, 1993; Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры / Степанская Т. М., Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул; Тальменское, 1997; В предгорьях Алтая. Очерки истории икультуры» / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул; Алтайское, 1998; Нижнее Причарышье. Очерки истории и культуры» / науч. ред. Щеглова Т. К. Барнаул; Усть- Пристань, 1999; Павловский район: очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул; Павловск, 2000; Нижнее Причумышье. История и судьбы / под ред. Г. А. Кубриной, Т. К. Щегловой и др. Барнаул, 2001; Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Управление архив. отд. администрации Алтайского края, 2003; Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: изд-во БГПУ, 2004; Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: изд-во БГПУ, 2004; Бийский район: история и современность / отв. ред. Т. К. Щеглова. В 2 т. – Барнаул: Изд-во: БГПУ, 2002.

3. Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г.: материалы регион. науч.-практ. конф., 9–11 дек. 2004 г. / БГПУ, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2005; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). 2005 г.: материалы 2-й регион. науч.-практ. конф., 1–2 дек. 2005 г. / БГПУ, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2006. Вып. 2; Полевые исследования в Верхнем Приобъе и на Алтае (археология, этнография, устная история), 2006 г.: материалы 3-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 дек. 2006 г. / БГПУ ; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2007. Вып. 3; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история: [материалы 4-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 дек. 2007 г.] / Алтайская гос. пед. академия, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2009. Вып. 4; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2008 г.: археология, этнография, устная история: материалы 5-й региональной науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, 4–6 дек. 2008 г. Вып. 5 / Алт. гос. пед. академия, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2009. Вып. 5; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2009 г.: археология, этнография, устная история: материалы 6-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, 19–21 нояб. 2009 г. / Алтайская государственная педагогическая академия, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин и др.]. Барнаул, 2009. Вып. 6.

А. В. Контев

Историко-архивные изыскания в лаборатории исторического краеведения

Архивные источники являются основой историко-краеведческих исследований. На протяжении всех 20 лет существования лаборатории исторического краеведения поиск источников, их археографическая обработка и публикация были одним из важных направлений исследовательской работы. Во многом направления архивных изысканий были заложены ведущими сотрудниками нашего факультета — Алексеем Павловичем Уманским и Алексеем Дмитриевичем Сергеевым.

Алексей Павлович являлся крупнейшим и практически единственным специалистом в крае по истории Верхнего Приобья XVII в. Его научные публикации стали надежным ориентиром в поиске источников для последователей. Наибольшее количество материалов по данному периоду хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва). В первую очередь это фонды Сибирского приказа (ф. 24, 214), Сената (оп. 4–5. Дела по Сибирскому приказу и Сибирской губернии) и «Портфели Г. Ф. Миллера» (ф. 199). Кроме того, документы, собранные Миллером и имеющие отношение к истории Академии наук, в XIX в. были переданы в Петербург и сейчас хранятся в Петербургском филиале Архива Российской академии наук (ф. 21). Материалы первого историографа России до сих пор в полном объеме не введены в научный оборот и еще долго будут ценным источником для историков, тем более, что многие сибирские архивы сохранились плохо, а часть их вообще сгорела.

В архиве нашей лаборатории собрана значительная коллекция копий документов XVII в., отражающих взаимоотношения сибирских властей с тюркскими и монгольскими соседями. Это документы о строительстве джунгарской крепости на Чумыше (РГАДА. Ф. 199. Портфель 477. Ч. 2. Д. 4), о первом походе кузнецких казаков к Телецкому озеру (Ф. 214. 1627. Д. 10), об обострении русско-джунгарских отношений в 1630-х гг. (там же, л. 173–174), посольстве телеутов в Москву в 1658–1659 гг. (Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2), сборе ясака (Ф. 214. Оп. 1. Стб. 10) и т. п.

Специально дипломатическим отношениям между Россией и Джунгарией посвящены документы, хранящиеся в фондах РГАДА под названием «Зюнгорские дела» (ф. 113) и «Мунгальские дела» (ф. 126). Уникальность этих собраний заключается в том, что сюда попали документы, скопированные в Архиве внешней политики Российской империи, где их копирование и публикация фактически запрещены. Огромную работу по их анализу и публикации провел Владимир Анисимович Моисеев,

но подавляющее большинство хранящихся в РГАДА источников до сих пор не изданы (в фонде 113 содержится 10 дел, охватывающих период с 1595 по 1736 гг.; в двух описях фонда 126 содержится 74 дела о 1608–1711 гг.). То же можно сказать и о беловых копиях документов, собранных Г. Ф. Миллером в сибирских архивах и хранящихся в Санкт-Петербурге. В этой коллекции документы сгруппированы в книги по соответствующим архивам («Томская архива», «Кузнецкая архива»), а внутри дел пронумерованы, судя по пометам, самим Миллером. Наибольшее количество документов по нашему региону хранятся в книгах 17–19 (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4).

Большую работу А. П. Уманский провел по локализации мест проживания аборигенных народов Алтая. Для этого ему приходилось вручную схематично перерисовывать старинные карты из атласов первого сибирского картографа С. У. Ремезова. На 10-летнем юбилее лаборатории я с гордостью представлял аудитории цветные копии опубликованных карт Ремезова (о большем нельзя было и мечтать). Прошедшие десять лет кардинально изменили ситуацию — возможности цифровой техники сделали доступными для исследователей ранее не используемые материалы. В настоящее время мы располагаем высококачественными цифровыми копиями практически всех карт Сибири, составляющих атласы Ремезова. Это позволяет на новом уровне, более детально изучить все нюансы историко-географических реалий рубежа XVII–XVIII вв., соотнести их с данными письменных источников.

Другое крупное направление историко-архивных изысканий долгие годы возглавлял и вдохновлял Алексей Дмитриевич Сергеев. Это направление связано с историей горно-металлургического производства в Западной Сибири.

Первая попытка организации горного дела в Западной Сибири связана с разработкой в 1690-е гг. серебряного месторождения на небольшой речке Коштак (в современной Кемеровской области). Документы по истории этого непродолжительного, неудачного, но весьма важного эксперимента рассредоточены по разным архивохранилищам. Нам удалось обнаружить крупные коллекции в «Портфелях Миллера» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 478. Ч. 3. Д. 35, 45, 53; Портфель 393. Ч. 3), Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 21. Оп. 4. Д. 14; Оп. 5. Д. 73; Разряд 1. Оп. 77. Д. 3) и даже некоторые документы в Государственных архивах Свердловской области (Ф. 24. Оп. 1. Д. 1094. Л. 595–621) и Алтайского края (Ф. 1. Оп. 1. Д. 4; Ф. 163. Оп. 1. Д. 106).

Все двадцать лет существования лаборатории ведется работа по поиску и обработке документов, связанных с организацией горной про-

мышленности на Алтае. Еще в 1980-е гг. история возникновения демидовского ведомства на юге Западной Сибири была достаточно слабо обеспечена опубликованными документами. В основном исследования базировались на анализе обширной историографии. За прошедшее время удалось обнаружить многие источники, позволившие на качественно новом уровне реконструировать начальную историю горного дела. Причем в архивах сохранились документы, отражающие самые первые попытки поиска руд и основания предприятий.

Первым по времени таким источником является отчет руководителя одной из экспедиций, посланных на Алтай весной 1726 г. для определения возможности строительства металлургического завода и опробования руд. Автором этого письма, адресованного Акинфию Демидову в сентябре 1726 г., был приказчик Гаврила Евтихиев (Ефтифеев). Этот отчет опровергает бытовавшее с конца XVIII в. представление о том, что «Колыванский ручной завод» А. Н. Демидова, основанный в 1727 г. на берегу р. Локтевки (Колыванки), был построен «на том месте, где пред тем... плавлены были руды» (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 63. Л. 18). После отчета Евтихиева становится ясно: «стан» демидовских экспедиций 1726 г. находился на большем удалении от Колыванского месторождения, чем предполагалось ранее.

Сотрудничество с уральским историком Николаем Корепановым позволило обнаружить в екатеринбургском архиве уникальный комплекс документов, позволяющий восстановить нюансы двух первых лет существования алтайских предприятий. Речь идет об отчетах основателя и строителя первого Колыванского (1727 г.) и второго Воскресенского (1728 г.) заводов уральского специалиста Никифора Клеопина. Уникальность находки определяется еще и тем, что вместе с текстовыми документами в деле имеются самые ранние чертежи алтайских предприятий.

Не менее важным открытием стало обнаружение отчета представителей Берг-коллегии — горного советника Винцента Райзера и капитана Вильгельма Фермора. Полное название этого документа: «Рудокопческое состояние демидовских медных заводов в Кузнецком уезде» (РГАДА. Ф. 11. Госархив. Д. 95. Л. 125–249). По результатам обследования алтайских месторождений в 1732 г. столичные ревизоры пришли к выводу, что «в глубине... медь лучше, и медное содержание в серебряное переходит». Этот источник опровергает бытующее в литературе утверждение, что Демидову долгое время удавалось скрывать наличие в алтайской руде драгоценных металлов.

История открытия драгоценных металлов в алтайских рудах стала одной из самых активно разрабатываемых тем историко-архивных изы-

сканий лаборатории. В рамках нескольких грантовых проектов РГНФ и Фонда Сороса А. В. Контеву и В. Б. Бородаеву удалось обработать коллекцию документов комиссии А. В. Бейэра. В настоящее время документы комиссии содержатся в делах № 1–62 первого фонда Госархива Алтайского края. Из них 16 дел полностью сформированы из документов комиссии, в остальных они встречаются как отдельные включения среди более поздних архивных материалов. Общий объем коллекции составляет более 2500 документов.

Значимость коллекции заключается не только в большом объеме документов и их разнообразии, но и в отсутствии серьезных пробелов и лакун внутри рассматриваемого комплекса. Спустя два с половиной столетия мы имеем возможность ввести в научный оборот именно единый документальный комплекс, а не отдельные архивные материалы указанного хронологического периода. В ходе работы над проектом нами выявлено и учтено свыше 1500 документов ГААК, связанных с деятельностью комиссии А. Бейэра 1744–1747 гг. В результате была создана электронная база данных (в программе Access), позволяющая проводить автоматический поиск документов как по дате или номеру, так и по специально составленному указателю (http://www.uni-altai.ru/ArchiveBeyer).

Обнаруженные и введенные в научный оборот документы позволили по-новому осветить многие страницы истории Алтайского края. В частности, доказано, что первый горнозаводской поселок Западной Сибири — Колывань — основан не в 1726 г., а в июне 1728 г.; город Барнаул возник не в 1730 г.: первый населенный пункт на территории города появился в 1734–1735 гг., а развитие столицы края связано с медеплавильным заводом, основанным 28 сентября 1739 г. Документы однозначно свидетельствуют, что годом основания Змеиногорска следует считать не 1736, а 1744 г., а Барнаул не получал статуса города в 1771 г.

Территория Алтайского края на протяжении нескольких веков является окраинным районом Российского государства. Поэтому сюжеты, связанные с обстоятельствами присоединения этой территории, формирования государственной границы и системы охраны рубежей, привлекали и привлекают внимание исследователей.

Благодаря наработкам Ю. С. Булыгина и А. П. Уманского в РГАДА были обнаружены документы, зафиксировавшие историю строительства первых крепостей на территории края — Белоярской и Бийской (РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8). Эти материалы отражают поэтапное присоединение территории края к России. Судя по документам, в 1717 г., когда была построена Белоярская крепость, государственной границей России в пределах Кузнецкого уезда признавалась река Обь. В ведение приказчика

«новопостроенного города» отдавались земли «по сей стороне Оби», а противоположный левый берег считался джунгарским.

Присоединение левобережной территории было связано со строительством линии крепостей по Иртышу. Собранную в ЛИК коллекцию копий документов об иртышских экспедициях И. Бухолца 1715–1716 гг. и И. Лихарева 1718–1720 гг. можно считать одной из самых полных на сегодняшний день. Она включает как ксеро- и фотокопии подлинников текстовых документов из РГАДА (Ф. 9. Оп. 2-отд. Д. 41; Ф. 113. Оп. 1. 1719. Д. 1; Ф. 248. Оп. 4. Д. 156; Ф. 248. Оп. 7. Д. 373 и др.), ПФА РАН (Ф. 21. Оп. 4. Д. 14) и РГА ФМВ (Ф. 233. Д. 184), так и цифровые копии картографических материалов, отражающих результаты русского продвижения вверх по Иртышу.

Несмотря на то, что территория Верхнего Обь-Иртышья с 1719 г. фактически отошла к России, между Россией и Джунгарией не было официально утвержденной границы. Первая попытка определения линии размежевания была предпринята властями Кузнецкого уезда в 1733–1734 гг. по приказу из Сената. Эту работу поручили кузнецкому дворянину Петру Мельникову. Коллекция документов по обследованию Мельниковым рубежей России на Алтае сохранилась в РГАДА (Ф. 248. Оп. 4. Д. 1366), а копии попали в фонд Г. Ф. Миллера в ПФА РАН (Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 26–47 об.). В 1745–1747 гг. в связи с осложнением отношений с Джунгарией российские власти приняли комплекс мер по укреплению рубежей: на границу вдоль Иртыша передислоцировались регулярные войска, а в Алтайские горы было направлено несколько поисково-разведочных партий с целью трассировки новых укрепленных линий. Материалы этих экспедиций обнаружены в Государственном архиве Алтайского края, Историческом архиве Омской области (к сожалению, до сих пор засекречены), РГИА, РГАДА и библиотеке РАН.

Вопросы проведения границы актуализировались в 1760-е гг., после гибели Джунгарии. С этого времени на южных рубежах Сибири у России появился новый сосед – Цинский Китай. В 1760-е гг. российские власти планировали сдвинуть линию границы вглубь Алтайских гор, по линии р. Бухтарма – Телецкое озеро. Материалы, связанные с этими сюжетами, выявлены в Омском и Алтайском архивах, а также в Москве (РГВИА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 524; Ф. 424. Оп. 1. Д. 27, 28; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 879). Сохранились документы и рукописные карты, отражающие разные проекты трассировки будущей укрепленной линии. Однако сложные географические условия заставили остановиться на варианте, который предполагал строительство укрепленной линии в северных предгорьях Алтая. Горные районы стали своеобразной «буферной зоной» ме-

жду двумя империями: линии китайских и российских пограничных караулов были удалены друг от друга на сотни километров. Коллекции карт, зафиксировавших внешнеполитическую обстановку на Алтае и в Верхнем Прииртышье, изучены в РГВИА (Ф. 846. Оп. 16. Д. 20270, 25855; Ф. 416. Оп. 1. Д. 522, 523; Ф. 420. Д. 4; Ф. 424. Оп. 1. Д. 6, 12, 42), Библиотеке РАН (отдел рукописей), РГАДА (Ф. 192. Оп. 1. Томская губерния. Д. 2; Ф. 248. Оп. 160. Д. 217) и ГААК (Ф. 50. Оп. 12. Д. 299; Оп. 21. Д. 572). Они позволяют буквально по десятилетиям проследить динамику изменения государственной границы и административно-территориальные преобразования в регионе в XVIII — первой половине XIX в.

История изучения Верхнего Приобья и Алтая также не осталась без внимания исследователей лаборатории. Достаточно сказать, что кандидатские диссертации и А. Д. Сергеева, и М. А. Демина связаны именно с этой тематикой.

Впервые к вопросам истории изучения территории края мы обратились в 1990-е гг., когда работали над книгой «Рассказы по истории Алтайского края» (Барнаул, 1997). Тогда нам стало известно о рукописи участники Второй Камчатской экспедиции Иоганна Георга Гмелина, который посетил ведомство Колывано-Воскресенского завода в августе 1734 г. Этот источник является первой работой по истории алтайских предприятий. Ее полное название: «История принадлежащих Акинфию Никитичу Демидову Колывано-Воскресенских заводов и относящихся к ним рудников». Ученый лично встречался с людьми, стоявшими у истоков промышленного освоения рудных богатств Верхнего Приобья, в частности, со строителем первого демидовского завода на Алтае Н. Г. Клеопиным. Поэтому путевые записи академика обладают высокой степенью достоверности и значительно уточняют, а иногда опровергают, общеизвестные утверждения.

То, насколько важны сведения, приводимые Гмелиным, иллюстрирует история написания «Рассказов по истории Алтайского края». Мы уже написали главу, посвященную возникновению демидовских предприятий на Алтае, когда узнали, что в библиотеке Государственного архива Новосибирской области хранится машинопись перевода сочинения Гмелина, выполненного в 1931 г. А. Суховым. Я буквально на один день съездил в Новосибирск, скопировал источник, и... нам пришлось полностью переписывать текст (глава 4)! Оказалось, что большинство устоявшихся и тиражируемых в литературе фактов не подтверждается. Лишь позже нами были выявлены новые документы (в частности, отчет Евтихиева 1726 г.), которые документально подтвердили многое из того, о чем писал путешественник в 1734 г. К сожалению, перевод А. Сухова не всегда

точен, это ставит проблему выполнения нового, более качественного перевода. В РГАДА, в одном из «Портфелей» Миллера, нами обнаружена латинская рукопись той же не изданной до сих пор работы Гмелина (Ф. 199. Оп. 2. Портфель 430. Д. 22). Это дает возможность выполнить новый, более точный перевод и опубликовать уникальный источник. Кроме того, в рукописном отделе библиотеки РАН в собрании карт обнаружены карты (Основная опись. № 185, 225, 331), которые составлены в 1730-х гг. и во многом иллюстрируют сведения, приводимые Гмелиным.

Другой важной работой, созданной в то же время, стала рукописная книга уральского горного специалиста генерал-лейтенанта В. И. Геннина. Его «Описание Уральских и Сибирских заводов» (авторское название гораздо обширнее и сложнее), составленное к 1735 г., представляет собой одно из самых подробных сочинений по истории горно-металлургического производства России первой половины XVIII в. Отдельная глава книги рассказывает о демидовском медеплавильном производстве на Алтае. Этот текст автор проиллюстрировал рисунками, чертежом Колывано-Воскресенского предприятия и картой «мест вверх по рекам Оби и Иртышу до границы контайшиной, где дворянина Акинфия Демидова медные заводы построены». В полном объеме работа увидела свет лишь спустя два века, в 1937 г. Однако при публикации рукописи в книгу была включена только одна треть иллюстраций, а весь иллюстративный материал по алтайским заводам, представляющий значительную историческую ценность, так и не был введен в научный оборот. Копии этих чертежей нам удалось скопировать с подлинника, хранящегося в рукописном отделе РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и опубликовать. Но часть иллюстраций до сих пор не издана.

Первые целенаправленные работы по сбору историко-географических сведений об отдельных регионах Сибири начинаются в 1730-е гг. и связаны с именами двух прославленных ученых — Герарда Миллера и Василия Татищева. Каждый из них разработал собственные анкеты по сбору сведений и разослал их по сибирским уездам. К сожалению, до сих пор обширные ответы на эти вопросные пункты не только не опубликованы, но и полностью не обработаны. В последние два десятилетия, благодаря фундаментальным публикациям Александра Христиановича Элерта, историко-географические описания Миллера стали доступны сибиреведам. Но большой объем материалов еще нуждается в публикации (например: РГАДА. Ф. 199. Портфель 481. Ч. 2. — 547 листов; Портфель 481. Ч. 4 — 356 листов).

Ответы на анкеты В. Н. Татищева также попали в архив Академии наук и были включены в фонд Миллера. Еще в 1936 г. А. И. Андреев отме-

чал, что анкетный материал В. Н. Татищева «является первым по времени материалом XVIII в. о народах Сибири, собранным по известному плану, для своего времени, вполне научному» и должен быть издан «в первую очередь». Одновременно он констатировал, что эти материалы «остаются до сих пор неизвестными» (Сов. этнография. 1936. № 6. С. 97).

Описание Верхнего Приобья и Прииртышья по анкетам Татищева были выполнены в 1735–1742 гг. геодезистами Василием и Иваном Шишковыми. Общий объем описаний составляет около 200 рукописных страниц (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149. Л. 399–409 об.; Ф. 21. Оп. 5. Д. 150. Л. 1–86). Кроме того, к анкетным материалам относится «Экстракт о езде геодезиста Василья Шишкова», к которому приложены «Опись Аблайкетским полатам» и «Опись Семи Полатам», а также серия чертежей, составленных В. Шишковым в июне 1737 г. (Оп. 5. Д. 150. Л. 88–97 об.; Д. 163. Л. 1–6, 16–19). Работу по подготовке этих материалов к изданию мы начали вести с 1999 г. Сложный текст был введен в компьютер, археографически обработан, составлен словарь, географический и именной указатели, указатель этнических названий, обширная археографическая справка. В библиотеке Академии наук, Государственном архиве Свердловской области и РГВИА выявлены карты, созданные геодезистами Шишковыми во время работы над составлением описания. Это значительно повысило научную значимость историко-географических описаний, поскольку карты позволяют понять реалии, сообщаемые в тексте. Издать рукопись с цветными иллюстрациями и картами согласилось руководство Петербургского филиала архива РАН, получив на это грант. Однако книга до сих пор не издана.

Важным открытием прошедшего 20-летия стало обнаружение рукописи генерала Ганса Веймарна, являющейся первым историко-статистическим описанием алтайских предприятий. Судя по тексту рукописи и имеющимся в нашем распоряжении документам, сам Веймарн при составлении «Истории» в горное ведомство не приезжал. Им была разработана скрупулезная программа исследования, состоящая из нескольких десятков пунктов. В основу сочинения были положены ответы и выписки, представленные как императорским Кабинетом и Берг-коллегией, так и Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства. В Российском государственном историческом архиве нам удалось обнаружить переписку автора с чиновниками Кабинета и горной Канцелярии (РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 175).

В 1960-е гг. З. Г. Карпенко, специально занимавшаяся поиском рукописи, сообщала, что ее машинописная копия хранится в Новосибирском архиве, а подлинник был в 1933 г. отослан в один из центральных архи-

вов. «Однако поиски оригинала рукописи, производившиеся в ЦГАДА и в архиве Министерства иностранных дел СССР, не дали положительных результатов». Действительно, в библиотеке Государственного архива Новосибирской области имеется полная машинописная копия рукописи XVIII века (Библиотечный шифр: 9 (с18) / И-90, № 772).

В 1997 г. в РГАДА аспирантке лаборатории исторического краеведения БГПУ О. Е. Баженовой (Контевой) удалось обнаружить беловую копию рукописи (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23). Полное название сочинения звучит так: «Историко-статистическое описание Колывано-Воскресенских золото- и сереброплавильных заводов, принадлежащих к ним рудников, денежного передела и железных Ирбинских заводов, составленное по повелению императрицы Екатерины II генерал-поручиком Иваном Веймарном. Октября 1766». Рукопись представляет собой солидный труд объемом 480 страниц. Копия этого дела в виде позитивного микрофильма передана нами в ГААК и доступна местным исследователям (ГААК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 24).

Анализ историко-статистического описания показывает, что работа охватывает практически все стороны организации горно-металлургического производства на Алтае. Автор чрезвычайно подробно описывает процесс формирования Колывано-Воскресенского комплекса. При этом четко прослеживается позиция автора, Веймарн выступает не как сторонний наблюдатель, а пытается, порой чрезмерно субъективно, высказать свою точку зрения. При всей субъективности позиции автора, эта информация представляет особый интерес для историков, поскольку изложена современником событий. Безусловно, первое историко-статистическое описание Колывано-Воскресенских заводов необходимо в полном объеме опубликовать, при условии снабжения издания тщательно составленным научно-справочным аппаратом и редакторскими комментариями.

Впервые попытку дать полный обзор истории Колывано-Воскресенских заводов за XVIII в. предпринял академик Петербургской академии наук И. Ф. Герман. С 1783 по 1796 гг. он по заданию Академии наук собирал материалы о горно-металлургическом производстве в Сибири. В первой части изданного в 1797–1801 гг. трехтомного «Сочинения о Сибирских рудниках и заводах» был выделен специальный раздел «Исторические известия о Колывано-Воскресенских заводах». Здесь автор дает хронику развития алтайских предприятий с 1720-х гг. по конец XVIII в. Сведения, приводимые академиком в данном разделе, на протяжении двух веков являлись одним из основных источников при изучении процесса зарождения и развития горнозаводского производства в Запад-

ной Сибири. Вместе с тем вопрос об авторстве «Сочинений о Колывано-Воскресенских рудниках и заводах» до сих пор не решен.

Зачастую исследователи считают автором «Сочинений» самого академика. Между тем, как отмечала еще З. Г. Карпенко, под руководством и по программе, составленной И. Ф. Германом, работал целый авторский коллектив (Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 11). Сам ученый в предисловии к книге писал, что он лишь собрал «по большей части на предложенные мною вопросы, сделанные описания» (Ч. 1. СПб., 1797). В личном фонде Германа, хранящемся в архиве Российской академии наук, нами обнаружен «Список статей, включенных в Сочинения...» (ПФА РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 138), это позволяет надеяться на выявление имен алтайских корреспондентов знаменитого ученого.

В архиве Алтайского края среди бумаг П. М. Поспелова нами встречено несколько вариантов рукописной истории Колывано-Воскресенских заводов, в том числе черновик с авторской правкой (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 47, 63). Сопоставление текста этого документа конца XVIII в. с опубликованным И. Германом позволяет утверждать, что данный раздел писал для академика местный автор. Возможно, им был дед П. М. Поспелова — горный офицер Семен Поспелов.

Если книга Германа известна исследователям, то созданное в то же время произведение под названием «Описания Колывано-Воскресенским заводам, в котором году построены и какое при них находится строение» до сих пор не используется исследователями. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве найдена и полностью скопирована рукописная копия этого сочинения, датируемого началом XIX в. (1802 г.?). Уже по названию работы видно, что в ней приведены исторические сведения по истории основания и пуска всех алтайских заводов. В частности, это на сегодняшней день единственный из известных документов, в котором приведена точная дата основания и пуска Барнаульского завода, а также указаны имена первых строителей будущего города. По объему информации и полноте сведений рукопись превосходит даже издание И. Германа. Она явно написана по местным источникам, возможно, кем-то из алтайских горных офицеров. К сожалению, и этот материал еще ждет анализа и публикации.

Самым объемным исследованием первой половины XIX в. считается работа А. И. Кулибина, выполненная по заданию Министерства финансов, в чьем ведении в то время находились Колывано-Воскресенские заводы. Работая чиновником горного ведомства, Кулибин смог собрать обширный архивный материал по истории горно-металлургического ком-

плекса. Его рукопись «Описание Колывано-Воскресенских заводов с начала основания по 1833 г.», состоящая из трех частей (описания и двух частей приложений), хранится в РГИА (Ф. 468. Оп. 18. Д. 1043, 1045, 1046). А. Д. Сергеев, впервые опубликовавший сведения об этой работе, считал её самым капитальным изложением истории Колывано-Воскресенских заводов в алтайской историографии XVIII–XIX вв. (А. И. Кулибин — историограф Колывано-Воскресенского округа // Природа и природные ресурсы Алтая и Кузбасса. Бийск, 1970. Ч. 1. С. 134–136).

В 1836 г. историческая часть рукописи была опубликована в «Горном журнале» (Ч. I. Кн. 1. С. 326–361). Но значительная часть исследования, представляющая собой многочисленные таблицы и приложения, содержащие сведения о месторождениях, объемах добычи руды и выплавки металлов, урожайности, промыслах, населении и т. п., до сих пор не издана и даже не обработана. В свое время нам удалось микрофильмировать весь источник и передать копию в ГААК (Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 8–9). Однако чрезвычайно мелкий почерк и недостаточное качество микрофильма сильно затрудняют изучение и публикацию источника.

Проводя обзор историко-архивных изысканий лаборатории за двадцать лет нельзя не упомянуть весьма важную тему, на которую обращали внимание многие краеведы и историки, — это жизнь и деятельность великого алтайского самоучки Ивана Ивановича Ползунова. Планомерный поиск документов, связанных с Ползуновым, начал еще в XIX в. Степан Иванович Гуляев, а затем продолжил его сын Николай (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 281а, 282, 285–288). В XX в. лучшей работой по данной теме стало исследование академика В. В. Данилевского, который смог выявить многие редкие документы в архивах Свердловской, Новосибирской областей, Алтайского края, в Архиве народного хозяйства (совр. Российский государственный архив экономики в Москве). Им выявлено более 300 документов, касающихся пребывания И. И. Ползунова на Урале, а в алтайском госархиве удалось найти еще 175 документов.

Поиски в ГААК в 1950–1960-е гг. продолжил Николай Яковлевич Савельев (Ф. Р–232. Оп. 1. Д. 43). В составленном им списке более 400 документов барнаульского архива. В те же годы на Урале исследователем А. Г. Козловым были найдены и опубликованы документы, связанные с биографией изобретателя. В частности, ему удалось уточнить время рождения Ползунова — первая половина 1729 г. (а не 1728 г., как считалось до этого). Однако вопрос о дате рождения нашего земляка до сих пор остается дискуссионным.

Наша лаборатория считает нужным продолжать исследование документов об И. И. Ползунове. В 2000-е гг. с помощью студентов был состав-

лен полный список известных на тот момент документов, причем с указанием полных библиографических данных для тех, которые уже опубликованы. Эта работа представляется весьма важной в контексте последующего издания «полного собрания» источников, связанных с жизнью и деятельностью изобретателя, о чем так мечтал А. Д. Сергеев.

В этом направлении не все обстояло гладко и просто. Например, в 2004 г. в журнале «Урал» (№ 6) туринский краевед Юрий Клюшников сообщил о «неожиданной находке» в Тобольском филиале Тюменского областного госархива писем Ивана Ивановича к своему отцу. Это была действительно сенсация! Автор статьи даже опубликовал некоторые письма, как он сам пояснял, «в изложении». В них изобретатель сообщал своему отцу о намерении для пользы народной «огонь слугою к машинам склонить» и даже советовался с ним по поводу устройства паровой машины. Мимо таких источников пройти было нельзя. Вадим Борисович Бородаев поехал в Туринск для встречи с первооткрывателем и выяснения места нахождения писем (ссылок на архивные реквизиты краевед, как это обычно бывает, в статье не привел). Встреча состоялась, и оказалось... что все это выдумки автора в стиле сказок П. Бажова! Открытия не произошло.

Нами не просто велся поиск и сбор архивных документов. На протяжении многих лет в сотрудничестве с краевым архивом, библиотекой им. В. Я. Шишкова, краевым краеведческим музеем и городской администрацией издавались сборники документов или историко-документальные очерки, в которых в качестве приложений имелись обширные подборки ценных источников: «У истоков истории Барнаула», «Серебряный венец России», «Колывань: История, культура и искусство сибирской провинции России», «Гуляевские чтения», «Ползуновские чтения» и др.

В 1995 г. по инициативе В. Б. Бородаева и А. В. Контева в краевом архиве создана коллекция документов по истории Алтайского края, которые хранятся за его пределами (ГААК. Ф. Р-1736). Главная задача начатой работы состоит в том, чтобы сделать доступными для местных исследователей важные документы, относящиеся к истории края. В коллекцию вошли как копии архивных документов, так и микрофильмы изданий XVIII–XIX вв. Например, одними из первых в фонд попали материалы генеральной переписи жителей Кузнецкого уезда 1719 г. (д. 3–4), множество ксерокопий и негативных микрофильмов картографических материалов (д. 15–22, 29–50), документы «демидовского периода» (д. 53–57, 60). Из изданий наибольший интерес для исследователей могут представлять «Горный словарь» Г. И. Спасского (д. 25), «Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайский округ» С. П. Швецова (д. 14) и др.

Проведенная нами в 1998–1999 гг. работа по выявлению и копированию документов о начальном периоде барнаульской истории завершилась созданием в краевом государственном архиве особого фонда под названием «Коллекция документов и материалов по истории города Барнаула» (Ф. Р-1754). Материалы фонда разделены на две описи. В первую вошли подлинники документов, связанных с историей города (цветная литография В. Тимма с рисунка томского художника П. М. Кошарова 1850-х гг. «Серебро и золотоплавильный завод в Барнауле»; рукопись А. Д. Сергеева «Барнаул. Краткая летопись» и др.). Вторую опись составили копийные материалы за 1716–1802 гг. (документы о кочевании телеутов на устье р. Барнаул; путевые записи академика Г. Ф. Миллера; документы о разрешении строительства Барнаульской крепости 1740-х гг.; топографическое описание о Барнаульском заводе 1787 г., фотокопии карт и многое другое). Материалы созданных фондов общедоступны. Теперь любой заинтересованный человек, от студента до преподавателя школы, может ознакомиться с копиями документов, связанных с историей края.

С. М. Ситников

Исследования Верхнеалейской, Гилевской, Кулундинской, Сентелекской и Чумышской археологических экспедиций[1]

Весной 1994 г. во время проведения картографирования в Локтевском районе Алтайского края автором совместно с П. И. Шульгой было обнаружено поселение Советский Путь-1. В августе этого же года, параллельно исследованию могильника Локоть-4А, на памятнике был заложен разведочный шурф общей площадью 16 м^2. Полученный материал определил перспективность памятника для дальнейшего исследования. В ходе работ Верхнеалейской АЭ 1995–1998 гг. общая вскрытая площадь на памятнике составила около 400 м^2. Как показал анализ полученного материала, поселение относится к двум культурно-историческим периодам – эпохам средней и поздней бронзы.

Наиболее ранние комплексы представлены инвентарем андроновской культуры. Материалы эпохи поздней бронзы в культурном плане неоднородны. Основу комплекса составляет саргаринско-алексеевская посуда. Здесь же в небольшом количестве фиксируется бегазы-дандыбаевкая и станковая керамика. Происхождение некоторых фрагментов, возможно, следует связывать с черкаскульской культурой. Помимо керамики, в ходе раскопок памятника была получена большая серия остео-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 11-11-22007 а/Т «Культурно-историческое наследие Змеиногорской зоны Алтайского края (древние и средневековые комплексы».

логического, бронзового (шилья, ножи, тесло, наконечники стрел, всплески бронзы) и костяного (орудия для выделки кожи, фурнитура, наконечники стрел, псалии). На территории памятника было зафиксировано восемь погребений раннескифского времени.

В 1996 г. автором было открыто поселение Ремовское-1. Для установления культурно-хронологической принадлежности памятника был заложен разведочный раскоп площадью 48 м^2. Основные категории находок — остеологический материал (230 единиц) и керамика (152 фрагмента). Сосуды изготовлены из грубого, плохо отмученного теста с включениями крупных фракций отощителя (дресва и шамот). Обжиг фрагментов неравномерный, цвет черепков в изломе от кирпично-красного до черного. Формовка небрежная, поверхность фрагментов неровная. Стенки толстые. Судя по фрагментам венчиков (17 шт.), преобладали открытые сосуды с шейкой и плечиками, встречены и венчики от сосудов закрытых и баночных форм. Срезы венчиков характеризуется большой вариативностью. Подавляющее большинство имеет плоский срез, есть округлые и приостренные, встречаются и венчики с воротничком. Большинство венчиков утолщенные, многие с карнизиками. Срезы как орнаментированные, так и неорнаментированные.

Элементы орнамента выполнены грубо, небрежно. Из орнаментиров использовались палочка и фрагменты трубчатых костей. Отпечатки крупнозубого гребенчатого штампа встречены на одном фрагменте. Наиболее распространенный элемент орнамента — ямки неправильных форм, второй по частоте встречаемости — пальцевой защип, есть резные линии. На одном фрагменте — не более двух элементов орнамента, одним из которых являются ямки. Нередки фрагменты без орнамента. Встречаются достаточно сложные композиционные построения, представленные треугольниками и кругами. По ряду признаков (грубая технология, «вывернутый» наружу венчик, пальцевой защип и др.) описанный керамический комплекс можно отнести к 2 тыс. н. э.

В ходе работ Гилевской АЭ в Третьяковском районе Алтайского края выявлено более 30 археологических объектов. Большие стационарные работы велись на трех памятниках. В ходе раскопок позднебронзового поселения Чекановский Лог-1 была получена большая серия керамического материала. Необходимо отметить, что по ряду признаков она отличается от ряда однокультурных памятников Алтая — Новоильинка, Курейка-3, Рублево-3 — и относится к более позднему этапу существования саргаринско-алексеевской культуры. Помимо керамики на поселении встречены каменные орудия — отбойники, являющиеся типичными находками для памятников финальной бронзы предгорной зоны Алтая.

Кроме того, были обнаружены два бронзовых четырехгранных в сечении шила. В слое поселения встречен двухлопастной со скрытой втулкой наконечник стрелы, датирующийся концом II — началом I тыс. до н. э. Особый интерес представляет костяной трехдырчатый псалий с изящной орнаментацией, по форме близкий к аналогичному изделию с поселения Кент.

На могильнике Чекановский Лог-2 было вскрыто около 60 погребений, относящихся к андроновской (федоровской) культуре и раннему железному веку.

В ходе раскопок могильника Чекановский Лог-10 было вскрыто 150 погребений андроновской (федоровской) культуры. Большинство из них — детские. Здесь же были исследованы несколько погребения раннескифского времени.

С 1993 г. Сентелекской АЭ под руководством П. И. Шульги проводились исследования погребальных комплексов скифского времени в долине р. Сентелек. Основной задачей экспедиции являлось воссоздание первоначального облика древних памятников: расчистка запаханных или засыпанных в ходе дорожного строительства каменных конструкций, установка поваленных стел и оленных камней. Параллельно велся поиск и раскопки особо пострадавших поселений и погребений. В 2000 г. была проведена музеефикация царского кургана на правом берегу р. Сентелек.

Работы Кулундинской АЭ позволили не только выявить ряд памятников археологии, но и открыть новую страницу в древней истории Алтая. Одни из наиболее ранних находок были зафиксированы на поселении Новоильинка-3. По костям животных с поселения получена радиоуглеродная дата 4270±170 л. т. н. (Ле-7534), что позволяет датировать материалы памятника 2-й половиной III тыс. до н. э.

К более позднему времени относятся поселения Новоильинка, Новоильинка-1, 4, 5, Гусиная Ляга-1, Кораблик. В целом благодаря стационарным работам, проводившимся на территории Северной Кулунды, открыт и исследован комплекс памятников, относящихся к эпохе камня — средневековью[1].

В ходе работ Чумышской АЭ, помимо поисков вновь выявленных памятников, было продолжено исследование поселение Манжиха-2. Памятник открыт в 1993 г. А. Л. Кунгуровым и П. Ф. Рыженко. В ходе раскопок поселения встречены два фрагмента керамики эпохи поздней брон-

[1] Пользуясь случаем, автор выражает благодарность за помощь и поддержку в проведении археологических исследований председателю комитета по народному образованию Хабарского района Ю. Н. Змеевскому, директору Центра занятости населения Хабарского района С. Ф. Коленько, главе администрации г. Славгород А. Г. Кротову и его заместителю П. И. Фиц.

зы, один фрагмент гончарной русской глазулированной керамики, несколько фрагментов раннего железного века и костяной «костылек» этого же времени. Однако основу комплекса составляют материалы андроновской культуры. Значительную часть находок составляет керамика, представленная обломками, происходящими не менее чем от 200 сосудов (подсчет выполнен по венчикам). Полученный каменный, металлический и костяной инвентарь делится на украшения и орудия производственной деятельности.

Рассматривая материалы поселения в целом, отметим, что большое количество находок и значительный культурный слой свидетельствуют о долговременном существовании памятника. Территория Верхнего Причумышья благодаря наличию мелких и крупных речных артерий, удобных пастбищ была наиболее благоприятна для ведения скотоводческого хозяйства в древности.

Неподалеку от поселения был обнаружен грунтовый могильник андроновской культуры Манжиха-5.

Подводя итог, можно сказать, что археологические работы лаборатории исторического краеведения охватывают разнообразные территории Алтайского края. Полученный в ходе исследований материал внес существенный вклад в воссоздание древней истории Алтая.

А. Н. Телегин

Двадцать полевых сезонов Степного отряда археологической экспедиции ЛИК БГПИ—БГПУ—АлтГПА

В декабре 1990 г. в Барнаульском государственном педагогическом университете была образована лаборатория исторического краеведения, а уже весной 1991 г. в соответствии с планом ее работы Степной отряд археологической экспедиции ЛИК БГПУ (рук. — автор) осуществил археологическое обследование небольшого участка Кулундинской степи, примыкающего с севера к с. Ключи Ключевского района Алтайского края. В ходе этих работ была выявлена курганная группа, получившая наименование Ключи-3. Осуществленные в течение последующих пяти полевых сезонов 1992–1996 гг. раскопки этого некрополя позволили существенно пополнить круг источников по древней истории Обь-Иртышского междуречья крайне интересными материалами скифо-сакского времени. В частности, было установлено, что к восточным стенкам погребальных камер второго и третьего курганов примыкают дромосы — коридоры, обеспечивающие плавный спуск в усыпальницы. Для кулундинских памятников раннего железного века подобные элементы организации внутрикурганного пространства — явление крайне редкое и в

силу этого чрезвычайно интересное. Пристального внимания специалистов заслуживает зафиксированный нами факт трепанации черепа и всех трубчатых костей мужчины, погребенного в третьем кургане этого некрополя. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело со следами бальзамирования тела умершего, подобного тому, как это практиковалось, например, носителями пазырыкской культуры. Предметный комплекс захоронений, судя по всему, заметно пострадавший от рук грабителей, тем не менее содержал в себе крайне любопытные артефакты. К их числу стоит отнести прежде всего фигурку кабана и семь фигурок кошачьих хищников, изготовленных из золотой фольги в лучших традициях скифо-сибирского звериного стиля (рис. 1, 2).

Рис. 1

По окончании раскопок курганных погребений Ключи-3, Степной отряд был переориентирован на изучение древностей Приобского плато. С этой целью в пределах Шипуновского района Алтайского края ежегодно, начиная с 1997 г., силами отряда проводятся планомерные полевые исследования археологических памятников региона. За это время раскопкам подверглись курганные погребения Объездное-1, Объездное-2, Объездное-5, Барчиха и Комаришинский Карьер.

Наиболее интересные находки были сделаны в курганах скифо-сакского времени Объездное-1. В их числе стоит назвать, например, бронзо-

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

вый котел и резные роговые бляхи, найденные в центральном погребении кургана № 1. Роговые седельные бляхи и по художественному замыслу и по мастерству исполнения являются, без сомнения, шедеврами древнего прикладного искусства (рис. 3, 4).

Не менее интересные находки были сделаны в погребении № 7 кургана № 2 этого же памятника. В этом захоронении, к счастью, не ограбленном, на костях детского черепа сохранились золотые обкладки головного убора. Благодаря этим элементам декора форма головного убора может быть реконструирована графически, что чрезвычайно важно в деле этнографической и этнической атрибуции населения лесостепного Приобья в скифо-сакское время.

Раскопки курганов Камень-3 и Объездное-1 позволили получить яркие и во многом уникальные материалы, которые, с одной стороны, красноречиво подчеркивают самобытность каменской культуры, а с другой — убедительно демонстрируют ее принадлежность к кругу культур скифо-сибирского мира.

Н. С. Грибанова

Деятельность историко-краеведческого музея АлтГПА (БГПУ) в 1992–2010 гг.

С момента основания историко-краеведческого музея 24 июля 1992 г. [3] до его официального открытия 12 октября 1993 г. [4, с. 2] первостепенной задачей заведующего музеем Н. И. Юртаева (с 1992 по 1998 гг.) и сотрудников лаборатории исторического краеведения (ЛИК) являлось создание постоянной экспозиции в специально отведенной для нее аудитории № 317 главного корпуса университета. Разработка концепции экспозиции и отбор экспонатов осуществлялись сотрудниками ЛИК А. П. Уман-

ским, М. А. Деминым, Т. К. Щегловой, В. Б. Бородаевым, А. В. Контевым, П. И. Шульгой. Проектирование и создание экспозиции осуществлялись художником и историком Г. Л. Нехведавичусом.

Значительные по числу и составу коллекции археологических материалов, предметов культуры и быта народов Алтая, памятников горнометаллургического производства, собранные в предшествующий период, позволили оформить разделы выставки преимущественно на основе подлинных артефактов из собственного собрания музея [1]. Недостаток артефактов эпохи палеолита был восполнен материалами из фондов музея археологии АлтГУ. Алтайский государственный краеведческий музей предоставил экспонаты для временной выставки по периоду средневековья. Стенды и витрины были дополнены фотографиями, подаренными фотографом А. А. Позняковым, и иллюстрациями, выполненными Г. Л. Нехведавичусом.

Созданная экспозиция отражала основные направления деятельности сотрудников ЛИК и на много лет стала основой важнейших направлений музейной работы. За все годы работы музея постоянная экспозиция реконструировалась один раз. В 2001 г. был осуществлен капитальный ремонт в выставочном зале, в экспозицию были внесены изменения с сохранением изначальной концепции. Стенды и витрины раздела «Древнейшее прошлое Алтая» были дополнены экспонатами из новых поступлений, разделы «Культура русского населения Алтая» и «Горно-металлургическое производство» были изменены полностью, создан стенд для временных выставок. В 2005 г. раздел экспозиции «Традиционные занятия русского населения Алтая» был заменен на действующую до настоящего времени выставку «Традиции прядения народов Алтая». Несмотря на небольшую (69 м^2) площадь выставочного зала, в музее практикуется организация выставок по итогам археологических исследований (ежегодно с 1995 г.) и этнографических экспедиций (1997, 1998 гг.), фотовыставок (ежегодно с 2004 по 2008 гг.). Богатое фондовое собрание позволяет периодически организовывать тематические выставки: «Декоративно-прикладное искусство населения Алтайского края в 50–70-е годы XX в.» (1998 г.), «Демографические процессы в Кытмановском районе Алтайского края 1712–2001 гг.» (2001 г.), «Полотенце — украшение, символ, подарок» (2002 г.), «Культура немцев Алтая в XX в.» (2004 г.), «Узелки на память» (2008 г.), «Выставка икон и крестов из собрания ИКМ АлтГПА» (2009–2010 гг.). Только однажды (1998 г.) в историко-краеведческом музее экспонировалось собрание народного костюма Государственного художественного музея Алтайского края, предоставление же собственных материалов для участия в выставках практикуется достаточно

успешно. Так, историко-краеведческий музей дважды предоставлял экспонаты в сборную коллекцию, скомплектованную Институтом археологии и этнографии СО РАН, для участия в международных выставках в Корее (1997 г.) и Японии (2005 г.). Предметы археологической и этнографической коллекций в разные годы передавались для экспонирования Алтайской государственной академии культуры и искусств, Алтайскому краевому российско-немецкому дому, Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В. Я. Шишкова.

Действующие выставки и изменения постоянной экспозиции определяют тематику проводимых экскурсий. Всеми сотрудниками музея (Н. И. Юртаев, Н. С. Грибанова, Е. Ю. Сластинина) и ЛИК (В. Б. Бородаев, Е. Э. Кригер, Е. Ю. Сокольских, Н. Г. Смарыгина, Т. Е. Олейник, А. В. Юсупова), проводившими экскурсии в разные годы, разрабатывались индивидуальные обзорные и тематические экскурсии по всем разделам экспозиции. Однако наибольший интерес всегда вызывали обзорные экскурсии. Видимо, это объясняется небольшой площадью зала, осмотр экспозиции в котором занимает сравнительно немного времени. Далее по степени востребованности тематика экскурсий распределяется следующим образом: «Древнейшее прошлое Алтая», «Культура Алтая в древности», «Культура и быт народов Алтая в конце XIX — начале XX в.», «Исторические источники», «Горно-металлургическое производство» и др. В последние годы растет интерес посетителей к теме «Этническое многообразие Алтайского края», которая раскрывается на материалах музейного собрания.

Расположенный в корпусе университета и включенный в учебный процесс историко-краеведческий музей рассчитан прежде всего на работу с группами посетителей по предварительной заявке. Как правило, только эта категория подлежит учету в книге регистрации посещений. Так, за первые 2,5 месяца вновь открытый музей принял 280 человек. В последующие три года число посетителей последовательно возрастало, достигнув уже в 1996 г. рекордной за все годы деятельности музея цифры в 1390 человек. В среднем ежегодно в музее прослушивают экскурсии около тысячи человек. Всего за 17 лет работы его выставочный зал посетили более 15 тыс. человек. В последние три года благодаря участию в международной акции «Музейная ночь» только за один вечер музей посещали около 300 человек. При этом интерес к мероприятиям, проводимым в рамках акции, проявляют студенты, школьники, молодые родители с детьми, супружеские пары, пенсионеры.

Преобладающими категориями посетителей музея с первого дня работы являются учащиеся школ г. Барнаула и студенты БГПУ (АлтГПА). При этом в разные годы меняется их соотношение. В 1994–1996 гг. музей

посещало около тысячи школьников ежегодно, с 2000 г. их число сократилось до 250 человек. Количество студентов академии, посещающих музей, напротив, возросло со 115 чел. в 1994 г. до 630 чел. в 2010 г. При этом школьники приходят в музей как в рамках учебного процесса, так и во внеурочное время. Экскурсии для студентов преподаватели вуза успешно используют как форму проведения учебных занятий.

Для студентов исторического факультета музей является своего рода площадкой не только для изучения многих дисциплин, но и для приобретения навыков обработки, систематизации, организации хранения источников, проведения экскурсий, чему уделяется особое внимание в рамках музейной практики, проводимой на базе историко-краеведческого музея. Студенты исторического факультета активно привлекаются к организации различных мероприятий в музее. В частности, международная акция «Музейная ночь» в 2008, 2009, 2010 гг. состоялась в стенах АлтГПА во многом благодаря помощи в организации и непосредственному участию студентов.

С момента официального открытия одним из важнейших направлений работы стала обработка и систематизация накопленных к тому времени материалов. Археологическое собрание, систематизированное ранее В. Б. Бородаевым, после переезда в новое здание института из корпуса на пр. Социалистическом, 126, вновь требовало пересмотра и тщательной проверки наличия экспонатов. Н. И. Юртаев сконцентрировал основное внимание на обработке археологической коллекции, выработал единую систему учета. Под его руководством студентами отделения музееведения ФДПП до 1998 г. были составлены описи 73 коллекций (раскопки 1951–1980 гг.). Обработка исторических, этнографических, нумизматических материалов была поручена м. н. с. ЛИК Н. А. Старухину. Он также привлекал к научному описанию предметов студентов, работающих по этнографической тематике. К 1998 г. ему удалось включить в книгу поступлений основного фонда 497 ед. хр., научно-вспомогательного — 330 ед. хр., что составляло большую часть собранных за 1976–1997 гг. предметов. Эта работа была продолжена автором настоящей статьи, принятой на должность заведующей музеем в июне 1998 г., и Е. Э. Кригер в 1999 г.

С октября 2000 г. научно-фондовая работа музея была несколько скорректирована: характеристика предметов в книге поступлений стала более развернутой и соответствующей требованиям научного описания музейных предметов, была создана инвентарная и систематическая картотеки, начато формирование обменного фонда. Кроме того, помимо традиционных для музея собраний, было решено продолжить комплектование при музее архива лаборатории исторического краеведения (за исключе-

нием документации археологических экспедиций). Была разработана структура фондов архива в соответствии с видами материалов и направлениями исследовательской работы: материалы историко-этнографических экспедиций (устные источники, полевая документация, анкеты), народы Алтайского края (документы и материалы), фотоматериалы, видеоматериалы, текущий архив ЛИК [2]. В настоящее время учет и хранение фондов историко-краеведческого музея осуществляется зав. музеем Н. С. Грибановой и ведущим специалистом по учебно-методической работе Е. Ю. Сластининой (с 2008 г.) в соответствии с требованиями, предъявляемыми к учету и хранению музейных ценностей в государственных музеях, а архива ЛИК АлтГПА — Н. С. Грибановой и старшим лаборантом Т. А. Гориявчевой в соответствии со специально разработанными нормами, приближенными к учету в государственных архивах. За девять лет систематизированы материалы ежегодных историко-этнографических экспедиций (с 1991 г.), ведется учет новых поступлений в архив и музей.

Формирование коллекций историко-краеведческого музея и основные источники комплектования уже рассматривались ранее [1]. Стоит лишь отметить, что наряду с материалами экспедиций, значительную долю поступлений в последние годы составляют предметы, передаваемые студентами исторического факультета АлтГПА. В связи с развитием цифровых технологий появилась возможность комплектовать собрания копий фотографий и документов, хранящихся в сельских музеях, архивах, в семьях студентов, сотрудников, информантов. На 1 декабря 2010 г. основной фонд ИКМ АлтГПА насчитывает 1056 ед. хр., научно-вспомогательный — 390 ед. хр., обменный — 13 ед. хр.

Таким образом, за годы существования историко-краеведческого музея его сотрудниками и сотрудниками ЛИК проделана серьезная работа по сбору богатейших и интереснейших собраний, налаживанию системы обработки и хранения, презентации материалов. Задача будущего — сохранить и приумножить имеющееся, создать новую экспозицию — лицо музея, отвечающую требованиям современности.

Источники и литература

1. Грибанова Н. С. История создания и деятельность историко-краеведческого музея Барнаульского государственного педагогического университета // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Т. 2. Барнаул, 2006. С. 30–34.
2. Грибанова Н. С. Создание и организация системы хранения архива устной истории лаборатории исторического краеведения БГПУ // Устная история (oral history): теория и практика: Материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.) / сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: БГПУ, 2007. С. 207–210.
3. Паспорт историко-краеведческого музея БГПУ: зарегистрирован в Комитете Администрации Алтайского края по культуре и туризму 25 сентября 1996 г.

4. У самовара я и моя Маша… Тот самовар теперь в музее нашем // Учитель. 1993. 28 окт.

В. С. Бойко

Историческое краеведение в АлтГПА в начале 2000-х гг. и проблемы научного исследования Азиатской России

Историческое краеведение на Алтае — интеллектуально-культурное явление, хронологически соразмерное с развитием промышленного производства и образовательных учреждений на азиатских рубежах Российской империи в XIX в. Базируясь в основном в институтах государственного подчинения, оно было выражением творческой инициативы той части образованного класса, которая осознавала важность всестороннего, в том числе научного, освоения азиатского приграничья России. В советское время изучение истории края оставалось важнейшим, практически единственным направлением развития гуманитарного знания, поскольку разработка общесибирских сюжетов была привилегией сложившихся и новых центров региональной исторической науки — Томского, Новосибирского. Тем не менее в 1970–1980-е гг. ряду алтайских исследователей удалось выйти за пределы традиционной краеведческой проблематики: ведущие сотрудники старейшего вуза Алтая — БГПИ — А. П. Уманский и С. Г. Лившиц подготовили ряд работ по истории международных отношений в Азиатской России.

Характерной чертой поисковой работы в области научного краеведения и смежных с ним дисциплин — зарождающейся этнологии, истории международных отношений, «ориентализированной» археологии — стало широкое использование междисциплинарных подходов, потенциала нескольких поколений энтузиастов, сотрудничество с различными ведомствами и коллективами, а также сочетание полевых (экспедиционных), архивных и научно-теоретических исследований. Благодаря усилиям А. Д. Сергеева и его единомышленников историческое краеведение на Алтае со временем обрело множество организационных форм, их плодотворным выражением стало и создание в БГПИ лаборатории такого профиля (ЛИК), ныне отмечающей 20-летний юбилей. Научно-организационное мастерство ее многолетнего руководителя М. А. Демина, фундаментальные исследования Т. К. Щегловой, А. В. Контева, В. Б. Бородаева, тематически сфокусированные проекты С. М. Ситникова и других сотрудников позволили превратить лабораторию в один из ведущих российских центров комплексного регионоведения. Его уникальный профиль, преемственность кадров и научных традиций, совершенствование форм и методов работы, активное международное сотрудничество, высокий экспертный потенциал и теснейшая связь с культурной жизнью

края, его образовательными учреждениями позволяют говорить о качественно новом этапе исторического краеведения на Алтае. При поддержке управленческих структур АлтГПА, Министерства образования и Алтайского края ЛИК могла бы трансформироваться в гуманитарный учебно-исследовательский институт (центр) регионального значения, на основе которого можно было бы развернуть новые образовательные и научные программы, сформировать с применением современных технологий содержательные базы научных и прикладных данных (по археологии, устной истории и пр.).

Став заметным элементом научно-образовательной среды Алтайского края и [Азиатской] России, ЛИК АлтГПА сталкивается со многими проблемами организационного, кадрового, финансового свойства, что отчасти связано с внутриструктурными обстоятельствами. Несмотря на регламентированный формат работы, высокий уровень управления и научно-информационного сопровождения, ЛИК в лице ее руководства и коллектива недооценивает возможности и необходимость сотрудничества с родственными учреждениями внутри «материнской» организации — прежде всего с лабораторией «Россия и Восток» АлтГПА, хотя практически все научные мероприятия проводятся с взаимным участием. Однако за истекший период состоялось лишь одно совместное заседание лабораторий, не практикуется разработка и осуществление совместных программ и проектов, что приводит к дублированию тематики и разрозненности усилий, особенно в сфере международного сотрудничества или освоения междисциплинарной проблематики. Отчасти это связано с персональной и институциональной конкуренцией, относительной узостью источниковой базы и пересечением научно-профессиональных приоритетов. Вместе с тем наблюдается взаимный «дрейф» интересов и сюжетов, обмен данными и опытом, выход на новые тематические «поля» и концептуально-теоретические обобщения. Перспективной в этой связи представляется идея совместного исследования этно-социальной истории территорий, образующих Большой Алтай, особенностей экономического, культурного и иного межрегионального/межгосударственного взаимодействия на перекрестках славянского, аборигено-азиатского и зарубежно-азиатского миров, проблем внутренней и внешней безопасности Алтайского края в прошлом и настоящем, геополитического положения российского приграничья с учетом исторических, современных и прогнозируемых тенденций в сфере миграций, обменов товарами и идеями, истории международных отношений на азиатских рубежах России.

2 Археология

Жан Буржуа, Уолтер Гейли, А. В. Эбель, Т. В. Федосова

Картографирование археологических объектов долины Юстыд в Кош-Агачском районе Республики Алтай

Самая восточная точка Чуйской низменности — долина Юстыд. Располагаясь на высоте приблизительно 2 000–2 200 м над уровнем моря, долина включает более высокую часть, покрытую холмистыми ледниковыми отложениями, и широкую, открытую нижнюю часть. Вода в Юстыд поступает из двух больших озер: оз. Кандыктыкуль и оз. Богуты, оба озера питаются дренажом со склонов горы Тургень-Ула (4 029 м над уровнем моря). Более высокая часть Юстыд, также называемая долиной Джолин, включает правый приток Нарин-гола (берущий начало в оз. Кандыктыкуль) и левый приток Богуты. Она довольно труднодоступна: северная сторона является гористой, с некоторыми плоскими областями только вокруг озера Кандыктыкуль и вокруг небольшого озера ниже по течению. Южная сторона покрыта холмистыми ледниковыми отложениями.

На западе, где заканчиваются ледниковые отложения, на левом берегу и холмов на правом берегу, долина значительно открывается. На левом берегу есть широкие террасы с небольшим наклоном, надрезанные водостоками. Террасы постепенно сужаются, пока полностью не исчезают на западе. Здесь, перед самой Чуйской степью, течет р. Юстыд мимо массивного утеса. Этот треугольный черный утес виден за несколько километров и является одним из индикаторов данной территории и известен как местная «Печь Чингисхана» [1, с. 18–29]. Большинство памятников на этом левом берегу расположено на широкой восточной стороне. Ситуация на правом берегу противоположная: восточная часть имеет только 200–300 м в ширину. Однако здесь расположено огромное количество памятников. Приблизительно через 2 км терраса значительно сужается; здесь долина немного наклоняется к северу, и границы террасы приближаются к северным холмам до 120 м. Поскольку территория является болотистой, концентрация памятников здесь значительно меньше. К западу от этой точки терраса расширяется более чем на 2 000 м, постепенно становясь частью Чуйской степи. Огромная концентрация памятников отмечается на обширных террасах этой нижней части правого берегового откоса. Оттуда речные потоки текут через Чуйскую степь, пока не соединятся с Бар-Бургазы и образуют р. Чуя.

В долину р. Юстыд ранее уже были организованы две экспедиции (2004, 2006 гг.). Обе были сосредоточены на исследовании в основном правобережной части долины (рис. 1). В 2004 году [2, с. 11–12] действия были сосредоточены главным образом на изучении возможностей ис-

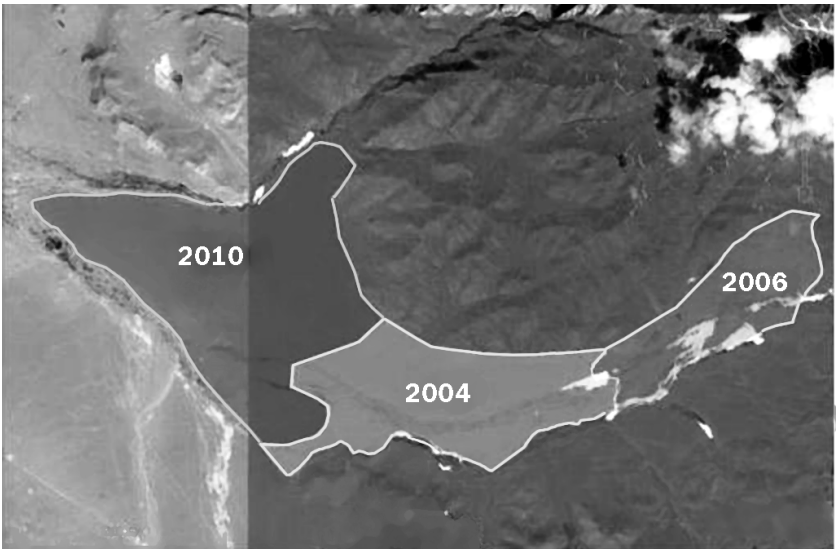

Рис. 1. Правая часть долины р. Юстыд, исследованная в ходе экспедиций 2004, 2006 и 2010 гг.

пользования спутникового изображения для того, чтобы отобразить археологические объекты на карте [3, с.750–752]. В то же время большая часть центральной зоны долины была изучена и инвентаризирована. Во время этой кампании были описаны и локализованы.более 2300 археологических объектов.

Наличие в этой долине огромного количества памятников требовало организовать вторую кампанию в 2006 г. Археологический обзор был посвящен более высокой части долины до ледниковых отложений на востоке. В ходе кампании 2010 г. мы планировали завершить обзор долины, интегрируя всю территорию слияния долин Бар-Бургазы и Юстыда, снова соединяясь с исследованной в 2004 г. областью на востоке.

Тем временем российская группа во главе с Игорем Слюсаренко (Академия наук, Институт археологии и этнографии, Новосибирск) начала обзор левой части долины р. Юстыд.

В ходе кампании 2010 г. мы, как обычно, в основном работали с одним навигатором C-Nav DGPS) и с одним ресивером Leica SR-20 в качестве опорной станции в лагере. Когда возникла необходимость из-за большого расстояния от лагеря до рабочей области, два ресивера Leica SR-20 были установлены в лагере, а навигатор C-Nav DGPS размещен вблизи рабочей зоны.

Чтобы подготовить планы археологических объектов, мы использовали ручные ресиверы Leica SR-20. Хотя устройства Leica менее точны при использовании в автономной конфигурации, связь с установленным навигатором C-Nav и опорными станциями Leica в базовом лагере обеспечила нам относительную точность в пределах 10 и 20 см после обработки в базовом лагере.

Обзор включал сначала локализацию всех археологических объектов и структур с помощью универсальных систем GPS. Структуры были описаны, измерены и сфотографированы. Для каждой из них была установлена приблизительная дата, основанная на морфологии, литературных данных и сравнении с подобными объектами в соседних регионах. Все объекты были введены в базу данных Алтайской археологической инвентаризации (АЛТАРИ), которая связана с соответствующим картографическим материалом в географической информационной системе (ГИС).

Большая часть наших полевых исследований была посвящена обзору самой западной части долины Юстыд. Он включал две различные по морфологической структуре части долины:

— на западе довольно ровная территория, граничащая с террасой Юстыд на юге и территорией Бар-Бургазы на севере;

— на востоке находится большая область, связанная с областями, изученными в ходе полевой кампании 2004 г., где левый берег р. Юстыд становится больше и вмещает уже другие террасы. К северу эта часть долины переходит в горный склон.

Всего в 2010 г. было зарегистрировано 969 структур, отнесенных к 123 различным объектам (табл.). В основном структуры принадлежат к различным периодам, начиная с бронзового века (некоторые керексуры) и железного века (скифские памятники) до этнографического периода (XVIII—XX столетие н. э.). Были зарегистрированы различные типы структур: от больших могильных насыпей до небольших стоящих камней.

Объекты, зарегистрировнные в 2010 г.

Объект		Объект	
Балбалы	33	Стелы	3
Курганы	119	Кольцевые выкладки	264
Прямоугольные оградки	62	Каменные линии	36
Этнографические погребения	1	Насыпи	33
Керексуры	9	Сплошные выкладки	100
Петроглифы	4	Неизвестно	140
Прямоугольные объекты	96	Зона	7
Круглые оградки	2		

Превалируют могильные холмы (различных периодов) наряду с кольцевой выкладкой, насыпями и сплошной выкладкой. Следует отметить также большое количество жилищ (прямоугольные каменные объекты). Безусловно, этот список должен быть проанализирован вместе с результатами обзоров 2004 и 2006 гг., но это будет сделано в ближайшем будущем.

Поскольку сейчас уже завершены работы на правом берегу долины р. Юстыд, мы намерены начать публикацию инвентаризации. Вместе с Игорем Слюсаренко, который исследовал левый берег, мы подготовим к печати это издание. Будут проведены анализы ландшафтов, чтобы определить ментальность людей, которые создавали эти памятники в течение тысячелетий (пространственный анализ, кластерный анализ и др.).

Источники и литература

1. Jacobson-Tepfer E., Kubarev, V. D., Turu Alty. Analysis of a Siberian «Sanctuary» // Altaica. 1994. № 4. С. 18–29.
2. Bourgeois J., Gheyle W., Goossens R., De Wulf A., Dvornikov E.,Van Hoof L., Loute S., De Langhe K., Ebel A., Malmendier A., Van de Kerchove R., Cappelle R., te Kiefte D. Survey and inventory of the archaeological sites in the valley of the Karakol (Uch-Enmek park). Report on the belgian-russian expedition in the russian Altay mountains 2007–2008 // Мир Евразии. Науч. журн. 2009. № 1. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. С. 10–21.
3. Goossens R., De Wulf A., Bourgeois J., Gheyle W., Willems T. Satellite imagery and archaeology, the Example of CORONA in the Altai Mountains // Journal of Archaeological Science. 2006. № 33. С. 745–755.

Ж. Буржуа, У. Гейли, А. В. Эбель, Т. В. Федосова

Работы по датированию объектов в долине Юстыд

После нескольких лет исследования археологических памятников нами было запланировано начать раскопки. Действительно, полевой обзор ясно показал наличие некоторых категорий памятников, которые еще недостаточно изучены: ни возраст, ни их предназначение точно не определены.

Наше внимание привлекли объекты, условно названные «жилища», – каменные выкладки прямоугольной формы. Одна или двойная линия камней образуют границу, или «стену», всегда ориентируемую в одном направлении (рис. 1). Во многих из них наблюдается ясный вход с западной и восточной сторон. Обычно внутреннее пространство разделено единичными каменными линиями по длине всего памятника на три более или менее равные части, где всегда имеется один или два небольшой величины прямоугольных объекта в центре или вдоль длинных северной и южной сторон. Приблизительно в 1 м к востоку от восточного входа находится большой вертикально стоящий камень, обычно это массивные речные валуны [1, с. 128].

Рис. 1. «Жилище» в долине Юстыд (объект КА 278-03)

Рис. 2. Белый камень рядом с черным стоящим камнем обозначен нами как образец 1

Аналогичные объекты были исследованы в Узунтале Д. Г. Савиновым в 1972 [5, с. 235] и А. С. Суразаковым в долине р. Ирбисту в 1979 г. Однако из-за отсутствия погребального инвентаря датирование данного типа памятников было сделано на основании анализа конструктивных особенностей сооружений. «В целом исследованные сооружения могильника Ирбисту-1 мы можем датировать в настоящее время эпохой финальной бронзы, понимая этот период в широком плане, т. е. включая сюда и раннескифское время, поскольку железо, по имеющимся на сегодняшний день данным, распространилось в Горном Алтае с середины VI в. до н. э.» [6, с. 35].

Для определения культурно-хронологической принадлежности данного типа памятников были необходимы полноценные археологические исследования. Но из-за возникших проблем религиозно-политического характера раскопки на этих объектах в этот полевой сезон оказались невозможны.

Датировка подобных каменных структур является весьма сложной задачей, поскольку здесь нет стратиграфии, и, насколько нам известно, находки (керамика, древесный уголь и т. д.) очень редки. Согласно литературным данным, датировать каменные образцы позволяет метод оптически стимулированной люминесценции (термолюминесценции; OSL) [2, с. 1265–1271, 3, с. 390–401, 4, с. 1659–1669] В сотрудничестве с факультетом геологии Гентского университета (проф. доктор Питер ван ден Наутe и доктор Димитири Ванденберг) была выбрана методика датировки. Был составлен протокол, и два гранитных камня были выбраны в качестве образцов. Первый образец был взят с северной стороны жилища, ря-

дом со стоящим черным камнем. Мы решили выбрать гранитный камень размером 20–30 см. При извлечении образца выяснилось, что он вкопан на глубину приблизительно 20 см (рис. 2). Второй образец был взят с восточной границы каменной платформы в пределах жилища (рис. 3). Мы снова выбрали гранитный камень; он, так же как и первый образец, был заглублен.

Рис. 3. Камень, отмеченный стрелкой, обозначен как образец 2

В обоих случаях рядом с камнями (образец a) мы также взяли на анализ осадочную породу, которая была на камне после его извлечения (образец b), и отложения контактного слоя между камнем и осадочной породой (образец c). В качестве ссылочного материала был выбран большой образец осадочной породы (образец d). Оба образца были извлечены ночью, с минимальным световым воздействием (новолуние, облачность) и с использованием только красного света.

Еще два образца были извлечены из небольшой ямы в 5 м к востоку от памятника (образцы 3a, и b) на глубине 10 см и с поверхности на

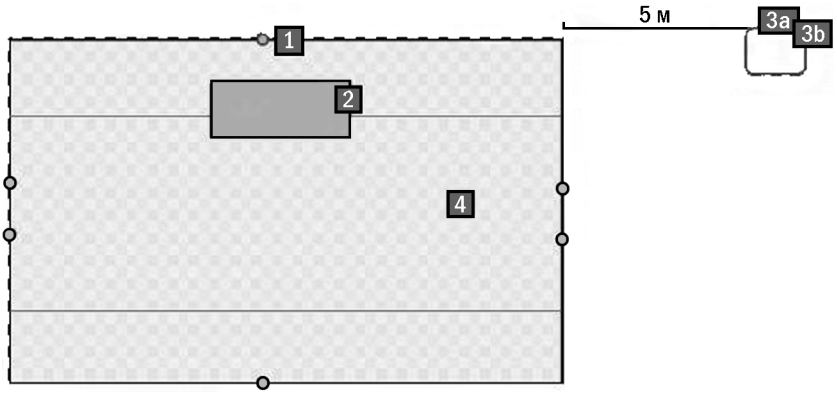

Рис. 4. Схема расположения изъятых образцов в объекте КА 350-13

внутренней области жилища (образец 4). Оба образца были взяты, чтобы оценить стандартный возраст осадка (рис. 4).

Образцы будут проанализированы в Гентском университете.

Литература

1. Gheyle W. Highlands and Steppes. An analysis of the changing archaeological landscape of the Altay Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic period, PhD. Ghent University, Gent, 2009. P. 380.
2. Baran J., Murray A. S., Häggström L. Extimating the age of stone structures using OSL: the potential of entrapped sediment // Quaternary Science Reviews. 2003. № 22. P. 1265–1271.
3. Rink W. J., Bartoll J. The geometric Nasca lines in the Peruvian desert // Antiquity. 1979, № 79. P. 390–401.
4. Vafiadou A., Murray A. S., Liritzis I. Optically stimulated luminescence (OSL) dating investigations of rock and underlying soil from three case studies // Journal of Archaeological Science. 2007. № 34. P. 1659–1669.
5. Савинов Д. Г. Раскопки в Горном Алтае // АО. 1972. М., 1973. С. 235.
6. Суразаков А. С. Ирбнсту I. Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 22–59.

Ж. Буржуа, Р. Гуссен, Р. Ван де Керхове, А. В. Эбель, Н. А. Юркова

Завершающие работы по проекту «Мониторинг и моделирование вечной мерзлоты в горах российского Алтая»

Летом 2010 г. была проведена третья и последняя российско-бельгийская экспедиция в рамках докторского проекта «Мониторинг и моделирование вечной мерзлоты в горах российского Алтая», финансируемого Институтом продвижения инноваций через науку и технику во Фландрии (IWT-Vlaanderen). Эта экспедиция проходила в долинах и вокруг долин Джазатор и Тархата (Южный Чуйский хребет, Кош-Агачский район) и на плато Укок. Основная задача состояла в том, чтобы загрузить данные, хранившиеся в температурных датчиках, установленных в 2008 г. [1, с. 48] и 2009 гг.

Проект является попыткой смоделировать текущее состояние распределения вечной мерзлоты посредством точных наземных измерений, данных дистанционного зондирования, а также численного моделирования и анализа. Особое внимание обращено на понижающийся тепловой эффект курганов. Поэтому экспедиция 2010 г. была нацелена главным образом на то, чтобы загрузить температурные данные, хранившиеся в датчиках, установленных во время предыдущих экспедиций.

В 2008 г. верхняя часть бассейна р. Джазатор и плато оз. Тархата были выбраны как экспериментальные объекты для того, чтобы опробовать методику и сформулировать дальнейшие цели исследования [5,

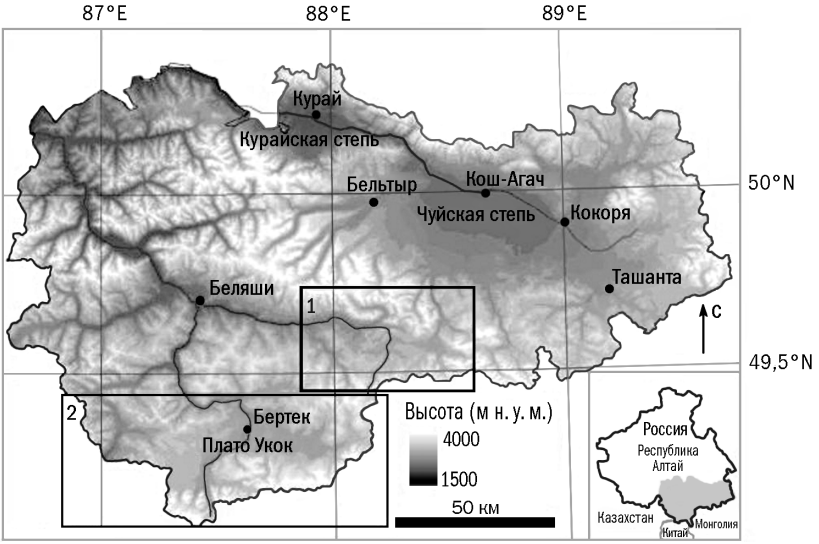

Рис. 1. Вид двух территорий исследования (Джазатор-Тархата и плато Укок), расположенных в Кош-Агачском районе Российской Республики Алтай. Карта высотности SRTM была использована в качестве фона.

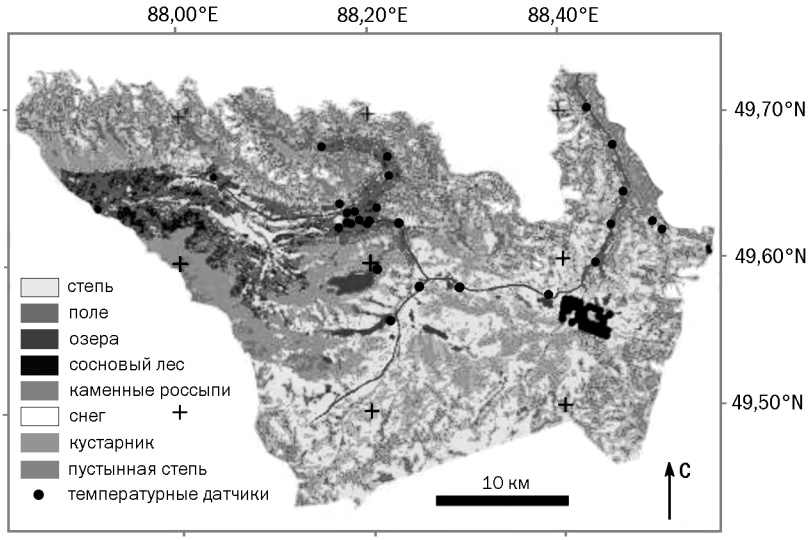

Рис. 2. Карта области исследования Джазатор-Тархата. Фоновое изображение: снимок SPOT с использованием алгоритма классификации максимального сходства. Показаны датчики, установленные в 2008 г., извлеченные в 2009 г.

Таблица 1

Данные 2010 г. по датчикам HOBO, установленных в различных долинах и на различных объектах

Объект	2009 г.	Извлечение	Потерявшиеся	Без показаний	ОК
Джазатор	4	4	0	0	4
Плато Тархата	3	2	1	0	2
Тархата	2	2	0	0	2
Каланегир	1	1	0	0	1
Уландрык	4	3	1	1	2
Укок	9	9	0	0	9
Курган Бертек	4	4	0	1	3
Итого	27	25	2	2	23

Таблица 2

Данные 2010 г. по датчикам iButtons, установленным в различных долинах и на различных объектах

Объект	2009 г.	2010 г., извлечение	Потерявшиеся	Без показаний	ОК
Джазатор	18	18	0	5	13
Плато Тархата	1	0	1	0	0
Озеро Каракол	3	3	0	1	2
Тархата	3	3	0	1	2
Уландрык	5	5	0	0	5
Укок	43	42	1	7	35
Курган Бертек	35	35	0	1	34
Итого	108	106	2	15	91

с. 41–46] (рис. 1, область изучения 1). Преимущество этих территорий состояло в том, что вечная мерзлота здесь распространяется на большие площади (как непрерывная, так и прерывистая), что они легкодоступны и имеют различные типы ландшафтов. Кроме того, эти области были темой археологического исследования во время экспедиций 1997 и 2005 гг. [3, с. 10–21; 4, с. 28–31].

В 2009 г. были установлены дополнительные температурные датчики и было выполнено перигляционное исследование на плато Укок. Эта область, объявленная «зоной покоя», является высоким гористым плато, близко расположенным к китайско-монгольской и казахской границе (рис. 1, область изучения 2). Наличие вечной мерзлоты, изумительные ландшафты, богатое археологическое наследие и удаленное расположение сделали это плато очень удобным для изучения вечной мерзлоты (рис. 4). Присутствие вечной мерзлоты на данной территории было доказано выдающимся археологическим открытием — обнаружением ледя-

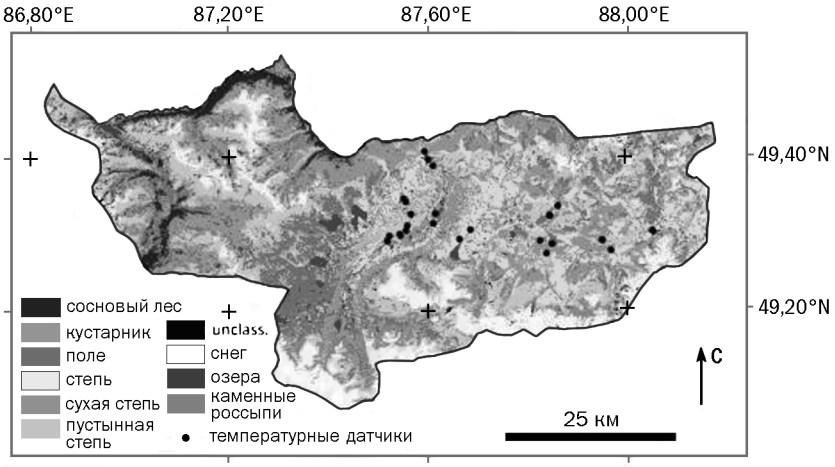

Рис. 4. Карта плато Укок. Фоновое изображение: классификация с изображения Landsat image с использованием алгоритма классификации максимального сходства.

ной мумии («принцессы Укока») на объекте Ак-Акалаха. Однако считается, что эта область — одна из самых чувствительных к возможному глобальному потеплению из-за соседства с исчезающими ледниками на российско-китайско-монгольской границе. Поэтому теперь исследование обязано моделировать текущее распределение вечной мерзлоты и оценку чувствительности целой экосистемы к такому изменению климата.

Из-за отсутствия метеорологических данных для области исследования нами были установлены 3 температурных датчика, чтобы измерять температуру воздуха в период наблюдения (рис. 2). Первый датчик был установлен в июле 2008 г. в верхнем течении р. Джазатор (2198 м над уровнем моря), чтобы получить данные о температуре воздуха в этой части Южного Чуйского хребта. Кроме того, во время той же экспедиции температурный датчик был установлен на территории прежней метеостанции в долине Уландрык (2154 м над уровнем моря). Это дало нам возможность сравнить температуру воздуха с экспериментом на кургане в той же самой долине. В 2009 г. дополнительный датчик был установлен на плато Укок рядом со стоянкой Бертек (2 181 м над уровнем моря). Кроме того, метеорологические данные были предоставлены метеостанцией с. Кош-Агач (1757 м н. у. м.), это единственная работающая метеостанция в районе.

Среднегодовая температура воздуха (СТВ), зарегистрированная Кош-Агачской метеостанцией в течение двух лет наблюдения, составила

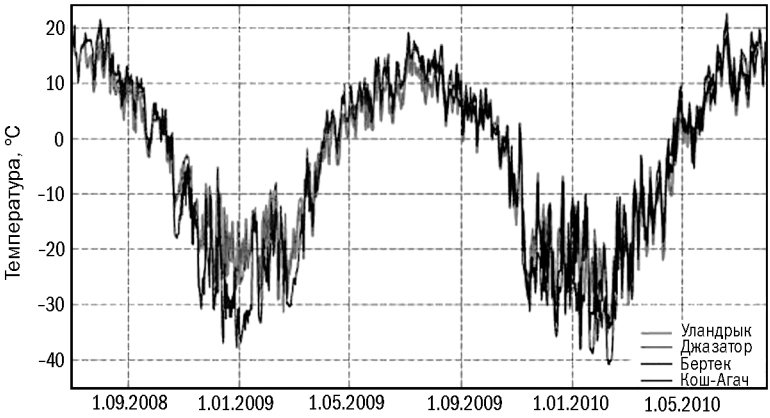

Рис. 3. Температура воздуха, зарегистрированная на 4 различных метеостанциях в период наблюдения

−4,9 °C и −6,4 °C. Эти значения — самые низкие за последние 6 лет и особенно за прошлую зиму, которая, безусловно, была самой холодной за последние несколько лет. Эта метеостанция, расположенная в бассейне Чуи (рис. 1), зарегистрировала температурные инверсии экстремального значения в течение длинной и холодной зимы, таким образом, показатели температуры оказались очень низкими по сравнению с другими станциями. За этот же период наблюдений средняя температура в Джазаторе составляла −4,15 °C и −6,0 °C, в то время как в долине р. Уландрык −2,4 °C и −4,0 °C. Кроме того, СТВ в Бертеке в 2009 г. составила −6,2 °C.

Хотя температура была ниже этой зимой, температура на поверхности почвы не показывает подобной тенденции. Напротив, на различных объектах температура была существенно выше, чем в течение первого года наблюдения. Это указывает на большую толщину снега этой зимой. Дальнейший анализ температуры на поверхности почвы позволит более подробно исследовать эту разницу.

Источники и литература

1. Goossens R., Van De Kerchove R., Bourgeois J., Gheyle W., Ebel A.V. Permafrost research in the valley of Dzhazator, and on the Tarkhata Plateau (Russian Altay Mountains, Kosh Agatch District). Internal Report, Ghent University, Ghent. 2008.
2. Goossens R., Van de Kerchove, R., Baker, K., Hendrickx, M., Bourgeois, J., Gheyle, W., Stichelbaut, B., Dvornikov, E. P., Ebel A.V., Loute S., Plets G., te Kiefte D., Wuyts F. Report on the Belgian-Russian Expedition in the Russian Altay Mountains 2009. A. Three Years of Joint Research in the Uch-Enmek Park and the Karakol Valley. B. Peramafrost Research in the Valley of Dzhazator and on the Plateaus of Tarkhata and Ukok. Ghent University, Ghent, 2009. P. 27.

3. De Wulf A., Dvornikov E., Van Hoof L., Loute S., Bourgeois J., Gheyle W., Goossens R., De Langhe K., Ebel A. V., Malmendier A., Van de Kerchove R., Cappelle R., te Kiefte D. Survey and inventory of the archaeological sites in the valley of the Karakol (Uch-Enmek park). Report on the belgian-russian expedition in the russian Altay mountains 2007–2008 // Мир Евразии. Науч. журн. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. № 1. С. 10–21
4. De Wulf A., Dvornikov E., Van Hoof L, Loute S., Bourgeois J., Gheyle W.,Goossens R., De Langhe K., Malmendier A., Van de Kerchove R., Cappelle R., te Kiefte D. The years of joint reserarh in the Uch-Enmek park (Onguday region, Altay mountains) // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография): сб. науч. тр. РИО ГАГУ. Горно-Алтайск, 2009.
5. Эбель А. В., Штанакова Е. А Реконструкция курганов скифской эпохи могильника Уландрык II. Материалы науч.- практ. конф. «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2008 года» Барнаул, 2009. С. 41–46.

В. В. Горбунов, К. Ю. Кирюшин

Случайная находка средневекового стремени из Кытмановского района

В 2010 г. в музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ был передан железный предмет, относящийся к снаряжению верхового коня, — стремя. Находка поступила от Марины Симаковой. Согласно полученной информации, данное изделие было обнаружено около 12 лет назад на восточной окраине с. Петрушиха Кытмановского района Алтайского края. Стремя нашли на берегу р. Чумыш, в 20 м от обрыва, на глубине 1–1,5 м от современной поверхности. Столь значительная глубина предполагает происхождение предмета из могилы, однако хорошая сохранность вещи позволяет в этом усомниться. Изделие покрыто лишь тонкой окисной пленкой, без следов активной коррозии, что скорее указывает на его залегание близко к современному уровню почвы. Стремя имеет разрыв в месте перехода ушка в одну из дужек, который мог образоваться в результате попадания под плуг трактора.

Несмотря на случайный характер обнаружения, публикуемая вещь представляет определенный научный интерес. Хорошая сохранность позволяет полноценно судить о конструкции стремени, его изначальных параметрах и технологии изготовления. Его сопоставление с аналогичными, но хуже сохранившимися находками будет способствовать более адекватному восприятию целой серии однородных предметов.

Данное изделие относится к числу так называемых «петельчатых», или «восьмерковидных» стремян, широко распространенных в период раннего средневековья на значительной части территории Евразии [3, с. 143]. Общие размеры петрушихинского стремени: высота 17,5 см, наибольшая ширина 14,3 см (рис. 1). Оно сделано из железного бруска-заго-

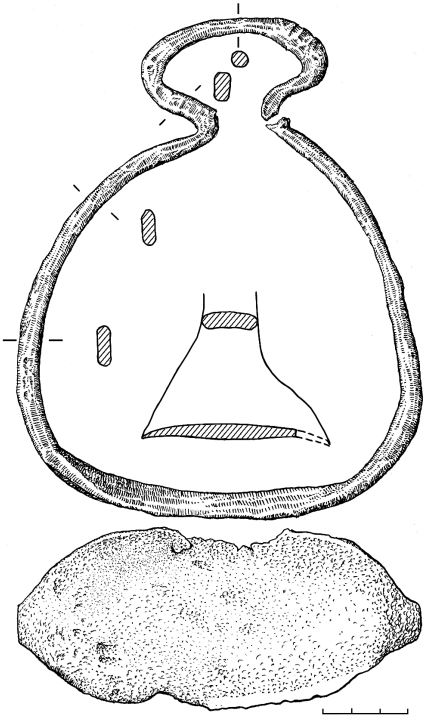

Рис. 1. Железное стремя из с. Петрушиха Кытмановского района.

товки методом горячей ковки. Сначала заготовка вытягивалась, и в ее средней части расковывалась подножка. Далее путем проковки и изгиба формировались боковые дужки. Их окончания S-образно выгибались и сваривались между собой, образуя ушко. Изготовление такого стремени было под силу любому кузнецу-универсалу и требовало небольшого набора инструментов: клещи, наковальни, молот-ручник [1, с. 204].

Ушко стремени овальное, вытянутое по горизонтали. Его длина 6,6 см, ширина 3,2 см. В месте сварки оно округлого сечения, диаметром 0,6 см. Это место, видимо, обработано напильником. Остальные части ушка прокованы до уплощенно-овального сечения, ближе к прямоугольнику. Их ширина 1 см, толщина 0,6 см. Дужки стремени имеют абрис арочной формы. В сечении они уплощенно-овальные. Их ширина и толщина увеличиваются от ушка к подножке и в средней части составляют 1,4×0,5 см. Подножка стремени в продольной плоскости почти прямая, в поперечной имеет форму вытянутого овала. В поперечном сечении она слегка С-образна, с утолщением в центре. Наибольшая ширина подножки 6,2 см, толщина 0,5 см. Оба ее края имеют следы разрушений.

Стремена, близкие петрушихинской находке по основным признакам, происходят из многих погребальных памятников Верхнего Приобья и Алтая. Согласно классификации, разработанной С. В. Неверовым для данной категории изделий, они относятся к типам 10, 13, 20, 22, бытовавшим в IX–XII вв. [3, с. 145–147, рис. 5–6, 8]. Такие детали оформления рассматриваемого стремени, как уплощенно-овальное сечение дужек и гладкая (без нервюры) внешняя поверхность подножки, свидетельствуют о его принадлежности к концу указанного периода, т. е. к XI–XII вв.

Местность, где было найдено петрушихинское стремя, в это время входила в ареал сросткинской археологической культуры. Пока единственным исследованным сросткинским памятником в Кытмановском районе является курган у с. Дмитро-Титово [2, с. 137–140], и данная случайная находка пополняет имеющуюся источниковую базу.

Источники и литература

1. Зиняков Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997. 368 с.
2. Кирюшин Ю. Ф., Неверов С. В. Материалы двух погребений конца I тыс. н.э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 137–141.
3. Неверов С. В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 129–151.

С. П. Грушин, Ю. П. Алехин, В. М. Шайхутдинов

Продолжение работ на поселении Колыванское I в 2010 г.[1]

История обнаружения и исследования древнего поселения горняков и металлургов Колыванское I насчитывает уже более 25 лет, с момента фиксации его Ю. П. Алёхиным совместно с А. П. Уманским в 1982 г. Ю. П. Алёхин выделяет на данном памятнике несколько культурных горизонтов и связывает их с эпохами энеолита (2-я половина III — начало II тыс. до н. э.), поздней бронзы и раннего железа [1, с. 15–17]. Далее на протяжении нескольких лет поселение исследовалось Ю. П. Алёхиным, после чего работы на длительный срок были прекращены. Из-за этого памятник долгое время подвергался интенсивному разрушению в связи с антропогенным и природным воздействием. Результатами являются многочисленные современные «хозяйственные» ямы и мусорные кучи, через площадь поселения проходит полевая дорога. Кроме антропогенного воздействия, культурный слой поселения разрушается береговой эрозией в результате волновых процессов, особенно в период сильных юго-западных ветров, когда волны достигают высоты 1 м [2, с. 14].

В 2010 г. Рудно-Алтайской археологической экспедицией после длительного перерыва было продолжено полевое изучение древнего поселения Колыванское I, расположенного на северо-восточном берегу оз. Колыванское, в Змеиногорском районе Алтайского края. В процессе работ было разбито два раскопа общей площадью 180 м^2. Культурный слой

[1] Работа выполнена при поддержке проектов ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 2009-1.1-301-072-016, гос. контракт № П1140.

мощностью до 30 см представлял собой коричневую супесь с мелким гравием – результат эолового разрушения гранитного цоколя.

В исследованной части поселка были открыты и зафиксированы различные объекты, представленные ямами различной глубины и формы. Археологический материал представлял собой кости животных, фрагменты керамики, каменные орудия, предметы из металла.

В культурном слое было обнаружено пять наконечников стрел: два из них сохранились целиком, три – фрагментарно. Оба целых наконечника можно отнести к изделиям практически правильной подтреугольной формы со слегка вогнутым основанием пера (рис. 1, *2, 3*). Они имеют следующие параметры: высота от основания до острия – 1,6–1,8 см, ширина основания – 1,3–1,7 см, толщина – 0,3–0,4 см. От трех наконечников стрел сохранились лишь фрагменты: от двух – средние части и от одного – острие. Данные типы наконечников относятся к типу листовидных, возможно, черешковых и находят аналогии в материалах памятников елунинской культуры [3, с. 52, рис. 120.4, 5, 14; 4, с. 112–113, рис. 65.11, 13–18, рис. 66.1 – 5, 7–12].

На поселении обнаружена серия каменных скребков. Они представлены следующими основными типами: боковые скребки подквадратной, подпрямоугольной формы; округлой, подовальной формы с ретушью по периметру; подпрямоугольной формы, выполненные на отщепе удлиненные; изготовленные на реберчатом сколе концевые; скребки округлой формы с выемкой в основании.

Каменные мотыги (топоры, тёсла) представлены изделиями трапециевидной либо овальной, расширяющейся к рабочему краю формы, с ярко выраженной обработкой одной функциональной части, приспособленной для ударных воздействий (рис. 1, *5*). Подобные изделия известны в материалах памятников Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху ранней бронзы [3, с. 51, рис. 107.1, *4, 5*]. Помимо нашего региона, они широко распространены на территории Евразии [3, с. 95, табл. 31.1, *3–5*].

В ходе выборки культурного слоя были встречены как небольшие кусочки керамики, так и крупные фрагменты, представляющие все части сосудов: придонную часть, тулово, горлышко, венчик. Среди видов техники орнаментации можно выделить «шагающую гребенку» (рис. 1, *9*), «гребенчатую качалку» (рис. 1, *4*), «отступающую палочку», с разными акцентами в исполнении (наколы либо протаскивание) (рис. 1, *1*). Присутствуют в коллекции керамики также неорнаментированные образцы (рис. 1, *7*) и фрагменты с прочерченным орнаментом (рис. 1, *8*). Эти виды орнаментации характерны для елунинской культуры Верхнего Приобья [3, с. 48, рис. 72–95]. В полученной коллекции также присутствуют фраг-

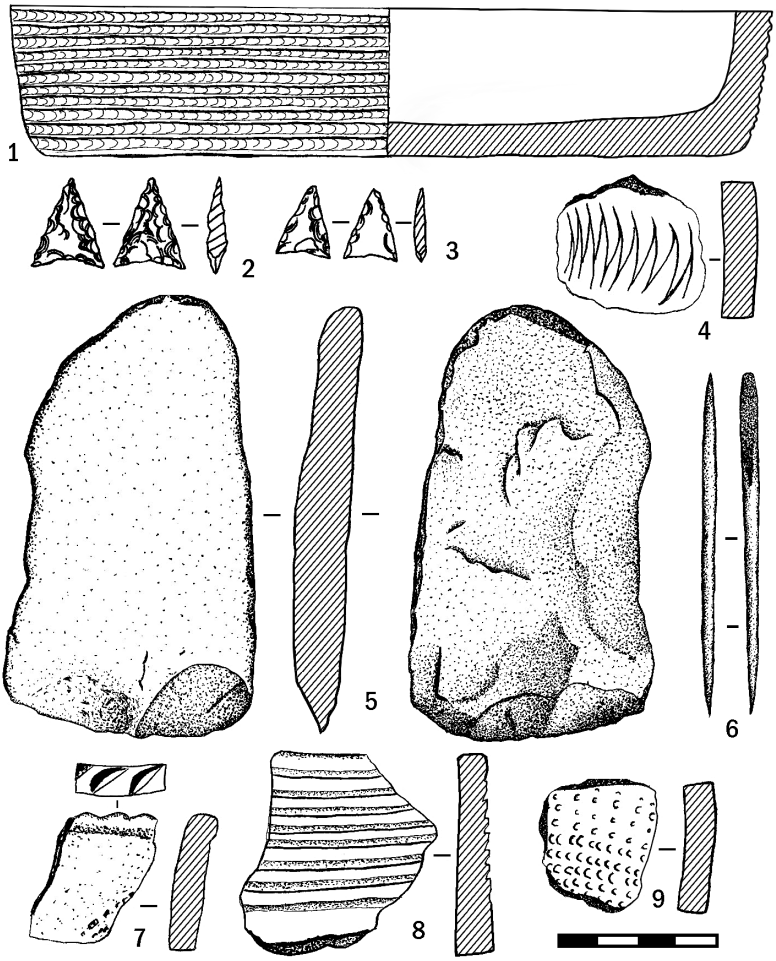

Рис. 1. Находки с поселения Колыванское I: *1, 4, 7–9* — керамика; *2, 3, 5* — камень; *6* — бронза

менты с орнаментацией, которая встречается в материалах памятника Петропавловского Приишимья Вишнёвка I [6, с. 107, рис. 1].

На поселении обнаружены предметы бронзолитейного производства — кусочки руды, шлака, ошлакованная керамика. Изделия из металла представлены небольшим слитком весом около 100 г и двумя шильями. Одно из них сохранилось полностью (рис. 1, *6*), поэтому представляется возможным дать общую характеристику основным операциям его

послелитейной доработки. Видимо, изначально был получен металлический стержень, который при дальнейшей обработке был прокован, в результате чего один из рабочих концов был преобразован в острие, а другой уплощен. На то, что применялась именно проковка, указывают общая кривизна и характерная бугристость тела изделия. Другой предмет сильно окислился, в связи с чем сохранился небольшой корродированный фрагмент. Среди костяных предметов были обнаружены проколки, шилья, тупики, продольная половина полой кости со следами обработки в виде поперечных желобков, видимо, для перевязывания.

Автор раскопок поселения Колыванское I Ю. П. Алехин выделял несколько культурно-хронологических комплексов на памятнике. Ранний комплекс он соотносил с эпохой энеолита и выделял на основе его материалов новую «колыванскую» археологическую культуру [7, с. 27], которая датируется, по его мнению, 2 пол. III — нач. II тыс. до н. э. На поселении были выявлены и небольшие комплексы эпох поздней бронзы и раннего железного века [2, с. 17].

Один из авторов статьи высказал сомнения в отнесении раннего комплекса этого памятника к эпохе энеолита и правомерности выделения новой культуры, сопоставив опубликованные материалы, прежде всего керамики и костяных наконечников стрел, с елунинской культурой ранней бронзы Верхнего Приобья [8, с. 85; 9, с. 147]. Анализ находок, полученных при раскопках на поселении в 2010 г., прежде всего керамики, подтверждает выводы, сделанные ранее, и позволяет связать основной комплекс с елунинской археологической культурой. Керамика, украшенная «отступающей» и «протащенной палочкой», находит ближайшие аналогии в культурном слое поселения Березовая Лука, расположенного на Среднем Алее; по серии радиоуглеродных дат этот комплекс датируется концом III — первой четвертью II тыс. до н. э. [10, с. 325]. Вероятно, в этих хронологических рамках и следует датировать основной комплекс поселения Колыванское I. Следует сказать, что из всех материалов к периодам поздней бронзы или раннего железного века достоверно можно отнести всего несколько фрагментов керамики.

Источники и литература

1. Грушин С. П. Отчет о результатах работы Рудно-Алтайского археологического отряда (РААО) на территории Курьинского, Змеиногорского и Третьяковского районов Алтайского края в 2007 г.
2. Алёхин Ю. П., Кирюшин Ю. Ф. Памятники археологии Змеиногорского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 12–21.
3. Бадер О. Н. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. 368 с.

4. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.
5. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул, 2004. 288 с.
6. Татаринцева Н. С. Керамика поселения Вишнёвка I в Лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Изд-во Башкир. ун-та, 1984. С. 104–113.
7. Алехин Ю. П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России. Очерки истории Змеиногорска. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 17–65.
8. Грушин С. П. К вопросу о культурной принадлежности некоторых памятников эпохи ранней бронзы предгорно-равнинного Алтая // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001. С. 84–89.
9. Грушин С. П. Памятники эпохи раннего бронзового века Рудного Алтая // ЗСАЭС. Томск: изд-во Том. ун-та, 2005. С. 147–149.
10. Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Исследование памятника Березовая Лука в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г.) Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. I. С. 325–328.

С. П. Грушин, И. В. Мерц, Д. В. Папин

Новые исследования могильника Телеутский Взвоз I[1]

В 2010 г. Алтайским государственным университетом проводились археологические исследования на памятниках эпохи ранней бронзы в предгорной и лесостепной зонах Алтая. Работы осуществлялись уже на известных комплексах, раскопки на которых в силу разных обстоятельств не велись несколько лет. Исследования были проведены на поселении Колыванское I, которое расположено на северо-восточном берегу оз. Колыванское в Курьинском районе [1], и на могильнике Телеутский Взвоз I в Павловском районе Алтайского края [6].

Грунтовый могильник Телеутский Взвоз I, на котором были осуществлены полевые исследования в прошедший полевой сезон, расположен на высоком разрушающемся мысу левого коренного берега р. Обь, в 5 км к северо-востоку от с. Елунино. Благодаря систематическим исследованиям, организованным сотрудниками Алтайского госуниверситета, здесь были выявлены комплексы елунинской [6], андроновской [5], ирменской [9] культур, а также раннего железного века и монгольского времени [10]. Значительный объем произведенных на памятнике археологических работ и характер полученного материала позволяют утвер-

[1] Работа выполнена при поддержке проектов ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 2009-1.1-301-072-016, гос. контракт № П1140, а также гранта РГНФ №10-01-60706е/Т.

ждать, что дальнейшие исследования могильника Телеутский Взвоз I имеют большой научный потенциал и перспективны для изучения древней истории юга Западной Сибири.

Предварительно на памятнике были проведены геофизические исследования с целью выявления его структуры, фиксации границ и особенностей планировки. Работы проводились совместно с сотрудниками ИАЭ СО РАН и ИНГГ СО РАН с использованием метода высокоточной магнитометрии [3].

Для прогноза расположения археологических объектов, относящихся к различным культурно-хронологическим комплексам, а также с целью определения границ памятника и стратегии последующих целенаправленных археологических раскопок в мае 2010 г. при участии сотрудников ИАЭТ СО РАН, ИНГГ СО РАН и Алтайского госуниверситета на памятнике были проведены магнитометрические исследования. Многолетний опыт археолого-геофизического сотрудничества показал, что для памятников с контрастными по магнитным параметрам грунтами магнитометрия является оптимальным методом. С учетом мозаичности исследованных археологических раскопов геофизические участки были разбиты с таким расчетом, чтобы охватить практически всю нераскопанную часть мыса, вытянутого по линии север—юг. Основой для геофизической разметки послужил топографический план памятника. До начала работ участки были проверены с помощью металлоискателя, чтобы свести к минимуму их засоренность железными предметами.

Магнитометрия производилась с использованием квантового градиентометра G-858 методом вертикального градиента (характеристика, принцип действия, возможности и преимущества этого прибора неоднократно описывались ранее (см., напр., [3]). Картирование участков выполнялось последовательно, с севера на юг. Замеры производились во время равномерной ходьбы оператора с юга на север по параллельным профилям, с шагом 1 м. Сигналы по профилю регистрировались через 0,1 м, метки ставились через 2 м. Разнос между датчиками составил 75,5 см, расстояние от нижнего датчика до земли — 40–60 см. Общая площадь геофизической съемки — 11 840 м^2.

По итогам измерений была составлена магнитограмма, на которой отчетливо выделяются аномалии, планиграфически связанные с раскопанными ранее древними погребальными комплексами эпохи ранней бронзы. Количество помех, связанных с присутствием в грунте черного металла, минимально. На участках, прилегающих к старым раскопам, а также в северо-западной части памятника, где курганы ирменской культуры были сдвинуты при сооружении земляного вала для защиты мыса

от эрозии, в данные добавляется погрешность, связанная с резкими изменениями рельефа. Археологические ямы предположительно проявились на магнитограмме в виде положительных магнитных аномалий, представленных как отдельными объектами, так и скоплениями, с повышенными магнитными значениями 4–8,5 нТл. Большинство скоплений по форме, размерам, ориентировке аномалий, а также по их планиграфическому расположению предварительно можно интерпретировать как елунинские погребения и ямы. Такие скопления в виде разреженных отдельных рядов аномалий выявлены на всей площади мыса, их возможная принадлежность к елунинской культуре подтверждается и археологическими данными. Так, в ходе археологической проверки отдельных участков, на которых выявлены магнитные аномалии, было исследовано четыре захоронения елунинской культуры. Нумерация погребений продолжает принятую систему обозначений объектов на памятнике в 1996–2003 гг.

Могила № 44. Пятно фиксировалось на глубине 35 см от современной поверхности. Яма имела четырехугольную форму, размеры 200×160 см и была вытянута длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Заполнение ямы – мешаная супесь с углистыми прослойками и прокалами супеси и суглинка, особенно по периметру пятна (стенки ямы). Глубина ямы в материке – 115 см.

На дне ямы была расчищена сгоревшая погребальная камера с продольным перекрытием. Оно состояло из жердей диаметром около 10 см. В центре перекрытия бревна отсутствовали, что свидетельствует о проникновении. В камере зафиксированы обуглившиеся останки одного человека, похороненного на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. Останки размещались на подстилке из тоненьких прутьев, уложенных продольно на дне камеры. В ногах у погребенного были найдены кости жертвенных животных. В ходе расчистки погребальной рамы удалось зафиксировать особенности крепления стыков продольных и поперечных жердей камеры с помощью деревянных шпеньков диаметром 1–1,5 см, длиной до 10 см.

Могила № 45. Погребение составляло один ряд с могилой № 44, располагаясь от последней в 2,2 м к ЮВ. Пятно ямы фиксировалось на глубине 60 см от современной поверхности. Заполнение ямы – светло-серая супесь. Объект имел четырехугольную форму, размеры 230×160 см и был вытянут длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На глубине 50 см от материка у северной и восточной стенок фиксировались углистые прослойки и прокал супеси и суглинка. Глубина ямы в материке – 85 см. На дне могильной ямы обнаружены потревоженные останки одного человека,

судя по которым умерший первоначально был похоронен на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. Скелет покоился на подстилке из плашек, уложенных на дно в несколько слоев, перекрытых сверху листами бересты. Подстилка имела многочисленные следы огня. Впоследствии в могилу было совершено проникновение, в результате чего верхняя часть костяка была нарушена и завернута в бересту. В южном углу под тленом перекрытия обнаружен небольшой обломок бронзового ножа.

Между могилами № 44 и 45 на уровне материка были обнаружены два керамических сосуда, украшенные по всему тулову горизонтальными лентами, выполненными «гребенчатой качалкой» (рис. 1) и «шагающей гребенкой» (рис. 2).

Могила № 46. Пятно фиксировалось на глубине 45 см от современной поверхности. Заполнение ямы – темная супесь. Яма имела четырехугольную форму, размеры 210×180 см и была вытянута длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина ямы в материке – 85 см. В ее заполнении и на дне обнаружены потревоженные останки не менее трех человек. Судя по сохранившимся in situ костям, умершие люди были похоронены на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. У западного края могильной ямы на уровне материка обнаружена крупная стенка керамического сосуда, украшенного в технике «шагающей гребенки».

Могила № 47. Пятно фиксировалось на глубине 60 см от современной поверхности. Заполнение ямы – темная супесь. Яма имела четырехугольную форму, размеры 145×85 см и была вытянута длинной осью по линии ЮЗ–СВ. В заполнении ямы встречалась мешаная супесь с небольшими пятнами древесного тлена. Глубина ямы в материке – 40 см. Над пятном на глубине 50 см от современной поверхности найдены разрозненные кости человека. В заполнении и на дне ямы находок не обнаружено.

Кроме погребений, на исследованной площади памятника было выявлено 15 ям различной формы и глубины, в некоторых из них обнаружены кости животных. Часть исследованных ям не связаны с елунинским комплексом, в двух случаях они перерезали погребения раннего бронзового века, отличаясь более темным цветом и четким контуром пятна. По обнаруженным фрагментам керамики такие объекты могут быть связаны с ранним железным веком.

Таким образом, в ходе полевых исследований памятников раннего бронзового века на территории лесостепного и предгорного Алтая были получены новые материалы по елунинской археологической культуре. Что касается найденной на памятнике керамики, то она представлена

баночными сосудами, украшенными оттисками гребенчатого штампа. Орнамент нанесен техникой шагания, шагания с протаскиванием, прокатывания и штампования. Обратная сторона керамики имеет следы заглаживания гребенчатым инструментом. В целом найденный на памятнике в 2010 г. керамический материал не отличается от полученного на нем ранее и типичен для первой группы керамики елунинской культуры. Прямые аналоги мы находим в елунинских памятниках на правом берегу Оби: Елунино, Староалейка II, Цыганкова Сопка II, Березовая Лука (Кирюшин, 2002). Аналогичные материалы известны в кротовских и кротово-елунинских памятниках Барабы, Среднего Прииртышья, Восточного и Северо-Восточного Казахстана (Грушин, 2004; [8]), в связи с чем актуальнейшей проблемой становится соотношение распространенных на этих территориях культурных образований. Мы неоднократно поднимали этот вопрос в специальной литературе и считаем, что материалы кротовского и елунинского типа Среднего Прииртышья, Барабы, Лесостепного Алтая, Восточного и Северо-Восточного Казахстана целесообразно рассматривать в рамках кротово-елунинской общности (Грушин, 2004; [8]).

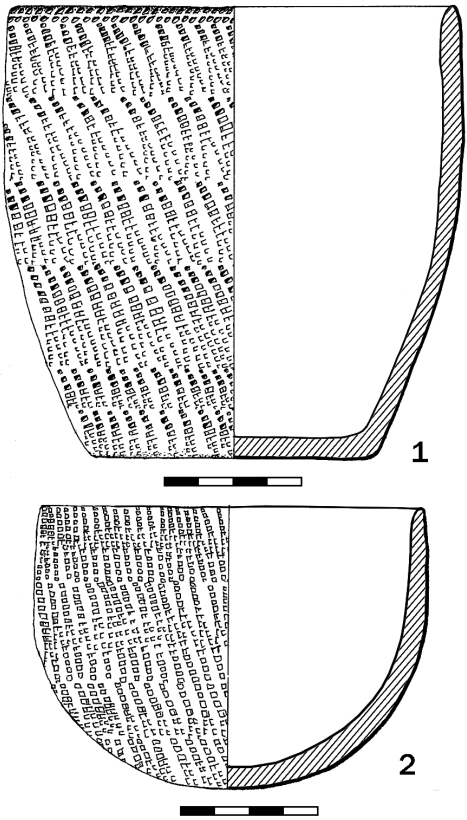

Рис. 1. Керамические сосуды, обнаруженные на могильнике Телеутский Взвоз I

Проведенные геофизические исследования с последующей археологической проверкой на могильнике Телеутский Взвоз I продемонстрировали высокую эффективность методов магнитной разведки, а полученный археологический материал позволил выявить неизвестные ра-

нее строительные нюансы при сооружении погребальных внутримогильных конструкций. Работы показали, что территория памятников испытывает существенную антропогенную нагрузку в результате ее использования туристами и рыбаками. Результатами этого являются многочисленные современные «хозяйственные» ямы и мусорные кучи, через площадь памятников проходят полевые дороги. Кроме антропогенного воздействия, памятник разрушается береговой эрозией: в результате весенних паводков Оби обваливается северная кромка мыса, на котором находится могильник. Выявленные обстоятельства определяют научно-практическую актуальность полевого исследования комплексов.

Источники и литература

1. Алехин Ю. П., Кирюшин Ю. Ф. Памятники археологии Змеиногорского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 12–21.
2. Грушин С. П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобъе в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 49–56.
3. Дядьков П. Г., Молодин В. И., Чемякина М. А., Михеев О. А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 304–309.
4. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири: моногр. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
5. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Грушин С. П. Андроновская могила на памятнике Телеутский Взвоз I // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 40–47.
6. Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.
7. Мерц И. В. Керамические комплексы эпохи ранней бронзы Восточного Казахстана // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: материалы XLXI регион. археол.-этногр. студенческой конф. Кемерово, 2000. С. 115–117.
8. Мерц И. В. Новые материалы по эпохе ранней бронзы Северо-Восточного Казахстана // Евразийское культурное пространство. Археология, этнография, антропология: материалы докл. V (L) Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых, Иркутск, 4–9 апр. 2010 г. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 156–158.
9. Папин Д. В., Грушин С. П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз I // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 93–103.
10. Тишкин А. А, Горбунов В. В., Казаков А. А. Курганный могильник Телеутский Взвоз I и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

П. К. Дашковский

Изучение южной группы курганов на могильнике Ханкаринский Дол[1]

В 2009–2010 гг. экспедиция Алтайского госуниверситета исследовала южную курганную группу на могильнике Ханкаринский дол, зафиксированном на второй надпойменной террасе левого берега р. Иня (приток р. Чарыш) в 1,5 км к ЮЮВ от с. Чинета Краснощековского района Алтайского края. Раскопки памятника начаты в 2001 г. [1; 2 и др.]. В настоящее время на некрополе раскопано 22 объекта скифского времени и один курган сросткинской культуры. Кроме того, в процессе сплошного зондирования территории расположения памятника металлическим щупом выявлены насыпи еще не менее 7 курганов. Главная цель исследований последних двух лет заключалась в изучении южной группы основной цепочки курганов пазырыкской культуры, вытянутой с отклонениями в направлении С–Ю.

Курган № 20 зафиксирован в южной части некрополя в 7 м к Ю от ранее раскопанного кургана № 19. Объект имел аморфную насыпь, сложенную из небольших камней в один слой, диаметром с С на Ю 3 м. Высота сооружения составляла 0,1–0,3 м. Под каменной наброской на уровне древнего горизонта не обнаружено никаких дополнительных конструкций, находок или признаков погребения. Контрольное вскрытие всей площади раскопа до уровня материка также не дало никаких дополнительных результатов. Данный объект, вероятно, представлял собой поминальный кенотаф.

Курган № 21 находился в 6 м к Ю от объекта № 20. Насыпь сооружения имела диаметр с С на Ю – 6,25 м, а с З на В – 6 м. Высота насыпи кургана, сложенной из 1–2 слоя камней, достигала 0,4 м. Под каменной насыпью в центральной части кургана обнаружено могильное пятно, ориентированное длинной осью по линии С–Ю. Могильная яма имела размеры 2,8×2,1×1,5 м. Внутри нее обнаружены остатки деревянной конструкции в виде рамы (?) очень плохой сохранности. В то же время наиболее хорошо прослеживаются остатки двух продольных плах вдоль длинных стенок могилы и одной поперечной – вдоль западного сектора. Ширина сохранившихся плах 0,1–0,3 м. Не исключено, что вся конструкция была перекрыта сверху деревянными плахами, так как по ее площади выше скелета человека местами прослежен древесный тлен.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 10-01-00535 а/G)

Вдоль ЮЗ стенки деревянной конструкции зафиксировано, вероятно, вторичное (?) захоронение женщины[1] в возрасте 17–19 лет. Умершая была ориентирована головой на ЮВ. Из сопроводительного инвентаря обнаружены бронзовая восьмеркообразная серьга, керамический сосуд, железный нож и ритуальная пища (кости барана).

Курган № 22 располагался в 31 м к югу от кургана № 21. Сооружение имело диаметр с С на Ю — 10,5 м, а с З на В — 10 м. Высота насыпи кургана, сложенной из 1–2 слоя камней, достигала 0,5 м. В центре насыпи зафиксирована западина глубиной до 0,15 м. По периметру кургана отмечена кольцевая выкладка — крепида из крупных камней. Под каменной насыпью в центральной части внутрикурганной площадки выявлена могильная яма, размеры которой составили 2,85×2,05×2,05 м. Она была ориентирована длинной осью по линии Ю–С. Внутри могилы зафиксированы фрагменты деревянных продольных плах шириной 0,1–0,3 м плохой сохранности, которые, вероятно, являлись конструктивными элементами рамы (?). Первоначально рама (?) имела длину 2,1 м и ширину 1,1 м. Внутри деревянной конструкции обнаружены следы древесного тлена от настила. У южной стенки могилы зафиксировано погребение женщины в возрасте 40–45 лет, которая была уложена в скорченном положении на правом боку и ориентирована головой на ЮВ. В районе черепа находились две золотые (?) серьги, пятно черной сажистой краски, вероятнее всего, от парика и головного убора. На шейных позвонках находилась деревянная гривна, обложенная золотой фольгой, а также аппликация из такой же золотой фольги. У локтя правой руки обнаружено миниатюрное бронзовое зеркало с остатками кожаного ремешка. Ближе к северной стенке рамы в районе средней ее части зафиксированы ритуальная «мясная пища» и железный нож, а выше, в СВ углу рамы (?), — развал керамического сосуда.

Вдоль северной стенки могильной ямы выявлено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот с подогнутыми ногами и ориентирована головой в том же направлении, что и человек, — на ЮВ. Однако впоследствии лошадь, очевидно, немного завалилась на правый бок и на деревянную раму. В зубах у животного обнаружены железные удила плохой сохранности.

Курган № 23 находился в 42 м южнее объекта № 22. Диаметр насыпи сооружения, сложенной в 1–2 слоя из камней, составлял с Ю на С 5,5 м, а с З на В — 5,25 м. По периметру кургана отмечена каменная кольцевая выкладка-крепида из более крупных камней. Высота объекта 0,4–0,5 м.

[1] Антропологические определения выполнены канд. ист. наук С. С. Тур.

Могильная яма, выявленная под курганной насыпью, была ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ и имела размеры 3,2×2×1,8 м. На глубине 1,37–1,5 м вдоль северной, южной и восточной стенок обнаружены заплечики шириной до 0,3 м, на которых были размещены восемь крупных плит перекрытия. Под ними располагалось погребение мужчины в возрасте 35–40 лет, уложенного в вытянутом положении на спине и ориентированного головой на В. Слева от черепа найден керамический сосуд, а чуть ниже — железный нож и ритуальная пища (кости барана).

Раскопки курганов № 20–23 позволили полностью завершить изучение южной группы объектов основной курганной цепочки могильника Ханкаринский дол. Особенности погребального обряда и инвентаря, зафиксированные при исследовании указанных курганов, имеют многочисленные аналогии как среди ранее исследованных погребений некрополя Ханкариснкий дол, так и в других памятниках пазырыкской культуры Алтая [4–7 и др.]. Полученные данные позволяют датировать указанные объекты IV — нач. III вв. до н. э. Отмеченное вторичное погребение женщины в кургане 21 не является единичным на данном памятнике, подобные захоронения были выявлены и в нескольких других объектах [3]. Примечательно также планиграфическое расположение кургана № 23 на значительном расстоянии от основной курганной группы. Элементы погребального обряда данного памятника (внутримогильное перекрытие каменными плитами, вытянутое положение умершего на спине), несмотря на то, что они не соответствуют классическим признакам пазырыкской культуры, тем не менее имеют аналогии в памятниках скифской эпохи предгорной и горной части Алтая и отражают специфику этносоциального развития номадов в регионе.

Источники и литература

1. Дашковский П. К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 34–37.
2. Дашковский П. К., Тишкин А. А. Ханкаринский дол — памятник пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 20–22.
3. Дашковский П. К., Тишкин А. А., Тур С. С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 62–68.
4. Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
5. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
6. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.
7. Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

М. А. Демин, С. С. Запрудский, С. М. Ситников

Богатое захоронение могильника Чекановский Лог II[1]

В результате многолетнего исследования могильника Чекановский Лог II (1997–2010 гг.) было обнаружено 51 погребение, основная часть которых относится к андроновской культуре. Наибольший интерес представляет могила № 41, отличающаяся от остальных богатым сопроводи-

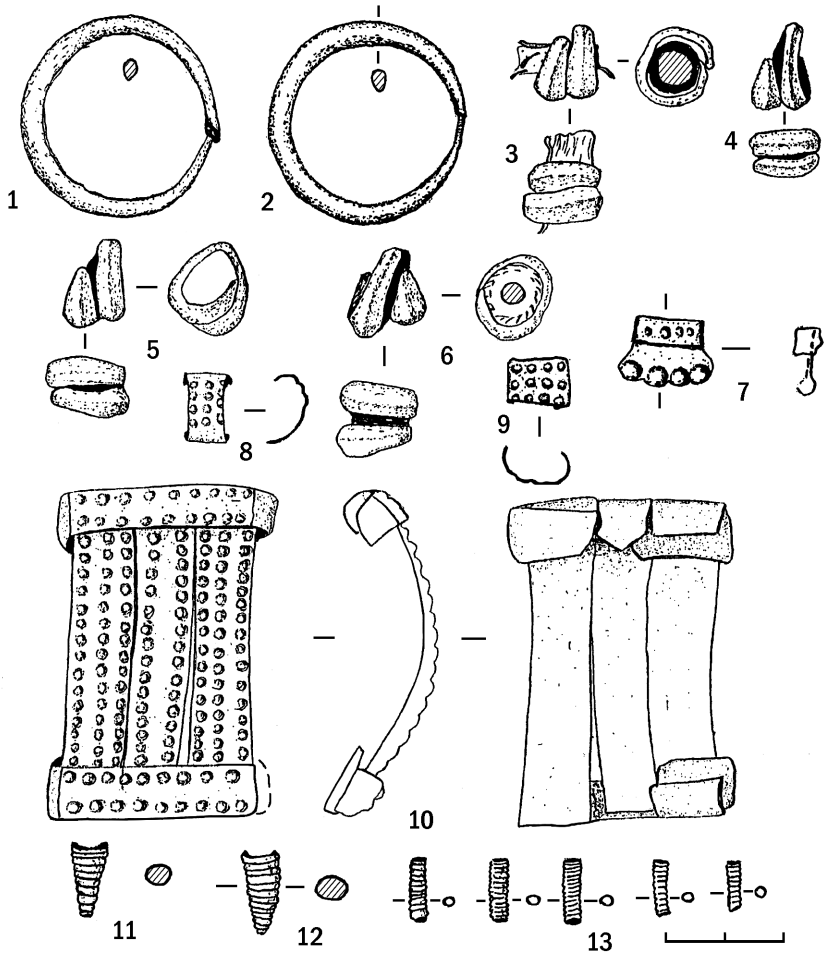

Рис. 1. Украшения из погребения № 41 (бронза, золото)

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 11-11-22007 а/Т «Культурно-историческое наследие Змеиногорской зоны Алтайского края (древние и средневековые комплексы».

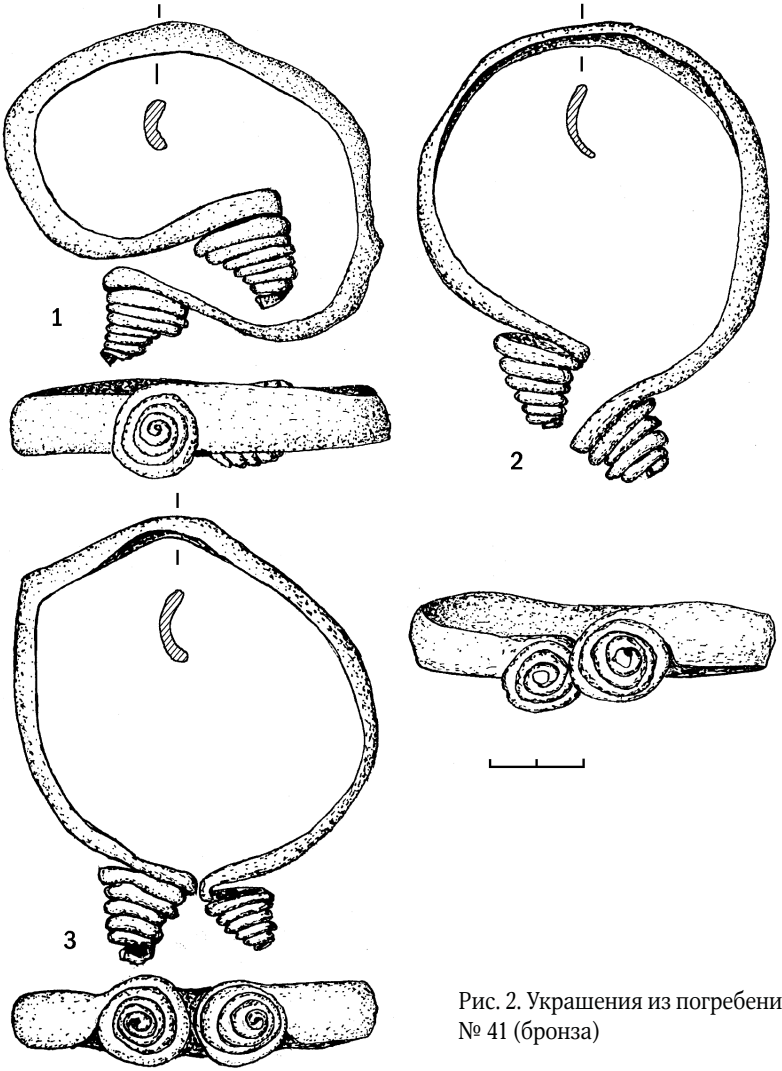

Рис. 2. Украшения из погребения № 41 (бронза)

тельным инвентарем (сосуд горшковидной формы и большое количество украшений).

Здесь зафиксировано погребение женщины в возрасте более 30 лет, в скорченном положении на левом боку, головой на юго-запад. Ювелирные изделия представлены браслетами со спиралевидными окончания-

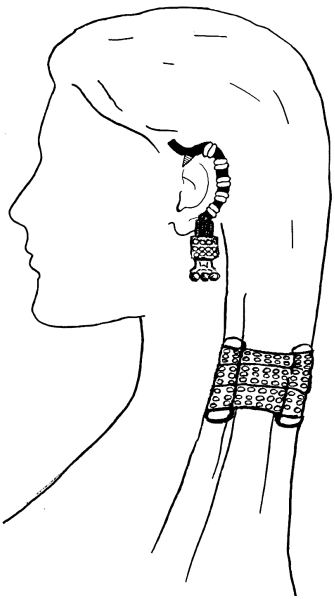

Рис. 3. Реконструкция головного убора

ми, серьгами с коническим приемником, подвесками в полтора оборота, рубчатыми цилиндрическими и конусовидными пронизками, обоймочками, трапециевидной подвеской с бородавчатыми выпуклостями, бусами (рис. 1, 2). Все вышеперечисленные изделия широко известны в памятниках федоровской культуры лесостепного и степного Алтая Быково IV [1], Кытманово [8], Ново-Александровка [5], Фирсово XIV [7; 9], Рублево VIII [6], Чекановский Лог X [3]. Обоймочка биметаллическая, состоящая из трех горизонтальных и двух вертикальных полосок, покрытых орнаментом, выполненным в пуансонной технике, аналогов не имеет (рис. 1, *10*).

Расположение украшений в погребении позволяет реконструировать головной убор следующим образом. С правой стороны в ухо погребенной были продеты четыре подвески в полтора оборота, с левой стороны – пять подвесок в полтора оборота, снизу композицию дополняли последовательно расположенные в ряд четыре рубчатые бронзовые трубочки-пронизки, золотая обоймочка, украшенная пуансонным орнаментом, трапециевидная подвеска с тремя бородавчатыми выпуклостями, а сверху – конусовидная биметаллическая рубчатая подвеска. В районе лопаток головной убор дополняла биметаллическая обойма с пуансонным орнаментом, которая, возможно, была пришита к ластовице или крепилась к волосам в качестве заколки [2; 4, с. 390] (рис. 3). Руки погребенной украшали бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями: два – на левой и один – на правой. Обнаруженные в районе стоп и голеней бусы, возможно, были нашиты на обувь.

По количеству украшений, в том числе и выполненных с применением золота, захоронение № 41 могильника Чекановский Лог II является одним из самых богатых погребений не только на территории Алтайского края, но и на всем ареале расселения федоровских племен. Это, возможно, свидетельствует о важном социальном статусе погребенной женщины.

Источники и литература

1. Абдулганеев М. Т., Лузин С. Ю., Кунгурова Н. Ю. Раскопки у села Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: тез. науч.-практ. конф. Барнаул, 1993. С. 102–105.
2. Демин М. А. Дневник раскопок грунтового могильника Чекановский Лог-2 в 2004 году // Архив ЛИК АлтГПА.
3. Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1. 274 с.
4. Запрудский С. С. Украшения андроновской культуры могильника Чекановский Лог-2 // Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. РАЭСК XLI. Иркутск, 2005. С. 389–391.
5. Зимина В. М., Адаменко О. М. Новый памятник культуры эпохи бронзы у села Ново-Александровка // Известия Сибирского отделения АН СССР. Т. 9. Сер. общественных наук. Новосибирск, 1963. Вып. 3. С. 53–59.
6. Кирюшин Ю. Ф., Позднякова О. А., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 33–44.
7. Позднякова О. А. Андроновские головные уборы из могильника Фирсово XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 103–112.
8. Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007. 132 с.
9. Шамшин А. Б. Богатое андроновское погребение из могильника Фирсово XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая: материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 44–45.

М. В. Карпов

Обследование Сузунского медеплавильного комплекса летом 2007 г.

10–18 июля 2007 г. в рамках программы «Серебряное ожерелье Алтая» экспедицией Барнаульского государственного педагогического университета в составе студентов первого курса исторического факультета Михаила Владимировича Карпова и Дениса Григорьевича Котенко проведено комплексное обследование Сузунского медеплавильного комплекса XVIII — начала XX в.

Целью экспедиции был мониторинг состояния памятника горно-металургического производства XVIII–XIX вв. Для этого были намечены следующие работы: наружный осмотр и фотофиксация состояния памятников, сравнение современной застройки поселка с планами и описаниями XVIII–XX вв.; при необходимости предполагалось провести шурфование наиболее значимых мест комплекса.

Рис. 1. Заводская плотина и часть пруда, вид с производственного здания ОАО ПКФ «Эффект»

Сузунский медеплавильный завод с монетным двором находится на территории современного предприятия ОАО ПКФ «Эффект».

При осмотре территории завода обнаружилось, что сохранились лишь гидротехнические сооружения и здание толчельной фабрики с прилегающей к ней стеной плавильного корпуса. Есть сведения, что сохранилось и здание приемной-доготовочной, но, по мнению краеведов Сузуна и барнаульского историка С. И. Маслениковского, здание выстроено в советское время (1930-е гг.) из старого кирпича. В Акте от 27 июля 1982 г. К. П. Зайцев (член ВООПИиК) утверждает, что до оконных перемычек здание является постройкой XVIII в., а выше – результат последующих перестроек XX в.

Предварительно в НПЦ г. Новосибирска нами были изучены планы Сузунского медеплавильного завода и монетного двора XVIII–XX вв., на которых были отмечены следующие здания: монетный двор с прилежащими фабриками, плавильная фабрика, кальценир-офейная фабрика, плотина и гидротехнические сооружения, лаборатория, мост для удержания вешнего льда и т. д. Сопоставляя планы застройки завода XIX–XX вв. с современной планировкой, мы пришли к выводу, что современная застройка почти полностью соответствует планам XX в. Однако

Рис. 2. Дверной проем (№ 1)

на плане 1981 г. отмечена часть плавильного корпуса, а при осмотре обнаружен лишь небольшой участок стены, прилегающей к толчельной фабрике. Что касается планов XIX в., то здесь выявлено следующее несоответствие: на плане 1804 г. обозначено два сливных прореза (лотка), при осмотре местности обнаружен только один, находящийся непосредственно рядом с заводом.

За территорией завода «Эффект» находятся следующие памятники: дом-контора управляющего заводом, остатки берегового ряжа, плотина и гидротехнические сооружения. Что касается гидротехнических сооружений, то их расположение совпадает с планами, датированными 1981 г., но существенно отличается от планов XVIII–XIX вв. Отличие заключается в том, что ширина плотины с 25 м в местах размыва в 1954 г. уменьшена до 18–20 м, в 1964 г. тело плотины продолжено за размыв запасного слива левого берега, а мост и лоток перестроены. Укрепление мокрого откоса плотины и берегов не восстанавливались. По словам главного инженера завода «Эффект» Ю. М. Кязимова, уровень воды в пруду находится на той же отметке, что и «при Екатерине II».

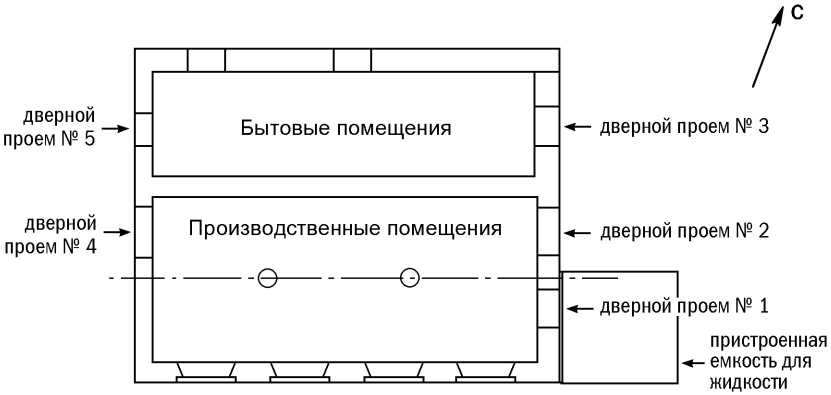

Рис. 3. План толчельной фабрики

Береговой ряж представлен остатками лиственничных бревен, которые частично лежат в воде у берега, а частично торчат из воды.

Дом-контора управляющего заводом, датируемый сотрудниками НПЦ 1765 годом, также подвергся изменениям. В советский период дом перестроили, точнее, оставили первый этаж, а второй разобрали, разместив в нем районную вычислительную станцию. С 1989 г. в нем находится Сузунский краеведческий музей. На сегодняшний день это единственный в Сузуне сохранившийся с XVIII в. объект, представляющий историческую ценность.

Сопоставив планы с современной застройкой, мы приступили к обследованию памятника медеплавильного производства XVIII в. — толчельной фабрики, построенной, по одним сведениям, в 1765 г., а по другим — в период между 1786–1787 гг.

Толчельная претерпела следующие изменения: кровля, стропила, перекрытия и полы перестроены, окна нижнего уровня и дверные проемы в торце здания заложены кирпичом в XX в., подпольные водоотводящие каналы замусорены и заполнены водой. Помимо этого, со стороны ул. Ленина вплотную пристроена бетонная конструкция — подобие бассейна (судя по имеющимся фотографиям, это произошло после 1982 г.), которая закрывает дверной проем № 1 (рис. 3). С севера и северо-востока здание засыпано шлаком и иным мусором на $^1/_2$ высоты.

Расчистка проходов показала, что дверные проемы № 1 и № 2 (рис. 2, 4) засыпаны в среднем на $^1/_8$ их высоты. При расчистке дверного проема № 1 под слоем грунта обнаружилась кладка с замазанным известково-песчаным раствором скатом вниз, длиной около 1 м. При расчистке дверного проема № 2 был найден металлический изогнутый предмет с

Рис. 4. Дверной проем (№ 2)

отверстиями для креплений, предположительно дверной навес. Дверной проем № 3 оказался засыпан на 75 см от порога. На глубине 10 см у стены был найден кованый металлический предмет, предположительно скоба для крепления косяков.

Удивительно, что при такой эксплуатации и отсутствии всяческого ухода за памятником сохранились дверные коробки, пороги и даже кованые гвозди, крепящие их.

Подземные гидротехнические сооружения на территории завода, по словам главного инженера завода «Эффект» Ю. М. Кязимова, сохранились полностью. Он сообщил, что в 1990-е гг. каналы, сливы и колодцы вскрывались и ремонтировались, так как завод стоит на лиственничных сваях XVIII в., и если они высохнут, то потеряют прочность и не выдержат нагрузки. Колодцы, по его словам, внутри выложены старым кирпичом и при ремонте в конце XX в. доложены современным кирпичом для придания первоначального облика. Нам удалось увидеть только колодец привода мельницы-лесопилки (?), остальные колодцы в настоящее время перекрыты землей. Этот колодец находится за территорией предприятия и внешне больше напоминает постройку советских времен, так

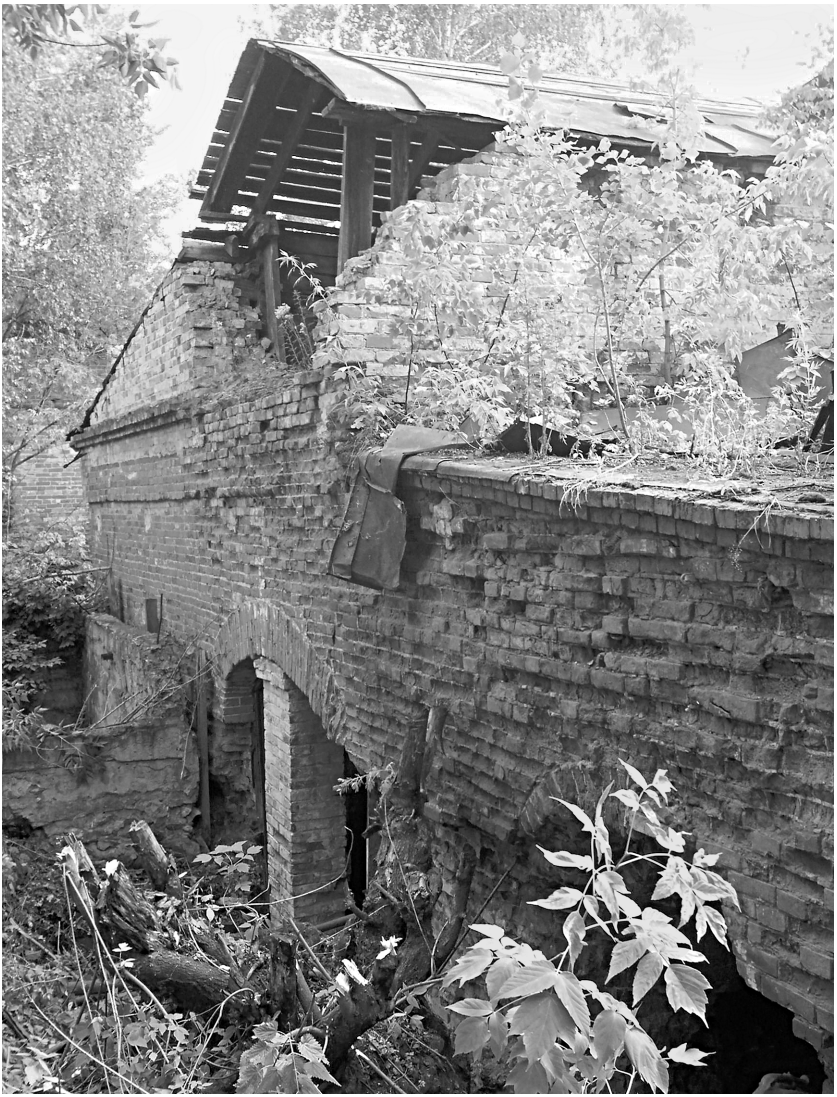

Рис. 5. Фасад толчельной фабрики

как залит цементом и сверху на нем находится металлический обруч. Таким образом, этот колодец может рассматриваться как объект, представляющий историческую ценность, только в случае, если ему будет возвращен первоначальный внешний вид.

Рис. 6. Производственное помещение толчельной фабрики

От дизайнера завода А. В. Мухи были получены сведения о мосте, который находился ниже второго прореза плотины и использовался до середины 1950-х гг. Он же сообщил о нахождении в том же районе входа в подземный переход, не указанный ни на одной карте XVII–XX вв. При осмотре местности в указанном районе нами были обнаружены остатки моста (деревянные сваи, насыпи, останки бревен). Берег в месте, где был указан вход под землю, сильно осыпан, и самого входа не видно. Эти сведения требуют тщательной проверки по архивным материалам.

Таким образом, обследование показало, что сохранность объектов, составляющих Сузунский комплекс, дает повод для беспокойства. Здание толчельной фабрики разрушено временем примерно на $^1/_3$, от пола остались лишь фрагменты, под полом стоит вода, под воздействием сырости гниют и разрушаются деревянные перекрытия. Кладка здания также разрушается под воздействием влаги, даже от прикосновения руки от стены отваливаются небольшие кусочки кирпича, а то и вовсе кирпич распадается на составные части. Что касается остальных памятников, то некоторые уже перестроены (плотина, дом-контора управляющего), другие разрушены (часть плавильного корпуса, второй прорез плотины).

При общении с руководством завода выяснилось, что некоторое время назад разрабатывался план реконструкции остатков завода и даже были выделены деньги на реконструкцию, но они «не дошли». По информации директора предприятия, в ближайшее время на плотине хотят восстановить шлюз для чистки реки и придания «первоначального» вида водоему. В целом руководство завода поддерживает идею создания охранной зоны памятников и всячески помогало нашей работе в надежде, что эта работа ускорит создание такой зоны.

К. Ю. Кирюшин, В. П. Семибратов

Поселение Селезнево I — новый объект археологического наследия Шелаболихинского района

В Шелаболихинском районе Алтайского края поставлено на государственную охрану 43 памятника археологии [1; 2]. Следует отметить, что археологические находки с территории района известны с конца XIX в. [10, с. 44]. На территории района известны случайные находки, курганные и грунтовые могильники, поселения и культовые места. Подробно история исследования археологических памятников Шелаболихинского района изложена в работе А. Б. Шамшина [12].

В 1952 г. А. П. Уманским были обследованы песчаные дюны около с. Киприно, на которых было выявлено поселение Киприно (в некоторых публикациях это поселение фигурирует как «Кипринский Борок» [10, с. 44], «поселение Киприно I» [12, с. 27] или «кипринская дюнная стоянка „Борок“» [12, с. 18]). В 1953 г. поселение на дюнах у с. Киприно обследовано отрядом Новосибирской экспедиции ИИМК под руководством М. Н. Комаровой [6]. В 1963 г. сборы на поселении проводил Ю. С. Орлов, который также составил план памятника и описание, а собранные коллекции передал в АГКМ [12, с. 18]. В 1982 г. сборы на поселении проводил Ю. Ф. Кирюшин. В разные годы на памятнике проводились сборы: так, в фондах кабинета археологии АлтГПА хранится коллекция случайных находок с поселения Киприно, которая частично опубликована П. Л. Рудометовым [10, с. 44–47]. В краеведческом музее с. Шелаболиха хранится коллекция, собранная А. П. Андреевым, в школе с. Киприно — коллекция, собранная П. Л. Рудометовым. Перечисленные коллекции содержат каменные орудия, керамику, бронзовые изделия, монеты различных исторических эпох от неолита до позднего средневековья.

В 1972 г. А. П. Уманский в окрестностях с. Ильинка выявил грунтовый могильник Ильинка-1, на котором исследованы погребения эпохи поздней бронзы и эпохи средневековья [11].

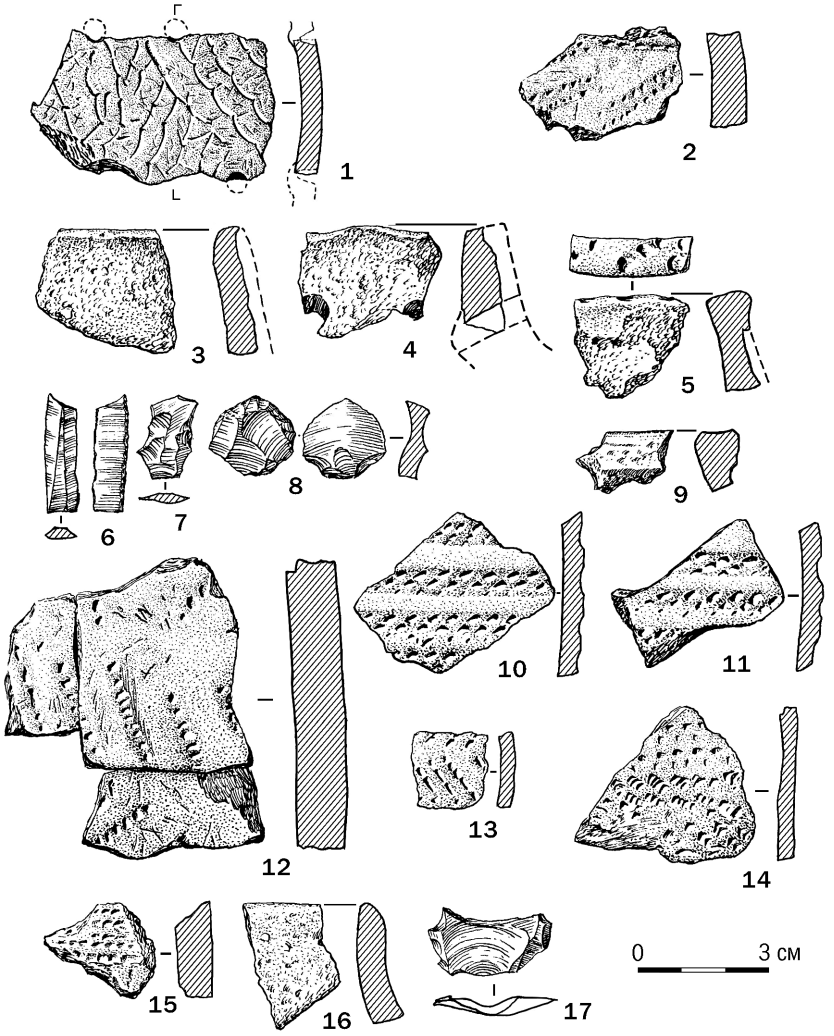

Рис. 1. Материалы поселения Селезнево I (сборы 2009 г.): *1–5, 9–16* — керамика; *6–8, 17* — камень; *1–9* — выдув-1; *10–14* — выдув-2; *15–17* — выдув-*3*

Можно сделать вывод, что на территории Шелаболихинского района проводились и раскопки, и разведки, но участок между с. Киприно и с. Ильинка (окрестности с. Селезнёво) выпал из поля зрения исследователей. По информации, поступившей авторам статьи от директора Ки-

принской средней школы П. Л. Рудометова, к северу от с. Селезнёво, за оз. Кишкино, в урочище, которое местные жители называют Селезнёвский Борок (на картах 1 : 25 000 обозначено как Большой Борок), на песчаных выдувах обнаружены каменные орудия и керамика.

В сентябре 2009 г. на юго-западной оконечности Большого Борка обследован участок, примерные размеры которого составляют 500×750 м. На этом участке обнаружено три раздува, на которых найдены фрагменты керамики и каменные артефакты (рис. 1).

Выдув № 1 вытянут в направлении с юго-запада на восток и имеет размеры 40×80 м. Основная часть находок сделана в его восточной части. Здесь обнаружено 102 артефакта, из которых 75 экземпляров — фрагменты стенок сосудов без орнамента, мелких размеров — от 1×1 до 2×2 см.

Из всех находок наиболее интересен фрагмент тонкостенной (толщина стенок 5 мм) керамики, украшенный прочерченными волнистыми линиями (рис. 1, *1*). У этого фрагмента на сломах прослеживаются следы от горизонтальных рядов ямок (наколов) (рис. 1, *1*). Найденная керамика имеет аналоги в материалах поселения Киприно (кипринский тип) [6] и памятника Иня III (Топотушка) [5]. Следует отметить, что у керамики «кипринского» типа прослеживается широкий круг аналогов в материалах поселений неолита-энеолита Юго-Западного Алтая [4], Барабы [7–9] и южно-таежной зоны Западной Сибири [3].

Из материалов сборов стоит отметить фрагмент керамики, украшенный отпечатками мелкого гребенчатого штампа (рис. 1, *2*), венчик сосуда, орнаментированный наколами (рис. 1, *4*), венчик сосуда с орнаментированным срезом (рис. 1, *5*), шесть фрагментов венчиков сосудов без орнамента (рис. 1, *3, 9*).

Среди каменных артефактов обнаружено 35 отщепов мелкого размера (от 1×1 до 3×3 см). Продукты подработки нуклеусов представлены одним пластинчатым отщепом (рис. 1, *7*).

Орудийный набор представлен:

— медиальным фрагментом средней пластины (ширина 8 мм), с ретушью с двух сторон с вентрала (рис. 1, *6*). Ретушь с двух сторон мелкая, краевая, с одной стороны разнофасеточная, плоская, с другой ступенчатая, полукрутая;

— двойным скребком (рис. 1, *8*), с двумя противолежащими рабочими кромками. Ретушь средняя, модифицирующая, ступенчатая, вертикальная.

Выдув № 2 вытянут в направлении с юго-запада на восток и имеет размеры 50×100 м. Основная часть находок сделана в центральной части раздува. Здесь обнаружено 105 артефактов, 75 из которых — фрагмен-

ты стенок сосудов без орнамента, преимущественно мелких размеров. Девять фрагментов керамики представляют собой обломки сосуда, украшенного отпечатками гребенчатого штампа, образующего ряды елочки (рис. 1, *12*). Подобная керамика характерна для поселений андроновской культуры эпохи развитой бронзы. Видимо, к этому времени можно отнести фрагмент керамики, украшенной отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1, *13*). Несколько фрагментов керамики (рис. 1, *10, 11*) также орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа, но штамп в двух случаях более короткий (рис. 1, *10, 11*), а в одном случае зубцы штампа нанесены под углом к поверхности сосуда. Скорее всего, эту керамику можно предварительно датировать эпохой энеолита–бронзы. На этом раздуве обнаружен венчик сосуда без орнамента, который, скорее всего, датируется эпохой раннего железного века.

На выдуве № 2 собрано также 15 мелких каменных отщепов.

Выдув № 3 вытянут в направлении с юго-запада на восток и имеет размеры 40×100 м. Основная часть находок сделана в северной части раздува. В третьем раздуве глубина разрушений составляет около 3–4 м. В северном борте раздува прослеживаются два слоя гумусированной почвы темного цвета. Глубина залегания первого – примерно 0,8–0,9 м от современной поверхности, мощность примерно 0,2–0,25 м. Глубина залегания второго – примерно 1,3–1,4 м от современной поверхности, мощность примерно 0,15–0,2 м.

На выдуве № 3 обнаружено 123 артефакта, из них 76 – фрагменты стенок сосудов без орнамента, преимущественно мелких размеров. Вторая по численности категория находок – 45 мелких каменных отщепов (рис. 1, *17*). Из всех артефактов только фрагмент керамики, украшенной отпечатками отступающего гребенчатого штампа, можно датировать эпохой ранней бронзы (рис. 1, *15*) и венчик сосуда без орнамента (рис. 1, *16*) – ранним железным веком.

Можно констатировать, что выявлено поселение, которое мы предлагаем назвать Селезнёво I. Материалы этого памятника относятся к нескольким археологическим эпохам:

– к эпохе неолита–энеолита (IV–III тыс. до н. э.);

– к ранней и развитой бронзе (XVIII–XVI вв. до н. э. и XV–XIII вв. до н. э.);

– к раннему железному веку (V–III вв. до н. э.).

Большая площадь памятника и наличие неразрушенных участков, позволяет рассчитывать на получение новых материалов, но уже сейчас можно отметить научный потенциал и перспективы исследования поселения Селезнёво I.

Источники и литература

1. Указ Президента РФ № 176 от 20.02.1995.
2. Постановление АКЗС № 169 от 28.12.1994.
3. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.
4. Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.
5. Кирюшин Ю. Ф., Шмидт А. В., Грушин С. П. Неолитический комплекс памятника Иня III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 75–79.
6. Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
7. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
8. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001. Т. 1. 128 с.
9. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.
10. Рудометов П. Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1991. С. 44–47.
11. Уманский А. П., Караваев А. В. Аварийные раскопки у села Ильинка в 1972 г. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 84–85.
12. Шамшин А. Б. Список археологических памятников Шелаболихинского района // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 1998. С. 15–34.

К. Ю. Кирюшин, С. М. Ситников, В. П. Семибратов, Ю. И. Гельмель

Исследование поселения Новоильинка III в 2010 г.[1]

Поселение Новоильинка III находится в Хабарском районе Алтайского края, в 8 км к западу от с. Новоильинка, в южной части небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла. Памятник открыт в 2004 г. С. М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто около 40 м^2.

В 2010 г. на поселении исследовано 96 м^2. Культурный слой (слабо-гумусированная супесь серого цвета), содержащий находки, залегал на глубине 0,3–0,6 м. В северной, южной и восточной частях раскопа зафиксированы ямы, которые выделялись более темным цветом (гумусированная супесь) на фоне слабо-гумусированной супеси серого цвета. Глубина

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

ям составляла от 0,7 до 0,75 м от дневной поверхности, а диаметр — от 2 до 4 м. Мы считаем, что это могут быть не ямы, а древние неровности рельефа, заполненные костями животных (за счет чего сформировалась гумусированная супесь темного цвета) и обломками глиняных сосудов. В этих «ямах» обнаружены части скелетов копытных животных (коней), часть костей лежала в анатомическом порядке (черепа без нижних челюстей, тазовые кости и нижние конечности, шейные позвонки и ребра). Видимо, в ходе работ мы исследовали периферию поселения — место, куда выбрасывали пищевые отходы и разбитую посуду.

В настоящее время остеологические коллекции из раскопа 2010 г. находятся в процессе обработки, и точное количество костей и видовой состав животных мы назвать не можем. Анализ остеологических коллекций, полученных в 2005 г., показал, что среди определимых остатков абсолютно преобладают кости лошади. Большинство промеров костей лошади из Новоильинки III приближается к средним значениям для лошадей поселения Ботай в Северном Казахстане. Фауна исследуемого нами памятника по своему составу и относительному обилию представленных в ней видов оказывается весьма близка к фауне поселения Ботай [8, с. 363–366].

Коллекция керамики, полученная в результате раскопок 2010 г., насчитывает 2 216 экз., из которых 946 экз. — мелкие фрагменты размерами от 1×1 до 2×2 см. Фрагменты венчиков сосудов — 150 экз., стенок — 1090 экз. Встречены фрагменты 30 донышек, причем все острые либо приостренные (рис. 2). У двух сосудов реконструируются формы (рис. 1, *1, 2*). Один из них — крупный остродонный сосуд открытой формы, слабопрофилированный, высота его примерно в 1,5 раза больше диаметра, орнаментирован гребенчатой качалкой. Второй — круглодонный сосуд небольшого размера (объем около 0,1 л), открытой формы, слабопрофилированный, высота примерно равна диаметру. У трех сосудов частично реконструируются формы.

Наиболее представительная часть коллекции — фрагменты сосудов, орнаментированные рядами или волнами отступающей палочки, разделенными рядами наколов, — 876 экз. (рис. 2). Как правило, толщина стенок сосудов керамики этой группы составляет 6–9 мм.

Гребенчатой качалкой орнаментирован 141 фрагмент керамики, из которых 70 экз. — обломки от одного сосуда.

Довольно много неорнаментированной керамики (120 экз.). Керамика, орнаментированная только наколами, представлена 81 фрагментом. Гребенчатым штампом украшено 26 экз. На шести фрагментах встречается сочетание отступающей палочки и гребенчатого штампа. В семи

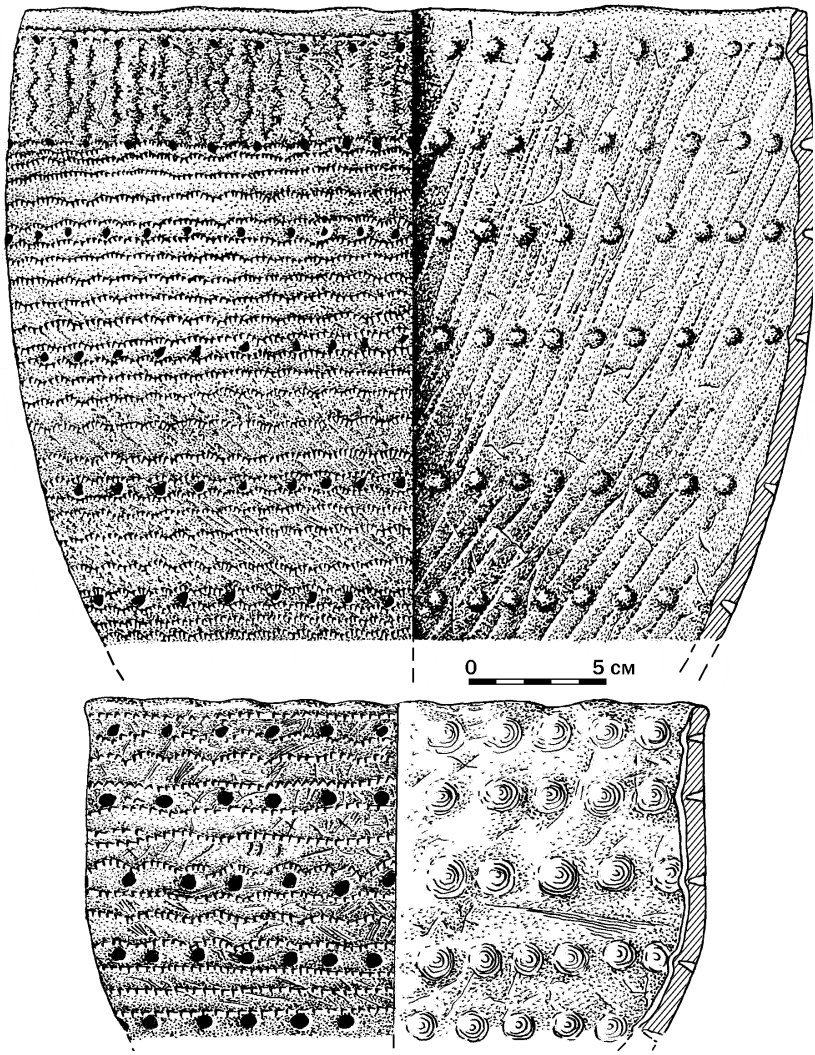

Рис. 1. Поселение Новоильинка III. Реконструкция керамического сосуда

случаях гребенчатая качалка сочетается с наколами, в 10 — с отпечатками отступающей палочки, в двух — с наколами и отступающей палочкой. В единичном случае встречается прочерченный орнамент.

Подобное разделение керамики на группы достаточно условно. На некоторых фрагментах хорошо прослеживаются ряды отступающей палоч-

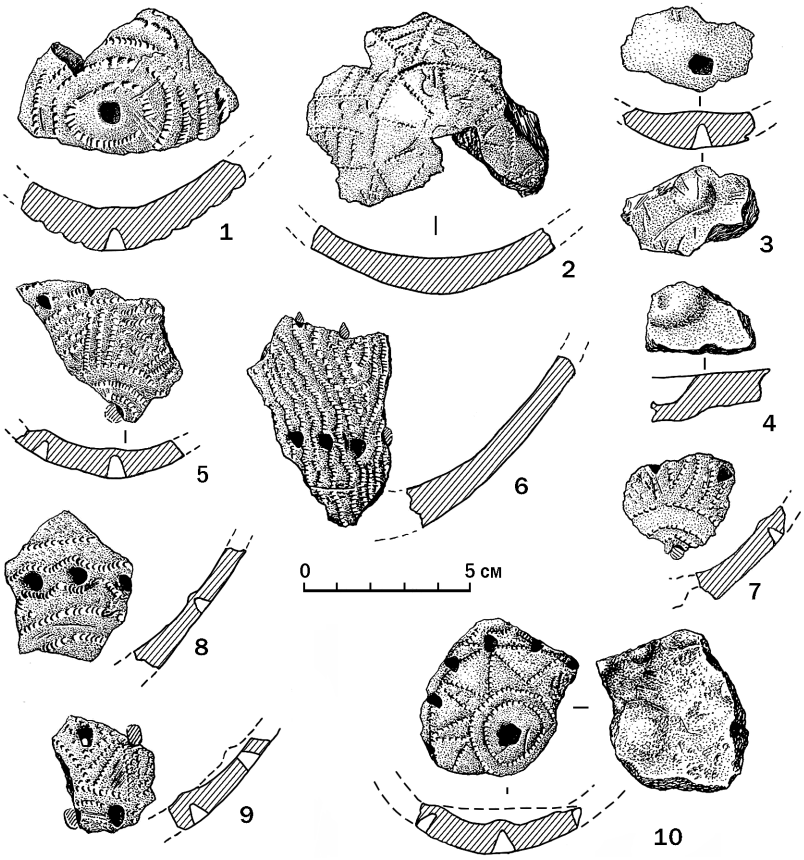

Рис. 2. Поселение Новоильинка III: *1* — реконструкция керамического сосуда; *2–5* — фрагменты венчиков керамических сосудов

ки и наколы, нанесенные поверх гребенчатой качалки. У отдельных сосудов под рядами отступающей палочки и наколами прослеживаются какие-то следы обработки поверхности сосуда до орнаментации, но идентифицировать способы обработки нам не удалось. Многие фрагменты венчиков орнаментированы по верхней кромке с внутренней стороны сосуда насечками или отпечатками гребенчатой качалки.

Визуально в тесте фиксируются следы органики. На внутренней и внешней поверхностях сосудов хорошо видны следы обработки гребенчатыми орудиями перед нанесением орнамента.

Отпечатки отступающей палочки часто создают ряды ромбов, треугольников, иногда составляют паркетный орнамент. Геометрические мотивы – довольно распространенный сюжет в орнаментации керамики поселения Новоильинка III. Интересен фрагмент, на котором схематически изображена птичка.

Коллекция каменных артефактов поселения Новоильинка III в основном состоит из отходов производства: чешуек, мелких и средних отщепов. Орудийный набор представлен скребками и наконечниками стрел.

В материалах поселения Новоильинка III продукты призматической техники скалывания представлены невыразительным пластинчатым отщепом. При небольшой вскрытой площади памятника велика вероятность, что некоторые артефакты просто не попали в зону раскопа. Хотя отсутствие продуктов первичного расщепления (нуклеусов, продуктов снятий с них и продуктов подработки нуклеусов) – факт достаточно показательный. Видимо, мы фиксируем явление хронологическое – деградацию призматической техники расщепления, которая начинается в эпоху энеолита и связана с появлением металлических орудий, что прослеживается в материалах ботайской культуры [1].

Керамические коллекции поселения Новоильинка III имеют много общего с посудой «кипринского типа» с территории Верхнего Приобья. Орнаментация сосудов шагающей гребенкой – прием, широко распространенный для памятников от неолита до ранней бронзы на огромной территории Северной Евразии. Керамика, украшенная геометрическими орнаментами, имеет много общего с материалами ботайской культуры [1] и энеолитическими памятниками Среднего Зауралья [9].

Несомненно, что керамика поселения Новоильинка III, орнаментированная рядами или волнами отступающей палочки, разделенными рядами наколов, и посуда поселения Киприно (кипринский тип) [5; 2] принадлежат к единой культурной традиции. Вместе с этим следует отметить, что у керамики «кипринского» типа прослеживается широкий круг аналогов в материалах поселений неолита-энеолита Юго-Западного Алтая [4], Барабы [6] и южно-таежной зоны Западной Сибири [3].

В материалах поселений неолита-энеолита Юго-Западного Алтая керамика, орнаментированная рядами или волнами отступающей палочки, разделенными рядами наколов, встречается на 10–15 памятниках, большая часть которых – дюнные стоянки, интенсивно разрушаемые ветровой эрозией [4]. Археологические коллекции с этих памятников представлены подъемным материалом различных исторических периодов, который трудно разделить хронологически.

На территории Барабы мы находим аналоги керамики «кипринского» типа и в погребальных, и в поселенческих комплексах. Композиционное построение орнамента у сосудов, орнаментированных рядами или волнами отступающей палочки, разделенными рядами наколов (рис. 1, *1*), находит аналогии в материалах комплекса погребений эпохи раннего металла – Сопка 2/2 (гребенчато-ямочная общность) [7]. Керамика, практически идентичная нашей, встречена на поселении Венгерово-*3* [5; 6]. Аналогии керамическому комплексу поселения Новоильинка III прослеживаются и в материалах неолита и энеолита южно-таежной зоны Западной Сибири [3].

По костям животных с поселения Новоильинка III получена радиоуглеродная дата 4270±170 л. т. н. (Ле-7534), что позволяет датировать материалы памятника 2-й половиной III тыс. до н. э.

В целом хотелось бы отметить, что материалы памятника относятся к переходному периоду от неолита к бронзовому веку, который называют либо «энеолитом» [7], либо «эпохой раннего металла» [7]. Причем, судя по полученным материалам, памятник относится к концу этого переходного периода – к рубежу энеолита и ранней бронзы.

Коллекции, полученные в результате полевых исследований 2010 г., требуют тщательной камеральной обработки. Хотелось бы также отметить научный потенциал поселения Новоильинка III.

В 2011 г. планируется продолжение работ на памятнике. Мы рассчитываем на получение новых материалов, которые позволят нам продвинуться в изучении сложных этнокультурных процессов, происходивших на Алтае на рубеже энеолита и ранней бронзы.

Источники и литература

1. Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, Республика Казахстан, 1993. 246 с.
2. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2002. 293 с.
3. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2004. 294 с.
4. Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: изд-во АГУ, 1985. С. 73–117.
5. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, СО, 1977. 174 с.
6. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: изд-во «Наука» СО, 1985. 200 с.
7. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

8. Ситников С. М., Васильев С. К., Кирюшин К. Ю. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 363–366.
9. Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 314 с.

Ю. Ф. Кирюшин, А. В. Шмидт, А. А. Тишкин, С. С. Матренин

Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка I)

В августе — октябре 2010 г. археологической экспедицией Алтайского государственного университета осуществлялись аварийные раскопки курганного могильника эпохи «великого переселения народов» Степушка I, попадающего в зону строительства примыкания к Чуйскому тракту на 651 км автодороги, идущего через урочище р. Урсул. Памятник располагался в черте одноименного, ныне нежилого села Онгудайского района Республики Алтай на мысовидной площадке третьей надпойменной террасы правого берега р. Урсул, в 150 м к югу от его русла (общие географические координаты комплекса: N — 50° 45.267′ E — 086° 24.453′) (рис. 1). Некрополь включал более 90 сильно задернованных каменных курганов и выкладок, компактно сконцентрированных в северном секторе мыса. Вся его территория попадала в границы спроектированного дорожного полотна. На некоторых курганах имелись следы сильных разрушений, нанесенных в результате недавних работ с использованием тяжелой дорожной техники, а также в процессе сборки на площади некрополя элементов конструкций опор ЛЭП. Наибольшие повреждения зафиксированы на восточной половине мыса, рядом с технологической дорогой, при прокладке которой могли быть полностью уничтожены несколько объектов.

В результате проведенных работ нами полностью исследован восточный участок могильника в составе 30 объектов погребального и ритуального назначения[1]. Курганы и выкладки располагались несколькими плотными, часто параллельными рядами (ряд включал от двух до семи сооружений), выстроенными в меридиональном направлении. Сооружения размещались настолько близко друг к другу, что образовывали сплошной каменный «панцирь». Сохранившиеся насыпи представляли собой плоские наброски диаметром 0,8–5,5 м, высотой 0,1–0,45 м из рваного камня с добавлением галечника, обычно с овальной крепидой в ос-

[1] Западная половина памятника раскапывалась экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством В. И. Соёнова.

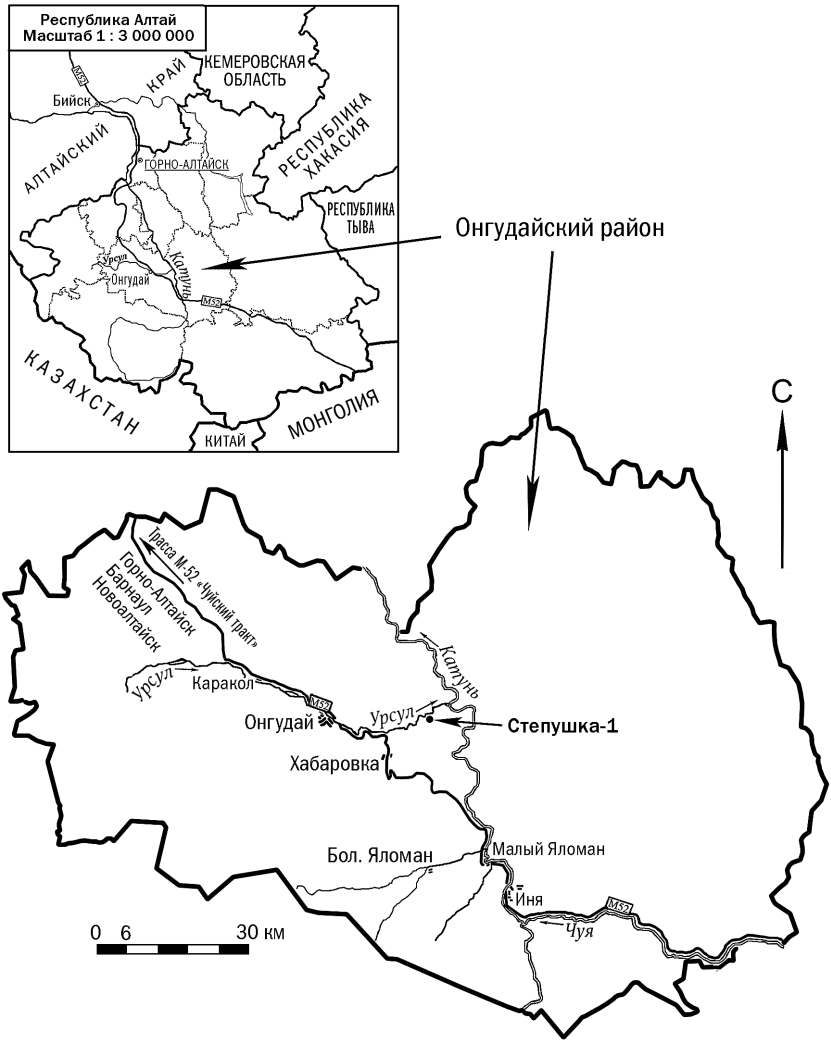

Рис. 1. Место расположения курганного могильника Степушка-1

новании, со средними размерами 2,8×1,9 м. У курганов № 17, 24 наземные конструкции оказались уничтожены техникой. У некоторых объектов (№ 6, 19) зафиксировано по одному небольшому вертикально вкопанному камню-«столбику» с внешней стороны крепиды на некотором удалении от нее на восток или северо-запад. Под насыпями располага-

лась, как правило, одна могила прямоугольной, трапециевидной или овальной формы, ориентированная длинной осью по линии З–В и с разными отклонениями от нее. Ямы были в основном с отвесными стенками, реже с подбоем в южной стенке (курганы № 5, 17, 19, 21), длиной и шириной в пределах 0,9–2,4 и 0,4–1,7 м соответственно, глубиной от 0,2 до 1,3 м. Погребальные камеры представлены в своем большинстве каменными ящиками (курганы № 2, 3, 6, 8, 9, 11, 13, 20, 20а, 21), главным образом из вертикально установленных каменных плит у торцевых или длинных стенок могил, а также ямами без внутримогильных конструкций (курганы № 1а, 4, 5а, 7, 14, 16, 18). Реже встречались деревянные ящики с перекрытием (курган № 5, 17, 19). Зафиксирована обкладка стенок ямы рваными камнями (курган № 1).

Останки людей обнаружены в 19 курганах (полученная антропологическая коллекция насчитывает кости 20 индивидов). Захоронения производились преимущественно по обряду одиночной ингумации, в шести случаях (курганы № 5, 7, 14, 17, 19, 21) в сопровождении верхового коня, уложенного «сбоку» от человека на одном уровне с ним или на невысокой материковой приступке. Курган № 15 содержал парное погребение взрослого человека и ребенка. Умершие люди укладывались на спину с вытянутыми или слегка согнутыми в коленях ногами, головой в восточный, реже в западный сектор (курганы № 5а, 14, 15, 19) с разными отклонениями. Отмечены редкие свидетельства помещения ритуальной мясной пищи, фиксируемой по костям пояснично-крестцовой части овцы. В насыпях некоторых курганов встречены фрагменты керамической посуды. Практически все курганы были неграблеными и содержали вещевые комплексы.

На исследованном восточном участке некрополя оказались преимущественно мужские захоронения с разнообразным сопроводительным инвентарем, в состав которого входили предметы вооружения (сложносоставные луки, железные трехлопастные черешковые и пулевидные втульчатые наконечники стрел, боевые ножи, меч), воинское снаряжение (колчаны, ножны с железными витыми цепочками, основные и стрелковые пояса, снабженные пряжками, колчанными крюками, железными бляхами-накладками шпенькового и скобчатого крепления, ременными блоками), орудия труда (железные черешковые ножи, тесла, костяные наконечники стрел с расщепленным и втульчатым насадом), экипировка верхового коня (железные удила, роговые псалии, железные распределители, уздечные блоки и пряжки, подпружные пряжки из металла и рога, костяные цурки и блоки). Среди основной массы выделялось несколько воинских погребений. В кургане № 5 похоронен мужчи-

на без головы, на груди которого лежала верхняя часть меча. Воин из кургана № 19 был снабжен полными по составу основным и стрелковым поясами с большим количеством деталей, кожаным колчаном с хорошо сохранившимся деревянным днищем с орнаментом, фрагментами древков стрел и железным креплением в виде скобы, а также ножнами боевого ножа с витыми цепочками. Выразительной и весьма редкой находкой из этого погребения является роговая подпружная пряжка с подвижным язычком и три костяные цурки. В кургане № 13 найдены достаточно редкие бронзовые бляхи-накладки и нашивки различной формы, вероятно, имеющие отношение к поясной гарнитуре. В одном женском захоронении (курган № 11) обнаружены разнообразные украшения прически и верхней плечевой одежды (бронзовые обкладки и подвески накосников, крупные и маленькие бляхи-нашивки с полусферическим выступом и полями), поясная пряжка и железный нож. Инвентарь в детских погребениях малочисленный (железный нож, фрагменты керамики, деревянная подставка) и происходит в основном из кургана № 24.

В пяти курганах исследованы кенотафы, не отличавшиеся до раскопок по своему внешнему виду от насыпей обычных погребений. Они были устроены в небольших по размерам ямах (курганы №1а, 16, 18) или в миниатюрных каменных ящиках без перекрытия, слегка врытых в древний горизонт (курганы № 20, 22). В трех таких символических захоронениях найдены железные наконечники стрел и нож. Курганы № 5б, 12, 23 представляли собой «поминальные» кенотафы, не содержавшие могильной ямы или погребальной камеры на уровне погребенной почвы. В одном из них обнаружен железный наконечник стрелы. Кроме всего, было раскопано три небольших ритуальных выкладки (№ 1б, 2а, 25) диаметром до 1,2 м без археологического материала.

По всем характерным элементам погребального обряда и предметного комплекса раскопанные на могильнике Степушка I курганы относятся к булан-кобинской культуре хуннуско-сяньбийско-жужанского времени [2, 3–5, 8, 9, 17, 18]. Исследованные комплексы соотносятся с четырьмя погребальными традициями населения Алтая II в. до н. э. – V в. н. э.: «берельской» – захоронения человека и лошади, уложенной «сбоку» от человека, ориентированных головами по восточному сектору (курганы № 5, 7, 17, 21); «айрыдашской» – погребение человека с лошадью, уложенной «сбоку» от человека, направленных в западный сектор (курганы № 14 и 19); «улуг-чолтухской» – погребения без лошади с ориентацией в восточный сектор (курганы № 1–4, 6, 8–11, 13, 15, 24); «карбанской» – захоронения без лошади с ориентацией по западному сектору (курганы № 5б, 15) [5, с. 16; 7, с. 103–113; 17, с. 48–50]. Полученные ар-

хеологические материалы подтверждают сделанные некоторыми из авторов настоящей статьи выводы относительно локально-территориальной специфики погребальной практики булан-кобинских кочевников [3, 4, 6].

Среди особенных черт раскопанного комплекса необходимо отметить ингумацию человека с лошадью, уложенной вдоль длинной стенки могилы с ориентацией головами по восточному сектору. Погребения с такой комбинацией признаков на территории Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время являются наиболее малочисленными и до настоящего времени были исследованы на памятниках усть-эдиганского (II в. до н. э. – I в. н. э.) и верх-уймонского (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н. э.) этапов булан-кобинской культуры [1, с. 54–55; 19, рис. 34, рис. 41]. Определенный интерес представляют могилы с подбоем, до этого известные только на могильнике Верх-Уймон [10, с. 48–49, рис. 5, 6, 11; 11, с. 169–170; 12, рис. 35, 37; 13, с. 157–158]. На некрополе Степушка I такое конструктивное решение ямы зафиксировано только для мужских погребений с верховым конем, при этом как с восточной, так и западной ориентацией по сторонам горизонта, которые содержали наиболее многочисленный и разнообразный инвентарь. Подобное оформление сакрального пространства для умершего человека, вероятно, обусловлено сложностью устройства полноценной могильной ямы для человека и лошади в твердом каменистом грунте, тяжелом для рытья даже в современных условиях. Заслуживает внимания и такой момент, как отсутствие целых каменных ящиков с перекрытием, являющихся, как известно, одним из ведущих типов внутримогильных сооружений населения булан-кобинской культуры, зафиксированным на большинстве некрополей Центрального Алтая (Булан-Кобы IV, Белый Бом II, Бош-Туу I, Верх-Уймон, Яломан II и др.) [3, 6, 8, 9].

Обнаруженный сопроводительный инвентарь позволяет относить исследованные объекты к бело-бомскому этапу (II – 1-я половина IV вв. н. э.) булан-кобинской культуры [16, с. 161; 14, с. 30–31, 15, с. 178–179]. Предметный комплекс обнаруживает больше всего аналогий в могильниках Булан-Кобы IV, Белый Бом II. Некоторые погребения в хронологическом отношении «приближены» к памятникам заключительного этапа (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н. э.) хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Данные выкладки будут проверены в рамках радиоуглеродного анализа полученных материалов.

В заключение следует отметить, что результаты раскопок могильника Степушка I расширяют корпус археологических источников для комплексного изучения булан-кобинской культуры Алтая.

Источники и литература

1. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.
2. Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
3. Матренин С. С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н. э. — V в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 1. С. 105–119.
4. Матренин С. С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н. э. — V в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 35–51.
5. Матренин С. С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н. э. — V в. н. э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.
6. Матренин С. С. Хронологические и территориальные особенности погребального обряда населения Горного Алтая хуннуско-сяньбийского времени (II в. до н. э. — V в. н. э.) // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 53–55.
7. Матренин С. С., Тишкин А. А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннуского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 102–115.
8. Соенов В. И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.
9. Соенов В. И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003. 160 с.
10. Соенов В. И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2000. № 5. С. 48–62.
11. Соенов В. И., Трифанова С. В., Вдовина Т. А., Черепанов М. А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 169–171.
12. Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.
13. Соенов В. И., Эбель А. В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 157–158.
14. Тишкин А. А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.
15. Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
16. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с. + вкл.
17. Тишкин А. А., Матренин С. С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннуского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 39–56.

18. Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири II в. до н. э. — V в. н. э. Новосибирск, 1993. 89 с.
19. Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 95–150.

Н. А. Константинов, Е. А. Штанакова

Продолжение обследования археологических памятников в окрестностях с. Ильинка Шебалинского района

В 2009 г. возобновлены разведочные работы в окрестностях с. Ильинка Шебалинского района Республики Алтай [1, с. 40–42] с целью выявления новых объектов культурного наследия, мониторинга состояния ранее известных памятников археологии и планирования дальнейших исследований.

В 2010 г. было продолжено археологическое обследование окрестностей с. Ильинка. Производился поиск новых объектов и детальное обследование ранее известных археологических памятников. При проведении работ производился визуальный осмотр местности, осматривались стенки оврагов, ям и карьеров, кротовины и выкиды из нор грызунов и мелких хищников. Кроме того, с целью выявления петроглифов нами обследованы скальные выходы, расположенные вблизи могильников Талду I, Талду II, Арбайтушка I [2, с. 23–24] и в урочище Илуш. В ходе работ обнаружен новый археологический объект – одиночный курган Илуш I.

Одиночный курган Илуш I расположен на правом берегу р. Песчаная, на левом берегу безымянного ручья, к северу от центра с. Ильинка. Географические координаты по GPS-приемнику: N – 51° 27′ 409″, E – 085° 05′ 695″. Курган расположен на распахиваемом поле. Насыпь кургана плоская, сильно задернованная. В центральной части насыпи прослеживается крупная каменная плита. Диаметр насыпи 11 м, высота 1 м. Датировка объекта затруднена.

В рамках мониторинга состояния ранее известных памятников нами проведено их детальное обследование. Произведены работы на памятнике Куела (Кутла), зафиксированном В. И. Соёновым в 2006 г. [2, с. 24]. Снят план могильника, выполнены осмотр и описание памятника, уточнено его местонахождение, получены географические координаты объектов могильника по GPS-приемнику.

Могильник Куела (Кутла) находится на правом берегу р. Песчаная, в 4,5 км к юго-востоку от центра с. Ильинка [2, с. 24]. Географические координаты по GPS-приемнику: N – 51° 24′ 722″ E – 085° 09′ 037″. Расположен на склоне горы, к западу от памятника проходит русло сезонного тока воды. Могильник включает три цепочки объектов, ориентированных по

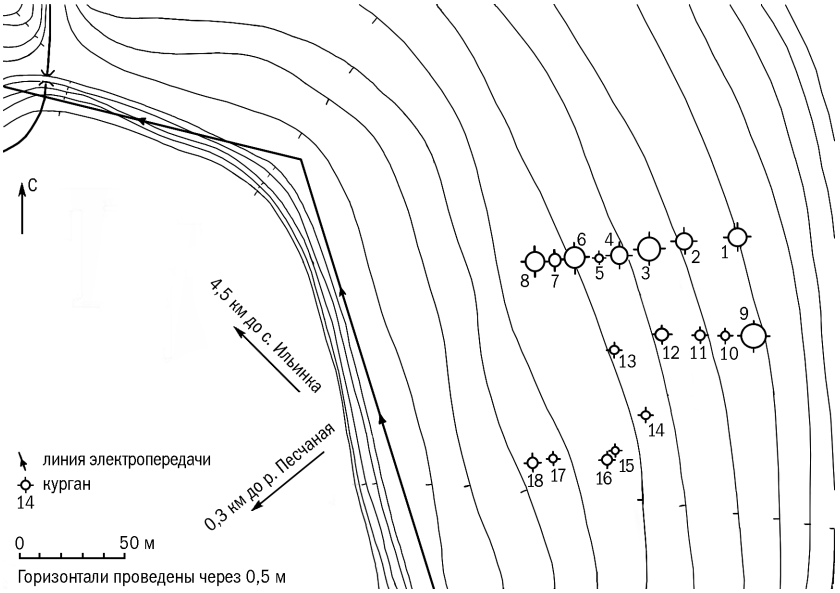

Рис. 1. План могильника Куела (Кутла)

линии восток—запад с незначительными отклонениями. Визуально фиксируются 18 сильно задернованных объектов. Большинство из них округлой формы, диаметром от 3 до 12 м. Южная цепочка расположена несколько ниже по склону и отличается от двух других небольшими размерами объектов (рис. 1). Датировка памятника затруднена.

Поиск памятников археологии на территории Шебалинского района затруднен из-за мощного дернового слоя и травяного покрова [2, с. 4]. Рельеф поверхности удается проследить только весной или осенью, после проведения уборочных работ, когда травяной покров не мешает визуальному осмотру.

Выше по течению р. Песчаная у сел Беш-Озек и Барагаш Шебалинского района известны местонахождения петроглифов [3, с. 62; 2, с. 6, 10–13, 16, 17]. Также имеются сведения о петроглифах у с. Тоурак Алтайского района Алтайского края, расположенного ниже по течению р. Песчаная [3, с. 62]. В связи с этим поиски памятников наскального искусства в окрестностях Ильинки, по долинам рек Курзун и Шиверта представляются перспективными и будут продолжены в последующие полевые сезоны.

Памятники подвергаются разрушению в результате хозяйственной деятельности человека. В первую очередь страдают курганы, располо-

женные на посевных распахиваемых полях ОАО «Оленевод». Дальнейшие работы в Ильинке позволят выявить неизвестные памятники, уточнить хронологическую принадлежность комплексов, расположенных на озвученной территории и следить за их состоянием.

Источники и литература

1. Константинов Н. А., Штанакова Е. А. Археологические разведки в окрестностях с. Ильинка // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. Вып. 6. С. 40–42.
2. Соёнов В. И., Ойношев В. П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. 100 с.
3. Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.

Е. Н. Куликова

Акбаур как комплексный природно-исторический памятник Верхнего Прииртышья

Исторические памятники Восточного Казахстана активно изучались с начала XX в. учеными разных направлений: археологами, историками, геологами. По отдельным историческим памятникам накоплен достаточный фактический материал, но знакомство с ним затруднено, так как большая его часть находится в архивах области, центральных библиотеках гг. Алматы, Санкт-Петербурга. Систематизация материалов способствует целостному восприятию информации по историческим объектам, поскольку они привлекают внимание краеведов, экскурсантов и туристов.

В Уланском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан расположен природно-исторический памятник Акбаур, включающий большое количество уникальных природных и исторических объектов и привлекающий внимание многих исследователей уже более 70 лет. Здесь работали как исследователи-профессионалы (С. С. Черников, Ф. Х. Арсланова, З. С. Самашев, А. А. Ткачев, И. Ю. Недосекова), так и краеведы-любители. Этот район является одним из наиболее изученных на территории Восточного Казахстана.

Цель настоящей работы – систематизация информации по объектам природно-исторического памятника Акбаур:

– по природным памятникам – реликтовой Синегорской пихтовой роще;

– по историческим памятникам района – наскальным рисункам, древним поселениям, могильникам, древним горным выработкам;

– по топонимике района,

а также разработка карты-схемы памятников Акбаура и проекта музея под открытым небом «Акбаур».

При изучении данной темы использовались материалы исследований, монографий, учебных пособий, периодической литературы, картографических материалов и данных интернета; картографический и описательный методы, метод зонирования. Работа базируется на использовании источников из фондов областного историко-краеведческого музея, специальной литературы по истории и археологии края, материалов обследований земель совхоза «Красноалтайский» НИИ «Востокоблсельпроект», геологических и археологических карт и отчетов отдельных экспедиций, материалах самостоятельных исследований.

На территории Восточного Казахстана находится много исторических объектов. В ходе 11-летних исследований Уланского района нами были изучены урочища Акбаур, Коппала, Кошбурлык, горные массивы Кызылтас, Медведка и прилегающие районы долин рек Урунхай и Сагыр. Были повторно скопированы массивы петроглифов: Сагыр I, II; грот Акбаур; Кызылтас; Каратюбе; Камысты; Кочунай; Бестерека; Скалистое; Алдай. Объектами изучения были: особенности ландшафта, системы родников и ручьев, животного и растительного мира, а также исторические памятники, находящиеся в урочище Акбаур и на прилегающих к нему территориях [2–4].

Мы в своих работах используем термин «Акбаур» для обозначения района, ограниченного селами Б. Утепов, Васильевка, бывшим санаторием Горняк, Кочунай, Кок-Тау. В центральной его части располагаются урочище Акбаур (петроглифы на сланцах и гранитах, разновременные захоронения, остатки поселений), сопка Коржимбай (грот с писаницами), массив Кызылтас (разновременные захоронения, в том числе курганы «с усами», петроглифы), с. Сагыр (большое скопление петроглифов, остатки поселений). В других частях района на фоне уникальных природных условий существовали остатки небольших поселений, горные выработки, возможно, центры переработки руды, разновременные захоронения и петроглифы. Вся эта территория составляет единый комплекс, базой которого являются ее уникальные природные особенности [1, 4–7].

Природные условия изучаемого района типичны для Восточного Казахстана. Они хорошо иллюстрируют особенности рельефа, орографии, флоры и фауны. Особый интерес представляют остатки реликтовой пихты, сохранившиеся в степных условиях Калбинского Алтая — государственный памятник природы Синегорская пихтовая роща [6].

В районе Акбаур находится большое количество массивов наскальных рисунков — Сагыр, Камысты, Кочунай, Бестерек, Алдай. Подавляю-

щее большинство составляют петроглифы, но присутствуют и писаницы — грот Сагыр, грот Акбаур. Все они многообразны по выбору плоскостей (горизонтальные и вертикальные), стилю, технике выбивки (граффити и прошлифовка), времени (от эпохи бронзы до эпохи ранних кочевников) и видам изображения (преобладают рисунки козлов, интерес представляют антропоморфные фигуры). Протяженность массивов с изображениями достаточно велика (свыше 1 км) [5].

В результате исследований нами были выделены новые массивы петроглифов Сагыр III; Акбаур I, II; Жамеке; Кошбурлык; могильник за Сагыр I, II и около фермы Акбаур [4].

В районе Акбаур находится большое количество курганов и могильников. Наиболее изученные из них — Кызылтас I и II, где находятся 4 уникальных кургана «с усами» из 9 обнаруженных в Восточном Казахстане. Могильники датируются периодом от эпохи бронзы до раннего средневековья [1].

С 1980-х гг. понятие «Акбаур» стало синонимом древнего астрономического комплекса. Многочисленные исследования (Самашев З. С., Курдаков Е. В., Марсадолов Л. С.), к сожалению, не дают возможности составить целостное представление о нем, так как под «астрокомплексом» все исследователи понимают разные объекты. Наличие разных гипотез и отсутствие официального заключения по этому вопросу стимулирует внимание к этому району; так называемому «астрокомплексу» придается особое значение [3, с. 128]. Так, З. С. Самашев утверждает, что через отверстие в гроте Акбаур велись наблюдения за Большой Медведицей. Л. С. Марсадолов говорит, что объектами изучения были Солнце, звездное небо, созвездие Козерога. Е. В. Курдаков называет «астрокомплексом» естественные скальные выходы недалеко от фермы, указывая, что здесь есть определенное место, с которого можно наблюдать три точки, через которые проходит Солнце в дни весеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния [4, с. 138].

Анализируя топонимику населенных пунктов изученного района, можно сказать, что в микрорайоне «Акбаур» находится 85 объектов, из них 75 (88%) называются на казахском языке, 7 (8%) — на русском, на других языках — 3 (4%). Среди казахских топонимов большинство легко переводится на русский язык по современному казахско-русскому словарю, кроме того, они отражают особенности микрорайона с хозяйственной стороны: Коржимбай, Байтеке, Жыланды. Это свидетельствует о том, что данные казахские топонимы появились не ранее XIX–XX вв. Причем большинство названий дано в советское время, в период создания колхозов и активного хозяйственного развития района. В гидрони-

мах микрорайона «Акбаур» названия крупных речек сохраняют язык 300–400-летней давности [4, с. 138].

Природно-исторические достопримечательности Акбаура нуждаются в специальной охране, поскольку на них оказывают большое влияние природные факторы: климат, ветровая и водная эрозия, появление мхов и лишайников, естественные разрушения сланцев и гранитов, но особенно велика роль антропогенного фактора: хозяйственной деятельности, самостоятельных раскопов, случаев варварства [3, с. 128]. В связи с этим Акбаур необходимо внести в реестр охраняемых государством исторических и культурных памятников, разработать специальную государственную программу по его сохранению, консервации и реставрации. Одним из возможных вариантов резервации памятника может стать музей под открытым небом, включающий информационный центр, зарезервированные исторические объекты, информационные таблички.

Источники и литература

1. Арсланова Ф. Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975.
2. Куликова Е. Н. К вопросу о топонимике района Акбаур // Записки Усть-Каменогорского филиала Казахского географического общества. Региональные аспекты устойчивого развития геосистем Алтае-саянской горной страны: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / ред. А. В. Егорина. Усть-Каменогорск: Рудный Алтай, 2009. Вып. 3. 244 с.
3. Недосекова Е. Н., Недосекова И. Ю. Основные факторы воздействия на природно-исторический памятник Акбаур // Образование и наука в современных условиях: опыт и перспективы. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск: ВГИ, 2005. 358 с.
4. Недосекова Е. Н., Недосекова И. Ю. Памятник природы «Акбаур» как региональный компонент в процессе обучения// Актуальные проблемы образования в современном обществе: приоритеты и проблемы. Материалы международной науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск: ВГИ, 2004. 358 с.
5. Самашев З. С. Наскальные рисунки Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1982. 288 с.
6. Физическая география Восточного Казахстана / под ред. А. В. Егориной. 2-е перераб. изд. Усть-Каменогорск: Альфа-ПРЕСС, 2002.
7. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.: Наука, 1960. 147 с.

Б. Ч. Мунхбаяр

Типы и классификация тюркских поминальников на территории Ховдского аймака

Археологические исследования тюркской культуры на территории Ховд аймака берут начало от путевых заметок известного русского путешественника Г. Н. Потанина, который совершил путешествие в Монголию в конце XIX в. Затем такие археологи, как Н. Сэр-Оджав, Д. Баяр, В. Д. Кубарев, Д. Цэвээндорж, А. Баасанхүү, Ю. С. Худяков, Х. Лхагва-

сүрэн, Б. Батмөнх, Х. Бямбасүрэн, М. Буяндэлгэр, А. А. Тишкин, В. В. Горбунов, Д. Эрдэнэбаатар, Б. Нямдорж, Л. Нямсүрэн, Е. В. Шелепова, Ю. И. Ожередов, Ч. Мунхбаяр, А. Ю. Ожередова, Ц. Төрбат, Д. Батсүх, Т. Батбаяр, Н. Баярхүү, Т. Идэрхангай, провели археологические разведки и исследования тюркских поминальников на территории данного аймака.

Археологические исследования на территории соседних аймаков были проведены такими исследователями, как Д. Цэвээндорж, Ю. С. Худяков, Д. Баяр, Д. Эрдэнэбаатар, В. Д. Кубарев, Б. Энхбат, Т. Бямбадорж, Ч. Амартүвшин, Т. Хаяши, Х. Лхагвасүрэн, Т. Бямбадорж, Н. Батсүх, Х. Едилхан, Ю. И. Ожередов, Т. Идэрхангай, Г. В. Кубарев, Гилсу Со, Г. Лхүндэв, Н. Баярхүү, Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль, К. Бихумар (2009), Ц. Төрбат, Ц. Баттулга, Н. Баярхүү, П. Х. Жискар и др.

В Российском Горном Алтае, который граничит с регионом Монгольского Алтая, раскопано 130 поминальников. Сегодня число тюркских поминальных сооружений достигло примерно 160, куда входят поминальники Котыр таса, изученные в последние годы. Эти памятники позволяют провести сравнительное исследование по распространению тюркской культуры и объяснить их назначение.

В. Д. Кубаревым предложена классификация алтайских поминальных оградок (выделено пять основных типов на основе анализа 116 (130) раскопанных обьектов) [7, с. 81]. Монгольские исследователи выделяют два основных типа данных памятников: поминальники знати и рядовых (общего назначения). Тюркские поминальники, в зависимости от происхождения и статуса знати, резко различались по конструкции и размеру.

Проводится немало исследоваваний Монгольского Алтая, в том числе тюркских поминальников, однако нет сведений об их типах и классификации. Исходя из этого, мы затронули вопрос о классификации тюркских поминальников, распространенных на территории Ховдского аймака, и о назначении сопроводительных округлых сооружений. При определении критериев классификации мы в первую очередь обратили внимание на опыт предшественников. Кроме вышеназванных основных двух типов, пока не предложено других вариантов классификации. Среди поминальников Монгольского Алтая не встречались таких крупных, совершенных поминальников со сложной конструкцией и изящным исполнением, как те, которые были обнаружены в котловине рек Орхон, Туул и других больших рек. В них отсутствуют подобные жертвенники, каменные бабы, обелиски (памятники) и величественные сооружения, какие были обнаружены в комплексных поминальниках, посвященных вели-

Рис. 1. Тюркский поминальник с неизвестным изображением на юге у горы Ямаат улаан

ким полководцам, ханам, служившим тюркскому государству. Поминальники Алтайского региона и Центральной Монголии хотя имеют различия, исследователями уже установлено их сходство в конструкции, в модели и назначении [7, с. 81]. Датируют их по-разному, некоторые исследователи относят простые оградки Алтая к древности, так как они не имеют такой сложной структуры, как центрально-монгольские поминальники. Другие авторы пишут, что среди тюркских оградок на Алтае немало поминальников, построенных позже крупных поминальников знати Центральной Монголии [6, с. 59]. Несомненно, при перенесении политического и культурного центра Тюркского ханства в Центральный Хангай люди сохранили там традиционную культуру своих предков [12].

По классификации, предлагаемой предшественниками, поминальники со столбами, балбалами относятся к одной группе, с большими и маленькими оградками — к другой. Основой классификации, предложенной предшественниками, было отсутствие или наличие каменных памятников, балбалов и размер оградок, число плотин для ограждения. Учитывая только вышеназванные различия, невозможно группировать их и датировать. Некоторые исследователи перенесли дату вперед на 600 лет на

Рис. 2. Тюркский поминальник в Харганате сомона Эрдэнэбурэн Ховдского аймака

Рис 3. Тюркский поминальник в Хужирте сомона Уенч

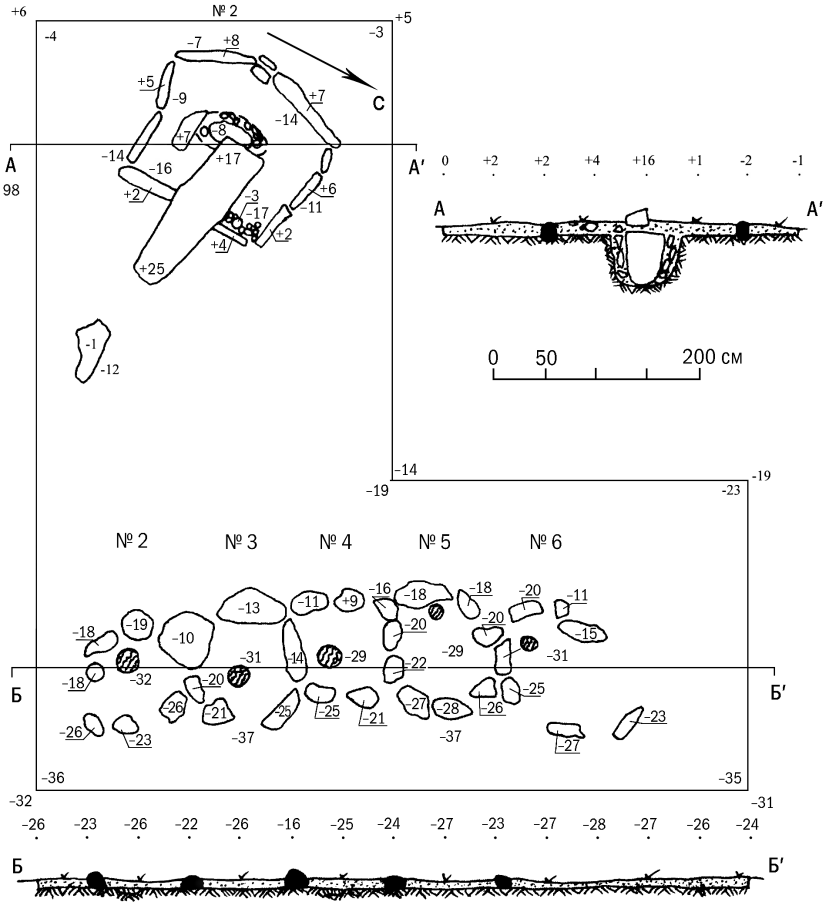

Рис. 4. Поминальники, сопроводительные кольцевидные сооружения в Бугат Узуур II

основе наличия или отсутствия деревянных и каменных памятников, наскальных рисунков. Немало авторов поддерживают это безосновательное предложение [12]. С целью устранения этого заблуждения в последнее время исследователи раскапывают десятки поминальников [5; 3, с. 91–103]. К сожалению, до сих пор вопрос о классификации вышеназванных памятников окончательно не решен, наблюдались случаи, когда каменные ограды в центре с каменными бабами относили не к тюркским памятникам, а к уйгурским. В исследовательских работах, проведенных в Горном Алтае, не сказано о связи поминальников и сопровождающих

их кольцевых сооружений. Предлагаемая нами классификация может устранить это заблуждение. Мы уверены, что данная классификация отражает конструктивные особенности и организацию поминальников и может открыть возможность исследование в данном направлении:

— поминальники, посвященные определенным лицам;
— поминальники, посвященные семье, друзьям-воинам;
— поминальники племен, аймаков и общественного назначения.

1. Поминальники, посвященные определенным лицам

При одной оградке лишь одна каменная баба и балбал, образующие один ряд к стороне на солнце [12, с. 155]. Так, небольшие поминальники имеют, как правило, несложную конструкцию, состоящую из нескольких неаккуратно поставленных в ряд каменных пластин, огороженных камнями. Средняя часть таких поминальников заполнена камнями, песком или землей. С левой стороны вместо каменной бабы установлены камень вытянутых пропорций и несколько балбалов. Каменные элементы поминальников знатных людей часто хорошо отшлифованы и орнаментированы, с четырех сторон они, как правило, окружены вертикально поставленными каменными плитами. К югу от основной конструкции таких поминальников обязательно наличествует тщательно изготовленная каменная баба и установленные в ряд многочисленные балбалы. Поминальники выдающихся полководцев, князей и великих ханов, имевших большие заслуги перед государством, окружены кирпичными стенами, вдоль внешнего периметра которых прокапывался ров. Центральное место в этих поминальниках занимали здания небольших храмов для жертвоприношений. Здесь устанавливались фигуры служителей, слуг и животных — льва, овцы и др.

Оградки поминальников построены из больших украшенных красивыми орнаментами 4 плотин, уголки укреплены шлифованными камнями, в некоторых случаях их закрыли крупными камнями с ямой посередине. Также на территории Ховдского аймака был обнаружен памятник с наскальной надписью, памятник, ограженный камнями, подобный тому, который был обнаружен в поминальнике в Харганате сомона Эрдэнэбүрэн [9, с. 5, зур. 7], в горе Ямаат улаан на севере г. Ховд (рис. 1), у горы Ямаат на западе озера Ачит на территории сомона Ногоон нуур Баян-Ульгийского аймака.

Среди тюркских поминальников не встречаются одиночные оградки с «Балбалами», какие были отмечены у горы северной Ямаат улаан г. Ховд, в Их хужирте сомона Уенч (рис. 3).

В поминальниках возле устья рек Ховд и Буянт построены кольцевые, цеповидные сооружения. Из них больший интерес представляют поми-

Рис 5. Тюркский поминальник в Хар адаргане сомона Эрдэнэбурэн

нальники у горы Ямаат улаан, Бугат узуур II сомона Ховд (рис. 4), у горы Торх улаан, Урд улаан сомона Эрдэнэбурэн, в Хар адаргане (рис. 5). Каменные памятники у них выше, чем в оградах других местностей. Поминальник в Хух хаде реки Хонгио сомона Эрдэнэбурэн состоит из огораживающих камней, в середине каменный памятник с изображением летящей птицы, на левой стороне огорода каменная баба. Такой же поминальник был отмечен в ущелье горы Ямаат улаан сомона Ногооннур Баян-Ульгийского аймака [12, с. 156]. Раньше мы относили поминальники с каменной оградкой или каменной бабой к тюркским, но поминальники с каменным памятником в середине оградки оказываются особым случаем. Вместо кольцевых камней возвышаются каменные бабы.

У ущелья Индэрт сомона Булган создан поминальник (рис. 6) с двумя подквадратными оградками, к юго-востоку поставлены камни в круг. Поминальники такого же строения могут быть унаследованы от чемурчекской культуры раннего бронзового века.

В таких местностях, как Хушуут зааг сомона Буянт, Дэлгэрмурен сомона Турген Увсунурского аймака, обнаружены кольцевые сооружения, сходные по форме, но без расставленных камней. Кольцевое сооружение на берегу р. Дэлгэрмурен имеют до 5 кольцевых каменных сооруже-

Рис 6. Тюркский поминальник у ущелья у р. Хавцал сомона Эрдэнэбүрэн Индэрт сомона Булган Ховдского аймака

ний. В настоящее время подобные сооружения не исследованы, не проведены их раскопки. Поминальники, в зависимости от чинов и происхождения знати, бывают разными по форме и размеру, на них также оказали влияние культура, исторические отношения племен, входивших в состав раннего и позднего тюркского ханства и соседних с ним государств. Так, одна из особенностей поминальников тюркской эпохи в центральной части Монгольского Алтая — кольцевые сооружения, которые широко встречаются в поминальниках с каменным сооружением, в середине которых — памятники или каменные бабы. Однако в памятниках уйгурской эпохи часто встречаются каменные бабы среди оградки с изображением бабы с посудой в руке (посуда подобного типа может относиться к ранней тюркской эпохе) [10, с. 145]. Это показывает, что влияние уйгуров нашло отражение в тюркских поминальниках. Каменные поминальники, обнаруженные в Российском Алтае, относятся к IX–X вв. [1, с. 76–95].

Все вышесказанные можно классифицировать следующим образом: 1. Одиночные каменные оградки, имеющие следующие разновидности: а) каменные сооружения в середине с заложенными в кольцо камнями;

Рис. 7. Тюркский поминальник Онгоц улаан, кольца на юге, востоке от него

б) с сопроводительными кольцевыми сооружениями, в) с «балбалами». 2. Подквадратные оградки посредине с памятником или каменной бабой, которые имеют следующие разновидности:. поминальники с кольцевым сопроводительным сооружением и с «балбалами». В этой группе памятники без оградки с сопроводительным кольцевым каменным сооружением образуют отдельную группу (рис. 1). 3. Подквадратные оградки, имеющие в центре памятники, на южной стороне оградки – каменную бабу.

2. Поминальники, посвященные семье, друзьям-воинам

Поминальники этой группы приципиально отличаются от вышеназванных тем, что состоят из 2 или более поминальников. Также 2–8 каменные памятники возвышаются в центре отдельных каменных колец, сопровождают их около 2–27 вкопанных в материк кольцевых сооружений. В центре кольцевых камней некоторых поминальников вместо каменного памятника поставлены каменные бабы. Например, в поминальнике Торх улаан две каменные бабы возвышаются в центре каменной оградки [10, с. 138–148; 89–96]. В поминальниках Сурт сомона Ховд повторялся тот же вид поминальников, относящихся к I группе классификации, что и в поминальниках Хух хад Хонгио сомона Эрдэнэбурэн: в центре каменной оградки поставлен памятник, на юге оградки – каменная баба [1, с. 53–55, рис. 28, 29]. Поминальники, относящияся ко II группе,

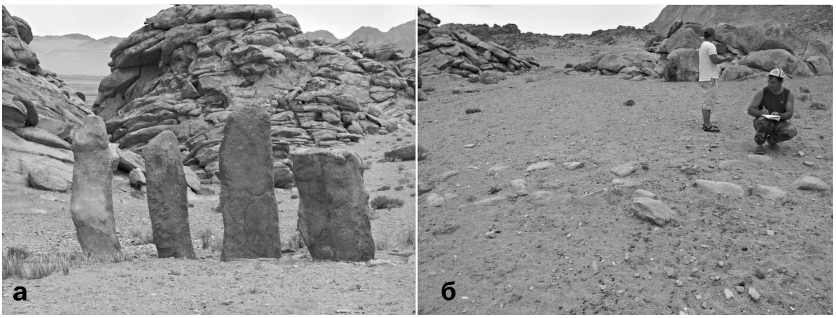

Рис. 8. Тюркский поминальник Шуут. Кольцевые сооружения, присоединенные боком, находятся на юге от него

распространены в ущелье Бодонч сомона Алтай (рис. 10), в таких местностях, как Баянбулаг II сомона Ховд, Ботгон хузуу, Бугат узуур (рис. 4) [3, с. 92–103], Улаан худаг I [2, с. 62–68], Шуутийн тохой [9, с. 165; 10, с. 106], Их хужирт сомона Уенч [8, с. 70–83], Хотгор хаг, Ямаат улаан уул сомона Эрдэнэбурэн. Из названных поминальников обнаруженные в Онгоц улаан или Торх улаан (рис. 7), Шуутийн тохой (рис. 8 а) имеют сопроводительные кольцевые сооружения (рис. 8 б).

3. Поминальники, посвященные племенам, аймаком и общественного назначения

Поминальники, относящиеся к двум вышеназванным группам, располагаются по местностям, а также обнаруживаются по несколько стоящих рядом в одном месте. Такие группы поминальников можно считать поминальниками племен и общего назначения. К ним принадлежат южный берег р. Хох Сэрх сомона Ховд, Их хужирт сомона Уенч (рис. 9). Были отмечены подобные поминальники в долине Чигэртэй сомона Алтай Баян-Ульгийского аймака [12], в Горно-Алтайском Котер тасе [11]. У р. Бодонч были зафиксированы 3 поминальника в маленьких ящиках (рис. 10), нельзя отрицать, что они могут принадлежать к тюркским, могут быть новым видом поминальников с маленькой каменной оградкой по сравнению с известными нам поминальниками.

При поминальниках построены многочисленные сопроводительные сооружения. Внутри каменной оградки на каменных памятниках, построенных как комплекс сооружений, часто встречаются тамга-знаки. Ц. Баттулга писал об этих знаках, что X или V рунической письменности представляет знатных людей, так что поминальники с таким знаком посвящены знати. Поминальники с этим знаком встречаются в таких местностях, как Ботгон хузуу, Харганат, Хох хад, Сөрт [1, с. 55].

Рис. 9. Южная часть тюркских поминальников общественного назначения в Их хужирте

В тюркских поминальниках обнаруживаются такие находки, как стремена, золотые украшения для седла [13, с. 448], тонкая золотая пластинка с орнаментами, железный нож железная пластинка шлема [11, с. 87–90], трехсторонний железный черешковый наконечник стрелы, золотые, серебряные серьги [13, с. 105], удила узды, кольца удил [12, с. 157; 23]. При раскопке кургана на территории Хангайского региона Монголии в кольцевидных каменных сооружениях, построенных вокруг кольцевых и подквадратых курганов, были найдены кости черепа лошади, шеи, копыт [14, с. 126–143].

Позднее, в частности при Тюркском ханстве, бытовали поминальные ритуалы. При раскопках тюркских поминальников в кольцевых каменных поминальных сооружениях, построенных вне кольцевых и подквадратных курганов, зафиксированы кости черепа, шей, копыт лошади. Мы полагаем, если поминальник был предназначен главе семьи или властителям племен, аймаков, после похорон их близкие приходили и отдельно строили округлые каменные поминальные сооружения и совершали жертвоприношение сожжением мелкого рогатого скота.

Число кольцевидных сооружений в последнее время достигло от 2 до 27, что явилось основанием для нашей классификации. Интересно, что некоторые кольцевидные сооружения пристроены друг к другу, как буд-

Рис. 10. Каменные поминальники с тремя маленькими подквадратными ящиками у р. Бодонч

то связаны цепью. Это может быть доказательством того, что они построены членами одной семьи и предназначены для определенного лица. Число кургана может что-то символизировать. В тюркском поминальнике знати у р. Онго сомона Уянга Убурхангайского аймака заложены 4 каменные бабы в позе сидя на коленях, одна по размеру больше остальных и изображена сидящей со скрещенными ногами. Одна из них изображает человека, держащего в руках у груди большую деревянную пиалу, на остальных трех камнях изображены фигуры людей со сложенными руками.

По нашему мнению, три памятника с изображением портретов людей со сложенными руками предназначены людям неодинакового возраста. Ясно, что один из них был посвящен ребенку. По всей видимости, здесь изображены дети — будущие великие богатыри, знатные полководцы, в поминальный день дети совершали жертвоприношение путем сожжения овечьей головы, груди. Эти ритуалы дошли до наших дней и совершаются при выполнении поминальных ритуалов принесения пожертвования горному духу. Старики говорят, что горный дух питается дымом, гарью от сожжения головы и груди мелкого рогатого скота. В «Сокровенном сказании монголов» было написано, что Оулэн эх обиде-

лась, что ее не угощали снедью предков. Необходимо уточнить, какие из элементов этих ритуалов происходят от тюрков.

На левом берегу р. Буянт г. Ховд обнаружен курган, слева от которого построены примерно 20 кольцевидных камней, что говорит о связи с тюрским поминальником, может быть, это было место для поминальных ритуалов данного племени.

В заключение хотим отметить, что надо пересмотреть предположение, что памятник, возвышающийся среди каменного поминального сооружения, является «деревом света», и потому на нем поставили знаки. Выше сказано, что встречалось 2 случая, когда на памятниках имелись надписи. Знаки ставятся обычно на собственность человека. Тогда понятие «дерево света» по смыслу не совпадает со знаком. Мы согласны с мнением Г. Энхбата, что число балбалов может обозначать число приходящих на похороны и врагов, убитых покойником, которому предназначен поминальник, и балбалы заложены к востоку, который является плохим направлением, указывающим путь духу покойника. Кольцевидные сооружения могут быть заменены балбалами, что согласуется с нашим мнением, что они представляют членов семьи покойника, семей его детей. Поэтому необходимо провести тщательное исследование для датировки поминальников Алтайского региона, особенно Монгольского Алтая, а также изучение мировозрения ранних тюрков современными исследовательскими методами.

Источники и литература

1. Баасанхүү А., Батмунх Б. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний урлагийн дурсгал. Ховд, 1997. 64 с.
2. Горбунов В. В., Тишкин А. А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улан худаг I) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 62–68.
3. Горбунов В. В., Тишкин А. А., Шелепова Е. В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур I и II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 92–103.
4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Клышников-Комаров ба КЕ, 1993. 528 с.
5. Еруул-Эрдэнэ Ч., Энхтур А. Ховд аймгийн Уенч сумын нутаг дахь Уенчийн усан цахилгаан станцийн ашиглалтын талбайд хийсэн археологийн хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан. ШУА-ийн Археологийн Хурээлэнгийн гар бичмэлийн сан хумрэг. УБ, 2004.
6. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
7. Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 1 (9). Новосибирск, 2002. С. 76–95.
8. Мунхбаяр Ч. Археологийн хээрийн танилцах дадлагын тайлан (2008–2009 оны хичээлийн жил). Ховд хот, 2009. 22 с.
9. Ожередов Ю. И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А. Ю. Исследование памятников этно-культурного наследия близ г. Ховд в Западной Монголии // Этноистория и археология се-

верной Евроазии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 163–166.
10. Ожередов Ю. И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А. Ю. Новые находки археологических памятников в северных сомонах Ховдского аймака Западной Монголии // Туухийн товчоон (ХИС-ийн НХУС-ийн Туухийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг). Т. IV, F. 10. УБ, 2009. С. 138–148; Тез. докл. IX междунар. науч. конф. по теме «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (16–20 сент. 2009 г., г. Ховд, Монголия). УБ, 2009. С. 89–96.
11. Суразаков А. С., Тишкин А. А., Шелепова Е. В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.: ил.+вкл.
12. Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискар П. Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд – I (Баян-Улгий аймаг). УБ, 2009. 424 с.: ил.
13. Цэвээндорж Д. Х. Пэрлээ багшийгаа дагаж ажилласан минь (Дурсамж тэмдэглэл) // SA. T. VI (XXVI). F. 7. УБ, 2008. С. 440–451.
14. Эрдэнэбаатар Д. Монгол нутаг дахь дурвулжин булш хиригсуурийн соёл. УБ., 2002.

В. П. Семибратов, К. Ю. Кирюшин, С. М. Ситников, М. А. Демин

Исследование поселения Бирюзовая Катунь-7[1]

В полевой сезон 2010 г. сотрудниками Алтайского государственного университета и Алтайской государственной педагогической академии было продолжено исследование поселения Бирюзовая Катунь-7 в Алтайском районе Алтайского края. Памятник был открыт в октябре 2008 г. при обследовании территорий, попадающих в зону строительства проектируемой автодороги «Алтайское – Ая – Нижнекаянча – Бирюзовая Катунь на участке км 60+000 – км 71+850». Памятник расположен на второй террасе левого берега Катуни в 2,31 км к ЮЮЗ от Грота Тавдинского, географические координаты: N – 51° 45′ 29,0″; E – 085° 43′ 17,7″.

Археологические исследования 2010 г. были связаны с началом строительства указанной автодороги. Общая площадь исследования составила 928 м^2. Культурный слой памятника представлен слабогумусированной супесью, залегающей на глубине 0,25–0,35 см. Исследованы две жилищных конструкции, одна в западной части раскопа, ближе к скале, а вторая – в восточной части раскопа, на берегу р. Катунь, на второй надпойменной террасе, возвышающейся над уровнем поймы примерно на 5 м. Основная часть находок сконцентрирована внутри и вокруг жилищ. На межжилищном пространстве находки единичны.

Наиболее интересные находки сделаны в «восточном» жилище, в котором в 2008 г. обнаружен подпрямоугольный каменный очаг. В ходе ра-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №10-01-60106а/Т «Исследование, сохранение и актуализация историко-культурного наследия археологического микрорайона «Бирюзовая Катунь».

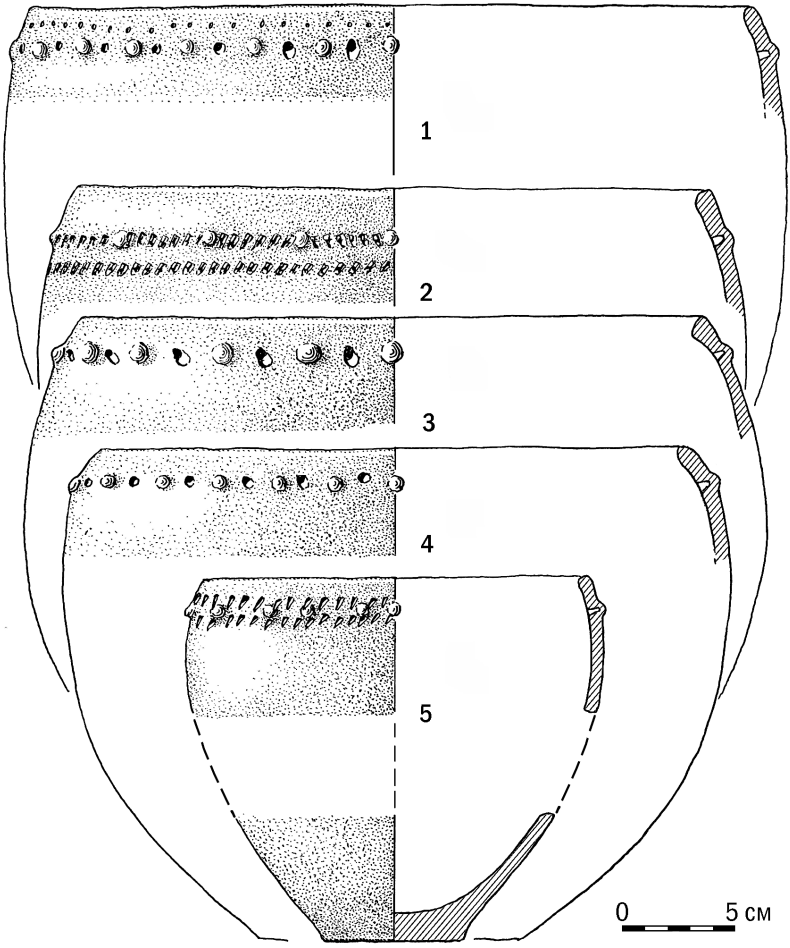

Рис. 1. Керамика с поселения Бирюзовая Катунь-7

бот 2010 г. прослежено заполнение жилища подпрямоугольной формы размерами 8×6 м, темного гумусированного цвета, которое выделялось на фоне светлой супеси. Котлован жилища полуземляночного типа углублен в грунт на 0,3–35 см от материка (0,5–0,6 м от дневной поверхности). Прослежен выход подпрямоугольной формы в сторону р. Катунь. В заполнении жилища в южной части прослежено небольшое углубление, в котором обнаружены два костяных (рис. 1, *11*) и один бронзовый

наконечники стрел (с. 120, рис. 1, *1*). В заполнении жилища встречены бронзовый нож (с. 120, рис. 1, *1*), бронзовое шило (с. 120, рис. 1, *2*), три целых керамических пряслица (с. 120, рис. 1, *7–9*) и два обломка (с. 120, рис. 1, *4, 5*), камень со следами обработки (с. 120, рис. 1, *3*), а также развалы пяти сосудов баночного типа с орнаментом (рис. 1).

За пределами жилища в юго-восточной части раскопа выявлен очажок, выложенный из крупных галек. За границами сооружения на отметках 0,25–0,6 м от уровня современной почвы встречались фрагменты керамики, общее количество которых насчитывало несколько сот.

В «западном» жилище обнаружено два керамических пряслица (одно орнаментированное) и развалы нескольких сосудов баночной формы, орнаментированных вдавлениями и жемчужником по венчику.

Керамика, орнаментированная пояском жемчужника в сочетании с ямками, семечковидными вдавлениями, довольно часто содержится в поселенческих комплексах Алтая раннего железного века 2-й половины I тыс. до н. э. [1, рис. 46–61), а также в погребальных памятниках, датирующихся вплоть до хуннуского времени – II в. до н. э. – I в. н. э. [3, с. 206–208, рис. 1–3; 2, с. 129–135, рис. 1, *3, 5*]. Определенный интерес среди них представляет фрагмент сосуда, украшенный зубчатым штампом (рис. 1, *2*), аналогии которому в опубликованных коллекциях посуды раннего железного века с территории Алтая нам не известны. Это пока первый поселенческий комплекс открытого типа обозначенного хронологического периода, выявленный на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» (до этого находки керамики раннего железного века были известны только в пещерных комплексах: слоях Тавдинского Грота, Малого Тавдинского Грота, гротов Бирюзовая Катунь-5, 6).

Определенный интерес представляют керамические пряслица, два из которых орнаментированы. Три из них представлены целыми изделиями и два – обломками. В целом данный тип изделий довольно характерен для поселенческих и погребальных комплексов эпохи железа Алтая.

Бронзовый нож, обнаруженный в ходе раскопок памятника, прямых аналогий не имеет. Однако его форма и материал сближают данное изделие с предметами раннескифского времени.

Бронзовое шило, обнаруженное на дне жилища, находит многочисленные аналогии в погребальных и поселенческих комплексах эпохи бронзы – раннего железного века Алтая.

Наконечники стрел, зафиксированные в раскопе, также характерны для погребальных и поселенческих комплексов эпохи раннего железа. Аналогичные изделия встречаются в материалах майэмирской, староалейской, быстрянской и пазырыкской культур.

Вопрос о культурной принадлежности выявленного памятника будет решен после тщательной камеральной обработки материалов.

В ходе работ 2010 г. была исследована аварийная часть памятника попадающая в зону строительства автодороги. Остались неисследованными участки памятника в восточной и западной части (около берега р. Катунь и ближе к скале). Необходимость продолжения раскопок в данном пункте не вызывает сомнений в связи с активным туристическим освоением этой территории и хозяйственно-строительными мероприятиями, а также с общей слабой изученностью поселенческих комплексов раннего железного века на левобережье Нижней Катуни.

Источники и литература

1. Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н. э. Барнаул, 1997. 148 с.
2. Тишкин А. А. Керамические сосуды хуннского времени могильника Яломан II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 129–135.
3. Худяков Ю. С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 206–211.

В. П. Семибратов, А. А. Тишкин, К. Ю. Кирюшин

Предметный комплекс поселения Бирюзовая Катунь-7[1]

Поселение Бирюзовая Катунь-7 находится в Алтайском районе Алтайского края на террасе левого берега Катуни, в 2,31 км к югу–юго-западу от грота Тавдинского.

В связи с началом строительства шоссе были предприняты археологические исследования. Общая площадь раскопок составила 928 м^2. Культурный слой залегал на глубине 0,25–0,35 см. В ходе работ выявлены две жилищные конструкции. Основная часть находок оказалась сконцентрирована внутри и вокруг них. Наиболее интересные находки сделаны в «восточном» жилище, в котором зафиксирован каменный очаг прямоугольной формы.

Кратко рассмотрим обнаруженный предметный комплекс. Бронзовое шило (рис. 1, *2*), зафиксированное на дне жилища, имеет многочисленные аналогии в погребальных и поселенческих комплексах Алтая и Верхнего Приобья эпохи бронзы и раннего железного века. Уточнить датировку этого изделия в определенной мере помогает рентгенофлюоресцентный анализ, осуществленный с помощью спектрометра ALPHA SERIES (модель «Альфа-2000», производство США), который имеется на

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 10-01-60106а/Т «Исследование, сохранение и актуализация историко-культурного наследия археологического микрорайона „Бирюзовая Катунь“».

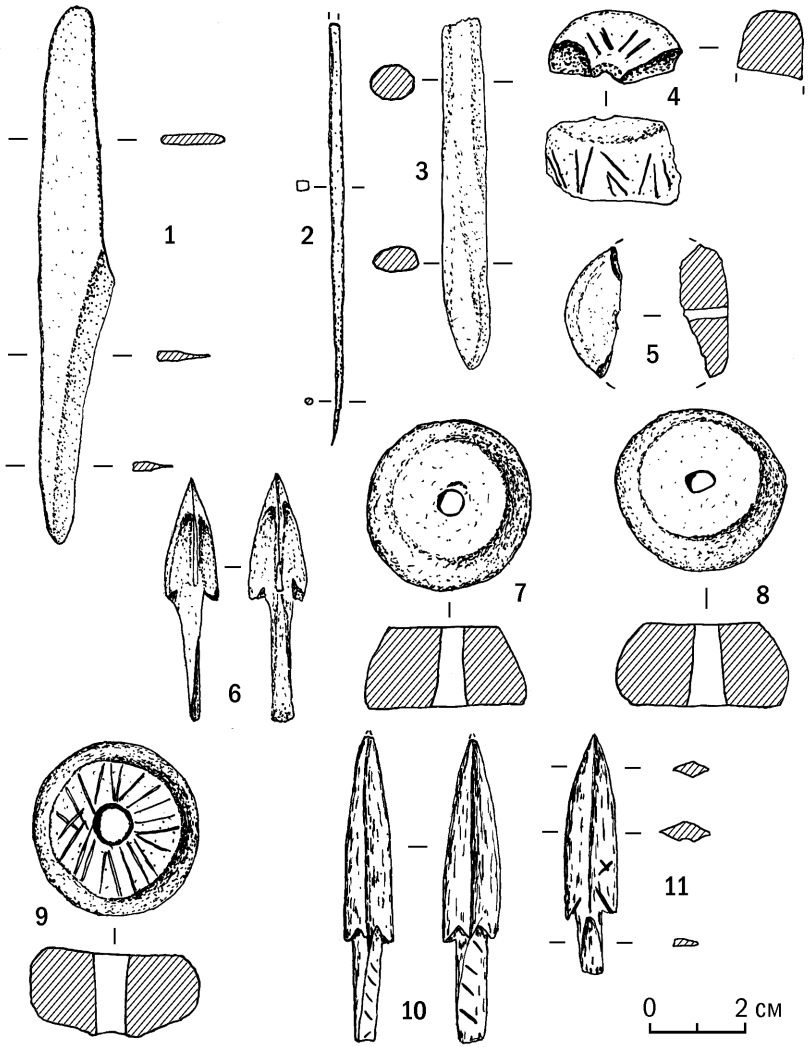

Рис. 1. Находки с поселения Бирюзовая Катунь-7

кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета: медь (Cu) – основа (>96%); олово (Sn) – 2,6%; мышьяк (As) – <1%; никель (Ni) – 0,4%; свинец (Pb) – 0,17%; железо (Fe) – 0,12%. Такой ряд показателей сплава более всего характерен для пазырыкского времени [6].

Бронзовый нож (рис. 1, *1*), обнаруженный в ходе раскопок памятника, аналогичен изделиям, которые определяются «раннескифским» временем и позже (до середины I тыс. до. н. э.) [2]. Рентгенофлюоресцентный анализ, проведенный с помощью того же прибора, продемонстрировал близкое сходство с данными по предыдущему предмету: Cu — основа (>97%); Sn — 1,66%; As — >0,5%; Ni — 0,18%; Pb — 0,14%; Fe — 0, 14%.

Наконечники стрел (рис. 1, *6*), зафиксированные в раскопе, также характерны для погребальных и поселенческих комплексов раннего железного века. Аналогичные изделия встречаются в материалах VI–V вв. до н. э. [3]. Изучение состава сплава, из которого сделан металлический наконечник, осуществлялось указанным прибором в двух разных местах. Сначала тестировался край черешка в месте снятия окислов, а потом исследовалось перо. Соответственно получены такие результаты, близкие к ранее представленным:

1) Cu — основа (>98%); Sn — 1,82%; As — следы;

2) Cu — основа (>96,5%); Sn — 2,34%; Fe — 0, 14%; As — 0,2%; Pb — 0,09%.

Аналогичная керамика довольно часто содержится в поселенческих комплексах Алтая раннего железного века [1], а также в погребальных памятниках, датирующихся от «раннескифского» времени вплоть до хуннского включительно — II в. до н. э. — I в. н. э. [4; 5 и др.].

В заключение следует отметить, что это пока первый поселенческий комплекс открытого типа обозначенного хронологического периода, выявленный на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» (до этого находки керамики раннего железного века были известны только в пещерных комплексах: слоях Тавдинского Грота, Малого Тавдинского Грота, гротов Бирюзовая Катунь-5, 6). Вопрос о культурной принадлежности памятника будет решен после тщательного изучения всех материалов.

Источники и литература

1. Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.
2. Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.: ил.
3. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н. э. М., 1997. 195 с.
4. Тишкин А. А. Керамические сосуды хуннского времени могильника Яломан II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 129–135.
5. Худяков Ю. С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 206–211.
6. Хаврин С. В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. С. 278–281.

В. И. Соёнов, С. В. Трифанова

Полевые археологические исследования

В полевой сезон 2010 г. сотрудниками Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ) проводились археологические работы на территории Республики Алтай. Экспедицией под руководством заведующего научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии, канд. ист. наук, доцента В. И. Соёнова осуществлялись археологические изыскания в Кош-Агачском, Майминском, Онгудайском районах Республики Алтай по научно-исследовательским проектам Минобрнауки Российской Федерации и Правительства Республики Алтай, а также в рамках научно-исследовательского хоздоговора между ГАГУ и государственным некоммерческим учреждением «Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай» [2; 11, с. 3–6]. Полевые археологические работы производились по Открытым листам В. И. Соёнова № 186 (выданному Росохранкультурой на основании распоряжения от 9 июня 2010 г.) и № 932 (выданному на основании распоряжения от 10 сентября 2010 г.). В исследованиях принимали участие сотрудники лаборатории канд. ист. наук, ведущий науч. сотрудник С. В. Трифанова, канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, доцент А. В. Эбель, науч. сотрудник Н. А. Константинов, И. А. Николаев, мл. науч. сотрудник Е. А. Штанакова, Д. В. Соёнов, А. Г. Сипатрова и др.

В середине июня – середине июля в Майминском районе нами были продолжены исследования на Манжерокском и Черемшанском городищах [3, с. 45–46; 5, с. 84–88; 6, с. 46–47; 64–65; 9, с. 21–22; 10, с. 186–188]. В этот же период было обследовано городище Барангол-5 [4, с. 185–187; 7, с. 9]. На всех трех памятниках в разведочных целях были заложены шурфы и произведен сбор подъемного материала. Полученный инвентарь представлен многочисленными фрагментами керамических сосудов (рис. 1), костями животных, обломками курантов зернотерки и т. д. Рассмотрение топографии и планиграфии Манжерокского, Черемшанского и Барангольского городищ, а также анализ инвентаря позволяют предварительно датировать эти памятники, как и городища Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4, первыми веками нашей эры и отнести их к объектам Горного Алтая гунно-сарматского времени [2; 11, с. 3–6].

В августе–сентябре под руководством В. И. Соёнова в Онгудайском районе проводились исследования петроглифов и раскопочные работы. На петроглифическом комплексе Калбак-Таш-2 [8, с. 49] изучались разновременные изображения, выполненные в технике выбивки и гравировки. На могильнике Степушка-2 [1], расположенном в долине р. Урсул, раскопано 64 каменных объекта (рис. 2): курганы и кольца с погребениями,

Рис. 1. Процесс раскопок на могильнике Степушка-2. Онгудайский район

а также кольца, выкладки и т. д. без погребений. В раскопанных могилах костяки были ориентированы головой преимущественно в северо-восточный сектор, но встречались погребения с ориентировкой в северный и западный секторы. Из предметов сопроводительного инвентаря найдены: детали предметов вооружения (костяные и железные наконечники стрел, железные кинжалы; костяные накладки луков и т. д.); предметы украшения и туалета (стеклянные, костяные и каменные бусины, железная диадема, бронзовые бляшки, фрагмент бронзового зеркала, подвески из зубов и кости и т. д.); предметы снаряжения коня (железные удила с кольчатыми и стержневыми псалиями, костяные цурки, подпружные пряжки и т. д.); орудия труда (железные ножи, обломки каменных жерновов и т. д.). Раскопанные погребения могильника Степушка-2 по элементам погребального обряда и облику предметов сопроводительного инвентаря относятся к булан-кобинской культуре и датируются первыми веками н. э. [2; 11, с. 3–6].

В июле–августе аспиранткой Б. В. Якояковой в Кош-Агачском районе продолжено изучение и копирование гравированных и выбитых наскальных рисунков в урочище Сёёк-Тыт на р. Чаганка выше с. Старый

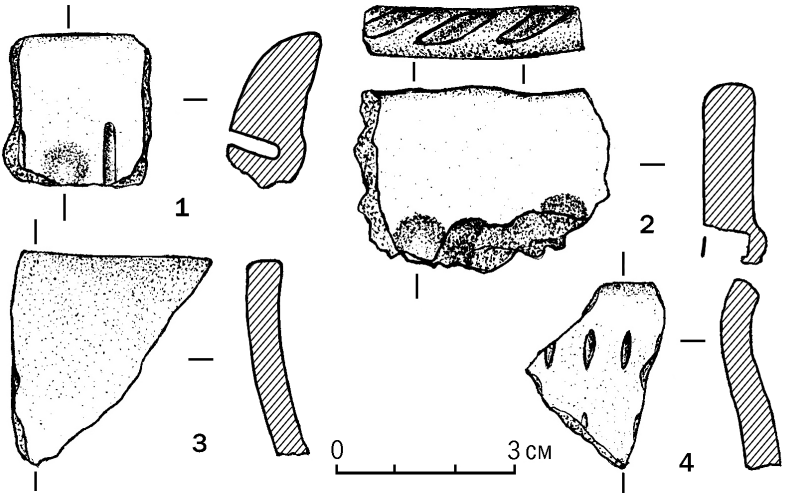

Рис. 2. Фрагменты венчиков керамических сосудов. Черемшанское городище. Майминский район

Белтир, начатые в предыдущем полевом сезоне 2009 г. [12, с. 71–72], а также осуществлено копирование гравированных рисунков в урочище Абыдьяй на левом берегу р. Чаганки. Изученные изображения относятся к разным историческим периодам – от бронзового века до этнографической современности.

В Кош-Агачском районе исследования проводились канд. ист. наук, ст. науч. сотрудником, доцентом А. В. Эбелем, который работал совместно с группой бельгийских коллег под руководством проф. Ж. Буржуа и проф. Р. Гуссенс. Они продолжили многолетний мониторинг температурного режима почвы в бассейнах рек Уландрык, Тархата, Каланегир, Тара, Джазатор, Ак-Алаха и Бертек, а также завершили картографирование памятников на участке долин рек Юстыд и Бар-Бургазы, взяли пробы для термолюминесцентного анализа из-под каменных конструкций археологических объектов Юстыда.

Заведующим кафедрой ГАГУ, канд. ист. наук, доцентом Э. П. Дворниковым в конце июня – начале июля проведена археологическая практика студентов 1 курса в долине Каракола, в ходе которой осуществлено обследование археологических памятников на территории природного парка «Ӱч-Энмек». В полевом сезоне 2010 г. сотрудники Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Н. А. Константинов и Е. А. Штанакова продолжили разведоч-

ные работы в окрестностях с. Ильинка Шебалинского района, начатые в предыдущий полевой сезон [7, с. 40–43].

Таким образом, исследования, произведенные в 2010 г. сотрудниками Горно-Алтайского государственного университета совместно с коллегами из других учреждений, расширили сведения о древних и средневековых археологических памятниках Горного Алтая. Наибольшее количество новых научных данных получено нами по городищам и погребальным памятникам гунно-сарматского времени.

Источники и литература

1. Мамадаков Ю. Т. Отчет о полевых археологических работах на участке автомобильной дороги «Примыкание к автодороге М-52 „Чуйский тракт“ на км 651 в районе урочища реки Урсул». Барнаул, 2010. (Архив АКИН).
2. Соёнов В. И. Отчет об археологических исследованиях объектов культурно-исторического наследия на памятниках Степушка-2 и Эне-Межелик, попадающих в зону строительства примыкания к автомобильной дороге М-52 «Чуйский тракт» на км 651 в районе урочища реки Урсул. Горно-Алтайск, 2010. (Архив АКИН).
3. Бородовский А. П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. № 9. С. 42–52.
4. Бородовский А. П. Продолжение археологического обследования правобережья горной долины Нижней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 183–189.
5. Киреев С. М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). Барнаул, 1991. С. 84–88.
6. Киреев С. М., Акимова Т. А., Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. 144 с.
7. Константинов Н. А., Штанакова Е. А. Археологические разведки в окрестностях с. Ильинка // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2008 г. (Археология, этнография, устная история). Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 40–43.
8. Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
9. Соёнов В. И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003. 160 с.
10. Соёнов В. И. Отчет об археологических исследованиях в 2009 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. № 1–2 (13–14). С. 186–188.
11. Соёнов В. И. Полевые археологические исследования научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010б. № 3 (15). С. 3–6.
12. Якоякова Б. В. Изучение наскальных рисунков урочища Сёёк-Тыт (Чаганка) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2009 г. (Археология, этнография, устная история). Барнаул, 2009. Вып. 6. С. 71–72.

А. Н. Телегин

К археологической карте Алейского и Шипуновского районов Алтайского края

В весеннее-осенний период 2010 г. Степной отряд археологической экспедиции АлтГПА осуществлял обследование отдельных участков бассейна р. Алей с целью выявления новых и мониторинга уже известных курганных могильников. В результате проведенных работ список археологических памятников Шипуновского и Алейского районов Алтайского края пополнился тремя новыми объектами.

Курганная группа Солнечный-1. Некрополь находится в 4400 м к северо-западу от одноименного поселка Алейского района. Его географические координаты по показаниям JPS-приемника: N – 52° 32.117′, E – 082° 44.484′. Визуально в группе прослеживаются два кургана, расположенные по линии север–юг, в 66 м друг от друга. Насыпи курганов существенно снивелированы ежегодной распашкой. На момент обследования размеры насыпей составляли: диаметр – 20,0–25,0 м, высота – 0,4–0,7 м (рис. 1).

Одиночный курган Алтай-3. Памятник находится в 3700 м северо-западу от полевого стана бригады № 3 СПК им. Гринько (территория быв-

Рис. 1. Курганная группа Солнечный-1. Вид на курган № 1 с северо-запада

Рис. 2. Одиночный курган Алтай-3. Вид на курган с северо-запада

Рис. 3. Курганная группа Объездное-3. Вид на курган № 2 с северо-запада

шего села Алтай) Шипуновского района. Его географические координаты, по показаниям JPS приемника: N – 52°27.075′, E – 081°54.760′. Курган расположен на территории лесополосы, благодаря чему его поверхность осталась нераспаханной. На момент обследования размеры насыпи составляли: диаметр – около 30,0 м, высота – около 1,0 м (рис. 2).

Курганная группа Шипуново-2. Памятник находится на пашне, в 550 м к северу от перекрестка, соединяющего трассу А-349 с автодорогой, ведущей в районный центр Шипуново. Ее географические координаты по показаниям JPS-приемника: N – 51° 50.215′, E – 085° 40.8751′. На момент обследования в некрополе насчитывалось два кургана, расположенных по линии север–юг, в 42 м друг от друга. Поверхность южного кургана опахивается, северного – подвергается интенсивной распашке. Диаметр насыпи первого кургана составил около 15,0 м, второго – около 25,0 м, высота – 0,25 и 0,55 м соответственно.

Мониторинг стоящих на учете археологических памятников Шипуновского района в одном случае позволил выявить новый объект: при обследовании территории, прилежащей к одиночному, как прежде считалось, кургану Объездное-3 [1, с. 52–53], в 100 м к северо-западу от него, была обнаружена насыпь еще одного кургана. Его географические координаты, по показаниям JPS-приемника: N – 52° 28.360′, E – 082° 05.075′. В отличие от ранее известного кургана, поверхность которого почти не подвергается антропогенному воздействию, насыпь выявленного объекта интенсивно распахивается. На момент обследования размеры насыпи составляли: диаметр – около 25 м, высота – 0,45 м (рис. 3).

Источники и литература

1. Телегин А. Н. Новые некрополи в окрестностях курганной группы Объездное-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 50–53.

А. А. Тишкин, А. А. Гольева

Микробиоморфные исследования насыпи кургана № 4 на памятнике Бугры[1]

Уже в течение пяти полевых сезонов на памятнике Бугры в Рубцовском районе Алтайского края проводят совместные работы экспедиции Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа. За прошедший период получен значительный объем археологических материалов при раскопках курганов № 1 и 4. При этом реализуется

[1] Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10-01-60700е/Т «Продолжение полевых исследований погребального комплекса Бугры на территории северо-западных предгорий Алтая».

программа междисциплинарных исследований: осуществлена тахеометрическая съемка, проведены геофизические изыскания, получено несколько радиоуглеродных датировок, выполнены ксилотомические определения древесины, рентгенофлюоресцентные анализы находок из цветных металлов, начато дендрохронологическое изучение взятых образцов, рассмотрен остеологический материал и т. д.

Очередная возможность расширить знания о древней истории народов северо-западных предгорий Алтая была реализована летом 2010 г. Были отобраны серии проб почв из имеющихся разрезов земляных насыпей курганов, затем все подготовительные и аналитические работы проводились в химической лаборатории Института географии РАН по стандартным методикам. Исследования должны были решить несколько задач. О выполнении одной из них сообщается в настоящей статье, причем речь идет в основном о кургане № 4, раскопки на котором ведутся под руководством одного из авторов публикации. Следует отметить, что все работы по снятию надмогильной части осуществляются вручную.

В ходе раскопок на указанном объекте была отмечена своеобразная структура первоначальной насыпи, которая во многих местах оказалась повреждена грабителями и изрыта грызунами. Однако сохранились нетронутыми и большие древние участки, причем это была не просто наброска земли, а специально сделанное надмогильное сооружение. В разрезах фиксировалась слоистость, а грунт оказался очень твердым и как бы спрессованным. Фиксируя и описывая профили бровок, нельзя было не заметить разную цветовую гамму слоев и прослоев. Особенно выделялись линии бурого цвета с уплотнением слипшегося характера. В результате возникла рабочая гипотеза о том, что землю укладывали на подготовленную площадку своеобразным способом: сначала насыпали слой земли, затем на него сверху для цементирования наливали илистую массу, далее формировался новый слой, который утрамбовывался по всей площади, и эта операция повторялась несколько раз. Такая система напоминает приемы строительной практики в Древнем Китае. Подтвердить, дополнить или опровергнуть эти предположения должны были анализы взятых пробных образцов, в качестве которых выступали наиболее характерные прослои разного цвета. Этой работе способствовало то обстоятельство, что исследования, проведенные в предыдущем полевом сезоне, позволили получить полный разрез кургана № 4 по линии Ю–С (бровка А–А′) и более или менее полное представление обо всем строении надмогильного сооружения.

В качестве примера показана часть длинной бровки на участке, где осуществлялись отборы проб (рис. 1). Следует отметить, что между про-

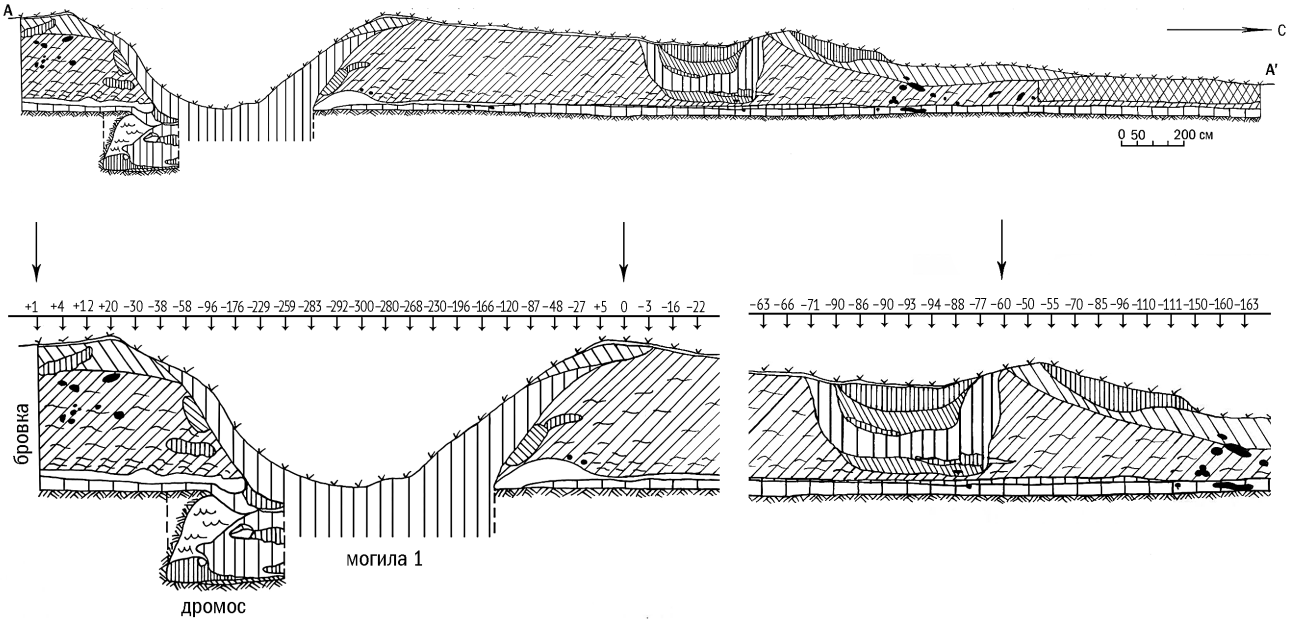

Рис. 1. Бугры. Курган № 4. Часть разреза центральной бровки

слоями в «насыпи» кургана отсутствуют признаки почвообразования. Это свидетельствует об одновременном создании сооружения. Каких-либо подсыпок в течение того периода и позже не осуществлялись.

Из выявленных прослоев выбраны характерные образцы белесого, бурого и черного цветов и рассмотрен их состав. Эти данные существенно расширили наши представления о конструкции кургана. Оказалось, что белесый прослой отличается от всех остальных обилием крупных кутикулярных слепков, в нем много травянистого детрита и есть малая примесь древесного. Фитолиты выявлены в значительном количестве. В их составе преобладают степные травы, хотя есть примесь и иных растений, например тростника (но немного). Интересно, что зафиксировано относительно большое количество целых панцирей диатомовых водорослей. Все названные показатели свидетельствуют о неоднородном по составу слое. В основном это мог быть настил из разных трав (преимущественно степных), а также мхов и тростника. Скорее всего, травы использовались свежие, особенно тростник, поскольку только на свежих травах есть целые диатомовые водоросли. Не исключено также, что «настилы» из трав поливались водой. Кроме трав, в небольшом количестве присутствовали ветви деревьев и/или кустарников. Возможно, среди них были и хвойные, что объясняет присутствие данных фитолитов в образце.

Бурый слой характеризуется большим количеством фитолитов, есть травянистый детрит и небольшая доля древесного. Встречена одна корродированная спикула губки. В фитолитном комплексе отмечено много степных форм, но в небольших количествах имеются и другие. При этом следует отметить отсутствие кутикулярных слепков, т. е. травы добавлялись в слой в переработанном или в разложившемся виде. Выявленные показатели свидетельствуют о том, что в толщу насыпи без сомнения добавлялась органическая масса, но не в виде растительных остатков. Скорее всего, в качестве примеси использовался речной ил и/или для вязкости добавлялся навоз животных.

Черный слой выделяется среди всех других образцов обилием фитолитов. Там также зафиксировано много обугленного детрита, как травянистого, так и древесного (при преобладании травянистого). Кроме фитолитов, есть спикулы губки и обломки панцирей диатомовых водорослей. Все частицы обуглены. В фитолитном комплексе присутствуют формы, характерные для сорной флоры (крапивы или конопли). Они также обуглены. Этот слой отражает золистый материал. Сжигались в основном травы, доля деревьев была меньше. Учитывая обилие фитолитов и доминирование в них лугово-степных трав, можно предположить, что в качестве топлива мог использоваться кизяк. Возможно иное объясне-

ние происхождения зафиксированного золистого материала: например, зола из костра, где сжигались растения, просто рассыпалась и оказалась частью слоя.

Для сравнения подобная работа проводилась и на кургане № 1. Были отмечены некоторые элементы сходства и различия. Для обоих курганов можно говорить о создании настила из древесины на поверхности почвы перед сооружением насыпи, но если в кургане № 1 этот настил фиксируется под двумя из трех рассмотренных участков, то в кургане № 4 – только под одним из трех.

Исследование прослоев насыпей на памятнике Бугры показало их неоднородность. Прослои насыпей создавались из глины с примесью ила и/или навоза (бурые слои), есть прослои из золистого материала (преимущественно из пережженных трав), а в ряде случаев создавались настилы из различных растений, преимущественно степных. Использование стеблей или листьев конопли для последних настилов не выявлено.

Таким образом, пробные анализы образцов из насыпи курганов на памятнике Бугры свидетельствуют о перспективности такой научно-исследовательской практики и требуют продолжения работ в выбранном направлении.

А. А. Тишкин, В. В. Горбунов, Н. Н. Серегин

Продолжение археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай[1]

В последние десятилетия исследователями различных научных центров накоплен значительный опыт в области систематизации погребальных, поминальных и, в меньшей степени, поселенческих комплексов Республики Алтай [2, 3, 5–7 и др.]. Вместе с тем очевидна необходимость продолжения археологических работ, направленных на выявление и всестороннюю фиксацию археологических памятников региона. В ходе такой работы возможно получение значительного объема научной информации, которая обеспечит решение ряда проблем без трудоемких раскопок. Кроме этого, в современных условиях практически бесконтрольного землепользования важно вовремя поставить на государственный учет объекты культурно-исторического наследия.

В полевых сезонах 2009–2010 гг. участниками отдельного отряда Яломанской археологической экспедиции Алтайского государственного

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

университета (руководитель А. А. Тишкин) были продолжены разведочные работы, предполагавшие выявление и всестороннюю фиксацию новых и мониторинг уже известных объектов в различных частях Онгудайского района Республики Алтай. Некоторые результаты подобных исследований, проводившихся в прошлые годы, уже опубликованы [4, 8–12 и др.].

В ходе работ Яломанской экспедиции АлтГУ в Уркошском археологическом микрорайоне сплошным обследованием ранее не был охвачен участок в южной части урочища. Именно там зафиксирован новый памятник, получивший очередное обозначение Уркош XIII. Погребальный комплекс расположен на высокой левобережной террасе Катуни, в 2,1 км к ССЗ от устья р. Большой Яломан, в 0,7 км на запад от Чуйского тракта. Географический координаты курганного могильника, обнаруженного в 0,4 км к юго-западу от известного памятника Большой Яломан II, следующие: курган № 1 — N — 50° 32.459′; E — 086° 33.723′; курган № 7 — N — 50°32.480′; E — 086°33.744′. В 30 м на север от крайнего объекта памятника находится животноводческая стоянка (зимник). Село Малый Яломан располагается в 4,5 км на ЮЮВ от указанного археологического комплекса, который представляет собой цепочку курганов, выстроенных по линии ЮЮЗ–ССВ. Всего выявлено восемь объектов: пять курганов и три выкладки. Планиграфия памятника и особенности наземных конструкций позволяют отнести курганный могильник к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI — III вв. до н. э.).

В ходе мониторинга памятников Уркошского микрорайона, осуществленного в 2010 г., помимо уточнения сведений об уже известных объектах, было зафиксировано несколько новых. Представим их краткую характеристику.

Уркош XVI. Местонахождение петроглифов расположено на склоне горы, в 54 м к западу от археологического комплекса Уркош VI. Географические координаты данного объекта, полученные с помощью GPS-приемника: N — 50° 33.326′; E — 086° 33.687′. Высота над уровнем моря — 841 м. Наскальные рисунки (преимущественно изображения козлов и оленей) обнаружены на нескольких плоскостях, обращенных на восток и юго-восток.

Уркош XVII. Местонахождение петроглифов зафиксировано в 98 м к западу от описанного выше некрополя Уркош XIII. Географические координаты данного памятника по GPS-приемнику следующие: N — 50° 32.526′; E — 086° 33.721′. Высота над уровнем моря — 817 м. Изображения расположены на склоне горы, на одной плоскости. Отмечено несколько фигур оленей и козлов. Ряд рисунков, судя по всему, сколот.

Уркош XVIII. Местонахождение петроглифов зафиксировано в 300 м на север от археологического комплекса Уркош III. Географические координаты данного памятника по GPS-приемнику такие: N — 50° 32.958′; E — 086° 33.902′. Высота над уровнем моря — 922 м. Изображения находятся на высоко расположенной скальной плоскости и представлены рисунками животных (в основном козлов).

Уркош XIX. Памятник находится в 450 м к северу—северо-востоку от святилища Уркош XV и в 190 м к югу от местонахождения петроглифов Уркош XI. Он представляет собой одиночный каменный курган округлой формы с небольшой западиной. Размеры объекта — 4,8×4,7 м, высота — 0,25 м, параметры западины — 1,9×1,6 м, глубина — 0,2 м. В 92 м к востоку от кургана проходит Чуйский тракт, а в 40 м к югу — полевая дорога, ведущая к зимнику. Зафиксированы его следующие географические координаты с помощью GPS-приемника: N — 50° 32.207′; E — 086° 34.410′. Высота над уровнем моря — 731 м.

Уркош XX. Местонахождение петроглифов расположено в 200 м к северу от объекта Уркош XII, в 150 м на запад от Чуйского тракта. Получены такие географические координаты данного памятника по GPS-приемнику: N — 50° 32.564′; E — 086° 34.445′. Высота над уровнем моря — 732 м. Рисунки, в основном изображения козлов, зафиксированы на южной стороне крупного валуна.

Обнаруженные наскальные рисунки датируются преимущественно ранним железным веком. Некоторые изображения, судя по всему, нанесены позднее и относятся к этнографическому времени. Хронология зафиксированного одиночного кургана до раскопок может быть определена в широких рамках — от раннего железного века до средневековья.

Помимо выявления и фиксации новых комплексов, на территории урочища Уркош были осуществлены раскопки обнаруженного ранее объекта Уркош X [11, рис. 4]. До раскопок памятник представлял собой задернованную одиночную ограду, стенки которой состояли из вертикально вкопанных в землю небольших камней. Для изучения объекта был заложен раскоп площадью 4,5×4 м. В результате была подтверждена зафиксированная структура разреженной ограды, размеры которой составили 4×3,2 м. Высота вертикально вкопанных камней варьировала в пределах 0,1–0,25 м. У северной линии ограды обнаружен каменный ящик из плит размерами 1,1×1,1 м. Внутри него на глубине 0,22 и 0,4 м находились плоские плиты, составлявшие перекрытие. Глубина ямы 0,6 м. Каких-либо находок не обнаружено (рис. 1). Отсутствие известных аналогий исследованному объекту пока затрудняет хронологическую и культурную атрибуцию памятника, однако дальнейшие исследования

подобных оградок, возможно, позволят определить необходимые показатели.

На сегодняшний день на территории Уркошского археологического микрорайона обнаружено 25 памятников. Значительное количество объектов представлено погребально-поминальными комплексами, датируемых временем от энеолита до средневековья. Зафиксированы также два святилища и девять местонахождений петроглифов. Продолжение работ на территории урочища Уркош, а также полная публикация уже имеющихся результатов будут способствовать изучению особенностей формирования подобных локальных археологических микрорайонов, что особенно актуально в связи с продолжающимися дискуссиями о наполнении значением широко используемого термина [1].

Следующим участком работ, о котором пойдет речь в данном сообщении, стала долина р. Урсул неподалеку от с. Шашикман Онгудайского района Республики Алтай. Памятники возле этого населенного пункта долгое время не привлекали внимания специалистов. Информация о некоторых разновременных объектах в этой местности приведена в монографии «Древности Чуйского тракта» [2, с. 50–52], посвященной публикации сводки памятников, находящихся в зоне главной автомагистрали Республики Алтай. В ней указаны разновременные комплексы Шашикман I–VII, и приведена их краткая характеристика. Более полная и точная информация в этом плане имеется в отчете В. И. Соенова [5], непосредственно проводившего там обследования. Согласно этим данным, все выявленные комплексы расположены к востоку и юго-востоку от с. Шашикман. Памятники, обследованные отрядом Яломанской археологической экспедиции, локализуются к западу–северо-западу от указанного населенного пункта. В полевом сезоне 2008 г. там был выявлен курганный могильник Шашикман VIII [11, с. 52–53, рис. 6]. Продолжение работ в этом районе позволило зафиксировать ряд новых комплексов.

Шашикман IX. Памятник обнаружен в 0,8 км к западу от комплекса Шашикман VIII, на левом берегу р. Урсул (приток Катуни), в 0,34 км к северу от нее, в 0,23 км к северу от полотна Чуйского тракта и в 1,07 км к западу–юго-западу от окраины с. Шашикман Онгудайского района Республики Алтай. В 4,3 км на запад–северо-запад от него находится мост через р. Урсул. Географические координаты кургана № 1 данного памятника по GPS-приемнику такие: N – 50° 47.946′; E – 086° 01.842′. Высота над уровнем моря – 909 м. Зафиксированный комплекс расположен на ровном участке, покрытом низкой степной растительностью. Памятник состоит из средних по размеру каменных и ка-

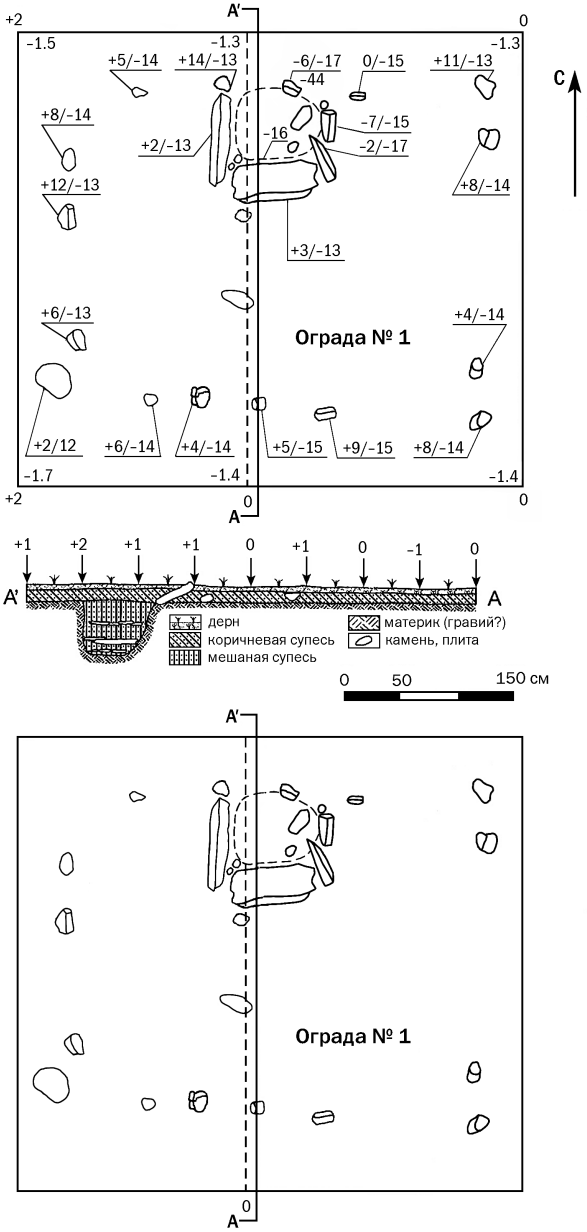

Рис. 1. Исследованная одиночная ограда Уркош X

менно-земляных объектов, которые расположены вокруг одного крупного кургана, находящегося в центре археологического комплекса. Всего выявлено 13 сооружений. Судя по всему, центральный курган относится к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI–III вв. до н. э.). Предварительная датировка остальных объектов до раскопок может быть определена в рамках от раннего железного века до позднего средневековья.

Шашикман X. Памятник обнаружен в 0,3 км к западу–северо-западу от комплекса Шашикман IX, на левом берегу Урсула, в 0,35 км к северу от нее, в 0,195 км к северу от полотна Чуйского тракта и в 1,37 км к западу–юго-западу от окраины с. Шашикман Онгудайского района Республики Алтай. В 4 км на запад–северо-запад от археологического комплекса находится мост через р. Урсул. Географические координаты самого южного кургана № 1 данного памятника по GPS-приемнику следующие: N – 50° 47.956′; E – 086° 01.565′, а кургана № 6 (самый северный объект) такие – N – 50° 48.0081′; E – 086° 01.585′. Высота над уровнем моря – соответственно 886 и 902 м. Зафиксированный памятник, который находится на ровном участке с низкой степной растительностью, состоит из крупных каменных и каменно-земляных курганов, расположенных цепочкой по линии ЮЮЗ–ССВ, а также из нескольких объектов, выявленных с восточной стороны и между ними. Всего на памятнике отмечено 12 сооружений. Планиграфия некрополя, а также особенности сооружений, фиксируемых визуально, позволяют сделать выводы о датировке объектов. Крупные курганы, вероятнее всего, относятся к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI – III вв. до н. э.). Предварительная датировка остальных объектов до раскопок определяется в рамках от раннего железного века до средневековья.

К западу от описанных археологических комплексов выявлено еще два крупных памятника, которым присвоены очередные обозначения Шашикман XI и Шашикман XII. Всестороннюю фиксацию этих объектов предполагается осуществить в ближайшее время.

Таким образом, продолжение работ в Онгудайском районе Республики Алтай обеспечит дальнейшее накопление археологических материалов, позволяющих не только корректировать и дополнять уже имеющиеся данные, но и выявлять новые и ранее неизвестные объекты.

Источники и литература

1. Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2009. 168 с.
2. Бородовский А. П., Ойношев В. П., Соенов В. И., Суразаков А. С., Танкова М. В. Древности Чуйского тракта. Горно-Алтайск, 2005. 103 с.

3. Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В., Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск, 2004. 255 с.
4. Серегин Н. Н. Археологические комплексы у с. Шашикман (Республика Алтай) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. Иркутск, 2010. С. 267–269.
5. Соенов В. И. Отчет об археологических исследованиях в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 2003. (Архив АКИН).
6. Соенов В. И., Ойношев В. П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. 100 с.
7. Соенов В. И., Суразаков А. С. Археологические памятники особо охраняемых природных территорий Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2001. 68 с.
8. Тишкин А. А., Матренин С. С., Горбунов В. В. Археологические памятники в урочище Уркош // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4. С. 156–165.
9. Тишкин А. А., Матренин С. С., Серегин Н. Н. Уркошский археологический микрорайон на Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2009. С. 129–134.
10. Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Выявление новых и мониторинг известных объектов в Онгудайском районе Республики Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2009. Вып. V. С. 36–40.
11. Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Итоги археологического обследования в Онгудайском районе Республики Алтай // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. Вып. 1–2 (13–14). С. 49–59.
12. Тишкин А. А., Серегин Н. Н. История изучения памятников Уркошского археологического микрорайона // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. № 3 (15). С. 129–133.

А. С. Федорук, Д. В. Папин

Археологические исследования в Центральной Кулунде и Барнаульском Приобье в 2010 г.[1]

Летом 2010 г. совместной экспедицией Алтайского государственного университета и Барнаульской лаборатории археологии Южной Сибири ИАиЭт СО РАН было продолжено полевое изучение двух крупных объектов эпохи развитой и поздней бронзы юга Западной Сибири — поселения Жарково-3 и грунтового могильника Фирсово XIV.

[1] Работы выполнены при финансовой поддержке грантов РГНФ № 10-01-60702е/Т «Комплексные археологические исследования в степном Алтае», № 09-01-60104а/Т «Бронзовый век Алтая», федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной Сибири с древнейших времен до современности» и средств Президиума СО РАН.

Поселение Жарково-3 расположено в Баевском районе Алтайского края в 2,3 км к северо-западу от с. Покровка, на второй надпойменной террасе р. Кулунда. На территории памятника фиксируется семь жилищных западин округлой или овальной в плане формы, размерами 100–300 м^2, расположенных двумя рядами вдоль старицы р. Кулунда. Памятник обнаружен А. С. Федоруком в 2004 г. в ходе мониторинга современного состояния поселения Жарково-1, находящегося в 100 м к югу, на первой надпойменной террасе р. Кулунда, у края ленточного бора [10] и целенаправленно изучался авторами с 2005 г. Основные результаты этих работ регулярно публиковались [1–8]. За это время удалось вскрыть 832 м^2 площади памятника, где начато изучение зольника и трех жилищных конструкций.

Основной целью работ 2010 г. явилось доисследование остатков конструкций двух жилищ полуземляночного типа (рис. 1), а также изучение предполагаемой юго-западной окраины памятника с целью сопоставления материалов центрального и периферийного участков поселения Жарково-3. Работы на памятнике велись одновременно на трех участках, получивших наименования «западный», «северный» и «раскоп № 2».

Западный раскоп общей площадью 69 м^2 был прирезан нами к западному краю раскопа 2005–2009 гг. На этом участке удалось доисследовать жилище № 1: после снятия современного почвенного горизонта был довольно четко прослежен западный контур жилищного котлована, врезанный в зольник. Дальнейшая выборка по контуру жилища позволила выявить его стенку, фиксирующуюся на врезанном в материковый слой нижнем уровне. После выборки заполнения котлована жилища был выявлен и исследован ряд столбовых ямок, расположенных по внутреннему периметру стены. Таким образом, в настоящее время данное жилище целиком раскопано, и можно дать его предварительную общую характеристику: это крупная (площадью около 300 м^2) конструкция полуземляночного типа (глубина котлована до 1 м) с каркасно-столбовой основой, одним колодцем (глубина – 2,57 м от современной поверхности) в центральной части, двумя очагами, расположенными в противоположных концах конструкции, и объектом неясного назначения, располагавшимся возле колодца.

Обнаруженные на данном участке материалы представлены серией керамических фрагментов саргаринско-алексеевского, ирменского и донгальского обликов, большим количеством костей животных, камней, а также одним каменным изделием неясного назначения, что не противоречит предложенной ранее датировке данного объекта эпохой позд-

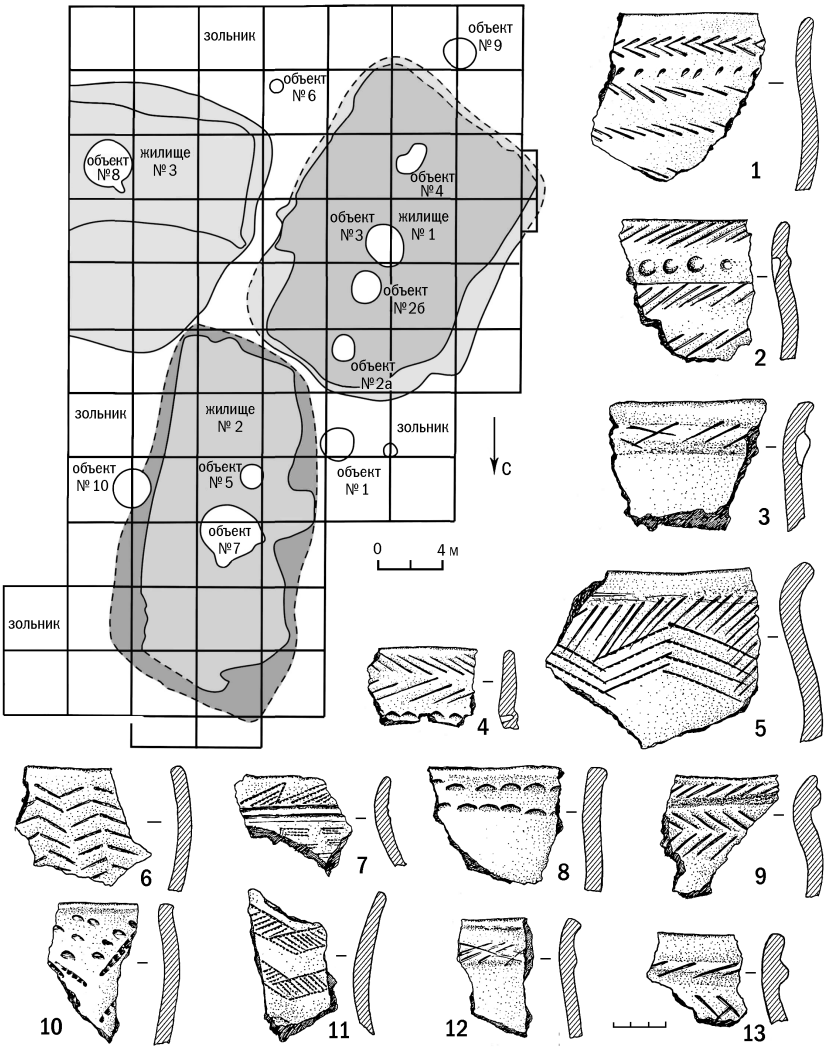

Рис. 1. План раскопа № 1 и керамика с поселения Жарково-3

ней бронзы и определению его культурной принадлежности как ирменско-саргаринской.

Северный раскоп площадью 208 м^2 был прирезан к северному краю старого раскопа. Здесь после исследования зольника, перекрывавшего сверху жилище № 2, удалось выявить контур жилищного котлована и

изучить его. После выборки заполнения в пределах жилища был прослежен ряд столбовых ямок по его периметру. Кроме того, в центральной части конструкции нами был доисследован объект № 7 (колодец). Таким образом, жилище № 2 реконструируется как полуземляночная конструкция (глубиной до 1,5 м от современной поверхности) площадью около 240 м^2 с каркасно-столбовой основой, колодцем в центральной части (глубина около 3,2 м от современной поверхности) и объектом неясного назначения. Четких очагов в пределах конструкции не выявлено, однако фиксировались незначительные прокалы.

При исследовании заполнения котлована жилища № 2 было обнаружено три трепала из нижних челюстей КРС, переиспользованный бронзовый нож (раскованная рукоять сломанного ножа), бронзовое изделие (черешок кинжала?), бронзовая крица, лежавшая на краю колодца, и керамика преимущественно андроновского облика. Данные материалы также подтверждают датировку жилища № 2 эпохой развитой бронзы и отнесение его кругу андроновских (федоровских) древностей.

Раскоп № 2, площадью 64 м^2, был заложен на юго-западной окраине второй надпойменной террасы на краю раздува, расположенного между поселениями Жарово-3 и Жарково-1. В результате раскопок удалось выяснить, что мощность культурного слоя здесь достигает 1 м. Обнаруженные материалы типичны для большинства крупных позднебронзовых поселений региона и представлены серией саргаринско-алекссеевской керамики, отдельными фрагментами станковой посуды, лощеных горшков с каннелюрами по шейке и т. д. В целом материалы раскопа № 2 более близки коллекции поселения Жарково-1, что позволяет сделать предположение о том, что в древности объекты Жарково-1 и Жарково-3 составляли единый крупный населенный пункт эпохи позднего бронзового века. Однако, на наш взгляд, в настоящее время объединение данных памятников в один нецелесообразно, поскольку объекты находятся на разных надпойменных террасах и в целом, видимо, отражают различные хронологические этапы существования поселка.

Таким образом, в результате семилетних раскопок на поселении Жарково-3 удалось исследовать 1173 м^2 площади памятника, получить уникальные данные по планиграфии и стратиграфии этого поселка, а также представительную серию стратифицированных материалов по эпохе развитой и поздней бронзы. Следует отметить, что в настоящее время Жарково-3 — один из наиболее изученных поселенческих комплексов эпохи развитой и поздней бронзы юга Западной Сибири. Его материалы дают возможность детально изучить планиграфию и стратиграфию поселения, конструкцию жилищ и объектов, особенности функцио-

нирования комплекса, основные занятия населения поселка в различные эпохи и т. д., и в конечном итоге эти материалы позволяют выйти на полноценную реконструкцию процесса трансформации андроновского населения региона в позднебронзовое.

Другим крупным объектом, изучавшимся в прошедший полевой сезон, стал грунтовый могильник Фирсово XIV. Некрополь расположен в Первомайском районе Алтайского края, в 1 км к северу от с. Фирсово. Исследовался Приобской археологической экспедицией под руководством А. Б. Шамшина с 1986 по 1996 гг. В результате была изучена его юго-западная часть, где на площади около 4 500 м^2 раскопано более 340 погребений [9]. Необходимость возобновления исследования могильника обусловлена включением его территории в зону хозяйственного освоения.

Основной задачей работ 2010 г. стало исследование могильного поля в северо-восточном направлении. В результате было раскопано 132 м^2 площади памятника и исследовано 19 погребений эпохи развитой бронзы и раннего железного века. Эпоха развитой бронзы представлена 11 андроновскими детскими (№ 1–4, 11, 16) и взрослыми (№ 7, 13–15, 18) захоронениями, ориентированными по линии юго-запад – северо-восток, совершенными по обряду ингумации. Инвентарь представлен керамическими сосудами и украшениями из бронзы и золота. К раннему железному веку относятся взрослые (№ 8–10, 17, 19) и подростковые (№ 5, 6, 12) захоронения староалейской культуры. Прослеживаются ряды погребений по линии юго-запад – северо-восток. Умершие лежат вытянуто на спине, головой на юго-запад. В захоронениях обнаружены две керамические банки, три керамических пряслица, железная заколка и бронзовая плетеная серьга.

Таким образом, исследование памятника Фирсово XIV в 2010 г. позволило обнаружить целый комплекс изделий эпохи развитой бронзы и раннего железного века, получить новые данные по планиграфии могильного поля и особенностям погребального обряда носителей андроновской и староалейской культур.

Источники и литература

1. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 358–360.
2. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С. Исследования поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 264–267.

3. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 5–17.
4. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. XIV. С. 275–280.
5. Кирюшин Ю. Ф., Федорук А. С., Папин Д. В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008. Т. XIV. С. 169–174.
6. Федорук А. С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2005 г. Вып. 2. Барнаул, 2006. С. 80–84; он же. Результаты археологических исследований в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Вып. 3. Барнаул, 2007. С. 40–43.
7. Федорук А. С., Шамшин А. Б., Иванов Г. Е., Цивцина О. А., Раиткин С. С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 г.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 113–116.
8. Шамшин А. Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 326–331.
9. Шамшин А. Б., Изоткин С. Л., Ситников С. М. Поселение Жарково-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. Вып. 4. С. 106–113.

Я. В. Фролов, В. В. Чекушин, А. В. Гвоздев

Материалы эпохи раннего железа могильника Лебяжье I

На территории Усть-Пристанского района известно довольно много аварийных памятников археологии [5; 6]. Но только на одном из них, грунтовом могильнике Лебяжье I, постоянно ведутся сборы подъемного материала на разрушенных в результате эоловых процессов и деятельности человека участках территории памятника. В результате выявляются новые данные о составе и хронологии памятника. Так, В. В. Чекушиным и А. В. Гвоздевым в ходе обследования разрушений на могильнике летом 2010 г. было обнаружено разрушающееся погребение эпохи раннего железа.

Памятник расположен в 4 км к юго-востоку от с. Каурово Усть-Пристанского района и в 2 км к северо-востоку от бывшего с. Лебяжье, 9 км к северо-западу от с. Нижняя Гусиха, в 2 км к северу от урочища Лебяжье болото, в 1 км к югу, юго-западу от р. Порозиха. Могильник находится на песчаной гриве высотой до 6 м, вытянутой с северо-востока на юго-запад, между трех колков. В его южной части разбит карьер, из ко-

торого жители соседних деревень берут песок. В результате этих действий значительная часть памятника была уничтожена.

В течение ряда лет, начиная с 2001 г., на территории памятника в местах разрушений учитель истории средней школы с. Нижняя Гусиха В. А. Гвоздев, директор Усть-Пристанского краеведческого музея Е. В. Кочетова и жители окрестных сел собирали подъемный материал из разрушенных захоронений. Сейчас эти сборы хранятся в Усть-Пристанском районном краеведческом музее и музее средней школы с. Нижняя Гусиха (колл. УПРМ, оф. 4016/49, 4018/51, 4181).

Летом 2001 г. обследование памятника проводи сотрудники НПЦ «Наследие» Д. А. Пугачев и Н. Ю. Кунгурова. Ими доисследованы остатки нескольких погребений эпохи поздней бронзы [1].

Осенью 2005 г. Усть-Пристанский археологический отряд Алтайского государственного университета и Алтайского государственного краеведческого музея совместно с В. А. Гвоздевым провел новое обследование территории могильника. В разрушающейся его части были собраны отдельные артефакты, зафиксированы многочисленные фрагменты костей человека. Материалы, полученные в ходе этих работ и сборов В. А. Гвоздева и Е. В. Кочетовой, датируются эпохой ранней бронзы — елунинской культурой и эпохой поздней бронзы — ирменской культурой [4].

5 июня 2010 г. В. А. Гвоздевым и студентом исторического факультета АлтГПА В. В. Чекушиным при обследовании могильника в северо-восточной части памятника на глубине 1,5 м от гребня раздува было обнаружено парное захоронение, взрослого и ребенка. Умершие предположительно были уложены с подогнутыми ногами (скорченно на боку?), головой на север. Возле черепа взрослого умершего были найдены две шпильки-заколки (рис. 1, *1, 2*). Стержни шпилек были перекрещены и ориентированы остриями к черепу.

Обе обнаруженные в этом захоронении шпильки имеют железный подквадратный в сечении стержень-основу. Длина стержня в обоих случаях — около 10 см. Одна из шпилек увенчана железным грибовидным навершием диаметром 2,5 см (рис. 1, *2*). Вторая шпилька — биметаллическая составная. На шпенек в верхней части железного стержня насажена бронзовая круглая выпуклая шляпка со стержневидной втулкой. С внешней стороны щиток шляпки украшен орнаментальной композицией в виде четырехчастной розетки. Шляпка имеет накладку из тонкого листка золотой фольги. Своеобразную «инкрустацию», нанесенную, вероятно, при помощи дифовки, удерживает проходящий по краю шляпки небольшой «бортик» в виде цепочки мелких полусферических выпуклостей. На щитке шляпки имеются два сквозных отверстия, вероятно,

служивших для крепления дополнительных элементов к навершию шпильки (рис. 1, *1*).

Состав металла шляпки изучался с помощью ренгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES (модель «Альфа-2000») на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ А. А. Тишкиным осенью 2010 г.

Состав металла бронзовой шляпки: медь (Cu) — 97,43%; олово (Sn) — 1,33%; свинец (Pb) — 0,22%, железо (Fe) — 1,02%, серебро (Ag) — следы.

Состав металла золотого листа-инкрустации: золото (Au) — 79,85%; Ag — 16, 72%; Cu — 2,95%; Fe — 0, 48%.

Шпильки сходных форм с находкой из могильника Лебяжье I встречаются в памятниках VI–V вв. до н. э. на территории северных предгорий Алтая и несколько реже — в лесостепном Алтае. Похожие изделия найдены в памятниках северного варианта пазырыкской культуры, быстрянской и каменской культур. Наиболее близки рассматриваемым шпилькам находки из Новоалтайского могильника (рис. 1, *3*), могильников Черный Ануй-3 и Майма XIX [2, с. 51–56, рис. 2, *10, 11*; 7, рис. 1, *1*).

А. П. Бородовский и Е. Л. Бородовская предлагают общее название для шпилек с бронзовыми навершиями — «триквестры». Нам кажется, что данный термин несколько искажает общее представление об этой группе изделий. Под понятием «триквестр» (также «трикветра», «трикветр») понимается орнаментальный и сакральный символ народов центральной и северной Европы. Латинское *triquetrum* в оригинале означало просто треугольник и использовалось для обозначения различных треугольных форм [3]. Действительно, в нескольких случаях в орнаментальных композициях, представленных на бронзовых шляпках, присутствуют трехчастные формы [2, рис. 2, *2, 3*]. Но в орнаменте на подобных навершиях встречены и двучастные, четырехчастные и более сложные композиции, а также фигуры животных, свернувшихся в кольцо [2, рис. 2, *5–12*]. Поэтому использование термина «триквестр», на наш взгляд, приводит к тому, что частное понятие распространяется на всю довольно многообразно орнаментированную группу предметов и не отражает ее специфики в целом.

А. П. Бородовский и Е. Л. Бородовская рассматривают шпильки с бронзовыми «грибовидными» навершиями «в качестве одной из этнотерриториальных особенностей предметного комплекса северного локального варианта пазырыкской археологической культуры». Действительно, большинство находок подобных изделий концентрируется в северных предгорьях Алтая. Найдены они также и в быстрянских комплексах. Находки подобных шпилек в лесостепном Алтае — в могильнике Лебяжье I и Новоалтайском могильнике — могут свидетельствовать о связях

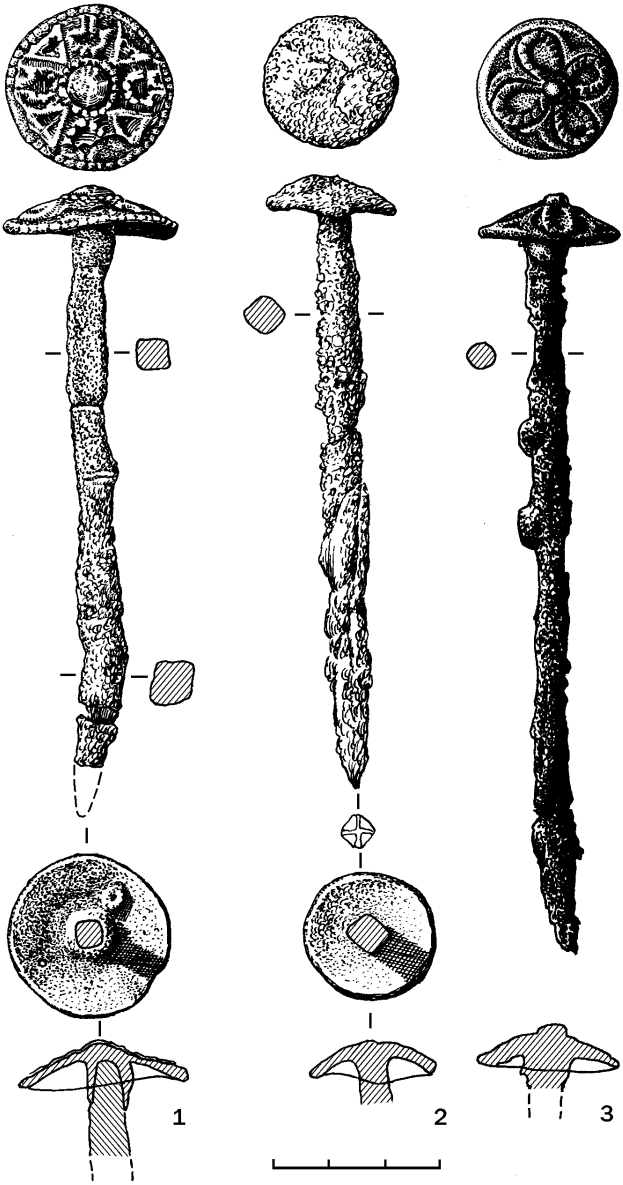

Рис. 1. Шпильки-заколки. *1–2* — могильник Лебяжье I; *3* — Новоалтайский могильник. *1*— бронза, золото, железо; *2* — железо; *3* — бронза, железо

населения этих территорий в начале скифского времени (VI–V вв. до н. э.) с населением, оставившим памятники быстрянской культуры и северного варианта пазырыкской культуры. Хотя до конца нельзя исключать и существование некоей «моды» на подобные украшения, распространившейся в VI–V вв. до н. э. на юге Западной Сибири.

В заключение необходимо отметить, что могильник Лебяжье I находится в аварийном состоянии, так как несанкционированная добыча песка жителями соседних сел продолжается, стенки карьера осыпаются и раздуваются ветром. Поэтому единственным выходом из сложившейся ситуации являются раскопки аварийной части памятника.

Источники и литература

1. Авраменко В. И., Кунгурова Н. Ю., Пугачев Д. А. Могильник Лебяжье — новый памятник финальной бронзы Верхнего Приобья // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002. с. 220–221.
2. Бородовский А. П. Бородовская Е. Л. Триквестры скифского времени Северного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 51–56.
3. Голан А. Миф и символ. М., 1993. 235 с.
4. Грушин С. П., Фролов Я. В. Новые материалы с памятника эпохи бронзы Верхнего Приобья — могильника Лебяжье 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. с. 186–191.
5. Фролов Я. В. Обследование современного состояния археологических памятников Усть-Пристанского района Алтайского края // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 110–113.
6. Фролов Я. В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Барнаул; Усть-Пристань, 1999. С. 6–29.
7. Фролов Я. В. Материалы скифского времени из Новоалтайского могильника // Современные проблемы археологии России (Материалы всерос. археол. съезда. 23–28 окт. 2006 г., Новосибирск) Т. I. Новосибирск, 2006. С. 63–66.

М. К. Хабдулина

Новые материалы к функциональному назначению городища Бозок

Городище Бозок расположено на южной окраине г. Астаны, среди болот левой пойменной долины р. Ишим. Площадь памятника 30 га. Раскопки памятника были начаты в 1999 г. под руководством К. А. Акишева. За 10 полевых сезонов вскрыто 8 тыс. м^2. Открыты 10 жилищ средневековой эпохи, изучены остатки 5 мавзолеев, двух кирпичеобжигательных печей, исследована архитектура оборонительных сооружений. С городища Бозок получена представительная серия антропологического материала (62 скелета), которая может служить базой в изучении проблемы этногенеза казахов. Особое значение имеет открытая

здесь агроирригационная планировка, свидетельствующая о занятии земледелием.

Памятник оказался сложным и многослойным. Структурно он состоит из четырех частей, возникших в разное время и имевших различное функциональное назначение. Структурные компоненты объекта неоднократно перестраивались, обновлялись. Первая, самая древняя часть — три площадки квадратной формы, обнесенные рвами и валами. Севернее их находится комплекс жилищ-землянок с колодцем. Вода подавалась из озера чигирным способом. Это второй структурный компонент городища. Южнее центральной части расположен некрополь городища Бозок, состоящий из руин мавзолея, кирпичеобжигательной печи и могильных западин. Это третья часть археологического памятника.

С востока и севера к развалам городища прилегает агроирригационная планировка, расширяющая границы обжитой территории. Размеры ее по линии север—юг не выходят за пределы озера Бузукты. Ирригационные сооружения — это четвертая структурная часть городища Бозок.

Руины памятника имеют типично степной облик. Ничего монументального. Невысокие земляные валы (высотой 0,6–1,0 м) окружают ровные поверхности площадок квадратной формы. Конфигурация площадок четко выделяется за счет внутренних рвов. Во рвах фиксируются перемычки проходов. То, что памятник располагается среди болот, спасло его от уничтожения в годы освоения целины.

Рельеф поверхности памятника сглажен и размыт многолетней распашкой. Распахивали и валы, и рвы. Особенно пострадал восточный квартал городища. Он имеет самый невыразительный вал, на внутренней площадке видны полосы борозд.

Из трех кварталов более полно исследована территория северного квартала. Восточный квартал прорезан двумя стратиграфическими траншеями шириной 3 м и небольшим раскопом в северной части исследованы вал и проход. Южный квартал раскопками не затронут.

Для городища Бозок, как и для многих степных поселений Евразии, характерен тонкий культурный слой и малочисленность поселенческих находок. Только тщательная методика исследования и фиксации позволяет делать выводы стратиграфического и хронологического порядка. Городище Бозок состоит из жилых, производственных и культовых строений, возникших в разное время. Самой древней частью памятника являются три квартала, обнесенные рвами и валами.

После первых лет раскопок К. А. Акишев высказал мнение, что городище возникло как ставка-резиденция кипчакского султана, призванная обеспечить контроль над одним из важных узлов караванных мар-

шрутов Степного Шелкового пути [1, с. 13–16]. Было высказано предположение, что городище появилось в раннем средневековье (VII–VIII вв.). Эти предположения были основаны на планировке оборонительных укреплений, семантике планиграфии, данных относительной стратиграфии.

К настоящему времени накопился материал, который подтверждает дату появления городища Бозок в древнетюркскую эпоху, существование памятника в течение длительного периода: от (VII) VIII, возможно, по XVI–XVII вв. Накоплен материал, позволяющий выделить три этапа в развитии городища: 1) (VII) VIII–IX вв.; 2) X–XIII вв.; 3) XIV–XVI (XVII) вв.

В результате исследований была открыта еще одна грань функционального назначения памятника – его культовый характер. И этот статус в разной форме сохранялся на протяжении всей истории городища. Изначально городище возникает не только как ставка, военная резиденция, но и как культовый центр древнетюркской эпохи.

Обоснования слагаются из архитектуры и стратиграфии рвов и валов, стратиграфии культурных слоев северного квартала, открытии жертвенного захоронения лошади во рву и ритуального захоронения человека в центре северной площадки. Эти факты подкрепляются находкой конской узды в жертвенном комплексе и радиоуглеродной датировкой гумуса погребенной почвы, законсервированной под валом.

Разрезы оборонительных сооружений, результаты раскопок внутренней площадки северного квартала дают материал для реконструкции процесса строительства и свидетельствуют о неоднократном использовании территории трех кварталов.

Строительство всех трех кварталов велось одновременно. До начала работ была произведена разметка будущих кварталов. С внутренней поверхности площадок убирался гумус и часть материкового слоя. Полоса шириной 3–3,5 м, примыкающая по всему периметру к внутренней стенке рва, наклонно стесывалась на глубину до 50–70 см, и уже с этого уровня начинали копать ров. Таким образом, получался перепад высот верхнего уровня стенок рва. Его внутренняя стенка была изначально на 0,5–0,7 м ниже внешней. Вдоль внутреннего периметра рва северного квартала фиксируются столбы деревянного заплота, огораживавшего ров. Планировочная структура и конструкции нижнего горизонта свидетельствует об использовании северного квартала как особой сакральной территории, предназначенной для отправления каких-то обрядов.

В 2009 г. во рву восточного квартала на глубине 1,8 м было расчищено ритуальное захоронение лошади. Над черепом лошади обнаружены две пары железных удил и один роговой псалий. Мы можем оценивать

этот комплекс как жертвенный, специально закопанный у входа при строительстве рва и вала. Подобные случаи — частое явление в практике населения степной зоны с глубокой древности. Их можно трактовать как строительные жертвы. В данном случае важно, что вместе со скелетом лошади обнаружены предметы узды.

Роговые стержневидные псалии известны с эпохи раннего железа и применялись до IX–X вв. Аналогичный псалий найден в Туве, в могильнике Кокэль, курган 23, датированном VI–VII вв. [3, с. 340], на Алтае в могильнике Кудыргэ. Удила однокольчатые с роговыми двудырчатыми псалиями относятся к удилам катандинского типа VII–VIII вв. [4]. В сводке древнетюркских комплексов они выделены Г. В. Кубаревым в тип 3 [5, с. 120–121].

В 2009 г. получено еще одно подтверждение строительства оборонительных укреплений городища Бозок в раннесредневековую эпоху. На городище сделаны стратиграфические разрезы валов, под которыми были отобраны образцы погребенных почв. Радиоуглеродное датирование гуминовых кислот погребенной почвы в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии Сибирского отделения РАН позволило получить дату 1500±50 л. н. (СОАН-7680)[1]. Калибровка даты дала временной промежуток между 503 и 644 гг. н. э. (95,4% вероятности). Эта дата отражает время формирования диагностирующих признаков гумуса, дальнейшее генетическое развитие которых было прервано консервацией этих почвенных горизонтов.

Таким образом, полученные факты позволяют отнести время появления городища Бозок к древнетюркской эпохе. Если исходить из радиокарбоновой даты гумуса погребенной почвы, то можно высказать предположение, что строительство кварталов началось в VII–VIII вв. Обновление рва, первый этап его подчистки датируется находкой конской узды в жертвенном захоронении лошади — VIII–IX вв.

Раскопки последних лет городища Бозок открывают еще одну грань функционального назначения памятника. С самого начала городище являлось культовым центром древних тюрков Нура-Ишимского междуречья. Свидетельства этого получены при анализе строений нижнего строительного горизонта северного квартала и стратиграфии рва и вала.

Конструкции нижнего строительного горизонта северного квартала могут свидетельствовать в пользу использования ее как сакральной площадки, места проведения каких-то обрядов. Возможно, стоявшая здесь юрта была обитаема. То, что в центре ее обнаружено погребение челове-

[1] Анализы выполнены Л. А. Орловой, за что исследователи Бозока приносят ей благодарность.

ка в скорченном положении и с отрубленными кистями рук, дает дополнительный аргумент в пользу культового характера назначения северного квартала. Культовые погребения в домах общинного пользования известны на славянских городищах IX–X вв. [7, с. 35]. Погребение человека с частичными останками коня обнаружено в центре городища Иски Казань. Погребение в скорченном положении на правом боку, головой на ССВ. Из вещей найдено только пряслице черного цвета [8, с. 97].

Городище Бозок по архитектурно-планировочной композиции входит в круг редких раннесредневековых памятников, очаги концентрации которых открыты на двух полюсах степной Евразии. Это поминальные княжеские храмы древних тюрков в Центральной Азии и погребально-поминальные комплексы «перещепинско-вознесенского типа» в Восточной Европе. Среди поминальных храмов древних тюрков можно выделить более простые в виде прямоугольных насыпей, обнесенных рвом и валом, на внутренней поверхности которых иногда встречаются каменные оградки и каганские храмы, архитектура которых известна по памятникам Кюльтегину, Бильге-кагану. Ареал распространения каганских поминальных храмов на западе доходит до Верхнего Прииртышья.

На территории Тувы в 1959 г. Л. Р. Кызласовым был раскопан поминальный храм в урочище Сарыг-Булун [6, с. 33], представляющий собой четырехугольную площадку, окруженную валом и внутренним рвом. Размеры вала 36×29 м. С запада внутренняя насыпь имела выступ, на поверхности которого были раскопаны остатки деревянного «храма» в виде восьмиугольной юрты. Л. Р. Кызласов считал, что юрта-святилище предназначалась для поминальных обрядов. В центре площадки найдены разрозненные предметы и кувшин среднеазиатского облика, во рву — две каменные статуи людей в сидячей позе. Аналогией Бозоку являются юрта и планировка, сочетающая внутренний ров и внешний вал.

На западе евразийских степей вычленяется группа памятников «перещепинско-вознесенского типа», планировочная композиция и структура которых находит аналогии в поминальных храмах каганов Восточнотюркского каганата [2, с. 204–222]. Памятники датируются по вещам концом VII–VIII вв. Функциональное назначение их до конца не выяснено. Поэтому их называют то городищами, то погребально-поминальными комплексами.

Архитектура поминальных храмов Нижнего Днепра, особенно Вознесенки, имеет аналогии в Сарыг-Булуне и Бозоке. Вознесенка была раскопана в 1930 г. Памятник имеет вид прямоугольной площадки размерами

62×31 м, окруженной каменно-земляным валом. В восточной части обнаружено выложенное камнем кольцо диаметром 8–9 м. Рядом с ним две ямы, забитые десятками предметов вооружения, конской узды, пережженными костями лошади. Комплекс вещей позволяет датировать памятник первой половиной VIII в.

Для нас представляет интерес круглое кольцо, обнаруженное на внутреннем пространстве площадки, которое, как пишет С. А. Плетнева, могло быть «основанием легкого сооружения типа шатра или юрты». Неоднократно отмечалось, что это сооружение Вознесенки имеет аналогии в поминальном храме Сарыг-Булун. Теперь к этому можно прибавить и городище Бозок. Юртообразное строение, как и планировочная композиция вала и рва, позволяют трактовать происхождение Бозока в общей канве исторических событий эпохи тюркских каганатов.

Городище Бозок своим местоположением связывает в единую цепь культово-мемориальные комплексы восточной и западной окраин евразийской степи, отмечает маршруты продвижений тюркоязычных кочевников на пути освоения ими новых пространств степной Евразии. Городище Бозок отражает первоначальный этап освоения тюркоязычными кочевниками евразийского пространства. Их первые ставки-резиденции на новых землях совмещали функции жилого и сакрального центров. Многовековое последующее использование территории Бозока свидетельствует о сохранении памяти об этом месте как особом сакральном пространстве древних тюрков.

Источники литература:

1. Акишев К. А., Хабдулина М. К. Средневековое городище Бузок: семантика планиграфии и функции // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск. 2004. С. 13–16.
2. Амброз А. А. О Вознесенском комплексе на Днепре: вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М.: Наука, 1982. С. 204–222.
3. Вайнштейн С. И. Памятники второй половины 1 тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.; Л.: Наука. 1966. С. 292–347.
4. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука. 1965. 109 с.
5. Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2005. 400 с.
6. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ. 1969. 211 с.
7. Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. М.: Наука. 1990. 192 с., ил.
6. Фахрутдинов Р. Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. 1984. № 4. С. 90–108.

Б. В. Якоякова

Исследование гравированных наскальных рисунков урочища Абыдьяй (Чаганка)[1]

В полевой сезон 2010 г. нами было продолжено изучение наскальных рисунков долины Чаганки [1–5]. Если в предыдущий полевой сезон исследовались рисунки на правобережье р. Чаганки – левого притока Чуи [6, с. 71–72], то в этом году копировались петроглифы на левом берегу.

Скальные плоскости с исследованными в этом сезоне рисунками находятся в урочище Абыдьяй (Абыjай (алт.) – лучшее лето), в 15–17 км от с. Старый Белтир Кош-Агачского района вверх по течению р. Чаганки. Исследовавшиеся камни с петроглифами размещены на площади размерами 3×5 км. Рисунки расположены на южных плоскостях скал.

Большинство скопированных нами рисунков выполнены путем гравирования. Рисунки разнообразны, но преобладают два типа изображений: антропоморфные и зооморфные образы. Из зооморфных изображений в петроглифах местности Абыдьяй наиболее часто встречаются разномасштабные рисунки козлов. Так, например, было обнаружено гравированное изображение козла размерами 88,5×70 см, половина туловища которого заросла дерном. Нам удалось осторожно убрать грунт и скопировать рисунок на полиэтилен. Антропоморфные рисунки представлены не менее ярко (рис. 1).

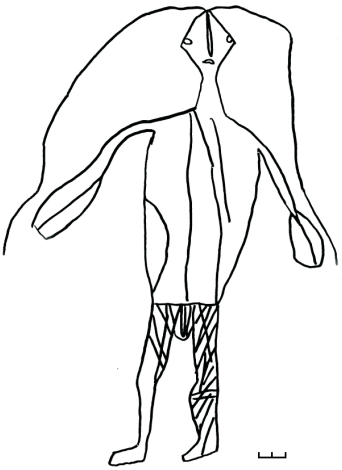

Рис. 1. Антропоморфное изображение. Урочище Абыдьяй

Петроглифы данной местности находятся в неудовлетворительном состоянии. Местные пастухи в последние десятилетия, видимо, неоднократно занимались подновлением петроглифов. Возможно, большинство из них не имеют представления о ценности наскальных рисунков.

Источники и литература

1. Кубарев В. Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С. 82–92.

2. Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.

[1] Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Хронология и этнокультурная принадлежность археологических памятников Чуйской котловины» научно-технической программы Правительства Республики Алтай.

3. Окладникова Е. А. Петроглифы Кара-Оюка // Урало-алтаистика. Новосибирск, 1985. С. 85–88.
4. Тощакова Е. М. Изучение петроглифов Горного Алтая // Известия СО АН СССР. № 3. Сер. обществ. наук, 1970. С. 119–120.
5. Черемисин Д. В. Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. С. 480–485.
6. Якоякова Б. В. Изучение наскальных рисунков урочища Сёёк-Тыт (Чаганка) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2009 г. (Археология, этнография, устная история). Барнаул, 2009. Вып. 6. С. 71–72.

3 Этнография и устная история

Д. В. Алекса

Социально-экономический облик исчезнувших сел Романовского района (по устноисторическим источникам)

В июле 2010 г. на территории Романовского района проходила историко-этнографическая экспедиция АлтГПА под руководством доктора ист. наук, проф. Т. К. Щегловой. Члены экспедиции выезжали в различные населенные пункты района. Выездная группа, в составе которой работал автор, проводила историко-этнографическое обследование сел Мормышанского и Закладинского сельских советов. В ходе обследования традиционно разрабатывались такие темы, как история основания населенных пунктов, коллективизация, село в годы Великой Отечественной войны, ликвидация неперспективных сел и ряд других.

На сегодняшний день, на наш взгляд, актуальным является вопрос о ликвидации неперспективных сел в 50-е гг. XX в. с точки зрения современников. Особый интерес вызывает видение информаторами данного процесса, сопоставление воспоминаний о социально-экономическом облике исчезнувших сел с государственными критериями, применяемым во время укрупнения.

Базой для написания статьи стали биографические интервью с жителями этих сел, данные похозяйственных книг Мормышанского сельского совета, статистика (материалы переписей советского периода). Для сбора информации (интервью, фото) автор использовал методические рекомендации и вопросники, разработанные в рамках научной программы «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие».

Процесс укрупнения колхозов и ликвидации сел начался в 1950-е гг. Из доклада алтайского крайкома ВКП(б) собранию краевого партийного актива об организационно-хозяйственном укрупнении колхозов от 5 августа 1950 г.: «Работа по укрупнению колхозов проводится и в нашем крае. На 1 января текущего года в крае насчитывалось 4 220 колхозов, на 1 августа сего года имеется 3 160 колхозов, объединено 1 783 мелких колхозов. Вместо них было создано 723 крупных колхоза» [11].

Во время укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных сел был ликвидирован ряд населенных пунктов. Поселок, «признанный неперспективным, снимался с учета, в нем прекращалось капитальное строительство и практически снимался вопрос его обслуживания и обеспечения, закрывались школы, магазины, ликвидировались автобусные маршруты» [10], и жители вынуждены были покидать свои «насиженные места».

Неперспективными были признаны и поселки в Романовском районе, которые в настоящее время значатся исчезнувшими: Мормышан-

ский с/с — Старая Деревня, Новый Мир; Грановский с/с — Маяки; Закладинский с/с — Ясная Поляна, Куст (Воля Жизни). Кроме указанных населенных пунктов, сняты с учета пос. Комсомольский, с. Лежальское (процесс ликвидации этих сел автором не прослежен).

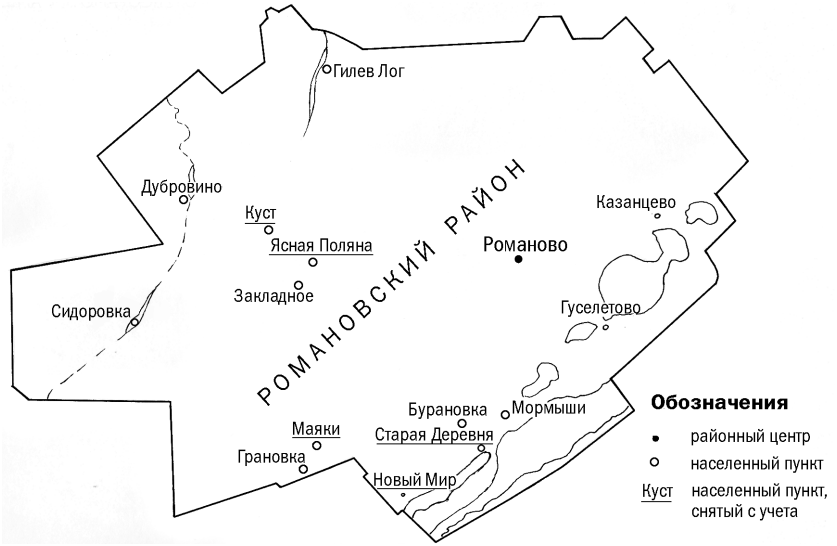
В настоящей публикации предпринята попытка дать характеристику социально-экономического облика исчезнувших сел основе анализа полученных источников.

Поселок Старая Деревня находился в 3 км от нынешнего с. Мормыши, на берегу оз. Горькое, и входил в состав Мамонтовского, а с 1939 г. — Романовского района. Первоначальное название этого поселка — Мормыши, а нынешний одноименный поселок называли Забайкалье: как говорят жители, он находился за озером, а озеро за его размеры называли Байкалом [9]. Образовался поселок Старая Деревня в 1720 г. [11], с преобладающим старожильческим населением [9].

«Церковь в поселке была большая. Покрова церковь, так как освятили ее 14 октября», — свидетельствует информант Елена Федоровна Шиховцова, 1941 г. р. [9]. По архитектурному облику с. Старая Деревня отличается от других населенных пунктов Романовского района главным образом преобладанием деревянных пятистенников и отсутствием глинобитных или мазаных домов. Информаторы объясняют это тем, что недалеко от поселка находится сосновый бор. Как вспоминает Владимир Ильич Михаличенко, 1930 г. р., «оград не было, делали канавы; место, где находился поселок, — песчаное, но огороды находились в низине» [7]. Было пять улиц: Боровская, Ждановская, Голановка. В начале XX в. в поселке имелась купеческая лавка. По словам информатора, хозяин лавки по фамилии Лавко жил в Романово [9]. Основными товарами, продаваемыми в лавке, были хозяйственные. Более подробных сведений о купце и его лавке в памяти информаторов и документах не сохранилось.

Одним из приработков жителей поселка в 1930–1940-е гг. являлась добыча соли на близлежащих озерах. Процесс добычи поясняет Мария Демидовна Рябых, 1935 г. р.: «Соль брали тяпкой, заходили в воду, чуть-чуть сверху вода, и начинали грести по слою соли. Крупные кристаллики получались. Дальше соль сушили, как обтекала. В ведро — и на тележках везли» [8]. Соль являлась натуральным эквивалентом при обмене на другие продукты питания. Ее употребляли в пищу, добавляли в корм домашнему скоту и применяли для хозяйственных целей, например для выделки шкур [7].

Помнят старожилы и рассказы своих родителей о том, что на оз. Горьком когда-то существовало судоходство и где-то рядом со Старой Деревней была пристань, к ней подходили катера из с. Мамонтово и за-

Карта-схема Романовского района с указанием исчезнувших населенных пунктов (составлено автором по материалам обследования в ходе ИЭЭ 2010 г.)

бирали рыбу, наловленную местными жителями [10]. Название пос. Мормыши, по одной из версий, происходит от слова «мормыш» (водяной рачок, наживка для рыбной ловли) [9].

В поселке были школа, маслозавод, по рассказам информанта — до 1968 г., позже его перевезли в Романово [9]. Начальную школу и завод построили из разрушенной церкви примерно в 1929 г. [7]. «В 1960–1963 годы стали уезжать из поселка люди: кто уезжал в город, кто в соседние села», — рассказывает Владимир Ильич Михалийченко, 1930 г. р. Отъезд был связан с признанием поселка неперспективным [7].

Недалеко от с. Мормыши располагались поселки Новый Мир и Маяки. Информации о них не найдено, кроме даты основания. Новый Мир был образован в 1921 г. как коммуна и входил в состав Мамонтовского района, деревня Маяки была образована в 1892 г. и входила в Родинский район [12].

Поселок Ясная Поляна находился примерно в 2 км от с. Закладное. Дата основания поселка — 1921 г. — указана в «Списке населенных пунктов Сибирского края» [12]. «Люди прибывали в данную местность из Брянской области, с Черниговской области, с Белоруссии», — вспоминает Наталья Ивановна Одушкина, 1928 г. р. Преобладающим населением в поселке являлись украинцы [3]. На поездах-товарняках люди доезжа-

ли до Рубцовска, дальше их везли ямщики на лошадях, многие имели путевки в пос. Гилев Лог, но остались в Закладном, было это в 1926 г. [6].

Существует несколько легенд о происхождении названия поселка Ясная Поляна. Сюда прибывали переселенцы из Ясной Поляны, где жил Л. Н. Толстой, отсюда и название, рассказывает Н. И. Одушкина [4]. Существует еще одна версия: поселок находился на полянке, на возвышенности, и на него открывался «ясный вид» поляны [2]. Н. И. Одушкина рассказывает об архитектурном облике поселка: «Было больше 40 домов, одна улица, но широкая — Яснополянская, землю нарезали участками, и их окапывали канавками, чтобы скот на участки не заходил. Колодцы были в каждом дворе, где вода была горько-соленая, где пресная. Первые дома были саманные (глина с соломой), строили их быстро практически за один день».

Все исчезнувшие поселки были схожи по планировке: как правило, одна улица, небольшое количество домов: пос. Новый Мир — 37, пос. Ясная Поляна — 35, пос. Маяки — 115 [12]. Основным материалом для строительства были солома, глина, камыш, за исключением пос. Старая Деревня, находящегося рядом с бором. В нем преобладало деревянное строительство.

Школа в Ясной Поляне появилась после 1926 г., до этого времени дети ходили в с. Закладное [8]. Школа и клуб находились в одном здании. Школа была начальная, в одном помещении занимались одновременно все классы — до 4 класса [4]. На территории поселка был колхоз «Красный Алтай», вскоре после образования он был реорганизован в отделение Закладинского совхоза.

В Ясную Поляну направляли и депортированных в годы Великой Отечественной войны немцев из Саратовской области [2].

Процесс ликвидации проходил для жителей поселка очень тяжело. Уезжали люди в Закладное из Ясной Поляны до 1974 г., позже там уже никого не осталось. «Продавали хаты или переделывали под пригоны для скота», — вспоминает Анна Трофимовна Жигай, 1930 г. р. [3]. Интересно, что и по сей день в с. Закладном перевезенные старые дома используют в качестве хозяйственных построек.

В 1970-е гг. территория вокруг пос. Ясная Поляна была распахана, и сейчас на этом месте остались только деревья от прежних садов.

Приблизительно в 7 км от с. Закладного находился пос. Куст (Воля Жизни). Поселок был образован в 1922 г. русскими и украинскими переселенцами, приезжавшими на территорию Сибири, и первоначально здесь была образована коммуна «Воля Жизни». До войны на территории поселка, по рассказам одного из информантов, были птицеферма, сви-

нарник [5]. В поселке была одна улица, дома были привезенные, из сосны; школа до 4 класса. В поселке проживало 50–70 человек. Примерно к 1960 г. поселок был ликвидирован. Жители переезжали в с. Закладное или в другие населенные пункты. После ликвидации поселка его территория была распахана вместе с кладбищем [5].

При изучении материалов «Административно-территориальные изменения Алтайского края за 1939–1991 гг.» прослеживается тенденция к сокращению числа жителей с 1939 г. по 1979 г. [1]. Сокращение идет быстрыми темпами: так, за два десятилетия население пос. Старая Деревня сократилось в два раза, что послужило предпосылкой к исчезновению поселка. Из-за небольшого числа учеников закрывается школа, по сути главный социальный институт на селе.

Социально-экономический облик ликвидированных поселков Романовского района сводится к следующим характеристикам: небольшое число жителей (менее 400 человек); основными социально значимыми организациями являлись школа, клуб; отсутствовали учреждения здравоохранения; не было налаженной инфраструктуры. Все это способствовало начавшемуся процессу укрупнения. Колхозы были преобразованы в отделения, соответственно жители поселков лишались работы, вследствие чего происходил отток населения. Процесс ликвидации населенных пунктов занял не одно десятилетие, многие жители продолжали оставаться в селах, несмотря на их «неперспективность».

Численность населения в исчезнувших селах Романовского района по данным советских переписей*

Название с/с, населенного пункта	Переписной период				
	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Грановский с/с					
п. Маяки	338	320	230	76	—
Закладинский с/с					
п. Ясная Поляна	184	177	27	—	—
п. Воля Жизни	109	—	—	—	—
Мормышанский с/с					
п. Новый Мир	121	70	—	—	—
п. Старая Деревня	282	150	—	—	—

* Составлено автором по [1].

Источники и литература

1. Административно-территориальные изменения Алтайского края за 1939–1991 гг. Ч. 1. Госкомстат РФ. Алтайское краевое управление статистики. Барнаул, 1992. 218 с.

2. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Закладное, Вернигор Л. И., 1939 г. р.
3. Там же. с. Закладное. Жигай А. Т., 1930 г. р.
4. Там же. с. Закладное. Одушкина Н. И., 1930 г. р.
5. Там же. с. Закладное. Скубко Л. Н., 1936 г. р.
6. Там же. с. Мормыши. Жданов В. С., 1936 г. р.
7. Там же. с. Мормыши. Михаличенко В. И., 1930 г. р.
8. Там же. с. Мормыши. Рябых М. Д., 1935 г. р.
9. Там же. с. Мормыши. Шиховцова Е. Ф., 1941 г. р.
10. Никитаева Е. Б. «Исчезающая деревня» (1960 — сер. 80-х гг.). URL: http://you1917-91.narod.ru/nikitaeva_ischez.html
11. Развитие сельского хозяйства Алтайского края. Сборник документов и материалов. Ч. 1 / редкол.: Г. И. Безруков, П. А. Быков, И. Г. Деев. Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1987.
12. Список населенных мест Сибирского края округа Юго-Западной Сибири. Т. 1/ ЦСУ, Сибирский краевой статистический отдел; Новосибирск: тип. «Советская Сибирь», 1928.

Ю. Ю. Афанасьева, Е. Ф. Фурсова

Традиционный детский костюм семейских Забайкалья[1]

Захваченная в 1760-х гг. полками генерал-губернатора Маслова группа русских старообрядцев в количестве около пяти тысяч человек была конвоирована с территорий современных Украины и Белоруссии по маршруту Калуга—Казань—Екатеринбург—Верхотурье—Тобольск. В Тобольске часть старообрядцев была призвана на военную службу во вновь сформированные Томский и Селенгинский полки, часть вместе с семьями была поселена в разных местах Сибири: в Барабинской степи, на Алтае и за Байкалом в Селенгинской Даурии [1, с. 7]. В Забайкалье старообрядцы, вывезенные и поселенные семьями, в отличие от одиночных ссыльных, получили название «семейских». Потомки первых переселенцев-старообрядцев сегодня проживают в Тарбагатайском, Мухоршибирском, Бичурском и некоторых других районах Республики Бурятии, в селах Красночикойского района Читинской области.

К одной из особенностей народно-бытовой культуры семейских Забайкалья относится их приверженность к особого рода одежде, которую можно назвать визитной карточкой группы. В изучении костюма семейских большую роль сыграла популярность сел Большой Куналей, Бичуры Республики Бурятия как своего рода воплощения традиционной культуры семейских, и костюм семейских описывали, базируясь в основном на данном материале. Однако в каждом селе, а тем более рай-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00470.

Рис. 1

оне были свои особенности конструкции и декорирования костюма, терминологии, передававшиеся из поколения в поколение. Стоит отметить интересные факты, касающиеся традиционной детской одежды семейских.

Как известно, в традиционной русской культуре дети долгое время не имели собственного костюма. В теплое время года и в домашней обстановке они носили подпоясанные рубашки. Известно, что в некоторых регионах парни уже предсвадебного возраста еще ходили без портов.

В традиционном укладе жизни семейских дети, напротив, начинали носить свой костюм в довольно раннем возрасте. Детский костюм не отличался от взрослого, причем никакого упрощения не наблюдалось ни в покрое, ни в составляющих костюма. Об особенностях детской одежды писала еще А. М. Попова в 1925–1930 гг.: «...На мальчиках такая же рубашка и штаны, как у взрослых, девочки одеты в сарафаны, запаны и

Рис. 2

рукава — точная копия взрослых» [2, с. 28]. Эти данные были подтверждены современными информаторами из с. Бичура Республики Бурятия: «У девочек такой же сарафан был, как у взрослых, такой же крой, также и запаны, и рубахи, а на голове платочек». На вопрос, когда на девочку впервые надевали полный костюм, информаторы отвечали: «Да как ходить начнет, так и одевали, а куды она без одежи-то». Однако в Красночикойском районе Читинской области во время полевых исследований эти факты не подтвердились. В с. Кочен информатор 1918 г. р. свидетельствовала о следующем: «На маленьких-то ребятишек каво оденешь, рубашонку, да и все, да пояском подпоясать...». Информатор не смогла дать точного ответа на вопрос, во сколько же лет девочкам шили сарафан: «Не помню я, во сколько, но еще до школы, в школу-то она у меня уж точно в сарафане бегала».

Несмотря на имеющиеся разночтения, в с. Бичура нами обнаружен детский сарафанный комплекс на ребенка в возрасте 2–3 лет. Данный сарафанный комплекс принадлежит Т. Новокрещеных, 1956 г. р. Этот костюм для ее дочери шила ее же свекровь, т. е. бабушка. Судя по дате рождения владелицы костюма, в 70-х гг. XX в. еще было распространено ношение детского традиционного костюма.

Данный комплекс по типу относится к северорусским и включает в себя сарафан, рубаху и запан. Приведем краткое описание.

Рис. 3

Сарафан (рис. 1) прямого покроя, сшит из хлопчатобумажной ткани красного цвета с узором из крупных цветов. Выкроен из двух полотнищ шириной 80 см и длиной 45 см. По подолу сарафана пришиты две атласные ленты (синяя сверху, бордовая снизу). С изнаночной стороны подол укреплен «подбойкой» из другой ткани. По талии сарафана собраны мелкие складки. Лямки и пройма сарафана выкроены из той же ткани и обшиты косой бейкой.

Рубаха (рис. 2) изготовлена из хлопчатобумажной ткани темно-зеленого цвета. По конструкции рубаха поликовая, с кошеным рукавом (полностью повторяет крой рубахи взрослой женщины). На месте соединения рукавов с поликами отсутствует традиционная «расшивка» (игольное кружево, выполненное цветными нитками). По нашим предположе-

ниям, это следствие того, что данный костюм являлся повседневной одеждой. Манжеты рукавов рубах с изнаночной сторон укреплены тканью, места швов прострочены зигзагообразной линией, выполненной на швейной машине. Край манжета обшит ярко-красной хлопчатобумажной тканью.

Запан (рис. 3) состоит из двух кусков синей ткани, при этом меньший шел на грудку, больший на подол. На шее и талии он крепился с помощью тесемок. По подолу пришиты две атласные ленты.

В прошлом детские костюмы, как и взрослые, видимо, различались не только по регионам, но и более детально по местностям и даже селениям. Комплексное сравнительно-историческое исследование такой составной части традиционной культуры, как традиционно-бытовая одежда, поможет прояснить вопросы истоков формирования этнографической группы семейских, выявить этнокультурное разнообразие забайкальского старообрядчества, проследить трансформации под влиянием культурного пространства первичных и вторичных мест проживания (Русский Север, Белоруссия и пр.).

Источники и литература

1. Болонев Ф. Ф. Месяцеслов семейских Забайкалья. Новосибирск, 1990. 206 с.
2. Попова А. М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928.

Е. А. Бельгибаев, А. В. Коротков

Дунганский этнический элемент на Алтае

Тема миграционных процессов на постсоветском пространстве остается одной из актуальных в этнологической науке. Не углубляясь в тонкости проблематики, связанной со всем спектром движения иноэтнического населения в пределах России и сопредельных территорий, отметим, что она не потеряла значимости и на Алтае. Одним из новых явлений этого плана стало переселение в последнее десятилетие на территорию края отдельных групп этнических дунган. Основная их масса проживает на территории Казахстана (30,2 тыс. чел.) и Кыргызстана (36,9 тыс. чел.), их предки появились там еще в конце 1870-х – начале 1880-х гг., спасаясь от преследований маньжуро-китайских властей после подавления освободительного движения 1862–1877 гг. [3, с. 165].

На территории Алтайского края проживание дунган отмечено всероссийской переписью населения 2002 г. [2]. По результатам переписи, в регионе проживало 39 чел. дунганской национальности. Миграция дунган также не прошла мимо внимания алтайских журналистов. Так, в краевой газете «Алтайская правда» от 17.06.2010 была опубликована за-

метка Л. Ермолиной «Дунгане прижились в алтайском селе», где автор отмечает факт пребывания в с. Покровка Баевского района дунганских семей из Кыргызстана и затрагивает некоторые аспекты их социокультурной адаптации на новом месте [1].

В 2009 г. вследствие неурожая многие переселенцы из числа этнических дунган уехали обратно в Кыргызстан. Однако большинство из них планируют вернуться на Алтай. На момент опроса в с. Покровка проживало примерно 14 дунганских семей. Традиционно все они являются многодетными. Опрос дунганского населения показал, что все респонденты проживают в селе с 2005–2006 гг. и в большинстве своем являются гражданами России.

В ходе этнографических работ активно использовалась фото- и видеосъемка. Группой студентов-этнографов была предпринята поездка в Благовещенский район, где они принимали участие в традиционных дунганских поминках. Материал был также зафиксирован на видеокамеру. Немаловажные сведения по этнографии дунган имеются в личном архиве директора средней школы с. Покровка Н. Д. Брусника, где, помимо прочего, имеются данные по социокультурной адаптации учащихся дунганской национальности. В ходе этнографического и этносоциологического исследования нами широко использовались методы наблюдения, беседы, опроса и анкетирования.

В результате работы с информаторами выяснилось, что по крайней мере основная их масса является выходцами из Северного Кыргызстана. Как известно, после развала Советского Союза в этой республике сложилась крайне непростая социально-экономическая и политическая ситуация, и дунгане были вынуждены переезжать с семьями в поисках лучшей доли в другие страны. Многие из них хотели бы переселиться в Казахстан, однако гражданство там получить гораздо сложнее, чем в России. Миграционные настроения дунган стимулируют недавние события на юге Кыргызстана. В настоящее время у многих покровских дунган имеется российское гражданство. Укоренению дунган на алтайской земле способствует наличие частной собственности в виде домов и усадеб.

Традиционно покровские дунгане занимаются поливным овощеводством, которое ориентировано на рынок, поскольку является основой существования их семей. В настоящее время выращиваются арбузы, дыни, тыквы, кабачки, капуста, огурцы, томаты, картофель. Реализуя на рынке полученные продукты, дунгане постепенно увеличивают размеры арендованной или купленной ими земли. Не последнее место в получении хорошего урожая играют редкое трудолюбие и физическая выносливость дунган. Работа на полях занимает весь световой день. При

этом работают все представители семьи, включая детей, которые включаются в трудовую деятельность с пяти лет. Кроме того, в последние годы многие дунганские семьи заводят мелкий и крупный рогатый скот, подстраховывая себя на случай плохого урожая на полях. Уже сейчас можно видеть, как в пределах усадеб постепенно возводятся хозяйственные постройки для домашнего скота и птицы.

Этнические дунгане в пределах с. Покровка имеют некоторые черты общины (наличие лидера, самоорганизация, взаимопомощь). Лидер выполняет организационные функции и в определенной мере даже надзорные. При наделении человека функциями главы общины для дунган важен не столько его возраст, сколько социальная активность, способность идти на контакт с другими людьми и успешно вести торговую и организационную деятельность.

Огромную консолидирующую роль в дунганской общине играет ислам. Религиозный фактор оказывает принципиальное влияние на все стороны их жизни. Дунгане соблюдают фактически все религиозные предписания: исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммада, молитвы, пост и т. д. Практически все дунгане не пьют алкогольные напитки, не курят. Большим грехом они считают воровство. Все это резко повышает адаптивные возможности дунган в иноэтнической среде, поскольку в глазах русского населения формируется положительный образ переселенцев. Социокультурной адаптации дунган в немалой степени способствует свободное владение русским языком. Особенно это относится к младшему поколению, которое обучается в местной общеобразовательной школе. Примечательно, что многие из дунган не знают киргизского языка, а языковой фактор в странах Центральной Азии является одним из наиболее острых. Немало дунган среди друзей имеют русских, принимают участие в государственных российских и даже славянских праздниках — Масленице, Ивана Купала и др. Дети активно включаются в школьную программу, демонстрируя уникальную культуру дунган, а также принимают участие в постановках русских сказок и басен. При этом они свободно себя чувствуют как в дунганских, так и в русских традиционных костюмах.

Вместе с тем дунгане стремятся сохранить свою культуру и язык. В их одежде встречаются элементы традиционного костюма, особенно у женщин. Национальным колоритом отличается пища. Дунганами также строго соблюдаются традиционные обряды жизненного цикла. Дунганская община глубоко традиционна. В семье велик авторитет отца, вплоть до того, что он сам выбирает невесту для сына, причем только дунганку. Все дунгане свободно владеют родным языком.

В целом можно с уверенностью говорить о формировании на Алтае дунганского этнического элемента. При этом очевидна тенденция к росту их численности. Этому способствуют направленные в край миграции дунган, при этом они переселяются целыми семьями. Неблагополучная социально-экономическая и политическая ситуация в местах их исхода, видимо, будет стимулировать эти процессы. Росту численности рассматриваемой этнической группы будут способствовать ранние браки и четкая ориентация на многодетность. Кроме того, многие из опрошенных дунган связывают свою дальнейшую судьбу с Россией.

Источники и литература

1. Ермолина Л. Дунгане прижились в алтайском селе. URL: http://www.ap22.ru
2. Национальный состав населения Алтайского края. URL: http://worldgeo.ru.
3. Решетов А. М. Дунгане // Народы и религии мира: Энцикл. М.: Большая Рос. энцикл., 2000. С. 165.

И. А. Боенко

Полевая практика в Монголии: русский язык в сознании старшего поколения[1]

Полевая практика, о которой пойдет речь ниже, состоялась в сентябре 2010 г. в Ховдском аймаке (Западная Монголия). Экспедиционная поездка является частью реализации совместного гранта Российского государственного Научного фонда и Министерства образования и культуры Монголии «Национально-культурные стереотипы русской и монгольской культур в языковом сознании жителей Западной Монголии: полевые исследования».

Ховдский аймак — административно-территориальная единица Монголии, центр Западно-Монгольского округа, объединяющего пять прилегающих аймаков. Город Ховд является самым старым городом Монголии. Это административный, экономический, культурный центр аймака. По данным 2004 г. население Ховдского аймака составляет 91,8 тысяч. Ховдский аймак является единственным аймаком во всей Монголии, где проживают представители более 19 этнических групп. Город Ховд является одним из опорных центров, которые должны осуществлять социально-экономическую и научно-образовательную политику в западном регионе. Русский язык стал обязательным иностранным языком с 2006/2007 учебного года во всех средних школах Монголии с 7-го класса.

[1] Выполнение работы и подготовка статьи осуществлены при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии «Национально-культурные реалии русской и монгольской культуры в языковом сознании жителей Западной Монголии», 2010, 10-04-18052е/G.

Этот факт стал важнейшим достижением 2007 г., который В. В. Путин объявил годом русского языка.

Следует отметить, что уровень владения русским языком у жителей города Ховда значительно различается. Речь некоторых жителей представляет собой синтез монгольского, английского и русского языков, что получило отражение в результатах, полученных при анкетировании. Например, при определении значения слова «балет» был дан следующий ответ: «это classical жанр»; к слову «студень» было приведено слово «cook» (произошло соединение английского и русского слов при трактовке). Слово «пельмени» монголы определили как название блюда «маленький бууз, обычно изготовляется из говядины и баранины»; «мы делаем их на цагаан саре» (в данном случае соединились русские и монгольские слова, реалии).

Целью экспедиционной поездки в Монголию был сбор материала для пополнения базы данных для создания энциклопедии русско-монгольских реалий. Энциклопедия задумана как средоточие информации, актуальной для двух культур — русской и монгольской. Пользоваться ею смогут как русские, изучающие монгольский язык и культуру, так и интересующиеся русской культурой монголы. Материал собирался, во-первых, методом анкетирования, во-вторых, посредством бесед с жителями. Респондентами выступили жители г. Ховд (25–60 лет); студенты, преподаватели Ховдского государственного университета (19–40 лет); жители сомонов Ховдского аймака (20–70 лет); учителя, школьники сомонов Ховдского аймака (14–55 лет).

Анкеты, предложенные респондентам, состояли из двух частей. Первая часть — вопросы, касающиеся русской и монгольской культур, русского языка в Монголии, его восприятия монголами. Вопросы были сформулированы на русском и монгольском языках. В зависимости от уровня владения русским языком предлагался тот или иной вариант анкеты. Примеры вопросов: «С чем у Вас ассоциируется Монголия? Что связано у Вас с Монголией? С чем у Вас ассоциируется Россия?»; «Какие монгольские ценности Вы можете назвать? Какие русские ценности Вы можете назвать? Как сегодня общаются русские и монгольские люди? Как они общались раньше? Насколько велико значение русского языка в Монголии? Чем для Вас является русский язык? Откуда Вы знаете русский язык? Как долго Вы изучаете русский язык? Когда у Вас появился интерес к изучению русского языка? Кто-то из Вашей семьи учил русский язык? Вы самостоятельно выбрали русский язык или на Вас кто-то/что-то оказал(о) влияние? Что привело Вас к изучению русского языка?» Главная цель опроса — выявить отношение монголов к русско-

му языку, русской культуре, понять, как монголы оценивают взаимоотношение наших языков, народов.

Остановимся подробнее на результатах анкетирования старшего поколения жителей Западной Монголии. Для начала необходимо отметить, что отношение к России, к русскому языку у старшего поколения значительно отличается от восприятия нашей страны молодежью. Воспоминания старшего поколения касаются студенческих лет, дружбы с русскими людьми, поездок по городам России. Многие жители г. Ховд получали образование в СССР (в Иркутске, Красноярске, Москве). Вот как монголы вспоминают годы учебы в России: «Самые хорошие впечатления — когда мы были студентами. Это озеро Байкал, бурятская деревня. Я знакомился с местными людьми» (респондент окончил Иркутский политехнический институт); «В России прекрасные добрые души русских людей. Когда мы учились, нас добродушно принимали». «Люди моего возраста очень любят хорошие отношения с русскими. Общения не хватает. Русский язык у меня очень ухудшается». Автор последнего высказывания — биолог Оюнчимэг, на протяжении 27 лет изучала русский язык, много лет переводит русские песни, стихи, рассказы (особенно В. М. Шукшина) на монгольский язык. Все люди старшего поколения сходятся в том, что «русский язык очень замечательный».

Значение русского языка в Монголии жители г. Ховд определяют следующим образом: «велико очень, потому что Россия — наш вечный сосед»; «очень велико»; «имеет важное значение»; «огромное значение»; «чтобы крепить дружбу»; «много, потому что язык до Киева доведет»; «после становления СССР имеет большое значение, мы должны знать язык русских». Как видно из примеров, старшее поколение единодушно подчеркивает важность и нужность изучения русского языка.

Для сравнения приведем ответы монгольских студентов на тот же вопрос. Первая группа ответов: «велико значение, потому что граница у нас есть»; «очень велико, особенно через область образования»; «это основа изучения других языков»; «очень важна в современном мире, сегодня каждый монгол должен знать три языка»; «это мост, который связывает Монголию с миром»; «творит взаимоотношение между двумя странами»; «мы же братцы, поэтому нам нужен русский язык». Итог: значение русского языка неоспоримо велико.

Другая группа ответов: «в средней мере», «не очень важно»; «имеет значение, чтобы читать какие-нибудь произведения»; «уменьшилось время изучения этого языка»; «английский язык 60%, русский язык 40%»; «имеет значение, но значение относительно слабое»; «не могу сказать, что Россия влияет на 100%, но на 40–45% влияет». Возникает оппо-

зиция русский/английский языки. В средней школе английский язык школьники начинают изучать с 4 класса, а русский только с 7. Количество часов, отводимых на изучение английского языка, значительно больше. В такой ситуации русский язык отходит на второй план (возможно, и на третий), уступая место английскому языку, во-первых, китайскому, японскому, турецкому, во-вторых. Подтверждением этой неутешительной тенденции является ответ на вопрос «Чем для вас является русский язык?»: «Русский — наш третий язык» (после монгольского, английского).

Однако все-таки среди ответов на поставленный вопрос доминируют следующие высказывания: «перспектива»; «очень красивый, трудно изучать»; «я думаю, очень хороший язык»; «очень необходимый язык, важный»; «первый иностранный язык»; «окно мира»; «самый потребительный язык»; «для меня это образование»; «это язык, который я хотел учить»; «для меня — часть моей жизни»; «для меня богатство»; «очень важно, так как „без языка — значит без ног“»; «цель моей жизни»; «источник знания»; «самый сложный язык для учащихся»; «очень мелодичный язык»; «желание и мечта»; «знание и умение»; «ценность».

На вопрос: «Что привело вас к изучению русского языка?» самым распространенным ответом у монголов всех возрастов стал ответ «учительница»: «Моя школьная учительница привела меня к изучению русского языка»; «Моя учительница Отгондалай мне дала большие знания». Другие варианты ответов оказались весьма разнообразными: «Мне очень нравится русский народ»; «русское кино, русские мультфильмы»; «русские каналы: 1-й, РТР, ОРТ и песни»; «мне нравится русский язык, культура, природа и т. д.»; «учебная программа и нужда общения с россиянами»; «интонация языка мне понравилась»; «русский язык привлекал мелодией употребления»; «торговля, бизнес»; «мировая культура» и т. д.

Вторая часть анкеты — список из 199 культурно-значимых слов. Под культурно-значимыми словами понимаются фрагменты культуры, повседневной жизни, концепты, являющиеся носителями культурной информации, исторической памяти народа. Задание формулировалось устно, звучало следующим образом: «Напишите, как вы понимаете данные слова»; «Объясните значение приведенных слов; что приходит вам в голову, когда вы слышите указанные слова?». Цель анкетирования в данном случае — понять уровень знания монголами русских слов, выявить реакции респондентов на известные монголам культурно-значимые русские слова. Нужно отметить, что в анкетах, заполненных помонгольски, в большинстве случаев монголы просто дали перевод рус-

ских слов на монгольский язык без приведения толкования или ассоциаций.

Перечень слов, помещенных в анкеты, выглядит следующим образом: *азбука, балет, баня, басня, блины, борода, валенки, ватрушка, веник, вера, веретено, горница, гусли, дитя, добро, долг, домовой, ёлка, заплатка, зло, изба, истина, кисель, кокошник, коллектив, колодец, колокол, колокольчик, компот, коромысло, коса, косы, Красная площадь, красота, крыльцо, ладан, лампада, любовь, маскарад, пельмени, самовар, самогон, сани, сарай, сарафан, свечка, свобода, семечки, сени, сказка, скамейка, скатерть, совесть, сотник, студень, топор, тройка, тулуп, хомут, чаепитие, частушка, чело, человек, червонец, шуба* и т. д. Отбор слов осуществлялся экспериментальным путем — путем анкетирования. Носители русского языка назвали указанные выше слова культурно-значимыми.

По результатам анкетирования были выявлены как совсем незнакомые слова (*бублик, ведро, веретено, говор, заплатка, кафтан, кокошник*), так и слова, вызвавшие затруднения: *ватрушка, горница, гусли, долг, истина, кипяток, лампада, лапти, оладьи, перст, полено, приданое, рать, сотник, холить, червонец* и т. д. К примеру, слово *гусли* было определено как «птицы» (вероятное влияние — фонетические ассоциации со словом *гуси*); *заплатка* — «платить за что-нибудь» (ассоциация со словом *плата*); *ладан* — «ладана, я сделаю эту работу» (*ладан — ладно* — отождествление); *лампада* — «это танец; лампа» (ассоциации: *лампада/ламбада; лампада/лампа*); *студень* — «который учится в университете; студенческий день; студент». Фонетическая близость слов *студент* и *студень* повлияла на возникновение толкования. *Кисель* — «это блюдо очень соленое, соленое; неприятный вкус; добавка кислое» (аналогия со словом *кислый*).

В результате экспедиционного анкетирования собрано: а) 279 анкет, содержащих ответы на вопросы (из них 79 на русском, 198 на монгольском языке); б) 166 заполненных анкет, содержащих реакции монголов на русские слова: 115 заполнены по-русски, 51 по-монгольски.

Материал, собранный в ходе экспедиционной поездки в Монголию, чрезвычайно богат. Несомненно, он требует подробного анализа и дальнейшего изучения.

Источники и литература

Полевой материал автора, Ховдский аймак (Западная Монголия), 2010 г.

Д. Ю. Гапак

Рынок в структуре представлений современных горожан (по материалам полевых исследований)

Город — это особая форма бытования культуры. В XX в. происходило становление антропологии города. Появились исследования, посвященные городскому фольклору и городской мифологии. В рамках этого направления происходило изучение неомифиологизма как культурно-исторического феномена эпохи урбанизма, технического прогресса и глобализации.

В постиндустриальном, информационном обществе мифотворчество не только сохранило свои позиции, но и стало своего рода индустрией. По утверждению исследователей, двадцатый век породил «технику» мифологического мышления, не имеющую аналогов в истории. В современном мире мифотворчество проникло во все сферы человеческой деятельности: политику, средства массовой информации, маркетинг. Объясняя природу неомифологии, ее глубинных смыслов и задач, исследователи обращаются к различным сюжетам.

Настоящее сообщение посвящено характеристике бытовой неомифологии городского рынка. Изучение рынка как объекта городской культуры предполагает его оценку на основе этнических, социологических, культурных, экономических критериев. В данной работе предметом изучения стали приметы, поверья, ритуалы, связанные с рыночной торговлей. Исследование было проведено на примерах двух рынков Республики Хакасии: центрального рынка г. Абакана и рынка «Кодры» г. Саяногорска. Сбор полевых материалов осуществлялся путем формализованного интервью. Разноплановый перечень вопросов имел целью выявить круг представлений людей «рыночного мира».

Интервью включало серию вопросов на тему «Что для вас рыночные традиции и суеверия». Около 45% опрошенных заявили, что рыночные приметы — это лишь суеверия, «чепуха», нелепица. Около 35% продавцов придают рыночным традициям важное значение, считая, что это свод правил и законов: «Рыночная традиция — закон, стараемся регулярно соблюдать верования». Интересно, что торговцы, чтущие традиции, имеют на своих прилавках амулеты от сглаза, иконки, талисманы, а также нередко заговаривают товар. В основном на рынке бытуют расхожие приметы: пару монеток нужно всегда иметь под столом, нужно обмазать остальной товар деньгами с первой продажи, с утра нельзя давать деньги в долг; нужно подметать не с утра, а только с вечера. На рынке практически нет людей, которые руководствуются только личным опытом, большинство говорит: «Пользуемся традициями поколений».

Около 25% — это группа, оценивающая ситуацию в категориях социальных трансформаций, не отрицающая традицию и суеверия как дополнительный ресурс: «Рынок ломает все: мораль, веру, возможно, и характер, поэтому суеверия — это полная нелепица»; «Если раньше на рынке люди верили в предпринимательские способности, то сейчас мы верим во все, ведь дьявол же создал такое явление, как торговля, отсюда и суеверия»; «Приходится верить в рыночные традиции — хочется верить во что-нибудь хорошее»; «Мы уже зациклились на суевериях — не знаем, помогают ли они или нет»; «символически соблюдаю — все делают, и я заодно»; «верим, поэтому и помогает».

Эти высказывания демонстрируют конформистскую позицию. Она обусловлена нежеланием выделяться из основной массы, люди верят, потому что так делают все, и считают, что это и им обязательно принесет удачу. Вера в приметы и ритуализация поведения связана со степенью неопределенности и риска в жизни и деятельности участников рынка. Некоторые продавцы говорят о рынке как о жесточайшем мире, где «все друг друга хотят „сожрать“», утверждают, что это мир, наполненный завистью: «Рынок — болото. Они в своем болоте крутятся, а мы в своем». Неуверенность в перспективе рождает стремление приумножить, хотя бы символически, свои возможности.

В торговой среде имеют хождение различные православные молитвенники. Существуют молитвы, обращенные к великомученику Иоанну Новому, Сочавскому. Согласно традиции, Иоанн торговал в г. Константинополе рядом с турецкими лавочками и успевал в своей торговле больше всех. За успехи, за свою христианскую веру и святость в жизни он был замучен неверными. Известно, что этому святому молятся люди, занимающиеся торговлей и предпринимательством. В среде торговцев, как издавна повелось в России, почитают Николая-угодника.

Молитва, по объяснению респондентов, избавляет от страха. Для обитателей рынка характерны неуверенность в завтрашнем дне, боязнь кражи, социальная незащищенность, страх потери клиентов, а следовательно, и основного дохода, — все это является основанием для мистической рефлексии на реальные ситуации. Интересны размышления нескольких продавцов: «А вдруг соседка на меня нагадает, и у меня торговля не пойдет — есть у нас такая категория людей». Как выяснилось, страх потерять удачу из-за «магических проделок» для рыночного мира является универсальным. Это делает очень востребованными в торговых рядах различные охранительные амулеты.

Представление о магической «порче», о «сглазе», людях с «тяжелой рукой» и, напротив, людях с «легкой рукой» входят в круг представлений о

«плохих» и «хороших» торговцах. Представления о «хорошем» продавце включают такие качества, как коммуникабельность, ответственность, вежливость, тактичность, умение найти подход, грамотность, даже психологический опыт. Но в то же время частью опрошенных было высказано суждение, что хороший продавец — это тот, «кто имеет талант торговать от Бога». Торговля, таким образом, в сознании людей рынка разворачивается на антитезе дьявольского и божественного и во многом связана с представлениями о мистической по своей природе удаче. Подобные представления носят устойчивый характер и коренятся в глубинах культуры и мифологии.

При описании национального русского характера, с точки зрения З. В. Сикевич, «рыночное» поведение фиксируется с помощью пословиц, которые также являются частью бытового мифологизированного мышления. «Дружба дружбой, а денежки — врозь», «где ни жить, только б сыту быть», «тот мудрен, у кого карман ядрен», «не пойман — не вор, а что взято, то и свято». Эти пословицы наглядно демонстрируют приоритеты рыночного сообщества и определяют характер поведения продавцов.

В самооценке обитателей рынка отчетливо проявляется противопоставленность рынка как особого локуса внешнему миру. Продавцы отмечают, что за пределами рынка бытует мнение, что на рынке работают «алкаши» и «халды», непорядочные, необразованные, «непутевые» люди. Но сами торговцы считают: «Воришки и пьяницы здесь не держатся», «Вы думаете, на рынке бескультурщина, что ли?», «На рынке — дисциплина, на базаре — бардак», «Воришки здесь не задерживаются».

Мышление, ориентированное на стереотипные суждения, — это особенная черта рыночного мира как городского культурного сообщества. В современном городе речь идет о неомифологии. Он, по мнению исследователей, создается для того, чтобы нивелировать трудности, найти объяснения социальным столкновениям, стереотипизировать нынешнюю действительность. Неомифы рождают новые символы и ритуалы, которые в соответствующих социальных и политических обстоятельствах приобретают для людей весомое значение.

В рыночном сообществе, безусловно, преобладает коллективное сознание, но сама культура рынка нацелена на приоритеты индивидуального. Их соотношение имеет противоречивый характер. В его основе лежит фактор экономической конкуренции. Но, существуя как экономический механизм, рынок развивается в границах городской культуры и требует дальнейшего изучения.

Л. Н. Гашенко

Отражение состояния здоровья и болезни в речи жителей Крутихинского района Алтайского края

Вопрос о здоровье всегда занимал одно из центральных мест в системе человеческого знания о мире, а потому и на сегодняшний день тема здоровья представляет собой основу жизнедеятельности, значимую для любой личности. Состояние здоровья и болезни могут много раз сменять друг друга на протяжении индивидуальной жизни человека или животного. Для понимания сущности болезни важно осознавать, что такое нормальное, здоровое существование, за пределами которого как раз и возникают различные физические или же психические отклонения. Так, в словаре В. И. Даля дается следующее определение: «Здоровье — состояние живого тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезней». В соответствии с этим, здоровый человек — «не больной, одаренный здоровьем» [1, с. 600].

При синхронном анализе лексического материала в качестве основного применялся описательный метод. Сбор речевого материала проводился при помощи непосредственного наблюдения, опроса информантов, данных картотеки кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета, а также путем выборочного анкетирования коренных жителей в возрасте от 13 до 65 лет.

Речь жителей Крутихинского района была исследована нами в рамках полевого подхода. Метод семантического поля позволяет выстроить полевую модель языка, рассматриваемую как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [2, с. 685].

В ходе анализа собранного материала нами была выделена лексико-семантическая группа «Здоровье и физическое развитие человека». В результате словарный состав систематизирован в две группы с гиперсемами: 1) «состояние здоровья», 2) «состояние болезни».

Были выявлены следующие лексические единицы с гиперсемой «состояние здоровья» (слова расположены в соответствии с частотностью их употребления): *бык, здоровяк, лось, конь, бычара, крепыш, хороший, человек с хорошим иммунитетом, кабан, кровь с молоком, атлет, косая сажень в плечах, осёл, шкаф, нормальный человек.* Таким образом, мы видим сформированный синонимический ряд с доминантой «бык», который наряду со словами *лось*, *конь*, *бычара*, *кабан*, *осёл* представляет собой метафорическую номинацию. Как отмечает

Г. Н. Скляревская, «Тип метафоры ЖИВОТНОЕ—ЧЕЛОВЕК играет в языке роль одного из самых сильных экспрессивных средств, обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской» [3, с. 43]. Подобные метафоры обладают достаточно четкими и постоянными оценочными коннотациями. Но, как правило, сами названия животных не содержат оценки и приобретают ее уже в процессе метафоризации: «Да с этим ничего не случится! Он же здоров как бык!», «Хоть и возраст у него уже преклонный, а все целыми днями, как конь, по улицам носится! Вот здоровье-то где!», «Сам пьет ведром, а хоть бы тебе что! Здоровый кабан все-таки, не мне чета!».

Ассоциативная связь между понятиями «здоровье» и «физическая сила» прослеживается в словах «крепыш», «шкаф» и выражении «косая сажень в плечах»: «Все детки в саду уже переболели, а ваш крепыш держится!», «Да я редко болею. Всё легко переношу. Жена говорит, что я как шкаф стойкий. А почему именно шкаф, и не знаю даже… Здоровый просто».

Положительная (одобрительная) или нейтральная коннотации заключены в лексемах *атлет*, *крепыш*, *хороший*, *нормальный*, *с хорошим иммунитетом,* а также в выражении *кровь с молоком:* «Она просто человечек очень хороший, потому и болеет реже. Добрее нужно быть, девочки, отзывчивее, тогда и все болезни стороной пройдут», «Игорь у нас — атлет, закаленный, ему болезни нипочем. И днем и ночью тренируется, а потому и иммунитет у него хороший. Вот что надо, чтобы здоровым быть!», «А девушки у нас какие видные — кровь с молоком!».

Во вторую группу с гиперсемой «состояние болезни» входят такие лексические единицы, как *хворый, хиляк, бацилла ходячая, бацильник, нездоровый*, *тошнотик*, *болезный*, *никудышный*, *дохляк*, *хвора*, *инвалид*, *вареный*, *плохой*, *слабый*, *чахотка*, *чахоточник*, *дистрофик*, *идиот*, *сдыхало*, *больной ВИЧем*. Представленный синонимический ряд с доминантным словом «хворый» отличается ярко выраженной экспрессивной окраской. Состояние болезни воспринимается негативно, во многом это связано с тем, что оно лишает возможности вести нормальный образ жизни, трудиться: «Да что я… Совсем уж плохая стала… Никудышная теперь с меня хозяйка…», «Как муж вот инвалидом стал, так всё хозяйство на меня свалилось. А одной ведь шибко тяжело, так всю скотинку-то и свели», «Он совсем слабый стал, почти беспомощный», «Увидела его недавно… Господи! Болезный такой».

Зачастую наименования приобретают резко негативную, грубую коннотацию: «Слышь, бацильник, ты бы варежку свою прикрыл, хва-

тит микробов на меня пускать!», «Какой ему кросс? Ты посмотри на него — сдыхало настоящее!», «Ты ни разу и отжаться не сможешь. Хиляк!». Кроме того, слова *тошнотик*, *дохляк*, *хиляк*, *чахотка*, *чахоточник*, *сдыхало* представляют собой характеристику человека со слабым физическим развитием и выражают пренебрежительное отношение говорящего к тому, кого он именует данной лексемой. Таким образом, происходит пересечение микрополей «здоровье» и «особенности физического развития», что дает основания для объединения их в единое поле.

Как правило, информанты практически не употребляют медицинских терминов при определении той или иной болезни, но при этом возникают номинации, являющиеся производными от определенного заболевания: *дистрофик*, *идиот*, *чахотка*, *чахоточник* («Сосед-то мой больно уж худой, дистрофик просто!», «Пили да гуляли всю жизнь, вот Бог их и наказал — идиота родили...»). Однако представленный нами синонимический ряд имеет в своем составе и четкое обозначение, отсылку к конкретным отклонениям: «Куда ж это мир катится! В деревне уже ВИЧем болеют! И всё молодежь...».

Положительная или нейтральная окраска характерна следующим лексическим единицам, выражающим чувство жалости, сострадания к определённым лицам: нездоровый, болезный. Так, например, наиболее очевидно это проявляется в таких контекстах: «Жалко внучка, третий день уж болезный лежит», «Нездоровый у нее ребенок родился. Ох и намучается, бедняжка!».

В результате мы можем говорить о том, что в сознании жителей Крутихинского района здоровье, физическое благополучие человека занимает одно из наиболее важных, центральных мест, в то время как болезненные ощущения, различные заболевания воспринимаются крайне негативно, так как препятствуют нормальному течению жизни, а потому вполне закономерным является достаточно яркое отражение всего этого в речи жителей исследуемого нами региона.

Источники и литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
3. Скляревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики (на материале русского языка). М., 1988. Ч. 1.

Н. А. Гефке

Соляные озера Романовского района и непромышленная добыча поваренной соли в 1920–1990-е гг. по материалам историко-этнографической экспедиции 2010 г.

Наличие тех или иных природных ресурсов на различных территориях всегда определяло образ жизни местного населения, его особенности. Ярче всего это проявлялось в тех районах, где были «необычные» ресурсы, непривычные для повседневной жизни большинства людей. Так, еще совсем недавно для жителей сел Мормыши и Гуселетово Романовского района жаркое засушливое лето всегда предвещало поездку в июле и августе на Мормышанские озера для «сбора урожая» поваренной соли. Именно там росла «самая настоящая и вкусная соль» [1].

Даже в наши дни человек не может представить свою жизнь без засоленных овощей, рыбы и мяса. В начале XX в. соление продуктов оставалось основным способом их хранения, поэтому нарушение поставок соли в населенные пункты становилось серьезной проблемой.

События революции и гражданской войны разрушили создававшуюся на протяжении нескольких столетий систему солеснабжения Сибири. Процесс ее формирования и функционирования данной системы был рассмотрен автором в предыдущих статьях [12]. Заброшенные солепромыслы стали привычным делом. Там, где некогда работали сотни людей, теперь можно было увидеть только кучи добытого некогда галита и остатки разваленных строений [10]. Даже те селения, которые находились в непосредственной близости от месторождений соли, в первой половине века испытывали в ней острую нужду. В периодических изданиях 1920–1930-х гг. легко можно найти информацию о том, что соли в сельских магазинах не было [16].

Народный соляной промысел, запрещенный под страхом смертной казни еще со времен петровских преобразований, в двадцатом столетии был возрожден жизненной необходимостью [13]. Советская власть в годы своего становления не способна была наладить поставку этого продукта, поэтому она не стала устанавливать запретов на самовольную его добычу, позволив людям самим удовлетворять свои нужды. Официальных документов, подтверждающих данный факт, нет, но для всех опрошенных старожилов пользование солью из озер являлось самым естественным делом, как сбор ягод или грибов в лесу. Никто из них не вспомнил о каких-либо запретах или наказаниях.

Интересно, что большинство местных жителей рассказало о добыче соли их родителями и дедами до 1917 г., когда это было запрещено законодательством. В Государственном архиве Алтайского края содержится

большое количество дореволюционных дел с разбирательствами по вопросам «воровской» соли, то есть самовольно добытой крестьянами на Кулундинских озерах.

Возникает вопрос: как же местным жителям удавалось обходить действовавшие законы? Ответ заключается в особенности самих Мормышанских озер. Открыты они были в первой половине XVIII в. и эксплуатировались государством как источники «горькой» или глауберовой соли — необходимого сырья для сереброплавильных и, позднее, стекольных, мыловаренных, содовых заводов. Активная добыча горькой соли здесь велась вплоть до начала XX в. [17, с. 163].

Местные жители прекрасно понимали, что в пищу «горькую» соль ни в коем случае употреблять нельзя. Но знали они и то, что такая соль в озерах выпадает только при низких температурах осенью и зимой. К весне же, когда надзор за добычей на озерах прекращался, вода в них теряла свою горечь и летом «росла» соль поваренная [11, с. 231].

Каждый гуселетовец и мормышанец в наши дни знает, что нерадивый хозяин, пропустивший два последних жарких месяца в году, в сентябре и октябре набирал соль, покрытую «белым рассыпчатым порошком — селитрою». И как бы он ее потом ни промывал, горечь все равно оставалась [2, 4].

Похожая ситуация была на Кучукском озере — самом крупном месторождении глауберовой соли в современной России. В дореволюционный период из-за недостаточной изученности месторождений его рассматривали исключительно как источник поваренной соли и даже не догадывались о зимних садках мирабилита [14, с. 59].

Местные жители Большое Мормышанское озеро в разговоре иногда называют «сульфатом» [2, 8] — скорее всего, от наименования глауберовой соли — десятиводного сульфата натрия. Некоторые из них даже помнят, что до войны здесь велась «государственная добыча»: на берегу озера стоял дом, в котором жили надсмотрщики, были и скирды добытого продукта [8]. Очевидно, имеются в виду геологические разведки, периодически проводившиеся на Мормышанских озерах в 1931–1947 гг. [19, с. 3]. Помнят жители и о том, что «запасы малые оказались», поэтому дальнейшей разработки не последовало [1].

Но все они сообщают, что добывали «селитру», которую потом «использовали для военных целей — для пороха» [7] (селúтра, от лат. *sal nitrum*, — тривиальное название для минералов, содержащих нитраты щелочных и щелочноземельных металлов). Причиной такого несоответствия в названиях является то, что простые люди не понимали разницы в добываемых государством солях и не знали научных терминов. По боль-

шому счету их это даже не интересовало. Путешествуя в 1893 г. по территории Кулундинской степи, С. И. Залесский с удивлением отмечал, что «местное население глауберову соль называет „селитрой“, термина „мирабилит“ не знает». Поэтому «для озер „глауберовой соли“ исключительно в употреблении название „селитренных озер“» [15, с. 154].

В памяти каждого опрошенного нами старожила одним из самых ярких и в тоже время повседневных воспоминаний стала поездка за солью в детские годы. Даже небольшое расстояние от села до озера, пройденное пешком под палящим солнцем, было для ребенка событием. Если же ему с родителями приходилось идти из дальней деревни, да еще и оставаться ночевать у друзей или родственников в Мормышах или Гуселетово, это превращалось в целое приключение [4, 9].

В более ранний период за солью ездили на лошадях [7]. Позднее, из-за отсутствия транспортных средств, путешествие осуществлялось «на возке» или «на тележке» — обычной ручной тележке [5].

Основными инструментами добытчиков были тяпка и ведро. Сам процесс добычи ничем не отличался от того, который был описан в последней трети XVIII в. академиком П. С. Палласом [18, с. 158, 164]. Люди босиком или в резиновых сапогах «будто по полу из соли» заходили по колено в воду. Тяпками соскабливали «свежевыросшую» соль со дна в кучки — «точки», стараясь при этом не проломить линзу. В противном случае они могли нагрести вместе с солью полное ведро ила, и тогда ее приходилось долго и тщательно промывать дома, что не только приводило к потере сил и времени, но и портило продукт, с таким трудом перевезенный на большое расстояние. Из собранных кучек соль выносили ведрами и складировали в тачку или телегу [1].

По возвращении домой соль нужно было обязательно просушить, иначе она могла растаять и стать одним большим комком или, наоборот, превратиться в пыль. Соль раскладывали на солнечном месте — на поляне возле дома или на крыше сарая — и оставляли на несколько дней. Когда она теряла достаточное количество воды, ее отправляли на хранение. Для этого могли использовать мешки, деревянные кадушки, специальные отделения в кладовых и другие места. Главное условие — чтобы в них не попадала влага, которая могла привести к утечке важного продукта [3, 6]. При правильной просушке соль сохраняла свою кристаллическую форму — «крупными печатками была», поэтому перед использованием ее приходилось толочь в ступках [5].

За один раз соли добывали «помногу»: по пять-шесть мешков — «на год, на два, а кто и на пять лет запасались» [3, 6]. Сохранились истории о том, что после смерти некоторых односельчан в их домах находили кла-

довые, наполненные солью [5]. Причиной этому был не только запасливый характер русского человека. Местные жители прекрасно знали, что соль в озерах садилась не каждый год: «Когда много воды, она уходит, и ее не возьмешь» [2]. А ведь так могло быть и не один год, и не два. Именно поэтому запасать приходилось сразу много, благо соль — продукт, который не портится от времени.

Если же соли не хватало до конца зимы, то ее всегда можно было попросить у соседа, потому что «этого добра» было не жалко [3, 6]. Но так было не всегда. В годы Великой Отечественной войны «мормышане только солью и жили». Они набирали ее в телеги и развозили по дальним деревням района: Романово, Гилев Лог, Черную Курью и другие. Соль меняли на продукты: картошку, хлеб. При этом четкой цены за килограмм не устанавливалось: «каждый нес сколько мог». Так народный промысел помогал выжить в тяжелые годы [5].

В магазинах соль появилась «ближе к 1950-м годам», тогда уже окончательно наладилось производство на Кулундинских солепромыслах. Но и тогда за ней не спешили, потому что денег у людей не было. В озерах же соль «росла своя», бесплатная, за ней всегда можно было съездить и запастись на долгие годы. Старожилы до середины 1990-х гг. еще ездили по старинке за солью на озера. Использовали ее как в пищу себе, так и для корма домашним животным: лошадям, коровам, овцам [2].

В наши дни соль на Мормышанских озерах уже не добывается. С открытием месторождений каменной соли и механизацией процесса добычи цена на нее стала очень низкой. С изобретением холодильников роль соли в домашнем хозяйстве значительно уменьшилась. Никому теперь не хочется тратить свои силы на добычу «настоящей соли» в озерах, когда ее можно легко купить в магазине. К тому же у озерной соли есть недостаток — «йода в ней нету» [2]. Хотя, если тщательно поискать, то в кладовых гуселетовцев и мормышанцев всегда можно найти мешок-другой «печаточной соли».

Источники и литература

1. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Гуселетово, Вяльцева В. И., 1940 г. р.
2. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Гузь Л. И., 1944 г. р.
3. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Коваленкова Н. П., 1936 г. р.
4. Там же. Романовский район, с. Мормыши. Красносельская В. Г., 1939 г. р.
5. Там же. Романовский район, с. Мормыши. Рябых М. Д., 1935 г. р.
6. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Спицына А. П., 1928 г. р.
7. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Суровцева Т. И., 1917 г. р.
8. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Чурсин В. Т., 1932 г. р.

9. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Цивин А. Р., 1937 г. р.
10. Батасов А. Завод в степи // Алтайская правда. 1939. 11 окт.
11. Билль И. Характеристика Алейско-Кулундинской степи // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1899. № 9. С. 231–232.
12. Гефке Н. А. Зарождение соляных промыслов на территории Западной Сибири (конец XVI — середина XVIII в.) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 55–62.
13. Гефке Н. А. История освоения соляных озер Кулундинской степи в XVIII веке // Материалы XLVIII междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. 10–14 апр. 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 110–111.
14. Ермакова Л. И. Из истории соляного промысла в Алтайском округе (1870–1910 гг.) // Экономика природопользования алтайского региона: история, современность, перспективы: материалы регион. науч.-практ. конф. г. Барнаул, 12–13 окт. 2000 г. Барнаул, 2000. С. 51–67.
15. Залесский С. И. К вопросу о содовом производстве в Сибири // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1893. № 10. С. 152–154.
16. Зимин А. Освоить природные богатства Кулунды // Алтайская правда. 1939. 14 февр.
17. Кокшенев А. П. Боровые соленые озера и их производительность // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1894. № 8. С. 162–163.
18. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. По велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. 281 с.
19. Паспорт месторождения сернокислого натра — озера Большого Мормышанского / сост. А. Л. Линникова // Государственный кадастр месторождений и проявлений полезных ископаемых СССР. 1984. 4 с.

Е. И. Глазкова, П. К. Нуралиева

Аблаинкит на перекрестке культур

В настоящее время особенно актуальным становится обращение к духовному наследию прошлого, выявлению и изучению памятников региональной культуры. Возродить интерес к изучению наследия далекого прошлого, изучить его, проанализировать особенности региональной культуры, перспектив ее развития и стратегий практического преобразования, продолжить путь творческого поиска — долг современной науки. Начинать этот путь нужно с изучения наиболее значительных памятников культуры. Одним из уникальных памятников региональной культуры Восточного Казахстана является историко-архитектурный памятник XVII в. — крепость-монастырь Аблаинкит.

В XIII–XIV веках племена Верхнего Прииртышья переживали страшное бедствие — татаро-монгольское завоевание. Территория Восточного Казахстана вошла в состав владений одного из сыновей Чингис-Хана — Угэдея. Во второй половине XV в. Восточный Казахстан пережи-

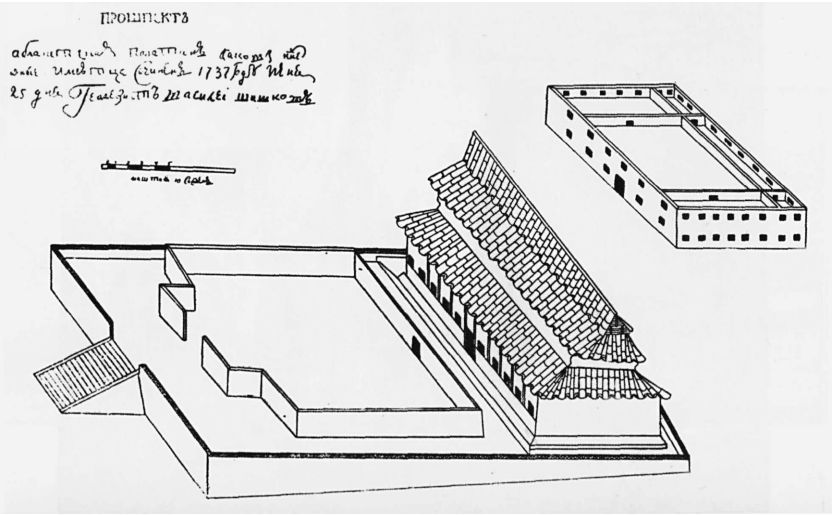

Рис. 1. Схема Аблаинкита, составленная В. Шишковым (место хранения оригинала неизвестно)

вает новую волну экспансии, его захватывают западно-монгольские племена — джунгары. Это была последняя в истории попытка образовать большую кочевую империю. Джунгарские феодалы (тайши) стремительно осваивают этот край, возводя крепости и буддийские храмы. Об этом свидетельствуют едва заметные развалины, которые сохранились и сейчас.

В 1654 г. в Китай отправляется посольство во главе с сыном боярским Федором Исаковичем Байковым, который составил подробное описание своего пути. Ф. Байков поднялся по Иртышу, пересек Западный и Юго-Западный Алтай и от Черного Иртыша, вдоль Гоби, прошел к Пекину. Зимовать Байкову пришлось у Аблая Тайши, владетельного джунгарского князя, который показал ему строящийся город: «А на той речке Бешке Аблай Тайша делает город, а про то подлинно неведомо каменный ли, или деревянный; а лесу навожено много: лес сосновый тонок, как у нас на Руси в городах, около огородов оплоты ставят; а ставит тот город промеж гор каменных, а мастера к нему присланы из Китайского царства» [1, с. 124]. Комментируя статейные списки Байкова, Григорий Спасский уточняет: «Не город, но род монастыря, в коем находились идольские капища и жили Ламы. В последствии назывался он Аблаинкитом» [2, с. 161].

На древних караванных путях, соединявших Восток и Запад, стоял храм, служивший резиденцией джунгарскому хану. Об этом свидетельст-

Рис. 2. Ламайский амулет (Сибирский вестник, 1820)

вуют находки, сделанные крестьянами близлежайших деревень в 1821 г. и переданные лично Петру I. Среди них особо выделяется светильник в виде конной статуи римского полководца, увенчанного лавровым венком. В правой руке обломок копья или жезла полководца. Это светильник IV–V вв. Эта фигура чрезвычайно примечательна, она стояла на рабочем столе Петра I. Еще одна фигура – всадник, позади которого стоит ребенок с зонтом, а впереди – фигурка священника. Под копытом коня – стилизованное изображение облака или коралловой ветви. Предположительно, это очень редкая фигура греко-буддийского стиля V–VII вв.

Греко-буддийский стиль сложился в Северной Индии и в Афганистане, позднее он получил широкое распространение в Центральной Азии.

Но положение самого Аблая среди других джунгарских феодалов не было достаточно прочным. По материалам Сибирского вестника [1, с. 1–22], в 1660 г. Аблаинкит осаждает Уэцен-хан, родной брат Аблая. С 1663 по 1665 гг. между ханами идет ожесточенная борьба за первенство, в результате которой власть получает Сэнгэн из племени Дурбэн, сын Батыра хун-Тайчжи. Главный соперник его Цэцэн вовлек в эту борьбу и Аблая. В 1671 г. Сэнгэн был убит Цэцэном и Цзоба Батыром, и претендентом на владычество над ойротами выступает знаменитый Галдан-Бошухту, единокровный брат Сэнгэн. В том же году Галдан берет Аблаинкит и заставляет Аблая покинуть верховья Иртыша. Подробности осады неизвестны. Во время штурма в Аблаинките сгорел только верхний этаж дома, где жили ламы. Галдан, сам только что сложивший с себя в Тибете звание ламы, не тронул храм (немного пострадала лишь пристройка перед зданием). Храм с его библиотекой и крепостные стены остались стоять, обреченные на медленное разрушение.

Науке монастырь стал известен с 1720 г. Можно смело сказать, что никакой другой памятник края не пользовался такой широкой известностью в научных кругах, как Аблаинкит.

В первой четверти XVIII в к Казахстану и Средней Азии усилился интерес Петра I, считавшего казахские степи «вратами всем землям Азии». В связи с этим сюда было организовано несколько экспедиций, в том числе И. Д. Бухгольца (1715–1716 г.) и И. М. Лихарева (1720 г.). Именно с 1720 г., после основания Усть-Каменогорской крепости, рукописи, доставленные с Аблаинкита Петру I, стали известны науке.

Указ Петра I от 16 февраля 1721 г. узаконил интерес к памятникам древности. Это нашло отражение в задачах первой Академической экспедиции (1733–1743 гг.), а участники второй Академической экспедиции (1768–1774 гг.) П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. Г. Гмелин, Х. Барданес оставили сведения о древностях края.

Первое описание самих зданий Аблаинкита содержится в работах Г. В де Геннина, выдающегося инженера, артиллериста, одного из лучших знатоков горно-металлургического дела в России в XVIII в. Г. В. де Геннин серьезно занимался научной деятельностью. Он собрал большой материал для своей книги об уральских и сибирских заводах, собирал «куриозные вещи», интересовался древними памятниками. Вероятно, он мог заинтересоваться сибирскими древностями еще в Нидерландах, поскольку был знаком с Н. К. фон Визеном, автором знаменитой книги о Сибири и коллекционером древних находок. Интерес к древно-

стям стимулировался и знаменитыми указами Петра I. Поиск новых рудных месторождений велся по древним «чудским копям», которые были обнаружены в Соликамске, на Алтае и в Забайкалье. Г. В. де Геннин интересовался находками костей мамонта, развалинами ламаистских монастырей, древними и средневековыми курганами, находками монет и других предметов в Приуралье, Западной Сибири и Рудном Алтае. В 1727 г. по указу императрицы ему было велено «иметь старание в прииске всяких подземельных старинных куриозных вещей». Вероятно, во исполнение этого указа в Прииртышье был направлен военный отряд во главе с «важным должностным лицом», которым мог быть сам Г. В. де Геннин, для раскопок курганов. В ходе этой экспедиции был раскопан знаменитый курган «Пудовик», о котором пишет в своей книге Г. В. де Геннин, упоминают П. Г. Демидов и другие исследователи.

Для своей книги Г. В. де Геннин составил описание некоторых памятников, рисунки кургана и древних вещей. Все материалы, в том числе коллекции находок, были привезены им в 1734 г. в Санкт- Петербург. Рукопись книги была завершена в 1735 г., но оставалась неизданной более 200 лет. Наиболее подробные сведения о древних и средневековых памятниках содержатся в разделе его книги о древних копях, обнаруженных в междуречье Иртыша и Оби. Он охарактеризовал развалины джунгарского ламаистского монастыря Аблаинкит в верховьях Иртыша, которые назвал «старыми чуцкими строениями». Среди находок Аблаинките им упомянуты рукописи на «тангутском» языке, «истуканные фигуральные» вещи и фигуры идолов, «устроенные на проволоках», таким образом, что при раскрытии дверей храма они встают на ноги «яко живые». Находки тибетских рукописей и предметов ламаистской культовой пластики на развалинах джунгарских монастырей в Прииртышье получило в XVIII в. большой резонанс в России и Европе. Несомненно, что Г. В. де Геннин знал о результатах этих исследований и попытках перевода надписей. Ко времени, когда он писал свой труд, была определена тибетская принадлежность языка рукописей. Из Аблаинкита, вероятно, происходит джунгарская печать со скульптурой тигра из его коллекции.

Первые краткие сведения о памятниках древности Центральной Калбы исходят от путешественников ученых XVIII в. — Страленберга, (1730 г.) Миллера (1750 г.), Гмелина (1751 г.), Палласа (1786 г.), Фальке (1824 г.). Все они обращали преимущественное внимание на развалины Аблаинкита, а также большое количество древних курганов, или, как их еще называли, «чудских могил», отмечая, что последние давно уже подвергаются разграблению. В этих трудах есть также некоторые сведения о древних горных выработках и наскальных изображениях («писаницах»).

Рис. 3. Современное состояние Аблаинкита (авт. И. Каланчина)

Материалы по археологическим памятникам можно найти в в работах горных инженеров и геологов Б. Ф. Германа, И. П. Шангина, Г. Розе, В. Ледебура, А. Г. Гумбольдта, А. Влангели, П. А. Чихачева.

Среди научных заслуг Петра Александровича Чихачева, явившихся итогом алтайской экспедиции, особое место приобрели его исследования в области геологического строения Алтая в целом и Казахстана в частности. Узнав, что в десяти верстах от второго пикета расположены развалины древнего замка, известного у русских как Аблаинкитский дворец, Чихачев решил посетить эти развалины: «Перейдя реку, мы повернули на запад и вскоре достигли развалин, места, на котором когда-то был замок. Среди неправильного полукруга из гранитных масс живописных и причудливых форм можно рассмотреть фундамент здания. Это параллелограмм, построенный из плит глинистого сланца, которые скреплены между собой известняковым цементом. Среди всякого мусора и обломков часто встречаются куски белой стюк-гипсовой штукатурки, красочно разрисованные кирпичи, покрытые глазурью, а также рельефные, довольно грубые орнаменты. Здесь можно обнаружить обломки гранитных колонн, напоминающие колонны дорического ордера. Вот все, что осталось от этих развалин, носящих торжественное название Аблаинкитского дворца» [3. с. 136].

Кстати, почти у всех авторов XIX в., так или иначе касавшихся географии и истории Верхнего Прииртышья: Левшина, Гумбольдта, Ремюза, Гу-

ляева, Кастанье, Семенова-Тянь-Шанского и др., — есть сведения об Аблаинките.

«Народы исчезли, скрылись от наблюдательного ока истории, и существование их осталось почти в одних только оных памятниках, доселе сохранившихся от истребительной косы времени. Они находятся в разных местах и состоят из начертаний и надписей; из курганов, или могил; из развалин, разнородных зданий и военных крепостей; из остатков горных работ, или так называемых чудских копий и из других предметов» [4, с. 85].

В наше время памятник этот еще жив. Аблаинкит впечатляет своими руинами, остатками крепостной стены. Это место поражает удивительной красотой, тишиной, вечным спокойствием. Его посещают историки, туристы, любители-краеведы.

Аблаинкит начали строить 356 лет назад, 290 лет как он известен науке. Прошло столько времени, а этот памятник истории продолжает привлекать внимание ученых. Наш долг — сохранить его для потомков хотя бы в том виде, в котором он пребывает сейчас. Такие памятники должны существовать вечно.

Источники и литература

1. Байков Ф. И. Путешествие в Китай с 1654 по 1658 год // Сибирский вестник. Ч. 11. СПб., 1820. С. 124.
2. Спасский Г. Примечания издателя к путешествию в Китай Федора Исааковича Байкова // Сибирский вестник. Ч. 11. СПб., 1820. С. 161.
3. Чихачев П. А. Научное путешествие по Алтаю // В. В. Цыбульский. Научные экспедиции по Казахстану. Алма-Ата,1988. С. 136.
4. Спасский Г. О древних сибирских начертаниях и надписях // Сибирский вестник. Ч. 1. СПб., 1818. С. 85.

А. И. Голомянов, Е. Ф. Фурсова

Детские и юношеские игры сибирских крестьян — переселенцев из Белоруссии в XX в.[1]

Народные игры в своей значительной части восходят к обрядовым комплексам, о чем свидетельствует регламентация их исполнения традиционным календарем. С конца XIX в. наметилась, а вскоре и стала преобладать тенденция перехода игр в детскую среду. В процессе исследования игровой культуры российских переселенцев Сибири основное внимание уделялось играм подвижным и хороводным, отличительными чертами которых являлись состязательность или содержательность сценария. Такие игры не только служили средством физической трениров-

[1] Работа поддержана РГНФ, проекты № 10-01-00561а/Б.

ки и социально-психологической подготовки детей к жизни, развития у них музыкальных способностей, но и, несомненно, из поколения в поколение передавали некогда магические приемы древней земледельческой обрядности.

Исследования проводились одновременно в селах смешанного проживания белорусских переселенцев с другими этнокультурными группами и в компактных поселениях белорусов Новосибирской, Читинской областей, Красноярского края. Основными информаторами по видам, структурным особенностям, правилам игр во время полевых интервью были мужчины. Современными информаторами, выходцами из Белоруссии, народные игры их детства нередко воспринимаются как белорусские, однако из описания следует, что они являлись скорее общерусскими. Записанные в среде белорусских переселенцев Сибири игры можно сопоставить с известными по этнографической литературе (например, М. Довнар-Запольского).

Житель д. Прямское Маслянинского района Новосибирской области Николай Кузьмич Ананенко является потомком брянских переселенцев и по этнической принадлежности относит себя к русским. Он передал семейное предание о своем происхождении: «Предки приехали с Брянской области Авдеевского района села Буда в 1933 году, а поселок Прямское уже организовался. Мои дядьки Никита Карпович и Андрей Карпович Ананенко приехали сюда в 1910 г. из Буды. В поселок приехали все с Буды, только еще из Суражского района. Это туда, ближе к Белоруссии. Привозили при царе, Сибирь-то не заполнена была. Оттуда их везли сюда, приезжают, им дают лошадь, плуг, подъемные деньги, и так они обживались. Приехали из-за малоземелья. У нас языки украинский, белорусский — ломаные языки. Мы по национальности русские» [1].

В среде российских переселенцев Присалаирья наряду с этническим самосознанием отчетливо проявляется региональное, сохраняются прозвища, отражающие этнокультурные особенности и происхождение носителей. Сергей Иванович Куриленко помнит местные названия, которые использовались даже при общении в детских играх: «У нас всё хохлы, украинцы, белорусы. Петропавловка — из одной Буды, а у нас — из другой Буды (Струговской). Выходцы из Брянской же губернии, деревни Батурово, заселили деревню Петропавловку. Они всё на „р“, а у нас всё на „о“. У нас Ананенки были, а там Гайдуки, фамилии. А вот Пеньково — всё Огнёвы. А Огнёва Заимка — все с Рязани. А у нас и волынцы были — с Волынщины, в том краю… Украинец был, Савчук, каторжник, они тракт вели на Ленинск-Кузнецкий, Екатерининский назывался, через Огневую. Его родичи потом приехали сюда, Савчуки эти, волынские. А тут

ещё петраковцы, из Суражского района, отдельно селились, деревня Лобня была, а нас будяне называли, а их вовками (волками. — *А. Г., Е. Ф.*)» [5].

Супруги Андрей Федорович и Анна Васильевна Понуровские, родители которых бежали из Гродненской губернии от немецких захватчиков в годы Первой мировой войны, всю жизнь прожили в д. Прямское: «У меня в Белоруссии двоюродные сестры живут. В Первую мировую войну мамин отец бежал от войны, вот когда немец наступал, они бежали, бежали, хто до Минска дошел, их вернули назад, а хто до Знаменска, их в Сибирь сюда. Сколько они тут жили, дедушка переживал. Тут мама и замуж вышла, тут и стариков похоронила…» [6].

Жительница соседней с д. Прямской д. Петропавловки Любовь Васильевна Гайдук вспоминает: «Я сейчас-то по мужику Гайдук, а была Дударева. Я родилась в 1935 году, в самой Петропавловке, а когда родители приехали, мы не знаем. Порожались мы тут и повыросли тут, и посостарились тут. Кто родители по национальности, я не знаю. Родители разговаривали, як и я…» [3].

Из народных игр местные жители Присалаирья указывают на популярные игры «в мечик», «в чижика». Подвижные игры приходились на весну, когда актуально было «разбудить» землю, подтолкнуть к росту растения, в их числе зерновые, огородные, составлявшие основу жизни крестьян-земледельцев. В случае «чижика» играющие выкапывали около себя по ямке. Водящий становился в круг и палкой старался вкатить мячик в чью-либо ямку. Пока игрок отталкивал мяч, водящий старался вставить свою палку в его ямку. Прозевавший должен был бежать за мячом. «Играли в чижика, палочкой стукаешь, и шарик качается, у каждого лунка, я вот вожу, целюсь туда, в чужую лунку, потом тот начинает водить. По мячу бьют шаровкой. У нас в мечик (мячик) называлось…» [1].

Н. К. Ананенко рассказал про личное участие в играх детей д. Прямское: «Две команды, человек по 15, ну по 7–8. Игру называли „на у матки“. Два мужчины — матки. Этот мяч подкидываеть, а этот бьёть шаровкой. Если его поймае, то её ударе и бежить сколь, если его уже ударит другой. Другое звено бежить туды, а это сюды. Эти шарики круглые были, деревянные, сами их делали, выстругивали из дерева, а сейчас можно купить. У каждого шаровка, я подкидываю шарик, а он бьёт шаровкой, пока не перехватит» [1].

Андрею Федоровичу и Анне Васильевне Понуровским в годы Второй мировой войны приходилось много работать, заменяя старших односельчан и помогая им. Только в свободное от сельскохозяйственных работ время бегали по лесу: играли в прятки, жмурки, лапту, или «мячик», строили «кегли» (городки) [6, 7].

Елена Тимофеевна Ананенко хорошо помнит хороводные игры 1930–1940-х гг, сопровождавшиеся песнями: «Я счас про „Просо“: Коль, там в одной команде пять человек и в другой. Начинают на два звена. Одни:

— А мы просо сеяли, сеяли, зеленого, доброго желтый цвет.

А другие отвечают:

— А мы коня выпустим, выпустим в зеленого, доброго в желтый цвет.

Отвечают:

— А мы дадим сто рублей, сто рублей зеленого, доброго желтый цвет.

— Нам не надо сто рублей, сто рублей, а нам надо девочку, там, Машечку.

И они поднимают руки, а она пробегает под руками, и они ее ловять. Если руки успели опустить и поймали ее, то забирают себе и меняются местами, и эти начинают запевать. И тоже это гулянка была такая — просо» [1]. Таким образом, в этой игре важно было даже не игровое действие, а разыгрываемое содержание. Большинство исследователей отмечают обрядовый характер песенного исполнения такого вида, любовно-брачную направленность мотивов [2, с. 249].

В д. Петропавловка весенне-летние праздники сопровождались подвижными играми еще на памяти поколения 1950-х гг. На расположенные за селом полянку или гору собирались все жители деревни. Мальчики, подростки, мужчины занимались подвижными играми, молодежь на выданье играла «в разлуку». «Отмечали усё, какие были ни праздники, вот тут щас такая равнина была, поляна вот, тут повсегда, який праздник, женщины соберутся на лужайку, посадятся и разговаривают между собой, кто что. На Пасху это они собирались кода, як? Это там, на горе было, гора, так собирались. И в меча гуляли, и в шара гуляли, палки брали, был шарик деревянный такий, и он подкидывал другому, чтоб попасть палкой — шаровки были. Это всё пацаны играли, не мужики» [3].

Практически повсеместно в колхозах играли в «козла», или «чехарду». Л. В. Гайдук вспоминала: «В козла играли, типа чехарды, стоишь, а через тебе прыгают. В чехарду играли не только в праздник, а хоть када. Мы идем это с дойки, а всё Манька навстанет, через ее прыгають, летом» [3].

В Красноярском крае в д. Сосновка, где поселились компактно выходцы из Могилевской и Витебской губерний, всегда была популярна традиционная русская подвижная игра «лапта». Своим названием лапта этимологически связана со словом «лопость», «плосковатая вещь», «палка», «веселко, которым бьют в мяч» и «самая игра эта» [4, с. 237]. Скорее всего, русскую лапту привезли переселенцы с мест выхода, т. е. заимствовали ее не в Сибири, а еще на своей прародине. Описание этой игры представляет собой ее общерусский вариант. «Играли в лапту. Брали креп-

кий мячик и палку. Делились на две команды — назывались „дом“ (вариант — „город“) и „улица“ (вариант — „поле“). Площадку, где играли, также делили на две части. Одна называлась „дом“, другая — „улица“. Число игроков — равное. А если нечетное число, то разница в один человек. В каждой команде выбирали матку, самого ловкого. Один (голящий) подбрасывал мяч, другой бил палкой по нему» [10]. Палка обычная, но если играли маленькие неопытные дети, то им делали палку, расширяющуюся к концу, чтобы легче было попасть по мячу. Когда бивший не попадал по мячу, то с него снимали очко. Пока мяч летел, члены команды из «дома» должны были успеть перебежать «улицу» (участок игровой площадки). В это время команда «улицы» ловила мяч и старалась бросить его в бегущих соперников. При попадании в игрока последний терял очко, а попавший приобретал. В праздничные дни, когда запрещались работы, игру в лапту затевали взрослые мужчины и юноши.

Особый интерес представляют игры, зафиксированные у выходцев из Белоруссии, так называемых семейских Забайкальского края, которые при сохранении русской старообрядческой идентичности привнесли в свою культуру немало белорусских элементов. Исследование этой группы интересно тем, что ее потомки после почти 250-летнего проживания в Сибири относятся к старожильческому населению. В семейской игре «в шагайку» начинал играть тот, кто больше успевал захватить обеими руками брошенные на землю бабки. При подбрасывании бабок одновременно все участники кричали сигнальное слово «тугут», это означало, что можно накрывать бабки руками. Игра заключалась в выбивании чужих бабок, щелкая пальцами по своим бабкам. Выигрывал тот, кто наберет больше бабок [8]. Таким образом, эта игра отличалась от обычной игры в бабки, при которой одни кости выстраивались в линию, а другими их выбивали.

Любимой мальчишечьей игрой в Забайкалье была также игра в «зоски». Зоска представляла собой шайбочку из свинца, из которой торчал пучок упругих конских волос. Игра заключалась в подбрасывании зоски боковой стороной стопы (щиколоткой) максимальное число раз. Информаторы 1920–1940-х гг. рождения вспоминали, что в детстве подбрасывали зоски до 500 раз без перерыва [9]. В ходе полевых работ в Минской области местные жители подтвердили бытование такой игры в сельской местности еще в 1950–1970-х гг., что подкрепляет версию о переносе этой игры с мест выхода.

Таким образом, материал по игровой культуре белорусских переселенцев Сибири позволяет сделать вывод о том, что игровая культура переселенцев изначально включала общерусские элементы, а по приезде

в Сибирь довольно быстро «осибирячивалась» даже в районах компактного проживания. Анализ материалов свидетельствует, что детская игровая культура на открытом воздухе (т. е. не в семье), когда встречались сельские дети — представители разных этнокультурных традиций, достаточно подвижна и легко изменяема. Эти явления можно также объяснить возрастными психологическими особенностями детей, их легкой восприимчивостью к новому, склонностью к подражательству и пр. Народная игра, в которой гармонически сочетались действие, содержание и текст, была, таким образом, механизмом, который способствовал вовлечению человека в жизнь на новом месте как в психологическом, так и в бытовом плане.

Источники и литература

1. ПМА. Ананенко Николай Кузьмич, 1933 г. р., Ананенко Елена Тимофеевна (дев. Степаненко), 1933 г. р., д. Прямское Маслянинского р-на Новосибирской области.
2. Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск: Навука і Тэхніка», 1993. 479 с.
3. ПМА. Гайдук (дев. Дударева) Любовь Васильевна, 1935 г. р., д. Петропавловка Маслянинского р-на Новосибирской области. Полевые материалы авторов.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1989. 780 с.
5. ПМА. Куриленко Сергей Иванович, 1933 г. р., д. Прямское Маслянинского р-на Новосибирской области.
6. ПМА. Понуровский Андрей Федорович, 1929 г. р., д. Прямское Маслянинского р-на Новосибирской области.
7. ПМА. Понуровская Анна Васильевна, 1929 г. р., д. Прямское Маслянинского р-на Новосибирской области.
8. ПМА. Сетова Анна Ермолаевна, 1919 г. р., с. Малоархангельское Красночикойского р-на Читинской области. (Семейская.)
9. ПМА. Утенков Александр Сидорович (?), с. Бичура Республики Бурятия. (Семейский.)
10. ПМА. Чичин Анатолий Александрович, 1933 г. р., д. Сосновка Манского района Красноярского края. Родители приехали в начале XX в. из Белоруссии (жили на р. Березине, д. Новоселки, недалеко от г. Минска).

Д. В. Дьякова, И. Е. Гущина

Система жизнеобеспечения населения Романовского района Алтайского края

Одной из важнейших проблем переселенцев является адаптация системы жизнеобеспечения к новым условиям. Романовский район показывает нам пример создания инородцами системы жизнеобеспечения в трудных условиях. Данная проблема рассматривается на основе материалов полевых исследований в рамках историко-этнографической экспедиции АлтГПА 2010 г. в Романовском районе Алтайского края под ру-

ководством д-ра ист. наук Т. К. Щегловой в сравнении с хозяйственно-статистическими описаниями XIX в. Алтайского округа Н. А. Ваганова и С. П. Швецова.

Главной проблемой, с которой пересленцы столкнулись на момент освоения новых земель, явилось водообеспечение. Причины этого связаны с природно-климатическими условиями данной местности: здесь резко континентальный климат, количество осадков меньше среднегодовой нормы, засоленные, соленцеватые почвы.

Территория района изобилует речками (Сидоровка, Касмала) и озерами (Горькое, Молоково, Мормышанское, Соленое, Сульфатное, Большая и Малая Горчина и др.). Однако переселенцы в момент заселения испытывали недостаток пресной воды, так как водоемы были щелочными, солеными и горько-солеными. А некоторые, по словам Ивана Андреевича Бубенщикова [2], Василия Тихоновича Чурсина [13], Лидии Ивановны Гузь [4], были «селитренными»: в воде растворен сульфат натрия, который неправильно называли «селитрой». «Она белая, как сахарная пудра», — вспоминали информаторы. Из Сульфатного (Селитренного) озера брали соль, но йода в ней не было, да и «горькая на вкус». Как рассказывала Валентина Ивановна Вяльцева, «у всех зубов из-за щелочной воды нет, однако все поили и сами пили, так как негде было больше брать» [3].

Озер с пресной водой, по воспоминаниям Александры Петровны Спициной [12], было всего два: Камышенное и Подборское. «Вода в Подборском хорошая была и рыба такая, как карась, желтяк. Рыбы ловили много». Татьяна Ивановна Соловцева рассказала, что рыбаки заготавливали рыбу впрок [11]. Озера «влияли на жизнь», говорит Валентина Ивановна Вяльцева, «много зверья было, птиц, охотились на них. Рыба: чебак, гальян, карась» [3]. В оз. Камышенском вода пресная, ее использовали для стирки белья. Как питьевую воду не использовали, так как она была слабощелочной и мыльной на ощупь.

Нехватка питьевой воды, воды для полива, для домашнего скота обусловливала трудности для жизни населения и ведения сельского хозяйства. Переселенцам приходилось по-разному приспосабливаться к природным условиям Романовского района, чтобы «выжить» [16, 18]. Вокруг села Закладное «имеются лога, в которых посредством запружения можно сохранить большой запас воды», но зимой «пруды вымерзают, так что жители принуждены довольствоваться талым снегом. Лишь только весной имеют возможность пользоваться ею из ложков, где скапливается снеговая вода» [17, с. 192]. В с. Гилев Лог, по данным С. П. Швецова, в 1875 г. ходок Катаржнов «организовал работу по сооружению пруда для сохранения воды круглый год» («Катаржнов пруд»). Вода в запрудах бы-

ла хорошая, но, к сожалению, «плотины сделаны из назьма (как единственного пригодного материала), что не может не портить воды, тем более ее не так и много». В засушливые годы вода в пруду высыхала, так что ее не хватало и до Рождества [18, с. 107]. Меры по созданию запасов воды, которые принимало население сел Закладное и Гилев Лог, не были эффективными.

В пос. Дубровино и с. Сидоровка проблема была та же, а причины другие. Населенные пункты расположены на небольшой, но пресной речке Сидоровке, из которой берут воду. «Речка не важная, но в половодье ломает плотины и так сильно разливается, что затапливает дома». К тому же она служила местом водопоя для лошадей. «Берега были крутыми, а яры были глубокими настолько, что страшно было сорваться в воду». В Сидоровке стали строить плотины для устройства запруд на летний период. «Плотины сооружали из земли с навозом, здесь же их чинили, что сильно портило воду». Вода в прудах летом «задыхалась», портилась [18, с. 115]. При наличии пресного водоема население могло использовать эту воду лишь в бытовых целях и в хозяйстве, таким образом, проблема питьевой воды оставалась.

В пос. Мормыши, по сведениям комиссии во главе с Н. А. Вагановым, на 1882 г. «удобной» земли насчитывалось 1463 десятины, а «неудобной» — 14 867 десятин [16, с. 56]. По воспоминаниям жителя с. Мормыши И. Т. Захарова, «пахотного массива было очень мало, а большей частью солонцы, не способные для пашни». Спасало наличие пресного озера, но «в 1904 году... наводнение началось... вода откуда-то изнутри озера шла». По данным специальной комиссии 50-х гг., причина наводнения заключалась в разломе земной коры в озере Горьком, что привело к тому, что состав воды стал схожим с морским [17, с. 51–52]. Об этом вспомнил и Василий Тихонович Чурсин [14]. Население с. Мормыши, как и других сел Романовского района, сталкивалось с проблемой водообеспечения, которую пыталось решить посредством создания искусственного водоема (Молоково).

Трудности водообеспечения, на которые указывали в своих работах Н. А. Ваганов, С. П. Швецов, а также жители Романовского района, послужили в последующие годы стимулом к созданию искусственных водоемов (Молоково, Горчина) и рытью колодцев. В таких небольших поселках, как Сидоровка и Дубровино, к концу XIX в. насчитывалось свыше 200 колодцев [18, с. 111, 143].

Прежде чем выкопать колодец, необходимо было выбрать подходящее место. Для решения этого на первый взгляд простого вопроса собирались соседи (по 3–4 двора), которые использовали как рациональные,

так и иррациональные способы. К первым относятся способы, о которых рассказала Валентина Ивановна Вяльцева: «Сковородки две или три расставляли в разных местах, а утром смотрели на дно, та сковорода, где было больше влаги, там и копали» [3]. Рыли и в тех местах, где росла густая, сочная «травка-муравка» благодаря близости грунтовых вод. Колодцы никогда не копали в местах скопления большого количества муравьев, они «не любят» влагу. Практиковались и методы, основанные на гадании: например, подбрасывали шапку, и там, где она падала, вывернувшись наизнанку, вскоре стоял колодец. Однако были случаи, когда колодцы копали там, «где выгодно было, чтобы не мешался» [15]. А в основном рыли в том месте, куда указывали старейшие жители, они якобы «чувствовали, где близко к поверхности течет хорошая пресная вода».

После выбора места мужчины (обычно представители 3–4 дворов или родственники) начинали копать яму под колодец. Как говорит Василий Тихонович Чурин, проживающий в с. Гуселетово, яма была размером 1×1 м, в глубину — от 2 до 12 [14]. В Гилевом Логу, по словам Ивана Федоровича Сапсая, глубина составляла 6–7 м [10]. В Закладном, по словам Лидии Ивановны Гузь [4], — 7 м. С. П. Швецов отмечал, что колодцы в районе в 1890-е гг. рыли в среднем на глубину от 6 до 12 м [18, с. 111, 143].

Многие старожилы говорят, что колодец можно выкопать и за один день, если будет «помочь». Но Мария Ивановна Пожарицкая [8] рассказывала, что осенью копали яму примерно метра 2–3, зимой закладывали ее плахами, чтобы снег не попадал, а уже в марте, когда начиналось обильное таяние снега, вода становилась ближе к поверхности — копали колодцы. Землю рыли, пока не появлялся родничок. Затем на дно клали щиток, деревянный каркас, в котором оседали грязь, песок. Он был съемным — удобно было достать, почистить или поменять. После в колодезную яму опускали сруб из осины или сосны. Нижнюю часть сруба делали преимущественно из осины, так как она не имела запаха и при контакте с водой дольше не гнила, а сосна благодаря содержанию смолы противостояла разрушительному действию воздуха; на эти свойства древесины указывали Василий Герасимович Аносов [1], Мария Никитична Ященко [15].

Чтобы колодец не загрязнялся, над ним делали короб, к которому крепилась крышка или деревянный козырек (защита от пыли, дождей, снега). Колодцы делились на два вида — с «воротком» и «журавлем»: «кому как удобно, так и делали», — говорили информанты. Одни высказывались в пользу «воротков», объясняя это тем, что на «воротки», в отличие от «журавля», не надо крепить очень высокую жердь с ведром и грузом

[7, 13]. Другие указывают на активное применение колодцев с «журавлем». Так, Иван Андреевич Бубенщиков объясняет удобство тем, что «воду он за тебя поднимает благодаря привязанному грузу. А воротки мало делали, так как не было железа для цепи и ручки», которую вставляли в отверстие, прожженное в деревянном цилиндрическом бруске [2]. С «журавлем» колодцы сделать было труднее, а в использовании они были проще. «Воротки» же, наоборот, было очень легко сделать, но сложнее использовать.

Местные жители говорят, что колодезная вода очень вкусная. Чтобы сохранить ее в таком состоянии, необходимо было чистить колодцы — в основном по мере загрязнения, с различной периодичностью. По словам Ивана Андреевича Бубенщикова, чистили через пять лет, даже через 15, в зависимости от почвы (песок, глина). А вообще начинали чистить, когда воды в колодце становилось меньше [2].

Процесс чистки был длительным и трудоемким, не каждый мог отважиться залезть в колодец на глубину от 2 до 9 м. Сначала вычерпывали воду ведрами, затем очищали сруб от ила, доставали лоток, промывали его. Если в срубе были сгнившие звенья, их сразу заменяли на новые. Некоторые меняли срубы, со слов Михаила Алексеевича Киселева [6] и Марии Никитичны Ященко [15], один раз в 10 лет, другие — по мере загрязнения. После того, как было сделано все необходимое, ждали, когда колодец вновь наполнится чистой прохладной и вкусной водой. Вечером помощников мыли в бане, кормили сытным ужином. И все-таки колодцы старались чистить достаточно часто, поскольку только в них была питьевая вода.

Во многих селах рыли два колодца — один питьевой, а другой своего рода «хозяйственный», который располагался в огороде для полива и для поения скота. По словам Зои Степановны Казаковой, «колодец служил и как холодильник. В ведро складывали молоко, мясо и опускали в воду» [5]. Традиция копать колодцы в наше время возродилась, так как «водопровод стал ненадежный: вода летом — ржавая с привкусом, зимой перемерзает» [2]. Таким образом, на сегодняшний день проблему, которой уже более двухсот лет, население решает теми же способами, что и в прошлом: активно строит новые колодцы или очищают старые.

Для стирки и уборки дома воду брали также из озер и речек. Щелочная вода была хороша для стирки вещей, мытья в бане, изготовления щелока, уборки дома, так как была мыльной и мягкой. Многие бабушки говорят, что «такая вода вещей не портит». Мария Никитична Ященко рассказывала: «Вещи от соленой воды не портились, но и не простирывались. А порошок в такой воде не растворялся» [15].

Кроме того, издавна местные жители стали замечать и полезные свойства воды озер Романовского района. По словам Лидии Ивановны Гузь, «соленая вода была лечебной». В соленую воду «засовывали ноги, чтобы вылечить от порезов» [4]. Валентина Ивановна Рзязина отмечает, что целебная вода лечила радикулит, зрение: в последнем случае нужно было несколько раз поморгать в соленой воде [9].

Из-за целебных свойств воды некоторых озер современная территория района поделена на две зоны: зону отдыха (курортную) и земледельческую. По предварительным бальнеологическим заключениям, сделанным в 1996 г. Российским научным центром реабилитации и физиотерапии, вода и грязь (рапа) этих озер имеют выраженные целебные свойства. Рапа озера Сульфатного (Мормышанского) длительное время используется курортами Белокурихи, районной грязелечебницей, отдельными больницами г. Барнаула, гражданами, приезжающими на отдых в летний период. Эти грязи относятся к категории лечебных высокоминерализированных среднесульфидных иловых грязей, применяемых для лечения многих групп заболеваний, в том числе костно-мышечной, нервной и пищеварительной систем [17, с. 7]. Александра Петровна Спицина [12] и Мария Алексеевна Пожарицкая [8] говорят, что грязью лечат суставы, кожные заболевания, астму. «Грязь лечебная была. Постоянно лечились здесь. Приезжали из Ташкента (с юга), Новосибирска после сороковых годов», — вспоминала Валентина Ивановна Вяльцева [3].

В условиях освоения территории Сибири, в том числе и Романовского района, адаптация населения обеспечивалась сбалансированным и рациональным использованием природных ресурсов.

Источники и литература

1. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Сидоровка. Аносов Василий Герасимович. 1935 г. р.
2. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Бубенщиков И. А., 1953 г. р.
3. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Вяльцева В. И., 1940 г. р.
4. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Гузь Л. И., 1944 г. р.
5. Там же. Романовский район, с. Сидоровка. Казакова З. С., 1931 г. р.
6. Там же. Романовский район, с. Сидоровка. Киселев М. А., 1934 г. р.
7. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Косачева Т. И., 1959 г. р.
8. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Пожарицкая М. И., 1937 г. р.
9. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Рзянина В. И., 1938 г. р.
10. Там же. Романовский район. Сапсай И. Ф.
11. Там же. Романовский район. Соловцева Т. И.
12. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Спицина А. П., 1928 г. р.

13. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Гуселетово. Цивин А. Р., 1937 г. р.
14. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Чурсин В. Т., 1932 г. р.
15. Там же. Романовский район, с. Сидоровка. Ященко М. Л., 1928 г. р.
16. Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайской губернии / Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. Барнаул, 1886. 327 с.
17. Наш общий дом — Романовский район. Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2008. 783 с.
18. Швецов С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. (Результаты статистистического исследования в 1894). Вып. 2. Барнаул, 1999.

А. С. Иванова

Вайшнавы Западной Сибири. Опыт адаптации: этнокультурный аспект (по материалам полевых исследований)

Вайшнавы — этноконфессиональное сообщество, поклоняющееся Верховной личности бога Вишну или Кришне, изучающее древнюю ведическую культуру, некогда существовавшую на территории современной Индии и многих других государств. Наиболее авторитетной и многочисленной организацией, представляющей вайшнавизм за пределами Индии, является «Международное общество сознания Кришны» («International Society for Krishna Consciousness» — ISKCON/ИСККОН/МОСК), поддерживаемое на уровне государственной политики Индии как единственная авторитетная организация, имеющая право представлять аутентичную традицию вайшнавизма во всем мире. Совокупная численность данного сообщества на территории Российской Федерации составляет порядка 100 тысяч официальных членов, из которых около 10 тысяч проживает в Сибирском регионе.

В 2008–2010 гг. в вайшнавских общинах ряда городов Западной Сибири были проведены авторские исследования. В их сферу были также включены сибиряки, официально не входящие в состав организации, но имеющие заметный интерес к ведическим знаниям и книгам Шрилы Прабхупады — основателя организации.

Попытки нострификации исторического прошлого территорий современного распространения ведического вероучения рождают сюжеты, связанные с переоценкой культурных реалий древности. Адаптация к условиям России проявляется, в частности, в признании вайшнавами дохристианского периода истории Руси в качестве периода существования ведической культуры на данной территории.

Провозглашение связи культурной традиции языческой Руси с древней ведической культурой опирается на филологические и историче-

ские исследованиях самих вайшнавов. Согласно работам авторов — адептов вероучения, в ведические писания включены легенды, касающиеся территории современной России. Например, легенда о том, что в древнейшие времена Россия была страной риши — ведических мудрецов. Славянское язычество и Славянские Веды позиционируются как пережитки ведической культуры, которая была когда-то распространена по всему земному шару. Славянские земли (современные Россия и Украина) рассматриваются как исконные территории ведического мистицизма.

В ведических произведениях описывается в том числе территория современной Сибири, правителем которой был царь по имени Шиби. А землями современной Якутии когда-то правил царь Сахадев. Отсюда происходит имя народа саха (якуты) и теперь уже название республики Саха (Якутия). По версии адептов вайшнавизма, многие имена коренных сибирских народов являются идентичными санскритским словам — например, имя Таттва, распространенное среди народов севера Сибири, является санскритским словом, обозначающим «реальность, сущность, первоэлемент».

Поиски глубинного родства с аутентичными мировоззренческими системами при общих мировоззренческих установках определяют своеобразие регионального вайшнавизма. В сфере реального существования отделений ИСККОН в России, в Сибири и в любом другом регионе мира действует ведический принцип «учета времени, места и обстоятельств», в соответствии с которым допускаются незначительные изменения в повседневной практике, особенно если речь идет о материальной сфере и таких ее элементах, как одежда и обувь.

Образ жизни и режим дня в сибирских общинах вайшнавов жестко не регламентируются. Контроль среди рядовых членов общины возможен только в тех случаях, когда младший вайшнав сам попросит о нем у старшего, и тот, в свою очередь, может дать ему какой-либо конкретный совет, порекомендовав при этом свой источник (ведическое произведение) для самостоятельного изучения.

Значительно меньшее изменение мировых ведических стандартов наблюдается в том, что касается собственно духовной практики и коллективных ритуальных действий. Правила чтения Махамантры «Харе Кришна» на четках едины для всех и в реальности всеми посвященными вайшнавами строго соблюдаются. При приготовлении и раздаче прасада участвующие в этом вайшнавы также стремятся соблюдать все предписанные правила чистоты и аккуратности. Особенно ответственно подходят к соблюдению всех вайшнавских принципов духовные лидеры и

священнослужители (те, кто проводит храмовые церемонии служения божествам).

В ходе личных бесед члены ИСККОН, проживающие в Сибири, высказывали суждения, говорящие о наличии некоторого особенного самосознания у сибирских вайшнавов (по причинам территориальной изолированности, меньшей материальной обеспеченности, большей аскетичности и, как следствие, большей внутренней чистоте, присущей жителям Сибири). Другие же вайшнавы-сибиряки, напротив, говорили о том, что они нисколько не отличаются от остальных вайшнавов России и других стран. Многие отмечали, что они «типичные представители своей эпохи (Кали-юги), обладающие соответствующими качествами этого времени», и лишь только «очистительная сила Святого Имени открыла им на все глаза и указала путь к спасению».

Опытные сибирские вайшнавы (те, кто в движении уже более 15–20 лет) отмечают, что отличительной чертой сибирского Общества является индивидуальный подход к человеку, интересующемуся ведическими знаниями (в европейской части России больше формализма и внешнего исполнения многочисленных правил и предписаний). В Сибири больше человечности, нет усреднения, а так называемая «стандартизация» выражена неярко. «Сибирский регион — один из немногих, который считает, что стандартизация и «уравниловка» — это не очень хорошо...», — говорит один из бывших лидеров Сибирского региона Вишвавасу Прабху.

В ходе исследования было установлено, что «Международное общество сознания Кришны» в настоящее время достигло на территории Сибири достаточно высокого уровня развития и организации. Распространение движения «Харе Кришна» в регионе носит устойчивый характер, имеет стабильную положительную динамику роста на протяжении последних 20 лет, и это свидетельствует о формировании вайшнавской конфессиональной субкультуры в ряде городов Сибири.

На уровне организационной структуры МОСК в регионе специфики не прослеживается. Здесь стоит отметить строгое соблюдение сибирскими последователями движения «Харе Кришна» международных принципов, установленных его основателем еще в 1970-е гг.

Наиболее заметная адаптация международных стандартов ИСККОН присутствует в практической сфере: в том, что касается вайшнавской атрибутики (элементов одежды) и практик жизнеобеспечения (питания, быта, интерьера). В том же, что касается внутренней духовной жизни и принципов, непосредственно влияющих на сознание вайшнавов, отход от традиционных ведических принципов считается неприемлемым и

среди вайшнавов, имеющих авторитетное духовное посвящение, на территории Сибири не наблюдается.

Социальная деятельность (программы «Пища жизни», пропаганда здорового образа жизни, организация бесплатных празднеств и публичных просветительских лекций и др.) в Сибири осуществляется по программам, разработанным «Центром обществ сознания Кришны в России» (ЦОСКР), единым для различных регионов государства. В других странах существуют аналогичные программы. Особенность социальной деятельности вайшнавов в Сибири — ее меньшая масштабность и отсутствие некоторых социальных программ в регулярной практике (например, реабилитационной работы с алкоголиками и наркоманами).

Отличительной чертой региональных вайшнавских организаций является также слабая социальная инфраструктура — в отличие от центра России, где специфических организаций (школ, институтов, кафе, столовых, магазинов питания, одежды и интерьера и т. д.) существует гораздо больше. Однако в последние годы в Сибири прослеживается заметная тенденция к увеличению их числа.

Сибирские вайшнавские общины отличаются некоторой изолированностью, обусловленной их отдаленностью от центра. Регион посещает меньшее количество авторитетных и опытных проповедников, а собственные инициирующие гуру на данный момент в Сибири отсутствуют. С другой стороны, общины различных сибирских городов поддерживают тесные связи друг с другом, и сегодня уже можно говорить о формировании сети вайшнавских общин в Сибири. Растет в общинах количество новых лидеров и местных проповедников, которые сейчас получают необходимые им для дальнейшей деятельности опыт и образование.

Важным фактором адаптации «Международного общества сознания Кришны» в Сибири является то, что отношение местной общественности к вайшнавам здесь гораздо спокойнее, чем в центральной части России. Открытого столкновения вайшнавов с представителями конфессионального большинства (христианами, иудеями, мусульманами и буддистами) в регионе не засвидетельствовано.

Самоидентификация большинства сибирских вайшнавов не позволяет говорить о существовании у них представлений о своей общине как об особой группе. Напротив, интернациональность состава, мобильность и общительность членов «Международного общества сознания Кришны» заметно способствуют формированию международного единства и отсутствию обособленности. Однако это не исключает самостоятельности каждого члена общины (в рамках ведических законов). Личностный подход в общении и обучении отмечался многими информато-

рами как отличительная особенность существования Общества сознания Кришны в Сибирском регионе.

В ходе исследования было установлено также, что деятельность МОСК на территории Сибири носит скорее просветительский, чем проповеднический характер. Сибирские вайшнавы последовательно соблюдают ведический принцип ненасилия и не навязывают свое вероучение окружающим людям. Можно заключить, что движение «Харе Кришна» в Сибири по форме является новым религиозным движением, а по содержанию базируется на аутентичной идеологии вайшнавизма.

Е. А. Коляскина

Традиционные представления русских Алтая о месячной «нечистоте» женщины

По традиционным воззрениям многих народов мира, женщина в определенные моменты считается «нечистой». Данная тема как на славянском, так и на русском материале уже обращала на себя внимание исследователей [11; 13; 16; 19]. Опубликованные работы основаны на европейском материале, преимущественно полесском, в связи с его достаточной обширностью и хорошей сохранностью. В подобной ситуации традиция иных регионов представляется особенно интересной. Целью данной статьи является реконструкция традиционных представлений русских селян Алтая, связанных с месячной «нечистотой» женщины, бытовавших во второй половине XIX — первой половине XX в.

Согласно восточнославянской традиции, женское тело ассоциировалось с сосудом, отсюда происходит обычай, распространенный у всех этнокультурных групп русских Алтая, бить стакан или глиняный горшок на свадьбе после первой брачной ночи (целый, если невеста была девственницей, и поврежденный, если нет). Старообрядцы-поляки наливали вино родителям «честной» невесты из бутылки, наряженной в бордовое платье. «Австрийцы» в этом случае привязывали к бутылке красную ленту [1; 3; 5; 20, с. 265].

Телесный низ человека в русской традиции считался «нечистой» половиной тела. Женская половая сфера связывалась с природными силами, подземным миром [19, с. 73, 97]. Старожилы и переселенцы Алтая считали женщину в период регул «нечистой» и осознавали ее общность с родильной «нечистотой» [5–10; 21, с. 56]. По архаическим представлениям, пока женщина сохраняла способность к деторождению, она находилась в периодических контактах с потусторонним миром [14, с. 270]. Концепт «женской нечистоты» понимался в социо-возрастном смысле и во многом формировал ролевую структуру социальной жизни [11, с. 116].

Только после наступления климакса женщина считалась достаточно «чистой» для совершения обрядовых действий, повивания, наставничества у староверов, погружения детей и т. п. [17, с. 50].

В селах Алтая были распространены такие названия регул: «на рубахе», «на рубашке», «нарубашечно», «на бельё», «на белье», «бельевое» [6–10], т. е. они ассоциировались с нательной одеждой женщины и воплощали «ее сущность, сокровенность» [11, с. 105]. Употреблялись лексемы: «мыться стала» или «начинала мыться» (о начале регул), «уже отмылась» (о наступлении климакса) [6–8; 10] – указание на необходимость очищения. Бытовали названия, говорящие о ритмах женского организма, – «месячные» [6–10], о «чужеродности» их происхождения – «гости» [8], о связи с миром природы – «заболела», «больна» [7; 9].

В первую очередь «нечистая» женщина не должна была контактировать с предметами культа: посещать церковь, прикасаться к иконам. Анализ полевых материалов показал, что эти запреты имели большую сохранность в селах, где дольше функционировали церкви или старообрядческие общины [6]. Антирелигиозная кампания ослабила жесткость соблюдения норм поведения женщины в определенные дни.

В восточнославянской традиции контакты с «нечистой» женщиной, как подавляющей жизненную силу, считались губительными для всего живого [15, с. 197]. У переселенцев запрещалось в этот период вести сексуальную жизнь [7], сибиряки считали, что менструирующим женщинам нельзя посещать роженицу [12, с. 191].

Самыми обширными в славянской традиции были хозяйственные запреты в отношении «нечистой» женщины [11, с. 103; 13, с. 128–131; 15, с. 196–199]. Старожилы Алтая считали, что в период регул нельзя готовить, консервировать, так как продукты испортятся [6–10]: «Говорили даже так, даже, допустим, квасить капусту, соленья солить какие-то. Одна тетя говорила у нас: „При себе имеешь когда, при себе имеешь, не надо ниче делать, ни надо ни стряпать, ни солить“... Ну, что вроде она грязная... испортятся продукты или будет такой же кислый, вялый, как вот сама женщина в этот период менструального цикла, что он не будет удачным, этот продукт» [10]. Вероятно, в связи с распространением малых семей и впоследствии вовлечением женщины в общественное производство эти представления в первой половине XX в. сократились до запрета тяжелой работы. Возможно, поэтому на полевом материале не зафиксирована терминология месячных, связанная с отстранением женщины от хозяйственной деятельности в этот период. Это происходило несмотря на то, что проживавшие по соседству тюрки, например казахи, строго соблюдали хозяйственные и ритуальные запреты во время регул: «У каза-

хов не пускали к доению в это время... У казахов женщина нечистая считается из-за менструации, поэтому хоронить нельзя женщине» [6].

Необходимость ограничения контактов с женской «нечистотой» у восточных славян распространялась и на предметы одежды, имевшие следы месячной крови [15, с. 198]. На Алтае существовал запрет на стирку белья с регулами совместно с прочей одеждой, правда, его сакральная причина чаще уступала место рациональному объяснению: чтобы не испачкать остальное белье [6–7]. Вода после такой стирки, как и вода, применявшаяся в родильно-крестильной и похоронной обрядности, считалась вредоносной, требующей особой утилизации: ее выливали на завалинку дома, под «передний» угол, или «в сторонку», чтобы через это место не ходили [4–8].

Согласно исследованиям Г. И. Кабаковой, у восточных славян существовала разница в отношении к месячным женщин разных социовозрастных категорий: девушки скрывали свое состояние от окружающих, а замужние женщины не придавали ему особого значения [15, с. 194]. На Алтае девушки также скрывали появление регул: «Я никогда никому не говорила, это как-то совестно»; «Нельзя, чтобы видел кто-то, что у тебя это есть» [4; 6–10]. Нами зафиксировано представление о необходимости спрятать белье со следами месячных, особенно первых, от матери, чтобы «сильно не шло» [2; 6–9].

Не было принято, чтобы мать заранее информировала дочь о физиологических процессах, проходивших в женском организме. Такие сведения девочка обычно получала от старших подруг или сестер [6–10]. Нередко из-за отсутствия предварительной информации случались курьезные случаи с девушками во время регул: «Она (мать информанта. — *Е. К.*) про свою подружку рассказывала, пришли у нее месячные, а она не знала, что бывает такое дело-то... Лежит эта Манька (на печи. — *Е. К.*), Киселева она, а дыра на улицу была, разогрелась, у нее кровь-то увеличилась, лежит она, этой паклей подотрется, да в эту отдушину бросит. А брат-то идет: „Мам что у нас за пакля там в крови?“ Она: „Не знаю“. А потом: „Манька, это ты там?“ — „Да, мамонька, у меня кунка не болит, а кровь течет“... На смех подняли ее» [6].

Появление месячных означало наступление зрелости девочки, а следовательно, очень важного этапа в ее жизни. Как и большинство славянских инициационных ритуалов, обряды, связанные с появлением первых регул, так и не оформились в развитую систему [11, с. 111]. В России девушка с наступлением регул получала право на ношение девичьей одежды (обряд «скакания в паневу»), участвовать в молодежных посиделках [11, с. 112]. На Алтае «скакание в паневу» бытовало как часть сва-

дебного ритуала у вятских и других переселенцев. Г. В. Любимовой был зафиксирован в Красногорском районе обычай водить девушку на выданье по окрестным деревням, сохранявшийся еще в первые десятилетия XX в. [18, с. 40]. Так общество ставилось в известность, что девушка вступила в категорию невест. У сибиряков был зафиксирован схожий обычай, совершавшийся, когда девушка становилась засиделой: «Если никто не берет замуж, отец запрягает лошадь, короб и едет по деревне с девкой: „Кому товар надо“» [5–6].

Ритуализация регул переводила их в категорию значимого, сакрального. Русские Алтая осознавали взаимосвязь появления регул и готовности организма к деторождению. Бытовало общерусское представление, что регулы отсутствуют, пока женщина кормит ребенка грудью, и забеременеть в этот период нельзя [9].

В «бабьем» состоянии был распространен взгляд на регулы как на нормальный физиологический процесс женского организма [4; 8; 9]. Информантки часто вспоминают, что, работая в поле, женщины зажимали подол рубахи, но работающие рядом мужчины и подростки все равно «все видели» [4–5]. Таким образом, месячные включались в разряд обычного, обыденного. Был распространен взгляд на месячные как на нормальный физиологический процесс женского организма: «этого не стеснялись», «у всех женщин так» [1; 8; 9], т. е. регулы являлись «женским признаком».

Таким образом, русские Алтая воспринимали тело как «природную» данность, нуждающуюся в «культурных» рамках. Регулы ассоциировались с женской сущностью, чужеродностью, миром «природы». Контакты «нечистой» женщины с окружающим миром должны были быть ограничены, как подавляющие жизненную энергию. Дробление больших семей и вовлечение женщины в общественное производство сократили хозяйственные запреты, а антирелигиозная кампания ослабила остальные стереотипы, связанные с женским телом.

Источники и литература

1. Материалы этнографической экспедиции Бийского педагогического государственного университета (далее МЭЭ БПГУ), 1999, Красногорский район.
2. МЭЭ БПГУ, 2000, Солонешенский район.
3. МЭЭ БПГУ, 2002, Алтайский район.
4. Полевые материалы автора (далее ПМА), 2001, Кытмановский район.
5. ПМА, 2003, Бийский район.
6. ПМА, 2004, Чарышский район.
7. ПМА, 2005, Солтонский район.
8. ПМА, 2005, Шелаболихинский район.
9. ПМА, 2006, Тогульский район.

10. ПМА, 2006, Шемонаихинский район Восточно-Казахстанской области, Республика Казахстан.
11. Агапкина Т. А. Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 103–149.
12. Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. 224 с.
13. Беньковский И. Народный взгляд на «нечистую» женщину // Киевская старина. 1899. Т. LXV. С. 128–131.
14. Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982. 342 с.
15. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. 335 с.
16. Листова Т. А. «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 151–173.
17. Листова Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142–171.
18. Любимова Г. В. Возрастная символика в культуре календарного праздника русского населения Сибири XIX–XX в. Новосибирск, 2004. 240 с.
19. Мазалова Н. Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. 192 с.
20. Мотузная В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района // Солонешенский район. Барнаул, 2004. С. 255–280.
21. Сафьянова А. В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX — XX вв.). Дис. … канд. ист. наук. М., 1973. 196 с.

А. П. Коновалов, Д. Е. Актасова, С. А. Жилкова, Н. А. Фесенко

История освоения целинных и залежных земель 1954–1965 гг. в свидетельствах и оценках современников

В рамках совместного проекта исследователи СГУ имени Шакарима и средней школы № 11 г. Семей (Семипалатинск) провели этнографическое и социологическое полевые исследования среди участников целинной эпопеи и других жителей Восточно-Казахстанской области (ВКО). Четырнадцать целинников поделились своими воспоминаниями и любезно представили авторам проекта свои архивные материалы. Встречи с ними задокументированы, как того требует этнография. В социологическом опросе приняли участие 1200 взрослых восточноказахстанцев — жители двух самых крупных городов (Семей и Усть-Каменогорск) и четырех районов (Бородулихинский, Бескарагайский, Жарминский и Кокпектинский) ВКО в соответствующей социально-демографической репрезентативности.

Цели исследований диктовались исторической актуальностью, которая определяется тремя факторами: характером и уровнем исторического сознания современников, взглядами и оценками нынешних поколений по поводу ряда последствий распахивания дополнительных площа-

дей (в Казахстане, как известно, освоено более 25,0 млн га пашни) и исторического опыта общества в решении продовольственной проблемы. Как свидетельствуют представители старшего поколения, уже в 1955 г. население республики стало «вдоволь наедаться хлеба».

Исследователи получили обширный материал, который невозможно подробно осветить в ограниченных рамках статьи, поэтому рассмотрим лишь наиболее интересные фрагменты. Начать целесообразно с анализа того, чем сегодня больше всего озабочены восточноказахстанцы и какое место среди общественно-значимых проблем (ОЗП) занимают «белые пятна» истории освоения целинных и залежных земель, а также ее последствий в жизни современного Казахстана. В табл. 1 приведен первый десяток ОЗП.

Таблица 1

Рейтинг общественно-значимых проблем, %

Наименования проблем	По ВКО	В том числе							
		По г. Семей	По г. У.-К.	По селам	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 и > лет
1. Рост цен	54,7	53,9	48,5	61,5	51,8	59,2	50,9	78,3	58,6
2. Состояние экологии	39,2	33,5	52,9	34,8	46,2	35,4	42,2	32,0	23,2
3. Распространение коррупции	32,4	37,7	30,7	32,2	32,6	29,0	33,4	40,1	30,8
4. Безработица	32,3	31,1	17,0	48,2	29,8	33,8	32,7	32,7	36,4
5. Состояние улиц и дорог	28,0	30,7	32,7	19,9	33,7	27,7	24,5	21,0	23,7
6. Языковые проблемы	21,0	22,3	18,8	21,0	25,7	18,9	18,1	18,0	19,7
7. Качество образования	20,5	22,7	18,3	19,3	25,4	18,8	16,2	16,9	22,2
8. Платное медобслуживание	19,9	22,4	16,7	19,4	16,4	19,2	22,0	26,8	22,7
9. Рост насилия и жестокости	18,0	17,6	23,9	13,1	22,9	18,8	14,1	12,5	12,1
10. Жилищные условия	16,2	19,4	8,2	19,0	9,5	21,9	16,5	18,4	21,2

Представленные данные показывают, что для новых поколений людей актуальны проблемы материального, социального и духовного бытия. Об этом говорит разнообразие вопросов, которые приходится решать нынешним жителям Казахстана. Их волнуют не только «хлеб насущный» (безработица и рост цен), но и коррупция, экология, качество образования и состояние населенных пунктов. Разброс значимости ОЗП – показатель вступления Казахстана в более высокую фазу развития, которая требует решения комплекса общественных проблем. «Белые пятна» истории страны интересуют далеко не всех современников (в рейтинге на 27-м месте) и, по всей видимости, едва ли могут вызвать обострение социального самочувствия современных людей.

Нельзя не заметить, что в первом десятке ОЗП находятся языковые проблемы. Этот факт достаточно примечателен, если сравнивать его с результатами аналогичных исследований 8–10-летней давности, когда такие проблемы фигурировали в третьем десятке ОЗП.

В табл. 2 систематизированы ответы респондентов по известности истории освоения целинных и залежных земель в СССР, Казахстане, Восточно-Казахстанской области. Большая часть населения знает, помнит о таком некогда глобальном мероприятии. Однако имеются и те, кому неизвестно о нем, в основном это молодежь. С одной стороны, это естественное явление, к тому же людей больше заботит день сегодняшний. С другой стороны, это свидетельствует о невысоком качестве исторического образования в школе, других учебных заведениях.

Таблица 2

Респонденты об известности такого исторического факта как освоение целинных и залежных земель в СССР и Казахстане, %

Варианты ответов	Всего по ВКО	В том числе респонденты				
		г. Семей	г. У.-К.	Села ВКО	18–29 лет	60 и > лет
Известно	62,6	69,5	54,3	57,0	53,6	81,6
Неизвестно	37,4	30,5	45,7	43,0	46,4	18,4

В табл. 3 приведены данные о наличии участников освоения целинных и залежных земель среди родственников респондентов. Нужно заметить, что непосредственных участников и свидетелей целинной эпопеи становится меньше. Большинство респондентов апеллирует к родителям, дедушкам, бабушкам и даже прадедушкам и прабабушкам. Имеем в виду, что сумма массы единичных свидетелей истории дает наиболее целостную и объективную картину рассматриваемого прошлого.

Далее покажем некоторые оценки и суждения по целинной истории. Начнем с общих оценок освоения целинных и залежных земель (табл. 4). Динамика представленной соцстатистики весьма показательна. Среди населения доминируют представления об этом историческом событии как о важном и нужном. Однако часть респондентов видит в целине противоречивые, даже трагические стороны. Очевидно, их суждения имеют под собой основания. Трудно найти сколько-нибудь значимое историческое событие, которое не характеризовалось бы различными аспектами и неоднозначным восприятием.

В табл. 5 приведен структурный анализ суждений жителей ВКО по поводу основных результатов целинной эпопеи в Казахстане, ВКО. Как видим, во-первых, среди населения ВКО превалируют позитивные мнения об итогах целинной кампании в СССР. То есть целина, по мнению

Таблица 3

Наличие участников освоения целинных и залежных земель среди родственников респондентов, %

Ответы	Всего по ВКО	В том числе респонденты				
		г. Семей	г. У.-К.	Сел ВКО	18–29 лет	60 и > лет
Нет таковых	52,9	56,3	45,7	53,3	47,6	45,6
Лично были свидетелями	3,3	1,8	8,0	8,0	—	58,9
Отец	10,4	8,7	15,0	9,3	7,5	19,6
Мать	6,6	6,5	8,7	4,7	5,1	17,9
Дедушка(и)	15,9	15,2	17,3	16,0	46,3	8,9
Бабушка(и)	12,6	12,2	15,0	11,0	41,1	7,1
Другие (прадедушки, прабабушки, тети, дяди)	15,6	13,5	20,0	15,7	17,7	12,6

Таблица 4

Общие оценки истории освоения целинных и залежных земель (без значений «затрудняюсь ответить»),%

Оценки	Всего по ВКО
Как важное и нужное событие	59,7
Грандиозное событие с противоречивыми результатами	11,2
Как событие с трагическими последствиями	7,2
Широкомасштабное мероприятие, нанесшее больше вреда, чем пользы	6,8

абсолютного большинства опрошенных, принесла гораздо больше пользы, нежели вреда. Во-вторых, нынешняя молодежь, как люди и старшего поколения, видит позитивный результат освоения целины, а это крайне важно в деле исторического воспитания уже их детей и внуков. В-третьих, единственное, что имеет «темный» оттенок в социологической динамике, — это подтверждение общеизвестного факта «урона», нанесенного целиной этническому развитию казахов. Действительно, как свидетельствуют многие другие исследования, именно к концу целинной эпопеи в Казахстане удельный вес этнических казахов в структуре населения опустился до 32,8% и в общественной коммуникации основательно утвердился один язык — русский. Однако сегодня трудно сказать, как можно было избежать этой проблемы и одновременно реализовать столь масштабный продовольственный проект: силами одних только казахстанцев не получилось бы.

В завершение приводим перечень характерных предложений и замечаний, вписанных респондентами и напрямую касающихся развития сельского хозяйства и современного аула Казахстана: кардинальное техническое перевооружение сельского хозяйства; больше новой, высоко-

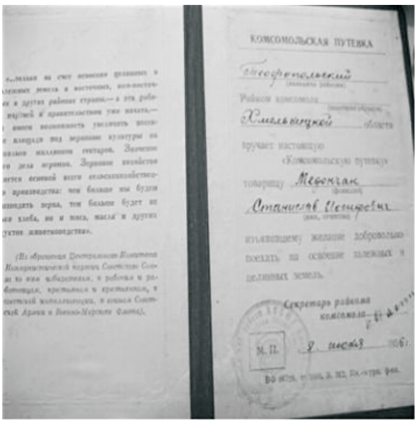
Таблица 5

Рейтинг «согласий» с основными результатами целинной эпопеи,%

Согласны, что	По ВКО	В том числе респонденты				
		г. Семей	г. У.-К.	села	18–29 лет	60 и > лет
Благодаря целине удалось существенно увеличить производство зерна	83,9	82,0	85,0	86,7	78,9	87,4
Целина позволила значительно механизировать сельское хозяйство Казахстана	77,0	75,3	74,3	83,0	73,8	74,8
Целина значительно окультурила пустовавшие земли	74,3	70,5	79,7	76,3	70,7	70,9
Благодаря целине появились сотни новых хозяйств, что повысило экономический потенциал республики	75,3	73,8	76,0	77,7	70,4	80,6
Благодаря целине Казахстан обогатился новыми кадрами	72,9	69,7	76,3	76,0	68,4	69,9
Целина способствовала тому, что сегодня Казахстан является крупной зерновой страной	77,6	75,0	78,3	82,0	67,8	85,4
Целина усилила многонациональный облик нашей страны, чем мы и гордимся сегодня	80,4	74,3	84,3	88,7	74,0	82,5
Целина негативно сказалась на экономической ситуации в Казахстане	13,6	18,2	8,3	9,7	13,6	16,5
Целина способствовала сокращению пастбищ и ухудшила кормовую базу животноводства	19,8	24,0	15,3	16,0	18,0	22,3
Целина способствовала переводу скота на стойловое содержание, а это оказалось неперспективным	21,6	22,3	18,7	23,0	21,3	28,2
Целина ограничила рост поголовья скота	29,2	27,0	30,3	32,3	27,8	35,9
Усиление целиной многонациональности негативно сказалось на развитии казахского языка	60,3	48,2	74,0	70,7	55,8	61,2
После целинной эпопеи казахи стали терять национальные традиции, этническую культуру	62,2	51,8	74,3	70,7	58,9	65,0
Целина ограничила демографический прирост этнических казахов	59,8	49,5	72,3	67,7	57,3	64,1

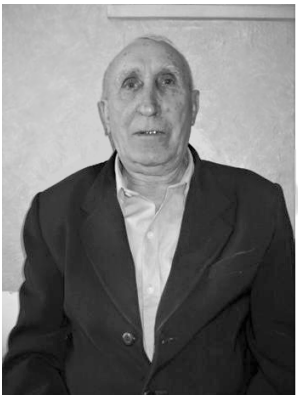
производительной техники и механизмов; подготовка кадров для сельского хозяйства; больше грантов; после вузов направлять специалистов в села, создавать им социальные условия, причем кардинальным образом; внедрять передовые сельхозтехнологии; заинтересовывать молодежь в работе на селе посредством высокой заработной платы, льготных кредитов и налогообложения, создания культурных условий; открывать новые производства по евростандартам (комплексы, заводы и т. д.); повышать качество медицинского обслуживания на селе; нужны высококвалифицированные кадры, оборудование, технологии; создавать

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА

Рис. 1. Станислав Иосифович Медончак, родился 11 августа 1931 г. на Украине (Винницкая область). Ныне проживает в Республике Казахстан, ВКО, с. Ново-Покровка. «Если комсомольцев 1954 г. целина встречала морозами и метелями, — вспоминал Станислав Иосифович, — то нас в 1955 г. — жарой и засухой. Выехали из Украины в июне, когда было все в зелени. Через 7 дней приехали в такие места Казахстана, где вся степь желтая. Некоторые не выдержали, вернулись, но большинство осталось… »

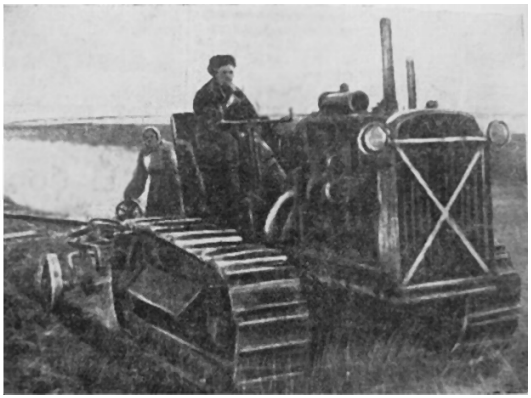

Рис. 3. Евгений Середонович Казаков, родился 21 июля 1938 г. на Украине, г. Сталин. Ныне проживает в г. Семей. Приехал на целину в 1954 г. 15 км от г. Акмола. «Приехали мы в чистую степь. Зимовали в вагончиках, неделями не умывались, пока не создали бытовые условия… Что приехал на целину, не жалею. Казахстан стал для меня второй родиной…» (Справа — снимок из газеты «Прииртышская правда» от 5.05.1954: Е. С. Казаков — лучший тракторист Урнекской МТС колхоза им. Сталина.)

Рис. 2. Иван Варфоломеевич Панин, родился 8 января 1920 г. в г. Баку. В настоящее время проживает в РК, с. Коростели Бородулихинского района. Рассказывает его сноха Анна Александровна: «Иван Варфоломеевич с женой и двумя детьми приехал по комсомольской путевке в 1955 г. в новый совхоз Коростелевский. Здесь проработал до выхода на пенсию. Было нелегко. Трудились без отдыха. Но выдержали. Сейчас у И. В. семь внуков и пять правнуков…».

крупные сельхозпроизводства, так как их легче обеспечивать современной техникой и технологией; борьба с коррупцией; значительная часть выделяемых государством средств не доходит до производства; подготовка кадров массовых профессий; скоро трудно будет найти образованного механизатора или скотника; расширять посевы зерновых и других культур; восстановить хотя бы те поливные площади, что были в пору СССР; сажать кукурузу, бахчевые; остановить отток сельских жителей в города, городских гораздо труднее вернуть в села; контролировать использование сельхозугодий; не допускать эрозии почв; пускать в оборот бросовые земли; сервисная поддержка бизнесу, занятому в сельхозпроизводстве (правовая, организационная, методическая и т. д.); повышать престижность сельхозпрофессий; развивать патриотическое сознание в подъеме сельского хозяйства, в работе на селе; необходимы более значи-

тельные дотации сельскому хозяйству; больше средств планировать на проекты, связанные с комплексным перевооружением сельхозпроизводств, строительством новых предприятий с современными технологиями; повышение плодородия почв за счет внесения достаточного количества удобрений.

Нужно внимательнее присмотреться к опыту освоения целинных и залежных земель, когда глобальные результаты оказались следствием принятых государством адекватных мер в финансировании, обеспечении передовой техникой и мобилизации кадров.

А. В. Коротков, Н. Д. Брусник, Е. А. Бельгибаев

Традиции свадебной обрядности русского населения Алтая (по материалам Баевской этнографической экспедиции)

Традиционная свадебная обрядность остается одной из интересных тем в этнографии русского населения Алтая. Прежде всего это связано с выявлением и формированием этнографических групп. Известно, что население Алтая формировалось из старожилов и переселенцев различных губерний России. К тому же надо отметить, что в течение нескольких веков шел процесс активного взаимодействия и взаимопроникновения многих традиционных культур, прежде всего восточнославянских. Все это не могло не привести к возникновению локальных особенностей в традиционной культуре русских Алтая.

В настоящем сообщении приводятся материалы, полученные в ходе полевых работ в с. Покровка Баевского района Алтайского края в июле 2010 г. Его специфика состоит в особенностях формирования населения: в послевоенные годы именно сюда стягивались жители из близлежащих деревень, причем они были носителями различных культурных традиций, в том числе в сфере свадебной обрядности. Хронологически полученный материал относится к первой половине XX в.

В ходе сбора материала среди русского населения с. Покровка нами было зафиксировано несколько форм заключения брака: сватовство, сговор между родителями малолетних детей, брак «убёгом», кража невест. Общий ход действий брачующихся сторон был обусловлен формой заключения брака. При этом сватовство по предварительному сговору в это время практиковалось уже крайне редко.

Наиболее распространенной формой заключения брака являлось сватовство. При этом невесту, как правило, искали в одной из соседних деревень. Поиск невесты начинался по инициативе родителей жениха, которые старались найти невесту, равную ему по материальному и социальному статусу. Однако учитывалось и мнение жениха. Если же выбор

сына по каким-то причинам не устраивал родителей, молодые убегали и укрывались в сторожке или лесной заимке. В первое время друзья молодых обеспечивали их едой и водой. Некоторые из них были посредниками между ними и их родителями, прося последних благословить влюбленную пару. Наконец родители молодых сменяли гнев на милость и соглашались. При этом брак заключался согласно всем устоявшимся традициям, но свадебные мероприятия были более скромными.

После того как кандидатура невесты была определена, сваты (родители, старшие братья жениха) собирались в дорогу, они брали с собой подарки, продукты и настойки. По приезде в другую деревню сваты объявляли всем, кто они, к кому и зачем приехали. Обычно при подъезде к дому невесты их уже встречали и приглашали в дом. За застольем они рассматривали условия брака, решали, быть ли ему, если быть, то когда. После урегулирования условий сваты возвращались домой. Родители невесты могли тоже приехать в дом жениха, если считали это необходимым. После этого они не встречались до приготовлений к свадьбе.

К дому невесты свадебная процессия двигалась по центральной улице деревни. При этом шествие наталкивалось на разного рода препятствия. Так, молодежь, не приглашенная на свадьбу, перекрывала дорогу бревнами или вставала «живой цепью», чтобы не пропустить жениха. В этом случае жених откупался от них брагой, конфетами или песнями и танцами. Препятствия ждали жениха также при входе в усадьбу невесты. Ему нужно было пройти через четыре двери, чтобы добраться до дальней комнаты, где сидела невеста. Первым препятствием являлась калитка, вторым — двери в сени, третьим — дверь в дом, наконец, дверь в комнату невесты. Для того чтобы пройти все препятствия, жених вынужден был откупаться песнями, танцами, конфетами, брагой, подарками или деньгами. После того как жених проходил последнюю дверь, он забирал невесту, и они вместе уезжали на регистрацию брака.

Празднества в доме жениха начинались сразу по приезде молодых после регистрации. На свадьбе присутствовал тамада, который являлся инициатором разного рода мероприятий и направлял их. Традиционно на свадьбе имела место кража туфли невесты. Нередко одному из присутствующих это удавалось. В этом случае в туфлю невесты наливали браги, которая выпивалась укравшим или одним из присутствующих. По окончании первого свадебного дня молодые отправлялись к себе в комнату. Уже во время регистрации брака родные невесты собирали ее постель и увозили в дом жениха. Постель раскладывали для молодых для проведения ими первой брачной ночи. Молодоженам нередко приходилось выкупать постель, поскольку на ней лежали так называемые

«больные», которым нужно было налить браги или какого-нибудь другой алкогольного напитка, чтобы они освободили ложе. Перед тем как войти в комнату жениха, невесту облачали в белую сорочку, которую приносила ее мать. В это время присутствовавшие на свадьбе стояли снаружи дома и имитировали его поджог: они располагались у углов жилища, поджигали веники и махали ими. В этом случае мать невесты должна была их разогнать или откупить дом. На утро второго дня молодые выходили вместе на крыльцо и объявляли новое застолье. Во время празднеств гостей и молодых возили на телегах и тачках, гостей частенько выкидывали в кювет или на пыльную дорогу, они вставали и катали других.

На третий день празднеств присутствующие на свадьбе рядились в цыган, пели песни, пили брагу. Из дворов они воровали друг у друга по курице, ощипывали и по приходе в дом жениха варили и съедали их. После празднеств жена окончательно переселялась в дом к мужу. Если хватало средств, то молодая семья могла позволить себе возвести собственный дом, при условии, что молодожен являлся одним из старших сыновей. Младший сын обязан был остаться с родителями и ухаживать за ними, вести хозяйство вместе с женой.

Свадебная обрядность русских Баевского района Алтайского края, таким образом, представляла собой комплекс регламентированных традицией обрядов и обычаев. Все они укладываются в русло общерусской, шире — восточнославянской традиционной свадебной обрядности. Однако, несомненно, при сопоставлении с аналогичным материалом по другим районам Алтайского края могут быть выявлены некоторые особенности, что должно стать предметом специальной исследовательской работы. Вместе с тем очевидно, что часть элементов в свадебной обрядности русских Алтая носит поздний характер (например, регистрация брака). Следует также отметить, что некоторые традиции, связанные со свадебной обрядностью русских, можно до сих пор наблюдать в сельской местности (разного рода выкупы, кража туфли невесты и др.).

Ю. В. Кривчик, А. Курило

Похоронная обрядность украинских переселенцев и их потомков в селе Романово в XX в.

Село Романово относится к числу сел, образованных переселенцами из южных губерний России (Курской, Воронежской) и Украины (Полтавской, Черниговской, Харьковской, Киевской) в конце XIX в. Большую часть населения села составляли украинцы, получившие на Алтае прозвище «хохлы». Составляя около 90% жителей села, украинцы долгое вре-

мя сохраняли язык, особенности традиционных обрядов, в том числе и похоронного [1].

В целом похоронно-поминальный обряд включал в себя несколько ключевых моментов: 1) действия перед смертью и во время смерти; 2) обряжение покойника и положение его в гроб; 3) вынос из дома; 4) отпевание в церкви (если оно свершалось); 5) погребение; 6) поминки. Каждый из этих моментов сопровождался ритуально-магическими действиями.

Проникновение смерти в мир живых, как правило, сопровождается приметами и предзнаменованиями. По мнению информантов с. Романово, предвещать смерть могут следующие события: «птица в окно стучится», «кто-то постучал в дверь или в окно», «покойник приснился, зовет за собой, если ушел, то к болезни, если нет — к смерти», «собака воет», «курица поет петухом», «икона упала» [2, 3, 5].

Заранее к смерти готовились только люди пожилого возраста. Женщины покупали церковные свечи, шили или приобретали погребальную одежду, обувь. Некоторые заранее готовили гроб: кто доски, а кто и гроб целиком, который поднимали на чердак и там хранили. Пожилые люди собирали и сушили чабрец, душицу, мяту, которые были необходимы для изготовления подушки покойному. Колдуны и знахари, чтобы спокойно умереть, заранее передавали свои магические знания и записи своим преемникам. Быстрая смерть, как говорили, «с ног да в гроб», считалась самой предпочтительной.

У одра умирающего положено было собираться родственникам, чтобы выслушать его последнюю волю. Для облегчения смерти человека могли положить на пол вдоль половиц, ногами к двери [3, 5]. Чтобы удостовериться в смерти, к его губам подносили зеркало: если оно не запотевало, значит, человек умер. Чтобы не бояться умершего, который мог каким-либо образом напоминать о себе, надо было взяться за его руку или ногу, подержаться за печку, посмотреть в ее устье [5].

Установив факт смерти, человеку надевали платок на голову и крепко подвязывали под подбородком, чтобы рот не был открыт. Если у умершего были открыты глаза, то их закрывали и клали на веки медные пятаки. Вполне возможно, что это было связано со своеобразным откупом от смерти, ибо считалось, что покойник высматривает кого-то из оставшихся в доме живых людей или даже животных, желая забрать их с собой [3]. В таких случаях обычно говорили: «Смотрит — кого-нибудь насмотрит». Монеты (пятаки) оставляли в гробу.

В течение двух часов после смерти мертвое тело не трогали. В это время завешивали в доме все зеркала, экраны телевизоров. На окно ставили стакан с водой и в уголок вешали полотенце. До «сороковын» [2] ка-

ждое утро меняли воду, ее выливали на запад, в то место, где люди не ходили. Считалось, что душа приходит воды напиться, умыться и вытереться рушником [4]. Сразу посылали кого-нибудь за родственниками, причитальщицей и теми, кто будет омывать тело умершего. Приглашали мыть старушек, своим обмывать было нельзя [3].

По истечении двух часов покойного мыли и одевали. Мыли его из горшка или из ведра теплой водой с мылом крестообразными движениями, затем оставшуюся после процедуры воду выливали в то место, где никто не ходил и ничего не сажали, так как эта вода «мертвая» — она могла погубить, умертвить землю. А тряпку, которой мыли усопшего, и мыло либо закапывали в том месте, где никто не ходит, либо сжигали. Одевал покойника тот же человек, который мыл. На женщин надевали нижнее белье, платье или костюм, обязательно платок. Без платка было не положено класть ни старого, ни молодого. Если женщина молодая, платок могли не завязывать. На ноги надевали тапочки, туфли [4]. Когда умирала девочка или незамужняя девушка, на нее часто надевали свадебный наряд, на голову — венок, на мужчин — нижнее белье, костюм, рубашку, на ноги — туфли. В 1920–1930-е гг. на мужчин надевали белые штаны и рубаху, а ноги обматывали белым коленкором. Позже на ноги стали надевать носки, а вместо белых штанов — темные [3].

Покойного клали ногами к двери на две широкие застеленные лавки. В гроб перекладывали лишь перед выносом. На лоб умершему клали «венчик» с текстом молитвы об отпущении грехов. Руки складывали так, чтобы правая была сверху левой, а крест, который делали из свечей, клали под левую ладонь. Говорили: правой рукой крестится, а левой крест держит. Руки и ноги связывали между собой (развязывали их перед выносом из дома). Под правую руку клали проводник (письмо, грамотку), мелкие деньги, завязанные в платочек [2]. Как говорили информанты, человек будет себе место откупать [3].

Гроб — *труну* делали из сосновых досок. Нельзя было делать его из осины. Стружку, оставшуюся от изготовления, клали на дно гроба. Сжигать щепу и стружку было нельзя, ибо, как считали, умершему от этого будет жарко [8]. Труну всегда делали в соответствии с ростом умершего. Считалось, что покойник кого-нибудь заберет, если гроб будет больше. Сначала труну ничем не обшивали, затем стали обшивать ситцем или сатином. Если умирал старый человек, то обшивали тканью черного цвета, с белой окантовкой, на крышку нашивался белый крест. Для молодого гроб обшивали красным ситцем или сатином, делали белую зубчатую окантовку, черный крест. Внутри гроба на стружку стелили белую ткань. Затем клалась подушка. Наволочка, на которую справа и слева

нашивались два черных креста, шилась из белого материала. Между крестами было такое расстояние, чтобы поместилась голова покойного, затем ее наполняли заготовленной заранее травой: чабрецом, душицей, мятой, луговым сеном, могли класть стружку. Нельзя было класть усопшего на перьевую подушку [2].

Около покойного ставили на стол булку хлеба, тарелку с конфетами, печеньем, пряниками, в стакан с пшеницей ставили свечу и зажигали ее. Эта свечка должна была гореть все время, пока покойный лежал в доме. Огарки свечей затем использовались как «проводники».

Каждому входящему причитальщица причитывала, слезно рассказывая об усопшем и о горе в семье, вызванном этим событием. Каждый входящий после этого кланялся усопшему, просил у него прощения.

После захода солнца покойного накрывали, а открывали с восходом солнца. Усопшего не оставляли одного, в доме ночевали бабушки, родственники, певчая. Вечером все садились ужинать, поминать. На стол ставили лапшу, борщ, картошку, кисель. Из столовых приборов пользовались только ложками. Утром обязательно кормили всех, кто ночевал около покойного [4].

У гроба даже ночью читались молитвы и велись разговоры-воспоминания о совместно прожитых годах. Иногда можно было рассказывать смешные истории из жизни, но смеяться не полагалось. Специально приглашенные знающие люди читали ночью над усопшим Псалтирь, за что их одаривали. Под книгу клали рубаху, отрез ткани на платье либо деньги [3]. Также в течение первого и второго дня до самого выноса специально приглашенные женщины пели грустные песни.

Вы подумайтэ, вы подумайтэ, ой,
Друзья милые.
Вы подумайтэ, ой,
Друзья милые.
Як во гроб лягты, ой,
Гроба вичного.
Як ручки сложить, ой ручки билые.
Як глазки закрыть, ой, глазки сирые.
Отключилося, ой, все сердечное.
Унысуть мыня во чисты поля,
Загрыбуть зымлей, ой,
Прощай, свит билой.
А я бильше к вам, ой,
Бильш я нэ прыду [2].

* * *

Лежу я во гробе
И не вижу свет.
Для всех солнце светит,
а для меня нет.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Вырыют могилу в уютной тишине,
Не плачьте, родные,
А то тяжко мне.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Не ходи прохожий,
Не топчи мой прах,
А я уже дома,
Ты еще в гостях.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Спи, ты наш любимый,
Непробудным сном.
Ты к нам не вернешься,
Мы к тебе придем.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Лежу я во гробе
И не вижу свет.
Обычай готовый –
Идти на тот свет.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Святый Боже, святый, крепкий, святый бессмертный,
Помилуй, помилуй нас [2].

* * *

Вставайтэ, мертвы души,
Господь судить будэ.
Недолго судыть будэ —
За час, за мынуты.

Правыдны души становтэсь у право,
а грешные души становтэсь у ливо.
Шо правые души стоять да спивають,
а левые души плачуть да рыдають [3].

* * *

Ой, вы голуби, ой, вы билые.
Мы не голуби, мы не билые.
Мы ангелы-хранители-покровители.
Вы покройте меня, душу грешную.
Не покроем тебя, душа грешная,
Ты на свете жила, тело тешила.
Полытила душа на восток солнца,
А там краи позакрываны.
Полытила душа на запад солнца,
А там пыкла позабываны.
Полытила душа до свого тельца:
«Ай, тело, мое тело белое, шо ж ты мыни да наделало,
Тоби тело в зымли приты, а мини на ответ иты» [3].

Утром на второй день, когда открывали покойного, его лицо вытирали влажной тряпочкой, как будто умывали. Хоронили на второй день, редко на третий. Информанты вспоминают, что примерно до 1930–1940-х гг. бывали случаи, если человек умер до полудня, его хоронили в тот же день [3]. Могилу копали мужчины, не родственники, утром на второй день. «Копачам» везли завтрак (обед) и каждому по полотенцу. После похорон они также шли на поминки.

Утром, после заупокойной литургии, совершался чин погребения, который в обиходе из-за обилия песнопений называется отпеванием. Если отпевание происходило в церкви, гроб с телом ставили лицом к алтарю. Часто люди приглашали священника на отпевание домой. По четырем сторонам гроба зажигали *светильники* (свечи). После чтения «Апостола» и Евангелия священник читал разрешительную молитву, в которой Церковь молила Господа простить усопшему грехи и удостоить его Царства Небесного [7]. После службы отпевания родные и близкие обходили гроб с телом, целовали умершего (венчик на голове или икону на груди). После этого тело закрывали простыней, и священник крестообразно по-

сыпал его землею [3]. После закрытия церкви в селе в 1930-е гг. люди стали приглашать для отпевания «знающих» людей [3].

В 14 часов усопшего выносили из дома. Перед выносом собирались родственники, чтобы проститься с покойным. Становились у гроба, образуя условный коридор, брали в руки свечки-*проводники*, зажигали их и передавали из рук в руки. Затем их тушили и клали в верхний угол гроба [5]. Хлеб, конфеты, печенье, стакан с пшеницей, которые стояли рядом с покойным, выносили из дома. На крышку гроба клали полотенце, на него ставили хлеб и везли на кладбище. После похорон его разламывали и вместе с конфетами и печеньем раздавали людям [4].

Все, кто находился рядом с усопшим, выходили из дома, последним выносили покойного. Несли гроб те, кто копал могилу. Зерно, в котором стояла свеча, разбрасывали вслед покойному во дворе на тропинку и на стоящих людей [3]. В селе сохранялся обычай не подметать полы до тех пор, пока умерший находился в доме, ибо, по примете, можно было «вымести» кого-нибудь из живущих родственников. Когда покойного выносили, следом за ним плотно прикрывали дверь в дом, ворота, калитку.

Гроб на кладбище везли на лошади. Ходки застилали рядами или половиками, а затем на них ставили труну [3]. Родственники умершего шли рядом. Впереди несли крест. Если умерший мужчина, крест перевязывали полотенцем, если женщина — полотенцем или платком [6, 5]. Было принято на поворотах останавливаться и немного постоять, затем продолжать движение. Позже стали возить на машине. Кузов застилали половиками или коврами, ставили гроб, близкие родственники садились рядом. Здесь же, на кузове, ставили крест, который держал мужчина. Впереди машины несли венки. Венок брали два человека, правой и левой рукой, а свободные руки им перевязывали носовыми платочками узлом к телу. Этот обычай появился в 1970-е гг. Информанты говорят, что «раньше раздавали платки, руки не перевязывали, венков не было, и цветы на покойного не клали» [3].

На кладбище первым заносили усопшего, затем шли все остальные. Около могилы происходило последнее прощание с умершим. После этого крышку забивали, гроб спускали в могилу на веревках или длинных рушниках. В могиле умерший полагался лицом к востоку (в ожидании наступления утра вечности, или второго пришествия Христа, и в знак того, что умерший идет от запада жизни к востоку вечности). Веревки вытаскивали, рушники разрывали и раздавали людям. Могилу закапывали «копачи». В это время принято было каждому взять горсть земли и бросить в могилу [5]. Крест — символ спасения — возвышается над могилою христианина. Он ставится в ногах.

Рис. 1. Похороны девочки 7 лет. 1961 г. (На девочке надет венок, на крышке гроба — булка хлеба.)

Полотенце или платок, которым был перевязан крест, по словам информантов, снимался сразу после похорон и отдавался кому-нибудь из присутствующих [2].

По традиции, пока проходил обряд на кладбище, в доме умершего готовились к поминкам. Дома обычно оставался кто-нибудь из родственников и готовил поминальную трапезу, мыл пол. Когда приходили с кладбища, обязательно мыли руки с мылом и вытирали полотенцем [4].

Обязательными блюдами поминальной трапезы были *канун*, борщ, лапша, картофель, каша, компот, последним подавался кисель. Канун, как правило, готовился из цельных, нераздробленных зерен — чаще всего пшеницы или риса. К нему обычно примешивались ягоды (черемуха, изюм). Готовили его обычно сладким. Канун следовало взять ложкой три раза. Пить водку на поминках не полагалось. Из столовых приборов на стол клались только ложки, вилки класть не полагалось. Начиналась и заканчивалась тризна словами «Царствие Небесное».

Поминки проходили не только сразу после похорон, но и на третий, девятый, сороковой день, затем через полгода, год, в день рождения покойного. Умершие родственники поминались и в «родительские субботы» — дни, установленные христианской традицией, и в частные родительские дни. В поминальные дни люди обязательно посещали могилы родственников, принося с собой еду, вино, чтобы пригласить усопшего на ритуальную трапезу [6, с. 59–66].

Рис. 2. Похороны в с. Романово в 1960–1970-е гг. (отчетливо виден нашитый на подушке черный крест)

На третий день родственники шли на кладбище, а затем поминали усопшего. На девятый день, как правило, собирались самые близкие, а «поминание» (конфеты, печенье, пряники, стружни) разносили по соседям, друзьям. Поминки на сороковой день, или, как говорили украинцы, на «сороковыну», проходили день в день (в полгода или в год можно помянуть на день или два раньше, но ни в коем случае не позже). На сороковыны собирали всех родственников, приглашали соседей, друзей. Сначала ходили на кладбище, носили с собой «поминание», которое раздавали людям и раскладывали на могилах. Вернувшись домой, садились за столы и поминали покойного. Блюдами поминальной трапезы были борщ, лапша, картофель, каша, блины, компот, последним подавался кисель.

На сороковой день после смерти с окна убирали стакан с водой, а полотенце отдавали первому встречному (соседу, прохожему) [5].

Таким образом, сохранялся обычай, оставшийся от древнего похоронного обряда и предусматривающий как задабривание душ умерших, так и демонстрацию силы жизни. Основу большинства обрядов и обычаев похоронного и поминального ритуалов составляла вера в реальность взаимосвязи между живыми и мертвыми. Одна из причин устойчивости — в том, что заложенный в обрядовой системе смысл органичен крестьянскому мировоззрению. Само обрядовое поведение выступает как регулятор стереотипов поведения и сознания, кодирующих этническую информацию, обеспечивая связь между поколениями.

Источники и литература

1. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 886–888.
2. Романовский районный краеведческий музей. Воспоминания Шестак Прасковьи Кузьминичны, 1930 г. р. (уроженка с. Романово, предки приехали в село в конце XIX в. из Полтавской губернии). 2010 г.
3. Романовский районный краеведческий музей. Воспоминания Ковтун Матрены Иосифовны, 1917 г. р. (уроженка с. Романово, родители приехали в село в конце XIX в. из Черниговской и Полтавской губерний). 2010 г.
4. Романовский районный краеведческий музей. Воспоминания Мельниченко Екатерины Павловны, 1923 г. р. (уроженка с. Романово, родители приехали в село в конце XIX в. из Киевской и Курской губерний) 2010 г.
5. Романовский районный краеведческий музей. Воспоминания Катуна Любови Михайловны, 1953 г. р. (уроженка с. Романово, предки являлись украинскими переселенцами). 2010 г.
6. Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч. 1. Новосибирск, 2003.
7. Щеголева Е., Глаголева О. В православном храме. М.: изд. дом «Олма-Пресс», 2006.
8. Бердяева О. С. Похоронный обряд в Новгородской области // Фольклор Новгородской области: история и современность. По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет / сост. О. С. Бердяева. М., 2005. 352 с.

М. В. Левина

Некоторые особенности социокультурной ситуации у выходцев из ближнего зарубежья (на материале анкетирования учащихся МОУ «Гимназия № 74» г. Барнаула)

Язык, общество и культура — взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия. Рожденный социумом язык, с одной стороны, является частью его культуры, с другой — эти два понятия обладают изоморфной структурой, которую, согласно И. И. Толстому, можно представить в виде двух параллельных рядов: литературный язык — элитарная культура; просторечье — промежуточная, «третья культура», «культура для народа»; наречия, говоры — народная культура; арго — традиционно-профессиональная культура [4, с. 16–17]. Следовательно, язык современного городского школьника — это показатель не только его образования, но и соответствующей культуры.

В этой связи, на наш взгляд, изучение языковой и — шире — социокультурной ситуации в современной школе является актуальным. Ключевое для социолингвистики понятие «языковая ситуация» определяется как «совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или ад-

министративно-территориальном объединении» [5, с. 481]. Под социокультурной ситуацией мы понимаем изменения культурно-языковых особенностей социума, характерные для определенного историко-культурного периода.

Нами была рассмотрена социокультурная ситуация в МОУ «Гимназия № 74» города Барнаула. Характерной особенностью языка школьников, как показало наблюдение за речью гимназистов, является его гетерогенность. Наряду с национальным литературным языком функционируют и другие формы: городское просторечие, молодежный и школьный жаргон, матерные слова и выражения, а также прозвищная номинация.

Социокультурный анализ осуществлялся на основе данных анкет и социального паспорта гимназии. Школьникам предлагалось ответить на следующие вопросы[1] [1, с. 23; 2, с. 20].

Анкета

1. Где Вы родились?
2. Откуда родом Ваши родители?
3. Национальность Ваших родителей.
4. Ваша национальность.
5. Ваш родной язык.
6. Какими языками владеют Ваши родители?
7. Какими языками владеете Вы?
8. На каком языке Вы говорили в детстве?
9. На каком языке Вы говорите дома с родителями?
10. Какое образование у Ваших родителей? (неполное среднее, среднее, среднее специальное, среднее техническое, высшее)
11. Сфера деятельности Ваших родителей (интеллигенция, рабочие, военнослужащие, безработные, пенсионеры).
12. Употребляете ли Вы в своей речи слова типа «ихний», «звóнит», «хочете», «ложите», «заплотит» и т. д.?
13. Употребляют ли Ваши родители в своей речи такие слова?
14. Употребляете ли Вы в своей речи слова типа «ботаник», «училка», «матеша»? С одноклассниками, со знакомыми, с родителями, с учителями?
15. Употребляют ли Ваши родители в своей речи такие слова?
16. Употребляете ли Вы в своей речи слова типа «нулёвый» — новый, «обуть» — обмануть, «наезжать» — предъявлять претензии, «прикид» —

[1] Анкета составлена согласно основным признакам, взятым из перечня М. В. Панова, опыта полевого исследования Т. Б. Агранат и дополнена вопросами, сформулированными автором статьи.

хорошая одежда, «предки» — родители? С одноклассниками, со знакомыми, с родителями, с учителями?

17. Употребляют ли Ваши родители в своей речи такие слова?

18. Употребляете ли Вы в своей речи прозвища одноклассников? Знакомых? С одноклассниками, со знакомыми, с родителями, с учителями?

19. Употребляют ли Ваши родители в своей речи прозвища Ваших знакомых?

20. Употребляют ли Ваши родители в своей речи прозвища своих знакомых?

21. Употребляете ли Вы в своей речи матерные слова и выражения? С одноклассниками, со знакомыми, с родителями, с учителями?

22. Употребляют ли Ваши родители в своей речи матерные слова и выражения?

Мы установили, что наряду с русскими учащимися в МОУ «Гимназия № 74» обучаются дети других национальностей. Как правило, это выходцы из ближнего зарубежья: Казахстана, Армении, Азербайджана, Узбекистана. По данным социального паспорта гимназии на 2008/2009 учебный год так называемых выходцев из ближнего зарубежья насчитывалось 23 человека, это всего 2% от общего числа обучающихся. Но количественное соотношение их по классам свидетельствует о тенденции роста числа «иностранцев» в учебном заведении; так, в начальной школе (1–4 классы) их число составило 3%, в среднем (5–9 классы) и старшем (10–11 классы) звене — 1,5%. Увеличение доли нерусских учащихся связано прежде всего с тем, что иностранные граждане получают гражданство России, остаются на постоянное место жительства. Из общего числа анкетированных (430) нами было выявлено 15 выходцев из ближнего зарубежья, большинство из которых (60%) родились в России, 40% — на территории Казахстана, Азербайджана, Армении. Родители этих учащихся являются эмигрантами первого поколения, рожденными за пределами России. Таким образом, в семьях выходцев из ближнего зарубежья тесным образом синтезируются культуры и языки разных этносов — родного и русского.

Так как рамки статьи не позволяют дать подробный анализ анкеты, остановимся на 12–22 вопросах, направленных на выявление особенностей ненормированного языкового проявления, так часто встречающегося в речи русских школьников. Итак, в вопросе об употреблении просторечной лексики всего 20% респондентов дали утвердительный ответ. Они же указали, что и их родители употребляют подобные слова. Примечательно, что это учащиеся 2, 3 и 6-го классов. Как правило, в этом возрасте дети мало различают нормированные и ненормированные формы

языка. Как показывает учительская практика, большинство учеников как русской национальности, так и других употребляют в своей речи просторечную лексику. Большой процент анкетируемых, ответивших отрицательно на этот вопрос, по нашему мнению, обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это связано с неумением детей слышать свою речь и различать формы языка. Во-вторых, учащиеся средней и старшей школы знакомы с нормами русского языка, поэтому некоторым, возможно, было стыдно признаться в неправильности своей речи.

Школьный жаргон знаком и понятен большему числу респондентов. В общении с одноклассниками им пользуется 60% опрашиваемых. Наиболее активно употребляют такого рода лексику учащиеся среднего и старшего звена. Анкетируемые начальной школы (ученики 2-го и 3-го классов) также ответили утвердительно. Анализ анкет показал, что среды использования школьного жаргона контролируются опрашиваемыми: в основном это коммуникация с одноклассниками и знакомыми, реже с родителями и учителями. Большинство родителей (80%) не употребляют слова из школьного жаргона детей.

Молодежный жаргон в меньшей мере, чем школьный, присутствует в речи гимназистов выходцев из ближнего зарубежья. И опять основной средой использования является коммуникация с одноклассниками и знакомыми — по 40%. Распространение молодежного жаргона, на наш взгляд, связано со взрослением учащихся, с появлением большего числа знакомых, круг которых со временем расширяется и выходит за пределы школы. Именно поэтому среди анкетируемых носителями подобного рода лексики являются учащиеся среднего и старшего звена, хотя и в начальной школе был отмечен один ученик. Любопытными оказались результаты анализа анкет по вопросу об употреблении молодежного жаргона родителями респондентов. Ни один из опрашиваемых не ответил положительно. Полагаясь на достоверность анкетных данных, мы считаем, что такое положение вещей связано с тем, что все родители являются эмигрантами. В детстве они не были знакомы со словами из русского молодежного жаргона. Во взрослом возрасте в общении со своими ровесниками такая лексика им практически не встречается, поэтому им нет необходимости пополнять свой словарный запас лексикой из русского молодежного жаргона.

Анкетирование выявило, что такое понятие, как прозвище, прочно вошло в речевую деятельность учащихся выходцев из ближнего зарубежья. Гимназисты среднего и старшего звена активно используют прозвища своих одноклассников и знакомых. Следует отметить, что коммуникативные среды для употребления таких прозвищ строго ограниче-

ны: это гимназический круг общения с одноклассниками. Среди представителей начальной школы также встретились ученики, употребляющие прозвища одноклассников и знакомых, но их всего два из пяти. Согласно ответам респондентов, их родители не пользуются прозвищами, чтобы называть знакомых их детей или своих знакомых. Это связано с тем, что русские прозвища не несут для иностранных эмигрантов (для которых русский язык не является родным) дополнительного смысла, они не мотивированы, не обладают внутренней формой [3, с. 16].

Нецензурная речь, с точки зрения анкет респондентов, практически не имеет места. Подавляющее большинство отрицает использование в своей речи матерных слов и выражений. Признался в употреблении такой лексики один учащийся 6 класса. В отношении родителей выстраивается похожая ситуация. По данным анкетирования, только в двух семьях употребляют нецензурную лексику, традиционно осуждаемую у восточных этносов.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, в языке школьников выходцев из ближнего зарубежья помимо литературного языка функционируют еще и внелитературные формы, приметы городской, «третьей культуры»: городское просторечие, школьный и молодежный жаргоны, матерные слова и выражения, прозвища. Наиболее ярко представлены школьный жаргон и прозвища. Во-вторых, в отличие от русских гимназистов, на речь выходцев из ближнего зарубежья влияет преимущественно школьное и приятельское окружение, роль родителей в этом вопросе минимальна. Иными словами, на формирование культурно-языковой личности школьников выходцев из ближнего зарубежья большое влияние оказывает социальная среда, а также культура русского этноса, в пространстве которого они живут.

Источники и литература

1. Агранат Т. Б. Языковая ситуация в западной Ингерманландии в начале XXI в. (опыт полевого исследования) // Вопр. филологии. М., 2007. № 3. С. 25–28.
2. Беликов В. И. Социолингвистика: учеб. для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.
3. Русский язык по данным массового обследования (Опыт социально-лингвистического изучения) / под ред. Л. П. Крысина. М., 1974. 352 с.
4. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др.; под ред. П. А. Леканта. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2007. 557 с.
5. Толстой И. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд. М., 1995. 512 с.
6. Швейцер А. Д. Социолингвистика. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 481 с.

Д. С. Лугоненко

Феномен дачи в современной культуре горожан (по материалам полевых исследований)

По данным ВЦИОМ, на 2009 г. обладателями дачных участков с домами сезонного или круглогодичного характера являются 34% россиян, еще 17% имеют земельный участок без пригодных для проживания строений. Это цифры достаточно убедительно показывают масштабы распространения дачничества в наши дни.

В традициях русской бытовой культуры дача не может рассматриваться как явление экономическое. Она представляет собой некий культурный феномен, который образуют исторические, социальные, культурные, мировоззренческие составляющие. В дачной культуре широко используются различные приметы и поверья. Исследователи определяют примету как истолкование некой ситуации, которое используется носителями традиции для построения своего поведения. Иными словами, примета есть некий знак, интерпретация которого моделирует поведение человека.

Дача в современной городской культуре предстает как пространство бытования аграрной магии. Это подтвердило интервьюирование дачников, проходившее в форме свободной беседы. В ходе полевых исследований был также проведен опрос посетителей дачных форумов и анализ подразделов форумов. В качестве источника в данной работе также использовалась периодика, посвященная саду и огороду.

Обращаясь к современной дачной культуре, следует в первую очередь рассмотреть приметы, так или иначе связанные с аграрными циклами. Собранный материал включает в себя приметы и ритуалы, начиная с посадки и заканчивая сбором урожая. Особое место в этом цикле уделяется процессу посадки, ведь именно этот момент во многом определяет будущее сада, урожай и благополучие дачника. Так, например, по убеждению одной из респонденток, все посадки в саду необходимо производить, будучи голодным, и ни в коем случае нельзя быть сытым. Дурной приметой считаются вороны, при виде которых хозяйка должна прекратить посадку, а иначе семена могут просто не взойти. Посаженные или высаженные растения необходимо перекрестить, тем самым помочь им укорениться и уберечь их от увядания. Таким образом, магия и молитва являются надежным мистическим ресурсом, который усиливает агротехнические возможности современного дачника. Ориентируясь на передовые технологии, последний нередко обращается к божественному началу или привлекает потусторонние силы к защите своего участка.

Большой популярностью в дачной среде пользуются православные молитвы. Так в некоторых молитвенниках можно встретить молитвы перед посадкой огорода, над семенами [1, с. 472], на нивах, о плодородии земли [1, 467], о покровительстве садоводам [1, 475], об избавлении огородов и садов от дачных вредителей [1, 477] и т. п. Большая часть подобных молитв имеет гораздо более широкий «спектр действия». Так, молитва перед посадкой огорода адресуется апостолу и евангелисту Луке, известному также своим даром целительства. Немаловажен сам факт существования целых разделов, посвященных земледелию, в современных молитвенниках, что также указывает на высокую степень мистицизма дачной культуры.

Одна из популярных примет дачников гласит, что соседка может «засадить» рассаду, загубив таким образом все посадки: при появлении соседки во время посадок необходимо сразу же прекратить работу. Соседка может сглазить урожай, поэтому не стоит хвастаться своим садом при людях. Наоборот, надо жаловаться на плохие всходы и созревание, искажая реальное состояние дел в сторону некоторой трагичности.

Чтобы сад продолжал радовать хозяев изобилием, саженцы или любую огородную снедь необходимо обязательно «продать», то есть взять за них символическую плату — «копеечку». Это, с одной стороны, обеспечивает урожайность переданного в руках нового хозяина, а во-вторых, сохраняет плодородность данной культуры у отдавшего. Символическая передача воспринимается буквально как передача будущего урожая. В основе подобного дарообмена лежит представление о ценности или «силе» сада, которая должна быть компенсирована во избежание ее потери. За этим в очень большой степени стоит восприятие сада и растений как некоей живой сущности. И сад в целом, и каждая его культура воспринимается хозяйками как одушевленное существо, имеющее свой характер. Например, считается, что ель на участке (да и вообще хвойные) сажать не стоит. Как объясняли опрашиваемые, она угнетает все растущее вокруг; кроме того, считается, что она негативно влияет и на самого человека, наводит на него беды, вплоть до смерти. За этим поверьем — устойчивая связь ели (хвойных) со смертью, отсюда же и использование еловых лап во время похорон и поговорка: «В березовом лесу веселиться, в еловом удавиться».

Оживотворение с элементами индивидуализации пронизывает всю дачную культуру и определяет своеобразие дачного нарратива. Достаточно часто и в садоводческой литературе, и речи дачников можно встретить выражения «эти цветы любят тень», «это растение любит обильный полив» или «флоксы у меня нынче не хотят цвести».

Употребление глагола «любить» по отношению к растениям, наделение их человеческими чувствами показывает их восприятие садоводом как самостоятельных существ, живых и чутких к проявлениям человеческой заботы. Так, на вопрос: «Как вы думаете, что нужно для хорошего урожая, для того чтобы сад цвел?» — практически все респонденты единогласно отвечали: нужно любить свой сад и регулярно его поливать.

Наши собеседницы постоянно говорили о том, что растения, как люди, любят внимание, и с ними необходимо разговаривать. Одна из дачниц, рассказывая про свои цветы, говорила, что после полива они «радуются», а когда она приезжает на дачу, они ей «улыбаются». Растения в этом контексте становятся обладателями вполне определенных чувств, потребностей и даже некого «характера» (показательны определения цветов — «капризный» или «неприхотливый»). Аналогичное отношение существует и к земле. Согласно одной из примет, на огороде нельзя плевать, поскольку это чревато плохим урожаем. Наша собеседница объясняла это тем, что земля может «обидеться». На основе приведенных примеров отчетливо видно, что человек, вступая в контакт с собственным садом, начинает одушевлять и персонифицировать природное окружение. Подобные представления имеют чрезвычайно архаичный характер.

На архаичной традиции заговоров построена значительная часть современной аграрной магии. Народные заговоры, в свою очередь, апеллируют к молитвам и содержат их формулы: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» или просто троекратное «аминь». Заговор адресован непосредственно природным силам, а не святым, как молитва. Произносящий заговор может обращаться к Луне («мать свята Луна»), к Земле («мать сыра земля») и к прочим силам, вплоть до тех, против кого направлен заговор («иди, земляной червь»).

Аграрные технологии современных дачников включают приметы и действия, имеющие охранный характер, а с другой стороны, они пронизаны прогностической магией, направленной на получение в будущем обильного урожая. Это обусловлено в первую очередь рискованностью и непредсказуемостью земледелия как такового.

Архаика и новации переплетаются в культуре дачного участка. На волне последних двух десятилетий в ходе увлечения эзотерическими практиками особое распространение среди дачников получили лунные календари. Практически ни один выпуск периодических изданий для садоводов не обходится без подобных календарей, сочетающих в себе лунные, солнечные и зодиакальные циклы в разных вариантах. Они содержат даты, иногда даже часы, благоприятные для посадки, сбора и заготовки тех или иных культур. Но, как выяснилось из опроса, чаще всего

эти календари используются лишь весной, для определения сроков посевов. С приближением середины лета их популярность среди садоводов резко падает. Именно начало в аграрных циклах современных дачников позиционируется как максимально сакральное время, нуждающееся в мистической прогностике и поддержке.

Как правило, в садоводческой периодике подобные гороскопы соседствуют с вполне научными руководствами по разведению растений, со статьями про удобрение почв и пр. Это парадоксальное, на первый взгляд, соседство на деле является показательным, отражающим характер мышления современного человека, в частности дачника. Синкретизм является основной чертой этого мировоззрения.

Феномен дачи, занимая пограничное положение по отношению к городу и селу, вбирает в себя многие элементы различных по происхождению традиций. По своей природе дача является сложным, комплексным явлением, которое образовано пересечением крестьянской патриархальной и городской индустриально нагруженной культур. В ней совмещаются два пласта — традиционный и новационный. Первый представляет собой традиционные практики, в том числе заговоры, молитвы и приметы. Второй пласт представлен модернизированными технологиями, современными эзотерическими веяниями и квазинаучными знаниями.

Подобное сочетание разнообразных практик в сознании современного человека показывает его сущность, обнажая архаичные составляющие и раскрывая современные наслоения. Земледелие, будучи одним из самых древних занятий, извлекает из сознания человека его самые архаичные пласты, определяет характер и логику мышления, что ведет к причудливому сочетанию рационального и иррационального, научного и магического. Все это образует то, что принято называть «неомифологическим сознанием».

Источники и литература

1. Молитвенный щит православного христианина. Воронеж, 2000.

Н. В. Люля

Свадебная обрядность украинского населения Романовского района 1950–1960-х гг. (полевые материалы 2010 г.)

В ходе историко-этнографической экспедиции 2010 г. АлтГПА в селах Романовского района Алтайского края был продолжен сбор полевого материала по свадебной обрядности украинского населения, ранее уже осуществлявшийся сотрудниками лаборатории исторического краеведения и студентами исторического факультета в Мамонтовском (2000 г.), Кулундинском (2003 г.) и Поспелихинском (2003, 2008 гг.) районах.

Большая часть интервью по данной тематике была проведена в селах Романово и Дубровино. Среди них только два мемората содержат сведения о традиционной свадьбе украинских переселенцев [3, 5]. Возраст большинства информантов (1926–1960 гг. р.) позволяет реконструировать свадебную обрядность второй половины XX в. При этом сопоставление полученных источников с опубликованными ранее материалами по свадьбе «хохлов» с. Романово первой половины XX в. [14] свидетельствует, что наибольший интерес представляет свадьба 1950–1960-х гг. в силу бытования значительного числа традиционных элементов. Важно отметить, что в период 1930–1940-х гг., согласно мнению информантов, «свадеб не было: придут, засватают и заберут» [8]. В рассматриваемый период в большей степени восстановились основные этапы, характерные для традиционного обряда: сватовство, период подготовки к свадьбе, регистрация брака (вместо венчания), свадьба (приезд жениха со свадебным поездом за невестой, выкуп невесты, свадебный пир) [14].

Свадебное действо начиналось со сватовства, о дне совершения которого семьи молодых договаривались заранее. В роли сватов чаще всего выступали крестные родители или родственники жениха. Признаками их отличия по-прежнему являлась нарядная одежда. По сообщениям информантов, на одну руку сватам повязывали полотенца: «жених, сватун приезжали наряженные: в рубашках вышитых, полотенце повязано на руке у сватов» [12]. Согласно традиции сваты приносили с собой хлебину (булку хлеба), помимо которой в рассматриваемый период стали брать с также собой колбасу, банку соленых овощей. К приходу сватов родители невесты готовили борщ, винегрет, плов, припасали водку [13].

Разговор между сватунами и хозяевами происходил в шутливом тоне с использованием различных устойчивых фраз: «Лебедь (или гусыня) потерялась, а мы ищем…» (с. Казанцево) [13]; «У вас девка красна, у нас парень…» (с. Романово) [11]; «Пришли у вас товар куплять…» (с. Романово) [3]. Диалог выстраивался в духе традиции, но не влиял на результат сватовства, поскольку согласие жениха и невесты и их родителей обеим сторонам было известно заранее.

После того как сватунами было получено согласие жениха, невесты и ее родителей на брак, их усаживали за накрытый стол. С 1950-х гг. о дне свадьбы стали договариваться на сватовстве, чего раньше не делали [12]. Свадьбу назначали через одну-две недели после сватовства. До свадьбы невеста оставалась в доме родителей [12].

Для традиционного обряда украинцев характерно приглашение женихом и невестой гостей поврозь – каждый со своей стороны. Начиная

с 1960-х гг. в селах Романовского района невеста со своей дружкой приглашают гостей с обеих сторон. При этом невеста надевала свой свадебный наряд — свадебное платье любого цвета, чаще всего из цветного сатина или ситца [2, 8]. Вместо традиционного рушника невеста могла надевать фартук, вышитый крестом [12]. Как и ранее, каждый день со сватовства до свадьбы невеста носила венок из цветов, сделанных из цветной бумаги. Сзади к венку прикреплялись разноцветные ленты длиной до самого пояса. Невесты в это время сами венки уже не изготавливали, а брали «напрокат» у старых бабушек, которые хранили их у себя дома. «Бабки тогда берегли... Пойдешь к ней, у нее там коробочка под стеклом, сколько-то заплатишь...». Стоил венок от нескольких копеек до 10 руб. После свадьбы венок возвращали [8, 9]. Если свадьба проходила летом, венок плели из полевых цветов [7]. Однако, по замечаниям информантов, венок полагался только честной (непорочной) девушке [4].

Отправляясь приглашать родственников на свадьбу, невеста и старшая дружка брали с собой булку хлеба, что является характерной чертой традиционной обрядности украинцев. Информанты вспоминают, что приглашая гостей, невеста чаще всего говорила: «Просють батько и мати, прошу и я: приходите до мене на свадьбу» [2, 3, 12]. При этом невеста кланялась, подавала булку, а получив согласие, забирала ее обратно и отправлялась в другой дом. Так приглашали всех гостей.

Интересно отметить, что когда невеста с дружкой шли по улице, невеста должна была поклониться всем, кто встречался на ее пути, независимо от возраста: «Пацаном был, невеста идет, выскакиваешь из-за угла, она три раза кланяется, а мать или старшие говорят: „Забеги вперед, она еще раз покланяется“» [2].

Вечерина, или вечерка, накануне свадьбы является традиционным украинским обрядом, сохранявшемся на протяжении долгого времени. На вечерину, проходившую в доме невесты, собирались молодежь и женщины. Гости пели песни, танцевали, играли на гармошке. Выпивать и есть было не принято. С середины 1950-х гг. вечерину называют уже девичником на русский манер, хотя форма осталась прежней [9].

В последний день перед свадьбой старшая дружка складывала приданое невесты в скрыню (сундук или деревянный ящик) [11]. То, что входило в скрыню, каждая девушка должна была готовить себе сама или с помощью матери. В рассматриваемый период скрыня включала в себя традиционные предметы приданного: рядна, рушники, скатерти, к которым добавились перина, одеяло, подушки, фабричный «материал» (ткань), посуда [6, 11]. Иногда скрыню заменял шифоньер. Если доста-

ток позволял, родители невесты давали в приданое скот, чаще всего корову, овец, теленка.

Традиционная украинская свадьба длилась три дня и начиналась в воскресенье [8]. Со второй половины XX в. начало свадьбы сдвинулось на субботу. Продолжительность свадьбы осталась прежней. В пятницу накануне свадьбы крестная или дядька с теткой невесты несли молодому хлопцу рубаху, сшитую невестой. В 1970-е гг. рубаху уже покупали [8]. Жениху по-прежнему полагалась квитка – бумажный цветок, который он прикреплял к одежде на правую сторону груди [12].

Рано утром первого дня свадьбы жених начинал украшать свадебный поезд – обычно тройку лошадей. Упряжь украшали цветами из цветной бумаги в два ряда, разноцветными лентами и колокольчиком [3]. Бывало, что «в качестве поезда использовали грузовую машину, которую брали в колхозе на день свадьбы» [2].

Когда все было готово, жених отправлялся за невестой. По приезде в дом невесты его ждало испытание – выкуп. В традиционной свадебной обрядности выкупом невесты называли торг между сторонами жениха и невесты. При этом жених должен был выкупить не только невесту, но и ее приданое. Во двор дома невесты жениха не впускали, запирали ворота, требуя выкуп. В рассматриваемый период выкуп невесты приобрел форму развлечения молодежи. Сохранялась характерная для украинской свадьбы песенная перебранка: «Когда приезжает жених забирать невесту – всякие припевки спивают» [10]. Дружки невесты в песнях «жениха хаяли», святилка отвечала за жениха и дружков, так они перекликали друг друга, пока жених не выкупит невесту.

В роли святилки выступала сестра жениха, возраст которой не имел значения [9]. Ранее святилкой была девочка-родственница жениха в возрасте от 4 до 16 лет. Со временем в моду вошли различные испытания в виде конкурсов, которые проводили дружки невесты [8, 9].

По воспоминаниям Е. Ф. Пушовой, девушки пели «Ой лю-ле замуж»:

Как послала меня мать в огород,
Сыро-белую капусту полоть,
Я полю, полю, пропалываю,
Да все на солнышко поглядываю,
Уже солнце закатилося,
Наша Катя снарядилася,
Наша Катя снарядилася,
За подружек схоронилося,
Вы, подружки мои, вы, подруженьки,
Защитите вы меня,

Вон он, разоритель мой, идет,
Разорил мою головушку,
Разорил мою головушку,
Растрепал мою русую косу,
Растрепал мою русую косу,
Загубил мою девичью красу...» [10].

После того, как жених проходил все испытания и выкупал невесту, они направлялись к свадебному поезду. Когда молодые проходили по двору, их «осыпали монетами и рисом» [9, 13]. После этого жених с невестой ехали регистрироваться. Однако, как вспоминают информанты, регистрация брака не считалась обязательной. Нередко свадьбы играли не регистрируясь.

В рассматриваемый период все еще продолжала сохраняться традиция устраивать свадебное застолье и в доме жениха, и в доме невесты [11]. Для свадебного стола готовили повседневные блюда: борщ, картошку, капусту, мясо, уху, лапшу и выпечку (чаще стружни), кашу, кисель, холодец, иначе говоря, у кого что было [3, 8, 13]. Перед тем как сесть за столы в доме жениха, молодых брали за руки, связывали платочком, обводили три раза вокруг столов и сажали под образа (иконы) в угол комнаты [7]. После этого крестная мать снимала с невесты венок и расплетала косу. При этом пели песню: «Покрывонька плачет / Покрыться хочет / Не так покрыться, / Как поцеловаться...» [1]. После этого невесте делали «шишку» и надевали платок, повязывая вперед [1].

В первый день свадьбы принято было дарить молодым подарки. Подарки собирали крестные молодых, подавая гостям за дары «по блину и стопочке» [13]. Иногда на стене хаты рисовали то, что называли гости в качестве подарка: «Подарок вырисовывали гвоздем на стене, что дарили, то и рисовали» [2]. Чаще всего так делала молодежь в 60-е гг. XX в. — «дурачась» [2].

Второй день начинался с демонстрации «честности» невесты. Для этого на крышу дома, в котором проходила свадьба, вывешивали красный флаг в знак «честности» [11]. Сохраняя традиционность украинской свадьбы, в этот день «катали» родителей: их сажали в тележку и вываливали в грязь или снег, а молодые должны были их откупить. Также «отца жениха привязывали веревкой, как бы подвешивали, молодые тоже выкупали» [13]. После этого молодых заставляли мести мусор: заносили солому, рассыпали на полу, а гости кидали монеты. Жених с невестой должны были сметать мусор в мешки и собирать деньги. Гости мешали это делать: забирали монеты и рассыпали мусор по полу [13].

Третий день свадьбы в селах Романовского района называется «курятина». В этот день несколько человек рядились цыганами и совершали обход дворов гостей, собирая кур. Заходя в каждый двор говорили: «Мы пришли проверить ваше хозяйство», ловили кур и складывали в мешок [1]. Вечером варили лапшу с курятиной – супру [2, 4, 7, 9]. «Проходя по дворам, выбирали самого красивого петуха, которого затем наряжали красными бантиками, поили самогонкой, и он танцевал на столе» [7]. В завершение свадебного пира разрезали каравай, в который при приготовлении клали деньги. Тот, кому попадалась монета, ставил бутылку водки гостям [4, 9]. На свадебном торжестве все проходило шумно и весело, под музыку – играли на гармошке, пели песни, танцевали, кричали «горько!». «„Горько“ кричали старики, а они в это время в рюмку с водкой кидают монеты, и пока кидают, молодые целуются» [13].

Таким образом, полученные материалы дополняют имеющуюся источниковую базу по свадебной обрядности украинских переселенцев Алтайского края и позволяют констатировать, что свадьба украинских переселенцев 1950–1960-х гг. в целом сохраняла черты традиционного обряда, но многие его элементы со временем приобретали шуточную, игровую форму, утрачивая первоначальное значение. При этом для полной реконструкции свадьбы рассматриваемого периода требуется дальнейший сбор устных источников и детальный анализ полученного материала.

Источники и литература

1. Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский р-н, п. Тамбовский. Гринько В. А. 1925 г. р.
2. Там же. с. Дубровино. Ещенко А. И., 1939 г. р. (Полтавская губерния).
3. Там же. с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.
4. Там же. с. Дубровино. Занкевич Н. А., 1936 г. р.
5. Там же. с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р. (Черниговская губерния)
6. Там же. с. Дубровино. Лобушко А. П., 1926 г. р.
7. Там же. с. Гуселетово. Окунь Г. А., 1950 г. р.
8. Там же. с. Дубровино. Подолякина Е. А., 1928 г. р.
9. Там же. с. Дубровино. Прокопенко, 1931 г. р. (Полтавская губерния).
10. Там же. с. Дубровино. Пушова Е. Ф.
11. Там же. с. Дубровино. Романченко Р. В., 1935 г. р.
12. Там же. с. Романово. Сапа П. Е., 1932 г. р.
13. Там же. с. Казанцево. Скопа Л. А., 1960 г. р.
14. Кривчик Ю. В., Рябчинская Н. Традиции свадебной обрядности украинских переселенцев села Романово первой половины XX века // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Вып. 6 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина и др. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 113–122.

О. С. Мамонтова

Традиционная глиняная утварь в собрании Романовского районного краеведческого музея

В июле 2010 г. на территории Романовского района проходила комплексная историко-этнографическая экспедиция Алтайской государственной педагогической академии, одним из направлений которой являлась фиксация памятников материальной культуры различных этнических, этноконфессиональных групп района. Участниками экспедиции студентами Е. Прохоровой, А. Юдич, Н. Гефке под руководством заведующей историко-краеведческим музеем АлтГПА Н. С. Грибановой было проведено описание и фотофиксация этнографической коллекции Романовского районного краеведческого музея.

Музей был основан в 1976 г. За время работы в нем была сформирована этнографическая коллекция, отражающая культуру различных народов, проживающих на территории района: русских, украинцев, немцев. Одной из составляющих данной коллекции является утварь — неотъемлемый элемент традиционного крестьянского быта. Особый интерес представляет керамическая утварь, которая на сегодняшний день в собрании музея насчитывает 15 единиц. Она датируется второй половиной XIX — первой половиной XX вв.

Вся посуда выполнена на гончарном круге и представляет различные традиционные формы: кринки (5 ед.), горшки (5 ед.), корчаги (2 ед.), кувшины (2 ед.). Кринки имеют традиционные размеры. Их высота колеблется от 19 до 26 см, диаметр горла — от 9,5 до 12 см, диаметр дна — от 9 до 9,5 см. Размеры горшков варьируются от 16,5 до 24 см в высоту, в диаметре горла — от 9 до 25 см, в диаметре дна — от 10 до 14 см. Корчаги традиционно больших размеров, от 21 до 31 см в высоту. Одна из них имеет рыльцеобразный носик (РРКМ, ОФ 37/4). Кувшины схожи по размерам (высота 26,5 см, диаметр горла 8,5–11,5 см, диаметр дна 10,5–14,5 см), но различны по форме. Один из них имеет слив, ручка утеряна (РРКМ, ОФ 37/1). Одиннадцать предметов из 15 полностью покрыты глазурью, один — частично, и на четырех полива отсутствует. При производстве посуды использовалась глазурь прозрачная, коричневого, желтого, охристо-зеленого, зеленого цветов. Одиннадцать сосудов орнаментировано прочерченными одной или двумя прямыми параллельными линиями. Орнамент расположен на шейках, плечиках, тулове предметов. На одной из кринок процарапаны буквы «Ч. М.» (РРКМ, ОФ 37/9). Возможно, это инициалы мастера. На одном из горшков (в верхней трети сосуда) написана цифра «3» или буква «З» (РРКМ, ОФ 403). Если это цифра, то она могла обозначать номер партии, порядковый номер изде-

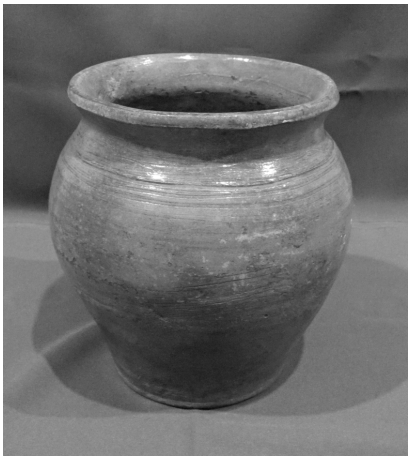

Рис. 1. Горшок. 1920–1940-е гг. РРКМ. ОФ 37/6

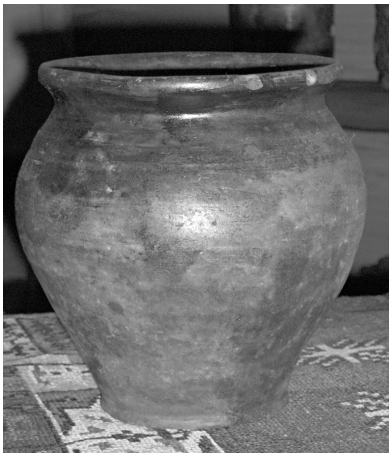

Рис. 2. Горшок. 1920–1940-е гг. МРКМ

лия и т. п. Если же это буква, то она могла символизировать инициалы гончара.

По архивным, этнографическим и устным источникам гончарство на территории Романовского района не зафиксировано. Информаторы сообщают, что глиняную посуду привозили из других районов. Судя по форме (рис. 1, 2) и орнаменту, пять предметов были привезены из Мамонтовского района (РРКМ, ОФ 14, 15, 37/2, 37/6, 106/11). Подобные экземпляры имеются в фондах Мамонтовского районного краеведческого музея (МРКМ). На территории этого района в конце XIX – первой половине XX вв. существовало несколько гончарных центров. Для керамики из Мамонтовского района характерно небрежное нанесение орнамента, когда прочерченная вокруг сосуда линия не замыкается в ровное кольцо (рис. 3–5). Формы предметов также идентичны мамонтовской керамике. Корчага (РРКМ, НВФ 65) по форме аналогична предметам из Волчихинского района, где в 1920–1940-е гг. также было развито гончарство (рис. 6, 7). Возможно, остальные предметы были привезены из Завьяловского и Родинского районов, где в 1920–1940-е гг. тоже бытовал гончарный промысел.

Функционально керамика представлена кухонной посудой. Она предназначалась для приготовления и хранения продуктов и напитков. Кринки использовались для хранения и томления молока, отстаивания сметаны. В кувшинах хранили воду, квас, молоко. В корчаге могли держать воду, зерно. Корчага с носиком предназначалась для хранения дегтя, хотя

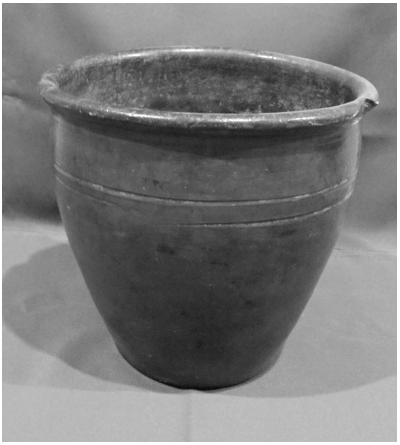

Рис. 3. Горшок-«колыванка» (укр. «макитра»). 1920–1940-е гг. РРКМ, ОФ 14

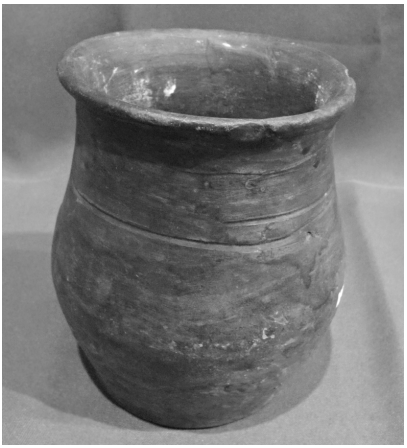

Рис. 4. Горшок. 1920–1940-е гг. РРКМ, ОФ 106/11

в основном сосуды подобной формы использовали для приготовления пива, хранения жидкостей. В горшках готовили каши, супы, томили молоко, отстаивали сметану. В горшке-колыванке ставили тесто (РРКМ, ОФ 14, рис. 3). При передаче в музей сдатчик назвал этот горшок «макит-

Рис. 5. Кринка. 1920–1940-е гг. МРКМ

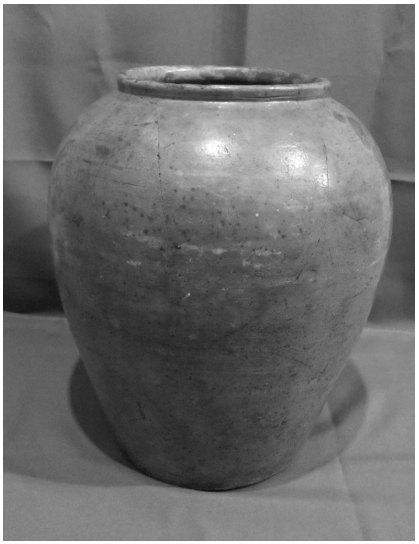

Рис. 6. Корчага. 1920–1940-е гг. РРКМ. МВФ 65

рой». Это говорит о том, что колыванка использовалась в украинской среде, где горшки подобной формы бытовали под названием «макитра».

Рис. 7. Корчага. 1920–1940-е гг. ВРИКМ им. В. М. Комарова

Особый интерес представляет расписной сосуд (РРКМ, ОФ 570) (рис. 8). Необычна не только роспись, но и его форма. Он имеет профилированное дно диаметром 15 см, шарообразное тулово, ручку. Горлышко отбито. Вероятно, оно было очень узким, так как диаметр скола составляет 4,5 см. Высота сосуда — 26,5 см. По форме и размерам сосуд напоминает традиционную украинскую кубышку — «тикву», «тыкву», «тыквач» [2, с. 218–219]. Кубышка теплого коричневого оттенка, покрыта прозрачной глазурью. На плечиках и на придонной части нарисовано по две темно-коричневые параллельные линии. На тулове расположен узор, который представляет собой вьющееся растение с желтыми бутонами и крупными цветами, зелеными листьями. Контур изображения — темно-коричневый. Над растением надпись «1874». Возможно, это год изготовления. По технике и стилю исполнения узора можно предположить, что кубышка была привезена переселенцами из Черниговской губернии, где находился один из крупнейших гончарных центров Украины. С XVII в. на территории Украины была распространена техника рожкованных росписей. Контур изображения наносился цветными ангобами по подсушенному предмету при помощи особого инструмента — «рожка». В Черниговской губернии на протяжении всего XIX в. существовал стиль умеренной рожкованной росписи, построенный на выведении контура коричневым ангобом с последующим дополнением пятнами желтого и зеленого цветов. Основны-

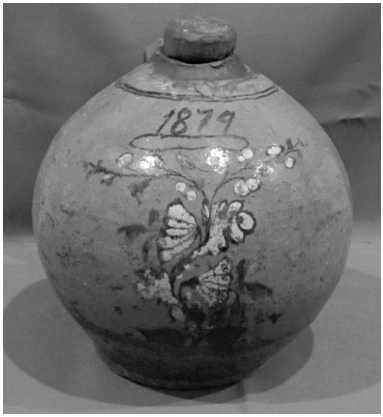

Рис. 8. Кубышка (укр .«тыква»). 1874 г. РРКМ, ОФ 570

ми сюжетами были букеты, цветы, порхающие птицы. Подобные кубышки использовали для подачи напитков на застольях [1, с. 150–151, 154], в них также носили воду или квас в поле во время сельскохозяйственных работ [2, с. 219].

Таким образом, изучение керамической утвари в собрании Романовского районного краеведческого музея показывает, что она представляет как общерусские, так украинские гончарные традиции. По формам, декору предметов прослеживаются связи с соседними районами. В связи с тем, что наличие гончарного производства на территории района выявлено не было, представляется актуальным дальнейшее сопоставление коллекции музея с собраниями других районных музеев.

Источники и литература

1. Лащук Ю. Ф. Стилистическая вариативность украинской народной керамики // Народное искусство. Исследования и материалы / сост. и науч. ред. И. Я. Богуславская. СПб., 1995. С. 146–155.
2. Могилянская С. Н. Гончарство в с. Батуриновке Семипалатинской губернии // Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии: материалы комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 16. С. 213–222.

Л. И. Никонова

Из истории некоторых населенных пунктов на Алтае и Красноярском крае, где проживает мордва: по результатам этнографической экспедиции 2001–2002 гг.

Итоги переписи населения 2002 г. показали, что численность мордвы в Сибири составляла заметный компонент в населении Алтайского (4769 чел.) и Красноярского (7526 чел.) краев. В связи с этим в 2001 г. этнографы д-р ист. наук, проф. Л. И. Никонова (руководитель экспедиции) и науч. сотр. М. С. Волкова провели этнографические экспедиции в Алтайский, Красноярский края. В 2001 г. в Красноярском крае ими были обследованы 6 районов, 9 населенных пунктов: д. Долженково Абанского, д. Михайловка Канского, с. Верхняя Коя и Большая Ничка Минусинского, д. Алексеевка Каратузского, с. Большая Салба Идринского, с. Галактионовка и с. Саянск Краснотуранского районов. В 2002 г. в Алтайском крае – 3 района, 10 населенных пунктов: пос. Октябрьский, села Таловка, Черепановск Змеиногорского района; пос. Мало-Енисейское, с. Сростки Бийского; пос. Никольский, села Борисово, Черемушкино, Малый Калтай, Камышенка Залесовского районов. В ходе этих экспедиций был собран обширный полевой и архивный материал, который стал основой коллективной монографии «Мордва Сибири». Приведем данные из истории некоторых населенных пунктов на Алтае, где проживает мордва.

Мордовское население до Великой Отечественной войны в Алтайском крае встречалось во всех населенных пунктах Залесовского района. В с. Большой Калтай мордва составляла $^1/_3$ часть жителей, а в с. Борисово, Малый Калтай, пос. Никольский, Камышенка население в основном было мордовским. К примеру, возникновение с. Черемушкино относится к середине XVIII в., а в 1757 г. этот населенный пункт в тайге предгорий Алтая был зафиксирован ревизией мужского населения. Согласно рассказам старожилов, населенный пункт получил свое название благодаря мельнику, которого за смуглую кожу и черные кудри прозвали «Черемушкой». Начиная с 1880-х гг. в. в село стали прибывать переселенцы из Пензенской, Пермской, Костромской и Тобольской губерний, среди которых была и мордва [2, с. 27]. После поражения революции 1905 г. в Сибирь хлынула новая волна переселенцев. В этот период зажиточная крестьянская верхушка стала добиваться выделения Черемушкина из Анисимовской волости и в 1908 г. добилась этого. Организации Черемушкинской волости во многом способствовала достаточно высокая развитость села в хозяйственном отношении – в селе было семь водяных мельниц, одна крупорушка для переработки проса и гречихи, три маслобойки и один кожевенный завод [2, с. 27–33]. В годы Первой мировой войны сельские богачи организовали в селе кредитное товарищество, в которое вошли 25 хозяйств-вкладчиков. Нуждающиеся брали в нем деньги в кредит, а возвращали с 10-процентной надбавкой. На полученную прибыль товарищество закупало сельхозинвентарь и давало его на работу крестьянам за новые прибыли или продавало по завышенным ценам. В 1920 г. волостное управление перевели в Залесово. Появились и первые коммуны, в числе которых были «Восход», «Муравей» и «Полевод».

Огромным испытанием для «черемшан», как и для жителей всей страны, явилась Великая Отечественная война. Многие жители села погибли, защищая Родину, оставшиеся в живых вернулись героями [2, с. 27–37]. В послевоенный период жизнь жителей села стала постепенно налаживаться, в колхозе вместо трудодней за работу стали выдавать заработную плату. В настоящее время Черемушкино входит в состав Залесовского района Алтайского края.

Мордовское старинное село Борисово (ныне Залесовского района Алтайского края) возникло в 1742 г. и зарегистрировано ревизией (переписью) в 1746 г. Как и другие села, началось оно с разведки ходоков, которые из-за безземелья в европейских губерниях уходили небольшими группами в Сибирь на поиски свободных земель. Отыскав подходящие земли по р. Татарка, уроженцы Симбирской и Пензенской губерний стали заселять этот благодатный край. На этих землях жили только три се-

мьи — старожилы Борисовы. Желающие ехать в Сибирь распродали свои жилые постройки, хозяйство и через месяц добрались к месту нового жительства. Все прибывшие на новые земли переселенцы были мордвой-эрзей. За свою немалую историю поселение имело два названия: Борисово, затем Татарка — по названию речки, и вновь Борисово. После завершения строительства церкви в конце XVIII в. поселение стало считаться селом [2, с. 53].

Довольно подробную историю села поведала первая сельская учительница Дарья Ивановна Абол (в девичестве Дорогайкина). Она вспоминает, что первую школу пытались открыть в 1912 г., но учитель из-за незнания мордовского языка через неделю уехал. Школу вынужденно открыли позднее. Жизнь самой Дарьи Ивановны весьма интересна, ее историю можно привести в качестве примера того, в каких трудных условиях приходилось пробивать себе дорогу выходцам из мордовского края в Сибири. Во время массового переселения жителей с. Косогоры Симбирской губернии и с. Гузынцы Пензенской губернии на Алтай в начале XX в. семья Дарьи Ивановны до Борисово не доехала — в дороге закончились деньги. Пришлось остаться на временное жилье в одном из трактовых поселков. Вот что рассказала сама Дарья Ивановна: «Родители стали поденщиками у богатых крестьян. Подрастая, и мы, две сестры, помогали родителям зарабатывать на пропитание. За зимнюю поденную работу отец купил баню, ставшую нашим собственным тесным домом до 1911 г. В Белоярске была школа, которую, к счастью, мы с сестрой окончили успешно. В Барнауле в то время открылось Александровское училище. Мать много пролила слез от насмешек над нею: „Сама ходишь в заплатах, а дочек учишь. У нас полные амбары хлеба, и то детей не учим — они прядут пряжу, помогают ткать холсты. А ты учишь... перебиваясь с кваса на квас...“» [2, с. 54].

Конечно, учеба не давалась легко. Но она стала первой учительницей в с. Борисово. В Борисово открывать школу пришлось на пустом месте. Так, в 1913 г. были заказаны парты, для занятий наняли у крестьянина половину дома из двух небольших комнат. В первый класс принимали вначале не знавших грамоты подростков с восьми лет и старше. Дети не знали ни одного русского слова, пришлось учить на мордовском. «Одежда детей сплошь холщовая, на некоторых девочках ситцевые платья, но очень длинные, подпоясанные веревочками; это значит — достались донашивать от более старших девчат...» [2, с. 55–58]. Тем временем в Борисово продолжался приток мордовского населения: из сел Косогоры, Гузынцы (ныне села Большеберезниковского района Мордовии), Мокшалей (Чамзинский район). До Великой Отечественной войны в Борисов-

ский сельсовет входило 36 населенных пунктов с населением 4313 человек. На этой территории было организовано 14 колхозов, два из которых носили мордовские названия: «Эрзя» и «Якстере Теште». В настоящее время (по состоянию на 2002 г.) в с. Борисово Залесовского района Алтайского края мордва составляет 80% от общего числа населения, или около 740 человек. В селе 340 хозяйств, из них 226 мордовских, 76 смешанных (мордовско-русских). Кроме того, мордовское население имеется во входящих в Борисовскую сельскую администрацию поселках: в пос. Никольский – 165 человек при общем населении поселка в 179 человек и в пос. Пролетарская Крепость – 26 человек при общем населении поселка 208 человек. В целом в Борисовской сельской администрации мордва составляет около 70% населения (930 человек) [2, с. 60–73]. Кроме вышеперечисленных населенных пунктов, где имеется мордовское население, в Бийском районе Алтайского края находились также с. Талица и пос. Прогресс – в колхозах этих населенных пунктов до войны среди русского населения работали 73 мордвина и 75 украинцев [2, с. 77].

В Красноярском крае мордовское население проживает в таких населенных пунктах, как с. Большая Салба Идринского района, Большая Ничка Минусинского района, Георгиевка Канского района и др. К примеру, Алексеевка образовалась в период реформаторской деятельности П. А. Столыпина в лесостепной зоне Енисейской губернии. Первые жители были родом из Тульской и Вятской губерний. Вскоре после образования в деревню стали прибывать переселенцы из районов современной Мордовии. Так, например в 1918 г. в Алексеевку переселилась семья Девяткиных. Мордва ставила свои дома на окраине деревни, обособленно от других жителей. Впоследствии, по словам информатора К. П. Девяткина [4], русское население в основном покинуло населенный пункт, и Алексеевка стала преимущественно мордовской деревней. Из русских в Алексеевке остались лишь те, кто был связан родственными связями с мордовским населением. Из-за скудности пахотных земель в окрестностях населенного пункта жители Алексеевки вынуждены были заниматься промысловой деятельностью: летом производили деготь из бересты, зимой изготавливали деревянные лопаты, торговали берестой. В период коллективизации в селе организовали коллективное хозяйство. Многие из-за реквизиции в колхоз скота и раскулачивания покинули Алексеевку. В деревне в середине 1930-х гг. осталось приблизительно 15–20 дворов. Много несчастий принесла жителям деревни Великая Отечественная война: 23 уроженца Алексеевки погибли на фронте.

Село Большая Ничка находится в 32 км от г. Минусинска. Село возникло на территории Минусинской котловины в 1846 г. у истока реки,

по которой и получило название. Первыми жителями ее были переселенцы из европейской части России, в основном русские. Основными занятиями первых переселенцев были земледелие и животноводство с побочным ремесленничеством. С 1920-х гг. стали прибывать переселенцы из уездов, вошедших затем в Мордовию. В 1926 г. в селе было 197 хозяйств и 925 жителей; в 1931 соответственно 224 и 963. В 1930-е гг. деревня получила статус села. С 1960-х гг. в колхозе велось большое строительство жилых и общественных объектов. В настоящее время национальный состав населения: 84% русских; 14% – мордва, среди прочих национальностей – корейцы, немцы, марийцы [1, с. 184–186].

Исходя из кратких сведений, основанных на архивных данных, результатах полевых исследований, собранных в этнографической экспедиции 2001–2002 гг., можно сказать, что становление и развитие мордовской диаспоры Сибири – очень сложный и длительный процесс, охватывающий период с середины XIX в. До отмены крепостного права мордовское население Сибири было незначительным, причем основная масса мокшан и эрзян обосновалась в крае, вероятно, после 1852 г., когда было разрешено официальное переселение, но более активно – с 1860-х гг. Не всегда населенные пункты основывались ими. Переселение мордвы осуществлялось и в XX в., причем они являлись основателями некоторых населенных пунктов (с. Борисово на Алтае), но чаще вселялись в ранее образованные села (пос. Октябрьский, с. Малоенисейское). Переселенческое движение мордвы в сельские районы Сибири заметно увеличилось в период освоения целинных и залежных земель (1954–1960 гг.).

Источники и литература

1. Земля Минусинская. Красноярск, 1998. 191 с.
2. Коновалов М. Т. Деревня моя ненаглядная. Залесово, 1992. 125 с.
3. Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2007. 312 с.
4. ПМА: Девяткин Константин Петрович. 1930 г. р. г. Новосибирск Новосибирской области. 2002 г.

М. А. Овчарова

Характеристика мордовского комплекса одежды из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея[1]

Изучение традиционной одежды переселенческих этносов Сибирского региона является актуальным направлением, поскольку, оказавшись

[1] Работа выполнена при поддержки РГНФ. Современные этнокультурные процессы в среде мордовского населения Западной Сибири. № 10-01-00574м/Мл.

в иноэтнической среде, они быстро впитывали особенности культурного быта окружающего населения. В настоящее время в обыденной жизни традиционные костюмы украинцев, белорусов, мордвы являются редкостью, с ними можно познакомиться главным образом в экспозициях музеев.

Большая часть предметов мордовской материальной культуры, хранящихся в музейных фондах, привезена в Сибирь из регионов Поволжья (одежда, обувь, разные украшения). Это связано с рядом факторов, одним из которых являлся достаточно сложный процесс изготовления комплекта мордовской женской одежды (свадебная, повседневная, женская, девичья и др.). Обычно для каждого из них, помимо ткани (лен, конопля), требовалось много нитей для вышивки, бисера, монет, раковин каури, парчи. Наиболее трудоемкими процессами были вышивка и изготовление украшений. Не зря невеста начинала готовить себе приданное с 15 лет. На изготовление одной рубахи и головного убора уходил не один год. Сложный и тяжеловесный женский костюм, особенно его праздничный вариант, подчеркивал широко почитаемые в мордовском народе здоровье, силу и выносливость женщины. Благодаря такому костюму индивидуальные особенности фигуры нивелировались и подгонялись под устоявшиеся в народе представления о красоте [4, 14].

Переселения мордвы на территорию Сибирского региона происходило в несколько этапов и из разных регионов Поволжья. В Сибирь с переселенцами прибывали различные комплексы традиционной одежды эрзи и мокши, имеющие четкие различия. Разные переселенческие потоки также привозили одежду, различающуюся по времени изготовления. Например, в коллекциях музеев (Алтайский государственный краеведческий музей, Государственный художественный музей Алтайского края) нам удалось зафиксировать предметы одежды, относящиеся ко второй половине XIX в. Это в основном эрзянские вещи: рубаха, руця, головной убор «панго», набедренное украшение «пулай с валиком». Другая часть предметов в основном относится к концу XIX — первой четверти XX в., среди них преобладают мокшанские вещи. Такая сохранность вещей во многом связана процессом переселения мокши и эрзя в Сибирский регион. На первых этапах массового переселения (вторая половина XIX — начало XX в.) численность эрзи и мокши была равной. На последних этапах (1920–1940-е гг.) среди мордовских переселенцев из Поволжья в основном преобладали мокша. К этому добавляется еще один исторический аспект, связанный уже с особенностями сохранности эрзянского и мокшанского комплекса одежды. Исчезновение национального костюма у мордвы-мокша и мордвы-эрзя в районах Поволжья произошло в

разное время. На большей части территории Поволжья мордва-эрзя перестала носить традиционный костюм еще в конце XIX — начале XX вв. К концу 1950-х гг. уже редко встречались эрзянские женщины, носившие традиционные белые рубахи и халаты. Во многих эрзянских селах переходным к современному платью был русский народный костюм, который носили в соседних русских селах [3, с. 6].

У мордвы-мокша в 1950-е гг. национальный костюм был еще широко распространен. Однако мокшанский костюм 1950-х гг. отличался от костюма XIX в. Старинные головные уборы заменялись разнообразными платками, изменилась и упростилась вышивка на рубахах, которые были сшиты уже не из домотканого холста, а из фабричной ткани. В украшениях лишь изредка встречались белые раковины каури, стеклярус, старинный бисер. Их сменили пуговицы, стеклянные и пластмассовые бусы. Однако общий своеобразный стиль костюма продолжал сохраняться [2, с. 6].

В настоящем исследовании мы остановимся на описании коллекции эрзянского и мокшанского костюма, представленной в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея (далее НГКМ). Коллекция предметов материальной культуры мордвы в фондах НГКМ комплектовалась главным образом в ходе экспедиций по изучению этнографии народов Сибири в 1920–1930-е гг. Это были экспедиции научных сотрудников музея Н. Н. Нагорской (Алтай, 1926 г., Новосибирская область), С. И. Орлова (Туруханский край, 1927, 1929, 1932 гг.), Е. Н. Орловой (Нарым, Васьюган, 1925 г.) и др. [3].

Традиционная одежда мордвы получила полное описание в историко-этнографических публикациях XIX — начала XX в. Исходя из устоявшейся классификации, в этнографической науке принято говорить о традиционных эрзянском и мокшанском подтипах комплекса мордовской одежды, каждый из которых имеет не менее полутора десятков разновидностей. По классификации В. Н. Белицер, выделяются следующие категории одежды: верхняя плечевая (халаты, шубы, кафтаны, зипуны), нижняя плечевая (рубахи, платья), нижняя поясная (юбка, штаны), головные уборы, обувь, украшения и дополнительные элементы одежды [3, с. 120].

В нашей работе основное внимание будет уделено женской традиционной одежде, поскольку мужской костюм у мордвы еще в XVIII в. утратил многие самобытные черты. В настоящее время в музейных коллекциях очень редко встречаются элементы мужского костюма. При исследовании яркой и своеобразной женской мордовской одежды основной задачей являлся анализ материала, специфики покроя одежды, формы

головных уборов, различий в расцветке, технике вышивки, позволяющий отнести предметы к отдельным локальным группам мордвы (культурным комплексам), каждая из которых имеет свою специфику.

В фондах НГКМ имеется комплект мокшанской женской одежды, который по покрою, специфике расположения вышивки, головному убору и др. характерен для северо-западной группы мокши. Эта группа мокши расселена в основном в селах Темниковского и Ельниковского районов, северо-западной части Краснослободского района, северной части Атюрьевского района и некоторых других [3, с. 185]. Для этого комплекса была характерна туникообразная рубаха с клиньями в рукавах и вышивкой на плечах. Со временем эта рубаха стала только нательной. Поверх нее все чаще надевали своеобразное платье — *нулу* или закрытый, с рукавами, передник *сапоня*, поэтому количество вышивки на рубахах уменьшалось.

В коллекции НГКМ представлены праздничная и повседневная рубахи мордвы-мокши (*панар*, *щам*), по покрою характерная для северо-западной группы мокши. Праздничная мокшанская рубаха (ОФ. 2279) была привезена экспедицией С. И. Орлова из Туруханского края (1932 г.). Повседневная классическая женская рубаха мокшанского кроя (конец XIX — начало XX в.) была привезена экспедицией Н. Н. Нагорской с Алтая (1926 г.). Покрой туникообразный, сшита на руках белыми льняными нитками из отбеленного домотканого льняного холста. Украшена вышивкой, выполненной льняными нитками красного и черного цветов.

В коллекции НГКМ представлено традиционное для северо-западного комплекса мордвы-мокша платье нула, которое, как правило, носили поверх рубахи. Нулу, сарапон стали носить в 1930-х гг., но более широкое распространение этот вид одежды получил в послевоенные годы. В таких мокшанских районах Мордовии, как Ельниковский, Темниковский, Торбеевский, платье, надеваемое поверх белой рубахи, называли «сарапон». Нулу, как правило, шили из фабричных тканей, сатина. У девушек и молодых замужних женщин нула была розового, красного или бордового цвета.

Как правило, белая рубаха полностью закрывалась *сарапоном*. Нижняя рубаха в этих районах постепенно утрачивает вышивку. Нулу, сарапон повсеместно стали носить с 1930-х гг. В коллекции НГКМ представлен сарапон (ОФ. 19235). Платье датируется началом XX в., было привезено историко-бытовой экспедицией в 1982 г. из д. Чебаки, Северного района Новосибирской области. Сшито из фабричного бордового ситца.

Частью традиционного костюма мордовок являлся передник (фартук). Имелись специальные праздничные передники. Их цвет и отделка

менялись в зависимости от возраста женщины. Девушки, молодые женщины носили передники более ярких цветов (красного, зеленного, малинового), чем пожилые. Передники молодых обильно украшали полосками разноцветной ткани, лентами, позументом, вышивкой. По покрою женские передники мордвы можно разделить на передники без нагрудника, передники с нагрудником, закрытые передники с рукавами. Все три вида встречались как у эрзи, так и у мокши. Согласно исследованиям ученых, наиболее ранним видом был передник без нагрудника, более характерный для мордвы-эрзя. В НГКМ представлены два схожих эрзянских передника без нагрудника (1950-х гг.), которые были изготовлены в Пензенской области (ОФ. 16589/69; ОФ. 16589/63). Они были привезены историко-бытовой экспедицией музея в 1977 г. из д. Бергуль Куйбышевского района НСО. Передала их сама автор Л. Б. Левечева, переселившаяся в д. Бергуль из Пензенской области в 1965 г.

Закрытый передник с рукавами был более типичен для мордвы-мокша. Молодая женщина надевала его первый раз на свадьбу, а затем носила по праздникам до рождения первого ребенка. В коллекции НГКМ представлен мокшанский передник с рукавами (ОФ. 2277). Был привезен экспедицией С. И. Орлова из Туруханского края в 1929 г., датируется второй половиной XIX в. Он известен под названием «запон». Сшит из домотканой розовой пестряди на кокетке, с длинными рукавами.

Юбка не входила в комплекс традиционного мордовского костюма. Однако она сыграла значительную роль при переходе от традиционного костюма к современному типу одежды. Мордовские женщины стали носить юбки еще с начала XX в., особо они распространились за пределами Мордовии. Шили их из шерстяной, холщовой, хлопчатобумажной ткани, позднее стали использовали фабричные ткани, в основном сатин. Сначала юбки шили из шести полотнищ шерстяной ткани. Большую часть сборок делали сзади. Такие юбки, как правило, носили в прохладную погоду, иногда надевая поверх еще и ситцевую юбку. К середине XX в. юбка в основном приобретает вид обычной, характерной для всех, состоящей из четырех полотнищ.

В НГКМ представлено несколько вариантов юбок из разных тканей. Одна из них сшита из шерстяной ткани (ОФ. 16589/58). Датируется XIX — началом XX в. Такую юбку носили как праздничную одежду в зимнее время. Помимо этого, в фондах музея имеется еще три юбки, которые одинаковы по покрою, сшиты из красного, вишневого, малинового сатина на швейной машинке и датируются серединой XX в. (ОФ. 16589/62; ОФ. 16589/65; ОФ. 16589/64). Они были привезены экспедицией из д. Бергуль Куйбышевского района Новосибирской области в 1977 г.

Одновременно с сарафаном и платьем у мордовских женщин появляется кофта. Носили ее поверх сарафана с юбкой. Кофту носили из той же ткани, что и юбка. В фондах представлена кофта, сшитая на машинке из красного сатина (ОФ. 16589/66). Она была привезена вместе с юбкой из д. Бергуль Куйбышевского района Новосибирской области в 1977 г. Принадлежала переселенке из Пензенской губернии Л. Б. Левичевой, которая переехала в д. Бергуль в 1965 г.

В фондах НГКМ представлено несколько вариантов мордовской женской верхней одежды. *Пониток* и *сумань* (ОФ. 14925/20; ОФ. 12941) схожи по типу кройки и представляют собой туникообразную распашную одежду, но сшиты из разной ткани: пониток — из шерстяной (черные и коричневые нити), а сумань — из льняной. Производство сумань относится к концу XIX в. Привезен экспедицией из с. Урез Венгеровского района НСО (1968 г.). Принадлежал мастеру Анисье Васильевне Гавриловой. Сшит из домотканого толстого грубого холста, сотканного из белых льняных нитей основы и темно-коричневых нитей утка.

Важным атрибутом женского костюма у мордовских женщин являлся головной убор. Он играл существенную роль в общем комплексе народного костюма. Кроме эстетического и практического значения, головной убор должен был строго соответствовать возрасту женщины, отражая ее положение в семье и обществе [2, с. 139].

Головные уборы у мордвы, как и прически, были различными у девушек и женщин. Самыми распространенными головными уборами девушек-мордовок были налобная повязка, вышитая или обшитая бисером, венок из искусственных цветов. Головные уборы у женщин были более разнообразными. Они различались по конструкции, материалу, по назначению (для свадьбы, для первых лет замужества, для женщин среднего возраста, для пожилых). Кроме того, головные уборы женщин эрзи и мокши имели существенные различия, в том числе и территориальные. Характерные различия между эрзянскими и мокшанскими уборами женщин отметил еще И. Г. Георги: «Мокшанки разнятся от эрзянок следующим только нарядом. Бабьи шапки делаются у них не столько высокие и вышиваются просто» [2, с. 147].

Одним из самых распространенных видов головного убора женщин, характерного как для эрзи, так и для мокши, но имеющего множество разновидностей, являлась *панга*. В фондах НГКМ представлен вид «панга», характерный для северо-западной группы мордвы (в основном территория Темниковского района Мордовии) (ОФ. 1199). Этот вид называется «бабань панга» и является наиболее ранним видом мокшанского головного убора, вышедшим из употребления в конце XIX в. Данный го-

ловной убор был куплен в 1926 г. у жителя г. Новосибирска И. К. Истомина. Датируется серединой XIX — концом XIX в. Представляет собой холщовый чепец ручной работы, трапециевидной формы, с лопастью, которая спускалась на спину. Такой головной убор укрепляли на голове с помощью тесемок. Надевали «бабань пангу» непосредственно на скрученные в два узла волосы. В XIX в. ее носили и молодые, и пожилые женщины, но у последних вышивка была более скромной. «Бабань пангу» покрывали платком. Как отмечает Н. И. Спрыгина, в прошлом нарядно вышитую «бабань пангу» дарила молодая сноха своей свекрови [5, с. 18].

Разнообразием отличались поясные украшения. В фондах музея представлен очень интересный экспонат — эрзянское поясное украшение девушек и замужних женщин *пулагай* (пулай, пулокаркс). Имелось несколько различных видов пулагая, которые можно разделить на две группы: пулагай без валика и пулагай с валиком. Наиболее старым видом считается пулагай без валика — *пулокаркс*, бытовавший в первой половине XIX в. у мордвы-эрзя, проживавший в основном на территории Казанской и Самарской губерний. Поэтому данные экземпляры в основном хранятся в музеях. В НГКМ представлен вид поясного украшения без валика — пулокарс, который был привезен экспедицией Н. Н. Нагорской с Алтая (1926 г.) (ОФ. 2080).

Важным аксессуаром мордовского женского костюма являлись различные нагрудные украшения в виде воротников, бус, брошей и др. Их делали из бисера, крупных бусин, стекла, медных цепочек и монет. В коллекции НГКМ представлено нагрудное украшение, так называемый бисерный воротник, характерный для мордвы-мокша (ОФ. 2380), привезенный экспедицией С. И. Орлова из Туруханского края (1932 г.). Подобного вида украшения были распространены в северо-западных районах Мордовии (северо-западный комплекс) и назывались «цифкс» или «тифкс». Наиболее ранние их экземпляры относятся к середине XIX в. Это украшение представляет собой большой круглый воротник на холщовой подкладке, снизанный из разноцветного бисера. В XX в. он становится меньше и приобретает трапециевидную форму. Его нижут из разноцветного бисера, добавляя ряды бус, пуговиц, ракушек каури, монеты.

Из нагрудных украшений в коллекции музея представлены и бусы. Вообще бусы как у мокши, так и у эрзи были самым разнообразным и очень распространенным украшением. Иногда бусинки нанизывали на одну нитку, но чаще — на три или даже на пять ниток и скрепляли их вместе. Большую группу украшений типа ожерелий у эрзи и мокша составляют гайтаны, которые имеют разнообразную форму и рисунок. В коллекции музея имеется гайтан, который относится к северо-запад-

ному комплексу мордвы-мокша (ОФ. 2067). Привезен С. И. Орловым из экспедиции в Туруханский край в 1927 г. Гайтан относится к старинным видам нагрудных украшений [19]. Представленный в коллекции музея гайтан состоит из одной нитки черного и прозрачного стекляруса, так называемого хрусталя, с подвешенными к ней на медных цепочках жетонами. Традиционным для гайтана являлся подвешенный крест, который в данном украшении отсутствует.

Таким образом, уникальный мордовский комплекс, хранящийся в фондах ГБУК НСО НГКМ, включает более 30 предметов, относящихся к концу XIX — середине XX в. Одной из его особенностей является собрание вещей, которые характерны для определенной группы мордвы. Очень показательно, что основная часть комплекса была сформирована в годы начала этнографического исследования Сибирского региона такими учеными, как Н. Н. Нагорская, С. И. Орлов, Е. Н. Орлова. В коллекции полностью представлен женский костюм (праздничной и повседневной рубахами) северо-западной группы мордвы-мокша. Уникальными являются украшения, головной убор, нагрудные украшения и др. К сожалению, неполнота источников не дает возможности точно датировать время появления, место выхода владельцев мордовской одежды из рассмотренной в статье коллекции.

Источники и литература

1. Архив ГБУК НСО НГКМ. О историко-этнографических экспедициях (1920–1930 гг.).
2. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973.
3. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы // Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3. М.: изд-во АН СССР, 1976. 215 с.
4. Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья — Мокшин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 140 с.
5. Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 г. 1928 г. (Средне-Волжский Пензенский областной музей). Вып. 3. Пенза, 1929. С. 18–56.

И. В. Октябрьская, С. К. Сураганов

Художественный войлок казахов Сибири и Алтая: традиции и современность

Данная работа опирается на материалы экспедиции, проведенной в июне 2010 г. в Кош-Агачском р-не Республики Алтай (РА) в рамках Соглашения о сотрудничестве между Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева МОН РК (Казахстан, г. Астана) и Институтом археологии и этнографии СО РАН (РФ, г. Новосибирск) от 9 ноября 2009 г., а также научной стажировки, обеспечиваемой международной

стипендией Президента Республики Казахстан «Болашак». В ходе экспедиции были зафиксированы и обработаны материалы из коллекций музея с. Жана-Аул и музея средней школы с. Тобелер, а также из семейных собраний 13 мастериц сел Кош-Агач, Жана-Аул и Тобелер – в общей сложности более 300 изделий.

О традициях изготовления казахского художественного текстиля еще в 1970-е гг. на территории Казахстана писали многие исследователи. Сегодня наблюдается угасание народных (домашних) текстильных промыслов. Тем не менее можно выделить несколько ареалов их распространения. Это Западный Казахстан, Северный, Центральный, Восточный, Южный Казахстан, Сырдарья и Жетысу.

За пределами основного этнического массива традиции изготовления художественного текстиля до середины XX в. еще сохранялись у казахов Западной Сибири и Южного Алтая, сегодня они наблюдаются только у кош-агачской группы казахов. Впервые в сферу исследовательских интересов этот этнолокальный промысел попал в 1950-е гг. (Каплан Н. И., 1961). Системное описание художественного текстиля алтайских казахов было предпринято в ходе комплексных экспедиций ИАЭТ СО РАН второй половины 1990-х гг. Сравнительный анализ материалов во временном интервале 1990–2010 гг. позволил определить основные тенденции в развитии этого вида производства.

Традиционно в казахской культуре изготовление художественного текстиля, прежде всего узорных войлоков, входило в структуру женских промыслов, связанных с переработкой животного сырья. У казахов Южного Алтая до настоящего времени обработка шерсти, изготовление войлоков и вышивка носят характер домашнего производства. Но в последнее десятилетие обозначилась тенденция профессиональной специализации. Появилась категория мастериц, работающих на заказ, на продажу.

В ходе экспедиции были изучены хранящиеся в казахских семьях коллекции вещей, технологии и стилистические приемы наиболее известных мастериц Чуйской степи.

Те, кто сегодня продолжает сохранять традиции изготовления художественного текстиля, принадлежат преимущественно к среднему и старшему поколению. Их изделия высоко ценятся земляками. Многие мастерицы являются участницами районных, республиканских и международных выставок и фестивалей. Их творчество является предметом изучения в средних школах Кош-Агачского р-на РА. Промысел, безусловно, является престижным и все более приобретает характер товарного производства.

Репертуар традиционных войлоков казахов Чуйской степи не остается неизменным. Видимо, к середине XX в. в регионе прекращается изготовление бытовых предметов из войлока (сумки, футляры и пр.), чуть позже — войлоков для покрытия юрты. В последние десятилетия новые юрты приобретаются у казахов пограничных районов Монголии, где их производство поставлено на промышленную (кустарную) основу.

Меняются стандарты бытовой культуры, но искусство узорных войлоков остается актуальным для алтайских казахов. При сохранениии традиционных технологий (стрижка, очистка, промывка, прядение, крашение, валяние шерсти; раскрой и сшивание войлоков) качество изделий меняется, так как в результате смешения поголовий алтайских тонкорунных и монгольских грубошерстных овец меняются свойства сырья.

Из войлочных постилочных ковров у казахов Южного Алтая до настоящего времени бытуют *текеметы*, *тосек киизы*, *сырмаки*. Широко распространенные прежде текеметы — большие войлоки, украшенные вкатанным узором, — становятся редкими. Новых текеметов в Кош-Агачском районе РА сегодня не производят. Их исключили из состава приданого. Оставшиеся экземпляры хранятся в домах как семейные реликвии.

В последние десятилетия была модифицирована техника и стилистика изготовления тосек киизов — постельных войлоков, остающихся обязательным элементом супружеской постели. Тосек киизы также известны казахам граничащих с Российским Алтаем районов Китая и Монголии. Прежде тосек кииз казахов Южного Алтая представлял собой матрас из черной и белой войлочных пластин, простеганных и обшитых по краю кумачом. Сегодня войлочная основа матраса зашивается в глухой чехол из дорогой ткани (атласа, велюра и др.) и украшается вышивкой или тканевой аппликацией.

Наиболее устойчивым видом узорных войлоков казахов Южного Алтая остаются *сырмаки*. Сырмак — постилочный ковер, соединенный из двух пластин войлока путем простежки; его верхний слой декорирован в технике инкрустации или накладной аппликации полихромными орнаментальными мотивами, место соединения которых закрывается шерстяным шнуром.

В настоящее время сырмаки изготавливают прямоугольными, квадратными, круглыми, овальным. Есть основание считать, что круглые сырмаки появились в Кош-Агаче в 1950–1960-е гг. На протяжении нескольких десятилетий эта форма была интегрирована в традиционную культуру алтайских казахов. Круглые сырмаки (до 2 м в диаметре) сегодня широко используются в декорировании жилища. Они имеют одно-

частные концентрические композиции и отличаются крупными полихромными узорами.

Практически все мастерицы Кош-Агачского р-на РА делают сегодня небольшие (1 м в диаметре) сырмаки — *маяуза* и *тизе сырмак*. Они также характерны для монгольских и китайских казахов. Коврики предназначаются для пожилых людей. Название «маяуза» связано, возможно, с их изготовлением из верблюжьей шерсти (*мая* — «верблюдица») или с обычаем складывать войлочные ковры стопкой (*мая* — «стог»). Изготовление миниатюрных сырмаков связано с сохранением традиционного быта, когда домочадцы во время ритуальных трапез или отдыха сидят на расстеленных на полу ковриках.

В последние годы наряду с круглыми сырмаками появились ковры овальной и квадратной формы (как подражание фабричным образцам), декорированные в традиционном стиле. Но преобладающими у казахов Южного Алтая остаются все же традиционные прямоугольные сырмаки. Они имеют преимущественно средние размеры (1×2 м, 1,20×2,50 м), декорируются с использованием простежки (имеющей самостоятельное декоративное значение), инкрустации, шнуровой вязи, аппликации.

В XX в. из обихода казахов Алтая исчезли кестели сырмак (вышитые сырмаки). Сырмаки, выполненные в технике *битпес* — расшивки шерстяным шнуром (*жиек*) — стали большой редкостью, но еще сохраняются в домах и создаются наиболее опытными мастерицами Кош-Агачского р-на РА. В обиходе по-прежнему используются маленькие лоскутные коврики — *курак сырмак,* которые, по всей видимости, имеют древнее происхождение в кочевых культурах.

Стилистику сырмаков определяют замкнутые и открытые композиции. Ранее у казахов Южного Алтая преобладали сырмаки с пятичастной композицией (*бес болиги бар*) с выделением: *орта* («середины»); *еки басы* («две головы»), или *еки алаканы* («две ладони») — двух коротких бордюров; *еки жаны* («два бока») — двух длиных бордюров. Бордюр традиционно окаймляет центральное поле, которое в алтайских войлоках не доминирует, в отличие, например, от войлоков Центрального Казахстана. Бордюры одного ковра представляют собой зеркальные варианты одного мотива со сменой позитива и негатива. К скомпонованному из пяти частей ковру пришивается край (*шет*). Подобные сырмаки и сегодня преобладают на Алтае. Они были характерны также для Восточного Казахстана, хотя в настоящее время войлочное производство в этом регионе практически исчезло.

Сравнение материалов конца 1990-х гг. с современными позволяет говорить о значительном увеличении в обиходе казахов числа сырмаков с

одночастной открытой композицией при одновременном укрупнении узоров. Также в отношении сырмаков казахов Южного Алтая можно говорить об изменении их орнаментального и цветового строя. По-прежнему популярными орнаментальными мотивами являются: *кус мурун* (птичий клюв), *жылан басы* (голова змеи), *кошкар муиз* (бараний рог). Опрос кош-агачских ковровщиц показал, что различные вариации роговидного узора занимают доминирующее положение в их репертуаре.

Современные кош-агачские сырмаки отличает полихромность. Яркие красочные сырмаки традиционно делали в Семиречье, а с 1930-х гг. сырмаки из цветного войлока находят широкое распространение и в Восточном Казахстане. Цветовое разнообразие пришло на смену традиционной для казахов гамме: *ак ала сырмак* (бело-пестрый), *кызыл ала сырмак* (красно-пестрый сырмак), *кара ала сырмак* (черно-пестрый сырмак). Сырмаки с использованием шерсти натуральных тонов в Кош-Агачском районе почти перестали делать уже в 1990-е гг., но они и сегодня сохраняются в казахских домах. В конце XX в. наиболее престижными на юге Алтая были ковры в желто-красно-зеленой гамме. Современные сырмаки отличаются смелостью цветовых решений — сочетанием контрастных розовых, бирюзовых, оранжевых, голубых, фиолетовых и прочих тонов.

Одной из характерных особенностей современных узорных войлоков казахов Южного Алтая является распространение накладной аппликации (*бастырма*). Одновременно происходит расширение репертуара изделий за счет появления аппликационных ковров из ткани — сукна, вельвета и пр. В их оформлении преобладают традиционные орнаментальные мотивы.

Из общего ряда выделяется настенное панно А. Туякбаевой в с. Тобелер — на его зеленом поле алым бархатом выполнен орнаментальный сюжет, в который включены изображения хищных птиц с трилистником в клювах. Тенденция смены орнаментальной композиции реалистичными изображениями лишь обозначилась в современном ковроделии казахов Южного Алтая. Однако подобные формы еще в 1980–1990-е гг. были характерны для настенных тканевых аппликационных гобеленов казахов Восточного Казахстана.

Значительной трансформации подверглись казахские традиционные настенные ковры *тускиизы*. В первой четверти XX в. они были представлены на северо-востоке Казахстана в виде панно на сукне и на войлоке, декорированного вышивкой тамбуром, гладью и аппликациями из цветного сукна. Затем основным материалом для изготовления тускиизов стало сукно и другие ткани. Современные тускиизы Кош-Агача — ма-

терчатые гобелены, богато расшитые вышивкой. Они сильно напоминают суконные ковры казахов Западного Казахстана – *мауты текеметы*. Западноказахстанские мауты текеметы имели войлочную основу, но к середине XIX в. она исчезла. Та же тенденция характерна и для Южного Алтая, где войлок в конце XX – начале XXI в. перестал использоваться в изготовлении настенных ковров.

В целом, оценивая технические и стилистические характеристики узорных войлоков Южного Алтая, следует отметить их наибольшую близость традициям ковроделия Восточного Казахстана, откуда еще в XIX в. вышла значительная часть родов алтайских казахов.

В настоящее время узорные войлоки имеются в каждом казахском доме Кош-Агачского района РА. Непременными атрибутами приданого невесты являются: 2–3 сырмака, 1 тосек кииз, 1 тускииз. Изготовление узорных войлоков по-прежнему является одним из наиболее характерных проявлений этнической культуры казахов Южного Алтая. Бытования этого традиционного производства определяют не только материальные условия, но и наличие общественных санкций, которые в условиях иноэтничного окружения придают вещи качество этнического символа.

Традиция изготовления художественных войлоков в Казахстане и сопредельных территориях сегодня переживает нелегкие времена. Она угасла во многих регионах. И только на юге Сибири и на юге Казахстана (Южно-Казахстанская и Жамбылская области) она сохраняется в качестве женского домашнего промысла. Казахи Китая и Монголии воспроизводят ее в полном объеме. Художественный войлок – это уникальное явление, составляющее часть культурного наследия Евразии.

Е. А. Прохорова

Роль музеев Романовского района в сохранении культурного наследия

В настоящее время нет точных сведений о количестве музеев в сельских населенных пунктах Алтайского края. При этом их деятельность, ориентированная прежде всего на местное население, чрезвычайно важна для сохранения исторического и культурного наследия, решения образовательных и воспитательных задач. Хранящийся в сельских музеях этнографический материал собран преимущественно в одном селе или районе и, как следствие, отражает локальную специфику культуры проживающих там народов, особенности их взаимодействия и взаимовлияния. Особенно ярко это проявляется в районах с полиэтничным составом населения, одним из которых является Романовский район, обследо-

ванный в 2010 г. участниками историко-этнографической экспедиции АлтГПА (руководитель – д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова).

В ходе экспедиции была продолжена работа в рамках программы «Музеи Алтайского края», реализуемая с 2001 г. сотрудниками лаборатории исторического краеведения АлтГПА при активном участии студентов исторического факультета. Одной из важнейших задач программы является выявление информационного потенциала музеев населенных пунктов, входящих в маршрут ежегодных историко-этнографических экспедиций. В течение двух недель участникам экспедиции, как правило, удается познакомиться с историей создания, особенностями деятельности и жизнеобеспечения музеев, выявить экспонаты, имеющие научную и культурную значимость, и выполнить их научное описание и фотосъемку. Результатом работы является формирование архива устных, документальных и аудиовизуальных (фото- и видео-) источников, публикация статей, создание каталогов коллекций. Так, в Романовском районе отрядами историко-этнографической экспедиции в с. Гуселетово (руководитель Д. В. Дьякова), пос. Тамбовском (руководитель Е. Ю. Сластинина), с. Романово (руководитель Н. С. Грибанова) проведено интервьюирование и анкетирование сотрудников, работа с фондами трех музеев: Романовского районного историко-краеведческого музея (с. Романово), «Уголка старины» (пос. Тамбовский), краеведческой комнаты (с. Гуселетово). По результатам работы в архив ЛИК АлтГПА поступили описания 53 предметов, более 785 фотографий фрагментов экспозиций и музейных предметов, четыре интервью, одна анкета.

На основе полученных материалов представляется возможным кратко осветить историю создания и деятельность музеев, представить наиболее интересные экспонаты из их собраний.

Романовский районный краеведческий музей. Решение о создании районного историко-краеведческого музея было принято Романовским бюро райкома КПСС на заседании 23 марта 1976 г. Согласно принятому постановлению в течение весны и лета 1976 г. членам утвержденной комиссии (председатель – секретарь райкома КПСС В. А. Метельский) надлежало разработать «план работы по созданию музея и тематику его оформления», райисполкому – определить смету, изыскать средства и материалы для оборудования музея и содержания работника, отделу пропаганды и агитации РК КПСС и первичным партийным организациям – организовать сбор материалов для музея [5].

Музей был открыт в тот же год в здании кинотеатра «Космос». Основой фондов музея стали предметы, собранные еще до его открытия Р. С. Ждановой и Н. М. Онищенко. Работа по формированию коллекций

Рис. 1. Кирсетка (жилет женский) и сорочка (рубаха женская). РРКМ, ОФ 20, 42

была продолжена первым директором музея Л. И. Ежовой при активной поддержке первого секретаря (с 1977 по 1985 гг.) Романовского райкома партии А. Г. Назарчука. Комплектование фондов музея велось преимущественно благодаря безвозмездной передаче жителями сел района семейных ценностей: фронтовых писем участников Великой Отечественной войны, фотографий, наградных документов, предметов быта, орудий труда, одежды и обуви крестьян. К 1981 г. в музее были оформлены первые разделы экспозиции: «Эпоха империализма», «Обновление России», «Ленинским курсом», «Память огненных лет», «К новым трудовым подвигам», «Флора и фауна района» [4].

Создание действующей в настоящее время экспозиции музея было начато А. Н. Плахотным в 2002 г. Небольшая площадь музея удачно поделена на тематические разделы: «Флора и фауна района», «Заселение территории района», «Панорама сельской улицы и крестьянского двора начала XX века», «Крестьянская изба начала XX века», «Гражданская война и военная интервенция на Алтае», «Великая Отечественная война», «Поднятая целина». Особое место в музее занимает выставка картин, основную часть которой составляют живописные и графические работы (54 ед. хр.) заслуженного художника РСФСР Степана Кузьмича Двойноса [3].

Ежегодно музей организует не менее восьми временных выставок различной тематики: художественного и декоративно-прикладного творчества, нумизматики XVIII–XX вв., фотографий, детских творческих работ и т. д. На момент экспедиции (июль 2010 г.) в музее действовала выставка икон и книг XVIII — начала XX в., принадлежащих музею и жителям Романовского района.

Основной фонд музея на 01.11.2010 составляет 1547 ед. хр., НВФ — 1010 ед. хр. Около 10% от общего числа предметов основного фонда составля-

ют предметы украинской культуры: рушники, предметы женской одежды, быта и орудия труда [4]. Важно отметить, что многие из них сохраняют этническую специфику, заключенную в технике изготовления, орнаментации, наименовании предметов. Особый интерес, на наш взгляд, представляют предметы женского гардероба: сорочки, свитка «з усами», кирсетка, а также орудие для перемотки пряжи — витушка (рис. 1–3). Очевидно, что в Алтайском крае найдется не много музеев, владеющих подобными экспонатами, что позволяет назвать их уникальными и требует от сотрудников музея бережного к ним отношения и создания необходимых условий хранения.

Рис. 2. Свитка «з усами» (верхняя плечевая женская одежда). РРКМ

Рис. 3. Витушка (орудие для перемотки пряжи). РРКМ

«Уголок старины». В пос. Тамбовский с 2000 г. существует собственный музей народного быта — «Уголок старины». Поводом для начала сбора материала, ставшего впоследствии музеем, стали две знаменательные даты: 55-летний юбилей победы в Великой Отечественной войне и юбилей совхоза. Именно тогда школьники под руководством Л. С. Неверовой, Н. А. Приваловой начали собирать материалы по истории отдельных предприятий совхоза, детского сада, больницы, клуба. Комплектование фондов музея велось благодаря местным жителям, охотно передававшим старинные вещи в музей. Экспонаты для «Уголка старины» также привозили из соседних сел: Закладного и Дубровино. Первоначально небольшой уголок для «старинных» вещей был отведен в школьном кабинете истории. Позже «Уголок старины» был перевезен пионерскую комнату, где оформили деревенскую горницу [1].

Коллекция музея содержит в себе множество интересных предметов. В экспозиции представлено большое количество образцов вышивки, домашней утвари, женской одежды и др. Значительная часть предметов быта и декоративно-прикладного искусства в собрании музея датируется серединой XX в. Во многом поэтому большинство предметов не наделено ярко выраженной этнической спецификой, однако их схожесть у представителей русского, украинского и немецкого народа отражает характер их взаимоотношений и особенности взаимодействия в полиэтничном населенном пункте.

Краеведческая комната. Открытие «краеведческой комнаты» в школе с. Гуселетово состоялось в 2005 г., в год ее 30-летия. Инициатором основания музея была Г. А. Барсукова (учитель истории и обществознания). С 2006 г. музей возглавила С. М. Игнатенко. Как и в других музеях района, местные жители дарили музею предметы быта, одежду, орудия труда, фотографии, документы. Со временем собрание музея было систематизировано по темам: история села, история школы, растительный и животный мир, село и Гражданская война, село и Великая Отечественная война [2]. Этнографическая коллеция «краеведческой комнаты» включает преимущественно предметы русской культуры, что объясняется преобладанием среди населения села представителей русского этноса.

Таким образом, каждый из названных музеев хранит в себе много ценной информации исторического и этнографического характера. Сотрудники музеев активно проводят сбор этнографических материалов, оформляют новые выставки, проводят презентации уникальных предметов. Каждый из названных музеев Романовского района, несомненно, играет важную роль в сохранении культурного наследия, прежде всего

для подрастающих поколений сельчан. Отдельные предметы изученных музейных собраний представляют собой уникальные памятники материальной культуры, сохранение которых является важной задачей сотрудников музеев, а их введение в научных оборот может быть востребовано широким кругом исследователей.

Источники и литература

1. Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский р-н, пос. Тамбовский. Абраменко Г. С. (интервью).
2. Там же. с. Гуселетово. Игнатенко С. М. (анкета).
3. Там же. с. Романово. Плахотный А. Н. (интервью).
4. Там же. Сведения, предоставленные директором Романовского районного краеведческого музея Ю. В. Кривчик.
5. Романовский районный краеведческий музей. Постановление заседания бюро Романовского райкома КПСС от 23 марта 1976 г. о создании районного историко-краеведческого музея.

С. Ж. Рахимжанова

Вклад немецкой диаспоры Павлодарской области в развитие региона

Одним из народов, которые подверглись репрессиям в годы сталинского произвола, являются немцы. Этот период важен для истории немцев, совместное проживание которых в России, СССР, и в частности в Казахстане, имеет многовековую историю, они внесли огромный вклад в культурное и социально-экономическое развитие страны.

По указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. [1] все немецкое население было депортировано в восточные регионы страны, в том числе на территорию Республики Казахстан и Павлодарской области. История переселения немцев на территорию Республики Казахстан и Павлодарской области до недавнего времени относилась к числу закрытых и поэтому малоисследованных тем. Это одно из так называемых «белых пятен» в истории нашего отечества.

Значительная часть представителей немецкой национальности появилась на территории Павлодарской области, будучи высланными, после отбытия срока в лагерях в результате необоснованных репрессий 30–40-х и начала 50-х гг. XX в. Оказавшись в нечеловеческих условиях, благодаря огромному трудолюбию, советские немцы сумели не только выжить, но и многого в жизни добиться, много сделать для развития и процветания области и Казахстана [2, л. 2–3].

Остановимся на судьбах некоторых ярких представителей немецкой диаспоры Павлодарской области.

Значительный вклад в развитие Казахстана внес Анатолий Иванович Витт. Родился в 1932 г. в с. Константиновка Донецкой области, где проживал до 1941 г., однако в самом начале Великой Отечественной войны немцы, в том числе и семья А. И. Витта, были депортированы в Казахстан. В 1949 г. он поступил в Павлодарскую школу ФЗО № 54, которую окончил в 1950 г. Трудовую деятельность начал строителем: строил шахтерский город Экибастуз. Но однажды, побывав на экскурсии в угольном разрезе, поразился мощности техники и захотел стать машинистом экскаватора. В 1963 г. без отрыва от производства окончил Экибастузский горно-строительный техникум. А. И. Витт работал не только в объединении «Экибастузуголь», но и в отрасли. Бригадой, руководимой А. Виттом, было внедрено много новшеств в конструкцию экскаватора и технологию ведения горных работ, позволивших увеличить нагрузку на машину только за счет правильного расположения экскаватора в забое и выбора рационального режима работы оборудования, а также управления скоростью подачи железнодорожных вагонов, временем загрузки вагонов; время загрузки состава сокращено с 42 минут по нормативу до 20–25 минут. Установка обтекателей на тыльной части ковша ротора позволила на 70% сократить попадание кусков угля в приемное устройство экскаватора, а также увеличить срок службы отдельных узлов и повысить качество угля.

За высокие производственные показатели А. И. Витт имеет много наград, самой высокой для него является звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот», присвоенное указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1976 г. [3, л. 8–11].

Немалый вклад в развитие здравоохранения Казахстана внес Яков Яковлевич Фрезе. Яков Яковлевич родился 5 ноября 1916 г. в с. Лесовка Селидовского района Донецкой области. В 1931 г. Яков Фрезе окончил местную школу-семилетку. Два года работал в колхозе. В 1934 г. поступил на медицинский рабфак, после окончания которого в 1935 г. поступил в Донецкий медицинский институт. В 1940 г. был призван в действующую армию и с первых дней войны служил полковым врачом. Был мобилизован по приказу Наркомата обороны СССР. В мае 1942 г. Павлодарским облздравотделом направлен на работу в с. Майск. О начале своей работы Яков Яковлевич писал: «Я оказался первым врачом в этом районе. В районе полностью отсутствует материальная база для оказания медицинской помощи. Госпитализировать больных было негде, все лечение на дому...». Яков Яковлевич открыл больницу в с. Майском, которую сам проектировал, строил, ремонтировал и в которой делал все

хирургические операции, принимал роды, лечил взрослых и детей. В 1955 в с. Майском уже была больница на 35 коек, амбулатория, где принимали хирург, терапевт, акушер-гинеколог, педиатр, дерматолог, клиническая лаборатория, рентгенкабинет [4, 1–5]. В период работы на селе принимал активное участие в ликвидации таких заболеваний, как малярия, сифилис, сыпной и брюшной тифы, трахома, бруцеллез. Благодаря его работе значительно снизился уровень детских инфекционных заболеваний. В 1955 г. Яков Яковлевич Фрезе был переведен в г. Павлодар и назначен заведующим лор-отделением Павлодарской областной больницы. Он создал коллектив единомышленников среднего и младшего медицинского персонала. Было положено начало школе оториноларингологов. В 1966 г. Яков Яковлевич открыл при второй городской больнице лор-отделение на 80 коек, а в 1975 г. – детское отделение при детской областной больнице. За период его работы заведующим отделением под его руководством прошли специализацию по циклу оториноларингологии 14 врачей и усовершенствовали свои знания 22 средних медицинских работника. Отделение, руководимое Фрезе, является базой подготовки специалистов для области. За добросовестный труд он имеет ряд благодарностей, награжден грамотой Президиума Верховного Совета КазССР [5, 1–6].

Нелли Рейнгольдовна Ваккер родилась 20 октября 1919 г. в г. Токмаке Симферопольского района Крымской области. Окончила школу-интернат на станции Сарабуз, ныне Гвардейское. Осенью 1937 г. поступила в Учительский институт в г. Энгельсе, по окончании которого поехала вместе со своим мужем Г. Г. Ваккером в Азербайджан, где жили его родители. В 1941 г. семью Ваккер забросило в Тарановский район Кустанайской области, где Г. Г. Ваккера призвали в трудармию, а Н. Р. Ваккер учительствовала.

В 1954 г. семья Ваккер переезжает в г. Павлодар, где продолжает учительский труд. В 1969 г. Нелли Рейнгольдовна оканчивает второй институт – Омский педагогический. Стихи начала писать рано. За 25 лет работы в газетах «Нойес Лебен», «Фройндшафт», «Роте Фане» было опубликовано более 1000 публикаций (стихотворения, сказки, рассказы и различные статьи). В различных изданиях напечатано 9 книг, из них 2 на русском языке, 7 на немецком языке. В 1973 г. Н. Р. Ваккер принимают в Союз писателей СССР, а в 1936 и 1981 гг. она становится депутатом 7 и 8 съездов писателей Казахстана [6, 7–9].

Гильда Эрнстовна Кромер внесла большой вклад в развитие музыкальной культуры Павлодарской области. Гильда Эрнстовна родилась 17 июня 1904 г. в немецкой колонии Екатериненфельд Тифлисской губер-

нии, ныне г. Болниси в Грузии. В 1911 г. поступила в сельскую школу, которую окончила в 1917 г. До поступления в школу играла на сделанной своими руками скрипке. Гильда Эрнстовна много занималась скрипкой. В 1921 г. она стала студенткой Тифлисской консерватории по классу скрипки. Одновременно Кромер училась в первой женской гимназии, которую окончила в 1926 г. В 1928 г. Гильда Эрнстовна приглашена в Грузинский драматический театр имени Константина Александровича Марджанишвили в качестве концертмейстера оркестра. В 1931 г. по направлению Наркомата просвещения Грузинской ССР была принята в школу мастерства при Ленинградской консерватории. В 1933 г. Наркомпрос срочно отозвал Гильду Эрнстовну Кромер в Кутаиси, так как там требовался педагог. В 1934 г. Гильда возвращается в Ленинград, чтобы продолжать занятия в институте усовершенствования педагогов-исполнителей. Г. Э. Кромер перенесла блокаду Ленинграда. С 1944 г. работает в Красноярском драматическом театре имени А. С. Пушкина концертмейстером оркестра. В 1948 г. оставляет работу и возвращается в Ленинград.

Через Ю. А. Прейс Гильда узнает адрес своих родных, депортированных из Грузии в Казахстан. Гильда Эрнстовна приезжает в г. Павлодар, где, увидев широкое поле деятельности, остается. В 1948 г. Г. Э. Кромер приглашают на работу Павлодарское педагогическое училище в качестве заведующей кабинетом музыки и в детскую музыкальную школу в качестве педагога по классу скрипки. В 1950 г. областной отдел искусств направляет ее в г. Алма-Ату в консерваторию для ознакомления с казахскими народными инструментами. Там она знакомится со знаменитой кобызисткой Г. Баязитовой, с талантливым домбристом Н. Тлендиевым, которые продемонстрировали и разъяснили принципы и приемы игры на этих инструментах. Так в Павлодарской музыкальной школе был организован класс кобыза и в дальнейшем зазвучали казахские народные инструменты. В 1951 г. Гильда Эрнстовна едет в командировку в Экибастуз для открытия филиала детской музыкальной школы. В 1955 г. ее назначают директором Павлодарской детской музыкальной школы. Г. Э. Кромер обращается с ходатайством в обком компартии Казахстана об открытии в г. Павлодаре музыкального училища. В июне 1959 г. Советом Министров КазССР принял решение об открытии музыкального училища. Директором назначили Г. Э. Кромер. Гильда Эрнстовна является создателем первого симфонического оркестра в Павлодаре. С ее именем связаны успехи многих музыкантов и события музыкальной жизни Павлодара и области [7, 20–35].

Таким образом, А. А. Витт, Я. Я. Фрезе, Н. Р. Ваккер, Г. Э. Кромер внесли значительный вклад в науку, культуру и здравоохранение Казахста-

на, и таких примеров в нашей области много, перечень имен можно увеличить. Немецкая диаспора, как и представители других народов, внесла свой вклад в стабильность и межнациональное согласие.

Источники и литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 38.
2. ГАПО. Ф. 427. Оп. 4. Д.1109. Л. 2–3.
3. Там же. Л. 8–11.
4. ГАПО. Ф. 96, Оп. 1. Д. 15. Л. 1–5.
5. ГАПО. Ф. 96, Оп. 1. Д. 16. Л. 1–6.
6. ГАПО. Ф. 968, Оп. 1. Д. 268. Л. 7–9.
7. ГАПО. Ф. 427. Оп. 4. Д. 1109. Л. 2–3.

О. Ю. Рожнова

Праздник — ключ к объединению (на примере празднования Вигилии в польском национальном центре «Ожел бялы» («Белый орел») города Бийска)

В настоящее время на территории города Бийска функционирует общественная организация «Ожел бялы» («Белый орел») — центр польской культуры. Общество было организовано в 1994 г. Состав польской общины — около 100 человек. Члены организации знакомятся с обычаями и традициями Польши, изучают польский язык; верующие имеют возможность посещать мессы в костеле, отмечать католические праздники [1, л. 5]. Цель данного общества — объединить поляков, оказавшихся вдали от исторической родины, и способствовать возрождению их культуры. Один из способов, отвечающий заявленной цели, — совместная организация и проведение членами общества праздников, среди которых поляки, как ярые приверженцы католической веры, отдают предпочтение церковным. Пожалуй, самым важным из числа последних для поляков-католиков является Рождество.

Католики отмечают Рождество 25 декабря. В католической церкви существует много старинных традиций. Одна из таких традиций — Вигилия. Вигилия означает «бдение» [3, с. 12]. Многим ближе название «Сочельник». Вигилию члены польского национального общества «Ожел бялы» («Белый орел») города Бийска отмечают вместе. Все радостно готовятся встретить Христа. Эта встреча должна быть торжественной.

Основных этапов в проведении праздника три. Первый, подготовительный, состоит в оформлении интерьера места, где будут проходить трапеза и церковная служба, с использованием определенной символики, приготовление блюд. Второй этап — начало торжества, связанное с

Рис. 1

выполнением определенных ритуальных действий. И третий, заключительный этап Вигилии — непосредственно трапеза [2, с. 12].

С раннего утра 24 декабря начинается оформление места трапезы и церковной службы. Для этого этапа характерно соблюдение определенной символики. Стол, за которым состоится трапеза, накрывают белой скатертью. Когда накрывают на стол, ставят один лишний прибор и оставляют одно свободное место в знак того, что христианин всегда готов дать место за своим столом бедняку, одинокому человеку [2, с. 12]. Главными атрибутами, которые устанавливаются на месте проведения мессы, являются свечи. Устанавливают одну большую свечу, вокруг располагают свечи меньшего размера. Еще одним важным атрибутом являются ясли с сеном, в которых находится фигурка младенца Иисуса Христа [1, л. 7].

Следующий этап — торжество, составными частями которого являются ритуальные действия, — начинается, когда зажигают большую свечу. От главной свечи зажигают свечи меньшего размера. Все участники Вигилии поют колядку «Ночь тиха». После исполнения колядки произносится молитва [1, л. 8]. Следующим ритуальным действием выступает преломление облатки (рис. 1). Облатка — освященный хлеб, похожий на тонкие вафли белого цвета с тисненым узором. Каждый участник Вигилии берет в руку облатку, напоминающую о хлебе, который Иисус Христос дает в пищу. Этим хлебом является его пресвятое тело [2, с. 13]. Облатка является основной составной частью ритуального действия, совершаемого за праздничным столом, — ее преломления. Оно выражает единство и напоминает, что, будучи

Рис. 2

общиной, ее члены должны помогать и служить друг другу [2, с. 13]. Облатку делят и раздают. Каждому необходимо съесть кусочек. Преломление облатки сопровождается обменом добрыми пожеланиями. В это время на елке зажигаются свечи [1, л. 8].

Заключительный этап — трапеза. Пост в Вигилию еще продолжается, поэтому блюда, предназначенные для трапезы, постные [1, л. 10]. Обязательное блюдо на праздничном столе — заливной карп (рис. 2).

После сочельника, в 12 часов ночи, в костеле начинается рождественская церковная служба (месса) [1, л. 12]. Участники мессы встречают Рождество.

Как было указано выше, цель польского национального центра «Ожел бялы» («Белый орел») города Бийска — объединить поляков, оказавшихся вдали от исторической родины. Совместная организация и проведение членами общества праздников — это возможность объединения, и в первую очередь объединения духовного. Примерами духовного единства членов польского общества являются ритуальные действия, совершаемые перед трапезой: исполнение колядки, общая молитва и, конечно же, преломление облатки, выражающей единство членов сообщества.

Источники и литература

1. Полевой дневник № 3. 9.
2. Обуховский А. Вигилия // Святая радость. 2007. № 114. С. 12–13.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1, М., 2000. 578 с.

Приложение. Рецепт приготовления заливного карпа

На 1 кг карпа — 2 луковицы, по 1 корню петрушки и сельдерея, 1 морковь, 1 столовая ложка изюма, 1 столовая ложка сахара, лимон, соль, молотый перец, 2 чайные ложки желатина.

Рыбу обработать и отварить вместе с очищенной головой. Приготовить желатиновый отвар, только прогревая бульон, всыпать в него столовую ложку сахара.

Вареные овощи нарезать соломкой или кружочками, красиво выложить их на тарелку, в центр положить карпа, хорошо поперчить и посыпать промытым и размоченным изюмом, украсить лимоном [1, л. 11].

Е. А. Романова

Сюжетная вышивка середины XX в. на территории Восточного Казахстана (на основе фондовой коллекции ВКМЗ)

В фондах Восточно-Казахстанского музея-заповедника, в разделе декоративно-прикладного искусства имеется богатая и разнообразная коллекция работ в технике вышивки. Наряду с изделиями утилитарно-

го назначения (полотенца, наволочки и др.) большой интерес представляют декоративные панно с сюжетными композициями. Многие из них собраны в ходе экспедиций в различные города и села Восточного Казахстана.

Большинство экспонатов датировано 1940–1960-ми гг. Это объясняется модными тенденциями того времени, связанными с украшением интерьера дома вышитыми изделиями. В середине XX в. искусство вышивки в нашей стране переживает новый подъем, оно становится массовым увлечением большинства женщин. Вышивкой занимались люди разных национальностей, профессий и возрастов. Иногда это становилось семейным увлечением, которое захватывало не только женщин, но и мужчин. Декоративные панно в технике вышивки зачастую заменяли картины, их размещали на стенах, оформляя в рамы или просто пришивая по краям работы орнаментальную тесьму. Вышитыми изделиями старались украсить буквально каждый уголок и предмет в доме, их дарили друг другу по праздникам, берегли и передавали по наследству. Многие люди хранят эти вещи до сих пор как семейные реликвии, с которыми связаны добрые и светлые воспоминания их жизни.

В чем же причины такого массового увлечения рукоделием, в частности вышивкой, в конце 1940-х — 1960-е гг.? Задавая этот вопрос мастерицам, современницам той эпохи, мы слышали следующие ответы: «от бедности, нищеты», «стремление украсить свой дом» (Р. Е. Игнатова, г. Усть-Каменогорск), «порадовать своих близких, детей красивыми вещами», «разнообразить свой досуг» (А. А. Браминова, г. Семей), «все должно было быть изготовлено своими руками» (А. П. Худякова, г. Шемонаиха). Действительно, даже в самые тяжелые времена лишений и войн в человеке живет, а быть может, даже обостряется потребность в красоте, уюте и гармонии. Пережив военное лихолетье, люди стремились сделать свою жизнь красивее и радостнее. Но в послевоенные годы, когда экономика страны находилась в бедственном положении, большинство граждан не могли приобрести так называемые предметы роскоши. Поэтому женщины в стремлении украсить свой дом обращались к древним традициям рукоделия, которые сохранились еще в народной среде и передавались по наследству.

Вышивка из всех техник женского рукоделия тоже была выбрана не случайно. Ведь это один из самых древних и массовых видов народного искусства, который имеет глубокие исторические, этнографические и религиозные корни. Обычай украшать дом вышитыми изделиями существовал со времен язычества. «В праздники и дни семейных торжеств самые красивые полотенца — „платы“, „убрусы“, „накрючники“ и „наспиш-

ники“, названные так по деревянным крючьям-спицам, развешивали вдоль стен, вешали на окна, на божницу» [3, с. 7]. При этом «вышивка (как, впрочем, и все, что называется „украшениями“) обладала в древности оберегающим смыслом» [5, с. 341]. В ней, содержавшей «всевозможные священные изображения и магические символы» [5, с. 345], была заключена сила добра. Постепенно «в крестьянском искусстве происходит разрыв иконографического круга и... обозначается зарождение новых начал — народного бытового жанра» [2, с. 118]. «Начиная с XVIII столетия, преимущественно в ремесленной и городской среде, большое место стали занимать реалистические сюжеты, отражающие быт города и деревни, за основу которых обычно брались сказки и народные лубки. Эти сюжеты придавали несвойственную вышивке динамику; возникали новые стилистические приемы, материалы и даже техники исполнения» [3, с. 25]. «Во второй половине XIX — начале XX в. это направление усиливается и занимает значительное место в русском народном изобразительном искусстве» [4, с. 130].

Рис. 1. Работа М. Г. Макаровой, середина XX в.

Поэтому закономерно, что в вышивке 1940–1960-х гг. наиболее часто встречаются декоративные панно, выполненные в жанре сюжетной композиции, сохраняющие традиции народного искусства. Как и двести лет назад, любимыми темами мастериц-вышивальщиц были в первую очередь сюжеты из сказок, былин и басен: «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» (рис. 1), «Хозяйка Медной горы» (рис. 2), «Илья Муромец», «Кукушка и петух» (рис. 3) и др. [1]. Такие вышитые иллюстрации были особенно интересны детям, благодаря им ребенок мог образно представить героев своих любимых книжек. Распространены были также реалистичные сюжеты из повседневной жизни, в которых очень часто встречаются изображения детей, которые либо играют с животными: «Мальчик с собачкой», «Ребенок, играющий с котенком», «Мальчик, убегающий от гусей» (рис. 4), либо заняты каким-то делом: «Юная выши-

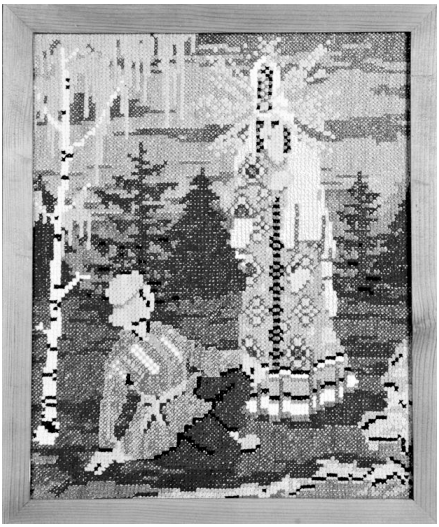

Рис. 2. Работа А. К. Козловой. Начало 1950-х гг.

Рис. 3. Работа В. С. Гудковой. Начало 1950-х гг.

вальщица», «Юный лыжник», «Мальчик, пускающий кораблик» [1]. Такое изобилие детской тематики в сюжетных композициях не случайно, ведь большинство настенных вышивок предназначалось для украшения детской комнаты.

Бытовые сюжеты были самые разнообразные, это не только сценки из современной жизни, будь то трудовые будни или праздники (рис. 5, 6), но также изображения людей разных времен и народностей в соответствующих костюмах и обстановке. Например, в музейной коллекции часто повторяется сюжет «Девушка с кувшином», на которой изображена молодая итальянка, сидящая на берегу реки.

Но все же самой любимой и характерной для того времени темой было изображение оленей на фоне пейзажа: «Олени на поляне», «Олень у воды», «Отдыхающий олень» и др. [1]. Надо отметить, что пейзаж как самостоятельный жанр в вышивке встречался довольно редко, в основном вышивали животных на фоне природы. Почему же именно изображение оленя было настолько популярно в 1950–1960-е гг.? Объяснить это трудно, известно только, что образ оленя в народном искусстве существует с давних времен, у древних славян он символизировал движение солнца, а рога оленя уподоблялись солнечному сиянию. Со временем первоначальный смысл этого мифологического образа, конечно

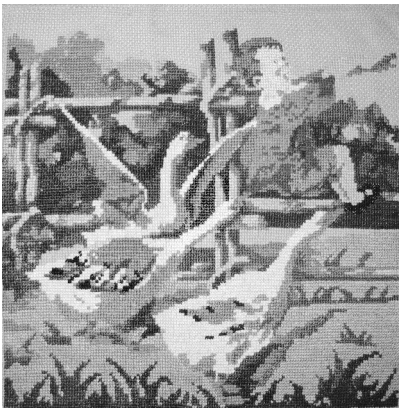

Рис. 4. Работа Н. С. Омаргалиевой. Середина XX в.

Рис. 5. Работа З. П. Перелыгиной. 1960-е гг.

Рис. 6. Работа С. А. Гусевой, 1950-е гг.

же, утратился, сохранилась только его декоративная сторона, столь привлекательная в народной среде. Изображения этих красивых благородных животных часто можно было встретить не только на вышивках, но и на гобеленовых, плюшевых коврах, а также на одежде.

Вышивали, как правило, на пяльцах, используя плотную хлопчатобумажную, льняную, иногда шелковую ткань. Распространенной техникой в те годы была вышивка крестом и его разновидностями (болгарский крест, полукрест), реже вышивали гладью, с применением хлопчатобумажных ниток мулине. В основном мастерицы использовали для вышивания схемы на бумаге и готовые трафареты с различными рисунками на ткани, которые выпускали предприятия легкой промышленности СССР. Обычно в нижней части тканевых трафаретов ставился штамп с указанием наименования изделия, размеров, цены, названия предприятия. К примеру, на одном из фондовых экспонатов (Е. М. Куркимбаева, «Олень и олененок», 1960-е гг.) под вышитым рисунком можно прочитать надпись: «Рисунок вышивки крестом, размер 39×40, цена 40 коп. Кожно-галантерейной ф-ки № 9 управление промышленности...»

Рис. 7. Работа А. А. Браминовой. Конец 1940-х гг.

[1]. Очень часто образцы для вышивок печатались в различных женских журналах: «Крестьянка», «Работница», «Советская женщина» и др. Бывало, что мастерицы, особенно жившие в глубинке, выписывали образцы вышивок из более крупных городов: например, Е. А. Лапта из с. Тройницкое Таврического района выписывала схемы и трафареты из г. Новосибирска [1].

Довольно редко мастерицы сами придумывали композицию работы, так как это требовало определенных художественных способностей. Но именно такие работы, «рожденные живой народной фантазией» [2, с. 25], оказываются наиболее интересными и привлекательными. «...Подобные вышивки часто отличаются повествовательностью, в передаче образов много наивной непосредственности восприятия...» [2, с. 25]. Замечательная вышивка была передана в дар музею во время экспедиции в г. Семей в 2008 г. (рис. 7). На белой хлопчатобумажной ткани вышита кошка, одетая по моде того времени, которая прогуливает в коляске своего котенка; рядом — фантастический куст с яркими цветами и сидящими на ветке ласточками. Интересно, что изображение кошки с котенком выполнено контурно, тогда как куст вышит сплошной гладью. Наверняка работа просто осталась незаконченной, но именно это придает ей особое своеобразие и обаяние. Автор вышивки — жительница г. Семей Амина Абдульмановна Браминова, 1921 г. р., занималась вышивкой в 1947–1949 гг., после рождения первенца. Описанное декоративное панно она вышивала в качестве прикроватного коврика для своей новорожденной дочки.

Идет время, меняется мода, высокие технологии внедряются в различные сферы жизни, вытесняя и заменяя ручной труд, а с ним и древние народные традиции. Сегодня уже редко в доме можно встретить ручные вышитые изделия, настенные панно, украшающие интерьер. Эти милые сердцу вещицы, порой немного наивные, но всегда искренние, созданные с любовью и нежностью, вызывают теплые, добрые чувства. В наши дни вышивка 1940–1960-х гг. имеет большую этнографическую ценность, являясь одной из характерных особенностей быта той эпохи, требующей сохранения и дальнейшего изучения.

Источники и литература

1. Архив ВК областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника.
2. Воронов В. С. О крестьянском искусстве. М., 1972.
3. Дурасов Г. П., Яковлев Г. А. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Музей народного искусства. М., 1990. 320 с.
4. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978.
5. Семенова М. Мы — славяне. СПб., 1997. 560 с.

Ю. В. Руш

Переселенческие традиции в архитектуре Романовского района (по материалам историко-этнографической экспедиции 2010 г.)

Традиции жилищного строительства переселенческих групп — актуальная в настоящее время тема этнографического исследования, поскольку применявшиеся в первой половине XX в. материалы заменяются современными, а традиционная техника утрачивается. Однако в военное и послевоенное время народный опыт был востребован. Использованию традиций в быту колхозной деревни способствовала финансовая маломощность как самих коллективных хозяйств, так и семей колхозников. Среди работ по этой тематике следует выделить публикации А. В. Липинской, О. Н. Шелегиной, Т. К. Щегловой. Однако всестороннее изучение техники и способов строительства переселенцами жилища разных типов только начато, и тема нуждается в дальнейшем исследовании.

Летом 2010 г. в ходе очередной историко-этнографической экспедиции АлтГПА был продолжен сбор материала по данной тематике, преимущественно в селах Гуселетово, Романово, Мормыши, Сидоровка, Дубровино, Закладное Романовского района. Романовский район является перспективным для изучения переселенческих традиций в архитектуре. Его территория стала зоной массовых переселений со второй половины XIX в. Большое число переселенцев было из центрально-черноземных гу-

берний России и левобережной Украины, поэтому на территории Романовского района сформировались преимущественно южнорусские традиции возведения жилища. Участниками экспедиции было собрано более 30 интервью, обследованы традиционные жилые и хозяйственные постройки, проведена их фотофиксация.

Целью настоящей работы является описание техники возведения глинобитного и каркасного жилища, применяемой русским и украинским населением Романовского района в послевоенное время (1940–1960 гг.).

Жилищная среда Романовского района, как и других районов Алтайского края, отличается большой пестротой традиционных материалов, технологий и приемов строительства. В качестве строительного материала переселенцами второй половины XIX — первой половины XX вв. использовался мелкий нестроевой лес, чаща, камыш, солома, глина, дерн, навоз [3]. В послевоенное время возведение глинобитного и каркасного жилища вновь стало актуальным, так как создание колхозов, материальные трудности послевоенного времени не давали возможности использовать в строительстве лес, и строительство деревянных домов в это время в селах Романовского района было редким явлением.

Наиболее распространенным у украинцев в послевоенное время являлся литой способ строительства жилища, при котором основными строительными материалами являлись глина и солома. Для литья домов использовали только глину, которую добывали, снимая верхний черноземный слой почвы. По словам жителей, в окрестностях сел особенно много было красной глины. Ее использовали в качестве компонента заливной массы, белую глину применяли для побелки стен дома и печи.

В качестве соломы при строительстве домов использовались так называемые «объедки», т. е. остатки соломы после кормления домашних животных. Раствор готовили следующим способом. Копали яму рядом с местом строительства дома; по словам А. И. Ещенко, яма была около 60 см в глубину и 1 м в диаметре. Предварительно снимали дерн и верхний слой почвы, убирая их в сторону. В яме месили сначала глину с водой, а потом добавляли солому [6]. Топтали солому, глину и воду в яме лошади или люди босыми ногами. Полученную массу заливали в каркас, сделанный из досок. Затем доски каркаса поднимали на новый уровень, вновь заливали раствором и топтали следующий слой [5].

Доски для каркаса заготавливал хозяин дома, а если их было недостаточно, то заимствовали у соседей. Поднимали массу из глины, воды и соломы ведрами [10]. Внутри опалубки смесь утаптывали женщины и

подростки, а мужчины подавали смесь из глины, воды и соломы. Для окон и дверей делали рамки из досок. При «топтании дома» устанавливали рамы, а между ними и сверху заливали смесь. В результате оставались проемы нужного размера под окна и двери. Убрав каркас, влажные стены выравнивали тяпками или лопатами.

Крышу делали преимущественно двускатную. Бревна клали прямо на стены, которые были примерно 60 см толщиной, а когда подравнивали, оставалось около 50 см. Некоторые жители сначала клали на стены доски, а потом бревна [6]. Крыли крыши соломой, камышом, землей, лозой, опилками.

Дом помогали строить соседи, друзья и родственники, т. е. строили всем селом. Строительство было грязной и тяжелой работой. Но люди обижались, если их не звали помогать строить дом. Обычно говорили так: «Я приглашаю топтать саман, придешь?» — «Приду». После того, как дом «вытаптывали», положено было обедать и плясать, т. е. завершению строительства и появлению нового дома все очень радовались [6, 10, 11].

Обычно дом «выливали» за один день. Когда дом был готов, его оставляли для просушки на месяц, после чего опалубку снимали, и стены еще долго сушились. Снаружи дом обмазывали красной глиной с соломой. Белили дома все жители. Пол далеко не у всех был деревянным, нередко его делали глиняным. Пол мазали толстым слоем глины, вальковали доливкой и каждую субботу обмазывали белой глиной, а сверху посыпали соломой.

Печи делали преимущественно «русские», которые были двух типов — кирпичные и «битые». Для изготовления кирпича брали формы, в которые набивали смешанные глину и песок. Кирпичи не обжигали. По словам жителей с. Романово, русские печи из кирпича были лучше, но они не объясняют, почему. Из сырцового кирпича также клали «грубы». Их ставили рядом с «русской» печкой или в другой комнате. «Если в печку дымоход, то сначала топили печку, а потом „грубу“» [7]. «Печь топили кизяками или камышом, а грубу подсолнухами» [16]. Печь белили белой глиной [7, 16, 17].

Использовали и вальковой способ возведения стен глинобитного жилища. Валек — это окатанный руками ком глины с соломой цилиндрической или плоской формы. М. И. Ковтун вспоминала: «А когда делали стены вальками, то сначала сделают один ряд, ждут, пока высохнет, а потом следующий. Вальки не разваливались» [11].

О случаях постройки стен из саманных кирпичей жители Романовского района рассказывают очень редко. Видимо, этот способ был мало распространен. Хотя житель с. Романово П. Е. Сапа вспоминает: «Дома

делали из самана. У соседей новый дом построен из старого самана [13]. При этом жители Романовского района называют глинобитное жилище чаще всего «саманухами», «саманными», «литыми», реже «топтанухами». Но, называя дома «саманухами», рассказывают про строительство литого дома [1, 2, 6].

У русских и украинцев было распространено также строительство каркасного жилища. В послевоенные годы, по словам К. М. Евтушенко, «дома строили камышитовые, косили камыш в Ракитах — Мормышах. Ставили обрешетки и обтягивали их камышом, а потом обмазывали их глиной» [5]. Толщина стен каркасных домов составляла примерно 10 см. Топили такие дома два раза в день. Потолок положен на брусья и доски, сверху засыпанный опилками. Но если такие дома каждый год не «подделывали», то они быстро засыпались [4]. Крыши делали тоже камышовые, так как это был дешевый материал, что было очень важно в тяжелые, бедные, послевоенные годы. «Камыш косили, как лед примерзнет, ножом… метра два», — рассказывал житель с. Гуселетово И. Н. Чурсин [15].

«Собирали камыш, вязали горсточками, чтобы класть их рядом, перед этим крышу смазывали глиной. Снопы камыша укладывали корешками наружу снизу крыши, а затем выше и выше накладывали снопы друг на друга, чтобы вода не протекала. С другой стороны крыши укладывали точно так же. Пучки камыша ложились ровно, прибивали их валиком. Наверху крыши становился „конек“, чтобы закрыть место соединения камыша и вода не затекала. Чтобы камыш не сваливался с крыши, крепили „перевёсла“ из этого же камыша» [14].

Солому для покрытия крыши использовали реже, так как она быстро загнивает, а камышовая крыша могла служить около 4–5 лет.

«Еще крыли крышу лозой. Лоза — это прутья. На крышу клали сначала сырую лозу, а потом затирали глиной. Затем засыпали землей или золой, чтобы вода не затекала» [16].

Важно отметить, что в Романовском районе строили колхозные двухквартирные камышитовые дома, которые сохранились до наших дней. Например, в с. Дубровино имеется 9 домов, расположенных на одной улице. В них и сейчас проживают жители села [4].

Таким образом, полевой материал показывает широкое распространение в Романовском районе южнорусских традиций не только в период массовых переселений второй половины XIX — начала XX в., но в сложные для сельчан годы XX в.

Источники и литература

1. Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский р-н, с. Романово. Априльская Е. Е., 1917 г. р., хохлушка.

2. Там же. Романовский р-н, с. Закладное. Бубко Н. Л,, 1936 г. р., русский.
3. Там же. Романовский р-н, с. Романово. Безнедельная А. А., 1923 г. р., русская.
4. Там же. Романовский р-н, с. Дубровино. Денисов Г. П.,1931 г. р., русский.
5. Там же. Романовский р-н, с. Романово. Евтушенко К. М., 1930 г. р., русская.
6. Там же. Романовский р-н, с. Дубровино. Ещенко А. И., 1939 г. р., хохол.
7. Там же. Романовский р-н, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р., украинка.
8. Там же. Романовский р-н, с. Закладное. Кондаурова А. Н., 1924 г. р., русская.
9. Там же. Романовский р-н, с. Романово. Крымский И. В., 1931 г. р., украинец.
10. Там же. Романовский р-н, с. Дубровино. Калашник И. Ф., 1929 г. р., украинец.
11. Там же. Романовский р-н, с. Романово. Ковтун М. И. , 1917 г. р., украинка.
12. Там же. Романовский р-н, с. Мормыши. Маркина А. Н., 1928 г. р., русская.
13. Там же. Романовский р-н, с. Романово. Сапа П. Е., 1932 г. р.
14. Там же. Романовский р-н, с. Романово. Терещенко А. И., 1924 г. р., украинка.
15. Там же. Романовский р-н, с. Гуселетово. Чурсин И. Н., 1937 г. р., русский.
16. Там же. Романовский р-н, с. Дубровино. Ярощенко Н. И., 1935 г. р., немка.
17. Там же. Романовский р-н, с. Сидоровка. Ященко М. Н., 1928 г. р., украинка.
18. Липинская А. В. Старожилы и переселенцы. Русские на Алае XVIII — начало XX в. М., 1996. 269 с.
19. Шелегина О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири: XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск, 1992. 251 с.
20. Щеглова Т. К. Переселенческое жилище на Алтае в первой половине XX века: типология, строительный материал и строительные традиции (по полевым материалам 1991–2006 гг.) // Алтайская деревня в первой половине XX в./ отв. ред. В. Н. Разгон, Т. К. Щеглова. Барнаул, 2007. С. 153–154.

А. В. Рыков

Производственная и повседневная жизнь в алтайской деревне в годы Великой Отечественной войны: устная история

О Великой Отечественной войне написано очень много. Цель настоящей публикации — на примере Романовского района показать, какой ценой далась война для Алтайского края, на основе воспоминаний участников и очевидцев тыловой жизни алтайской деревни.

Работа основана на устных исторических источниках. Главной их особенностью является максимальная приближенность к конкретному человеку — субъекту исторического процесса. Устный источник содержит одновременно и историческую информацию, и субъективную оценку событий отдельными людьми, поэтому устная история как форма исторического анализа представляет собой альтернативный официальному способ познания прошлого [15, с. 15].

Алтайский край отделяли от линии фронта несколько тысяч километров, но наш регион наравне со всеми стоял на передовой борьбы с

врагом, куя победу в тылу и помогая фронту. Неоценимый вклад в оказание помощи фронту внесло алтайское колхозное крестьянство. Алтайский край до войны являлся важным сельскохозяйственным районом страны, располагая более чем 7,5 млн га плодородных земель. Он занимал второе место в СССР после Украины по заготовкам хлеба, второе и третье место в СССР и первое в РСФСР по поставкам мяса и молока [1, с. 151–152]. В тяжелые годы войны алтайское крестьянство было призвано увеличить производство продуктов сельского хозяйства, сделать край одним из основных источников зерна [1, с. 152]. Сухие цифры не отражают всей драматичности положения тогдашнего крестьянства, и на помощь исследователю, желающему максимально полно оценить историческую ситуацию, приходят устные исторические источники, отражающие индивидуальную и коллективную память людей [15, с. 19].

В ходе подготовки данной работы было опрошено 23 человека. Были выявлены некоторые существенные закономерности. В воспоминаниях о военном времени наиболее часто встречаются рассказы о женском и детском труде, а также о голоде. В рассказах о труде женщин и детей прежде всего упоминается его тяжесть, большая длительность рабочего дня и очень сложные условия труда. Часто указывается ручной или тягловый характер труда, практически полное отсутствие сельскохозяйственной техники. В рассказах о голоде часто упоминаются растения, которые употреблялись в пищу в то время, — рыжик, кашка и др., часто встречаются рецепты их приготовления.

Первый день войны — 22 июня 1941 г. — стал рубежной датой для всей страны. Он навсегда отложился в памяти людей. Вот лишь одно из многочисленных воспоминаний о нем. М. М. Савостин (1928 г. р.) вспоминает: «...Работал я на бригаде, приехал председатель сельского совета Воробьев, как раз к обеду, и он объявил: „Слушайте внимательно. Началась война“, — и тут всё, стали мужиков забирать» [9].

С первых дней войны на фронт ушло огромное количество мужчин — основной рабочей силы деревни. Р. Д. Сычева (1927 г. р.) вспоминает: «Война. Забрали брата, отца на фронт. Осталась мама, я и сестренка. Семья у нас была пять человек» [13]. Из Романовского района на фронт ушло несколько тысяч человек. Все интервьюированные нами отмечают большое число ушедших на фронт. Всего за первый год войны трудоспособное население Алтайского края сократилось более чем на 500 тысяч человек [1, с. 152].

Отправляли на фронт из колхоза технику машинно-тракторных станций: тракторы, автомашины, а также тягловую силу — лошадей со сбру-

ей. Машинный парк края сократился уже в первый год войны на 2 500 тракторов, количество лошадей уменьшилось на 53 тысячи. Резко упала механизация сельскохозяйственных работ [1, с. 152]. Основной тягловой силой на селе стал КРС — коровы и быки. А. И. Тимофеев (1928 г. р.) рассказывает: «На быках шофером был, у меня пара быков была, то за сеном, то за соломой поедем...» [14]. Принцип управления этим «транспортным средством» был прост: «Которые [быки] на вожжах, которые так, прутом туды — он поворачивает» [14]. Упоминание о быках как об основной тягловой силе встречается во многих интервью.

Вместо мужчин, ушедших на фронт, основной рабочей силой стали женщины и подростки. М. И. Камчатова (1929 г. р.) вспоминает: «Мужиков всех забрали, всех на войну забрали. Остались одни женщины. У нас был только бригадир и учетчик, а то 9 или 10 девок у нас отряд был прямо девичий и мы все на тракторах делали сами» [6]. А. И. Тимофеев так оценивает кадровую ситуацию: «Выезжали только на женщинах. Женщины — и трактористы, и машинисты, и шофера. Всё женщины да молодежь» [14].

Женщинам нужно было в кратчайший срок менять свой образ и ритм жизни, привычные семейные устои, осваивать новые трудовые и общественные роли [15, с. 380]. Тысячи женщин и девушек стали изучать сельскохозяйственные машины, чтобы на полевых работах заменить мужчин. Осенью 1941 г. на комбайны и тракторы впервые сели свыше 18 тысяч алтайских женщин, в то время как до войны в крае трактористками работало всего около 2 тысяч женщин [1, с. 156].

М. И. Камчатова вспоминает: «Как война началась, меня сняли с письмоносов, поставили меня, сказали — иди учись на курсы на тракториста... в Романово я училась на тракториста, МТС был, и я там училась, зиму проучилась. Только мы зиму проучились, на весну уже на трактор посадили. Я 11 лет проработала на тракторе» [6].

В войну резко возросла нагрузка на механизмы. В 1942 г. нагрузка на каждую механическую силу составляла от 8 до 18 га. Средняя нагрузка на один условный комбайн составляла 377 га. При этом большинство оставшихся в крае комбайнов и тракторов были значительно изношенными, так как до войны проработали на полях от 5 до 8 лет [1, с. 156–157]. Одной из трудностей было также отсутствие запчастей к сельскохозяйственной технике. Как известно, со второй половины 1941 г. производство запасных частей и сельхозмашин было прекращено. Позднее их производство было налажено, но на начальном этапе войны о каком-либо централизованном снабжении сельскохозяйственной техники говорить не приходилось [1, с. 177]. В этом аспекте интересны воспоминания М.

И. Камчатовой: «Ломались часто... Трактора тогда были старые уже, а в войну не было деталей никаких, не за что их купить, сами ремонтировали. Был МТС, где трактористы были назначенные. Они ремонтировали. У кого сломается — везешь туда, там подремонтируют... С топливом в войну всяко было — и бывало, и не бывало. Бывало, бензину нет никакого, только керосин был... когда не заведешь никак, а когда заведешь кое-как» [6].

Недостаточная механизация сельскохозяйственного труда неизбежно приводила к увеличению доли ручных работ. Уже в первую военную осень колхозники шли на уборку в лучшем случае с серпами и косами, переделывали сенокосилки для жатвы зерновых [1, с. 160–161].

Рассказы респондентов о работе в колхозах в годы Великой Отчественной войны крайне типичны, но это не умаляет их ценности для исследователей. Устные источники показывают, что за «подвигом тружеников тыла», как это именовалось на официальном советском языке, стоял ежедневный и непосильный в прямом смысле слова труд [15, с. 380]. Типичен рассказ М. В. Сергеевой (1925 г. р.): «В годы войны трудно было... урожай когда был, когда не был. Все сплавляли на фронт, а нашему брату тут доставалось уже кто с чем, кто дома что выращивал... на полях сеяли, вручную сеяли, тогда вручную сеяли... [техники] почти что не было. Там колесники были, по одному трактору. На лошадях больше пахали... женщины сеяли, мужики, если есть, а то женщины в основном. Мешок на шею повешают и идет рассевает по полю... косили, то сенокосками косили, то серпом жали женщины, а потом в снопы, потом молотили... трактора пахали, больше на лошадях пахали. Например, я сама пахала на конях. Три коня запряжешь и пашешь» [11].

Основной формой организации сельскохозяйственных работ того времени была бригада. Женщин вывозили непосредственно на поля, где они работали и жили большую часть времени. На бригадах они работали день и ночь. Выездной полевой сезон включал себя весь период пахоты, сева и уборки [15, с. 382]. На выходные колхозницы обычно возвращались в семьи.

М. И. Гринева (1934 г. р.) вспоминает: «Мужчин забирали на фронт, а бабы работали, их на бригаду увозили. Моя мама жила в бригаде. Неделю проживет, а потом приедет, а мы сами. А они там все делали. Мама в основном на разных работах... в бригаде они жили там и работали» [3]. Иногда дети со своими матерями жили и работали на бригаде. И. А. Барсов (1929 г. р.) вспоминает: «Кончил первый класс, и все, война началась... Мать мне говорит: „Ванька, давай будем здесь жить, в бригаде“.

Мы там и жили, в этой бригаде. Ходили за этими овечками до 1946 года, а в 1946 году выехали оттуда в Гуселетово» [2].

Основной формой оплаты труда в то время были трудодни[1]. Весь доход после выполнения обязательств перед государством поступал в полное распоряжение колхоза и колхозников, причем каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным ими трудодням.

С началом войны сельское хозяйство страны было переведено на военное положение. Сокращение посевных земель и ресурсов для их обработки привело к необходимости максимального изъятия зерна у колхозов, что выразилось в минимизации продовольственных оплат за трудодни, особенно в 1941–1942 гг. В. И. Мохова (1928 г. р.) вспоминает: «Мы за трудодень [работали]. Палку записывают нам или две, на сколько мы заработаем, может, кто три палки… на трудодень хлеб давали или пшеницы» [8].

Особой социальной категорией во время войны были дети. На их долю пришлось не меньше испытаний, чем на долю родителей. Детства в современном понимании у них фактически не было. Взрослая жизнь начиналась с 13–14 лет, когда они шли работать вместе с родителями. Из-за крайней нехватки людских ресурсов сельские подростки становились важной рабочей силой наряду с женщинами. Часто у них даже не было возможности ходить в школу.

Ярким рассказом о событиях, увиденных глазами ребенка, являются воспоминания И. Ф. Калашника (1929 г. р.): «Мужчин забрали, женщины остались и старики, и инвалиды… в колхозах работали… Женщины и на коровах пахали, пешими за 5 километров ходили на полевой стан… Трудно было им, женщинам, а оставались дома, только когда огород посадить или в больницу детей свозить. Выходных не было. Летом приходилось работать, там по хозяйству. Она варила, латала, стирала. Зимой то же самое. Мы ложились спать, а она там шила, пряла, ткала, даже валенки делала. У нас отец пимокат был, [поэтому] инструмент был. Мы помогали матери. Вот мать идет на работу, дает задание на день. Мы старались сделать не столько, сколько мать скажет, а больше сделать. Она приходит и спрашивает: „Сделали?“ – „Сделали“» [5]. «Старшая сестра, как отец умер, она не пошла ни одного дня в школу, пошла в колхоз сразу работать, а потом и я с 14 лет был конюхом в летнее время, ухаживал за лошадьми, поил, кормил лошадей. Младшая сестра у меня даже поваром была. Три километра полевой стан был. Она вечером покормит тех,

[1] Трудодень – мера оценки и форма учета количества и качества труда колхозника в колхозном производстве (1930–1966).

кто остается ночевать там. И было два или три случая, когда она в лунную ночь приходила домой и полола картофель ночью. Мать просила: „Не поли, Варя“. — „Нет, мам, я помогаю тебе“» [5].

С. А. Гулько: «Я в 1943 году бросил школу. Я там учился в четвертом классе. В 1943 году 1 мая школа кончилась, и я в это лето попал на сенокос. Там мы жили, там балаганы были, косили сено. Мы гребли, поскребали. Я-то еще пацан был. Что мог [делал], по силе возможности. Также на прополке были. Потом в 1944 — уборочная страда. Косили хлеб лобогрейками. Запрягали четыре лошади. Меня, пацана, брали погонщиком. Я пацан был такой, что слушался всех. Война. Родине хлеб нужен. Я оставался. Пацаны в школу пошли, а я не пошел. Меня не пустили в школу. Мне приехали, сказали правда-неправда, что была сессия по уборке и решили оставить этих сынов на период уборки... Косить бросили, надо было собрать, заскирдовать, потом надо молотить, и я до Нового года работал, а к Новому году в школу пошел. Дальше — больше, я стал работать на быках, на коровах и пахал» [4].

Одним из главных явлений этого периода, описываемых респондентами, был голод. Государство активно «выкачивало» из деревни все, что можно. Деревня и до этого была главным ресурсом молодой страны Советов. Продразверстка, раскулачивание, коллективизация 1920–1930-х гг. значительно подорвали хозяйственные устои крестьянства. Эти же явления отчасти послужили причинами голода в 1932–1933 гг.

С самого начала войны от деревни потребовалось огромное количество ресурсов. В первую военную осень алтайским крестьянам удалось героическими усилиями выполнить план, но из-за его чрезвычайно завышенных требований у крестьян практически не осталось зерна ни на посев, ни на собственное пропитание.

Посевная кампания 1942 г. проходила в тяжелейших условиях. Для Алтайского края ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили план основных сельскохозяйственных работ. Посевные площади края в целом были расширены до 3 650 тыс. га [1, с. 162]. Краю не удалось выполнить план, и одним из главных следствий этого стал страшный голод. Описания голода в войну выглядят типично, хотя сами по себе они способны вызвать ужас. Вот несколько рассказов о том страшном времени.

И. А. Барсов: «Очень тяжело было... питания не было, травы ели... рыжик ели, растение такое... у него семена есть... Еще трава была, кашка называлась... ее варили как кашу... Воду закипятят, нашелушат, сварят и едят... На зиму кашку заготавливали. Я, пацан, с матерью. Помимо травы, самая основная картошка была. На нее упора была. Почему мы ели рыжик? Год был неурожайный, мало картошки уродится, и вот начина-

ешь комбинировать есть и рыжик… Рыжик — это дикое растение. На степи растет. Вот, например, в деревне за огородами растет она… Ягоды как хлеб ждали всегда. Ягоды были. Когда урожайный год, только на них и паслись, на ягодах… [Ели] клубнику или землянику. Земляника, та в бору, а клубника — та на поле в околках растет» [2].

А. И. Тимофеев: «Ходили за рогозой, рогозу рвали. [Это] камыш. На болотах растет… Его как выдернешь — там рожки есть такие снизу. Очень сладкие, а сам корень примерно сантиметров 20, тоже съедобный, а верхушку бросали. Пучков наломаешь — и домой. Отец — заядлый охотник. Птицы настреляет, яиц наберет. Как яйцекладка начнется утиная, поедет на острова. У него лодка была. Насобирает яичек» [14].

А. П. Спицына (1928 г. р.): «Как война началась, у нас коровы нету, ни пшеницы нету. Пойдем мы туды, нарвем травы, и ели. Слизун ели, кислицу ели, все подряд ели. Кашку ели, рыжик ели, всё ели» [12].

Основной опорой крестьянства в это время стало личное подсобное хозяйство. И. А. Барсов вспоминает: «[Выращивали] морковку, огурцы. Все это выращивали, что было подобное, растения. Все это выращивали и ели» [2]. А. И. Тимофеев рассказывает: «Свое молочко было, огурчики, помидорчики» [14]. Несмотря на довольно скромные объемы личного подсобного хозяйства, оно облагалось довольно крупным налогом: «Всё сдавали. Яйцо есть. Курочка несется — для фронта. Картошку в огородах выращивали — для фронта» [13]. «На нас налог давил. Нету овечек, вот купи 1,5 шкуры и яиц 100 штук обязательно сдай» [7].

Несмотря на всю тяжесть военного времени и постоянную борьбу за выживание, люди старались помогать друг другу. Очень показательны воспоминания И. Ф. Калашника: «Делились, помогали друг другу, сосед соседу. Я вот помню случай, что на Троицу в 1941 году мать дала 8 картошин соседке, а у ней семья была 5 человек. Она 5 оставила себе, а 3 отнесла следующей соседке. У нее семья была 3 человека. Родители помогали друг другу. Вот отец умер. Приходили и мужчины и женщины к нам. Кто-то посидит, кто-то снег, кто-то дрова, кто-то что-то сделает, а иной просто спросит: „Как вы тут живете?“» [5].

Особенность Романовского района — наличие соленых озер. В войну из них добывали соль для собственных нужд, обмена и продажи. А. Р. Свирин (1937 г. р.) вспоминает: «Особенно в войну озерко спасало всех. С тяпочкой поедешь, тяпочкой собираешь [соль], а потом выжидаешь, пока обсохнет она. Сколько соберешь, привозили домой. Далеко до Романово было. Я маленький тогда был. Помогал матери как мог» [10].

Таким образом, в Романовском районе в целом происходили те же процессы и явления, что и по всему краю.

В конце повествования практически всегда приходилось слышать: «Не дай вам Бог так жить, как мы жили». Эта фраза является лучшей характеристикой того времени и назиданием потомкам.

Источники и литература

1. Алтай в годы Великой Отечественной войны /под ред. Е. В. Заруцкой. Барнаул, 1960. 236 с.
2. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Гуселетово, Барсов И. А., 1929 г. р.
3. Там же. Романовский район, с. Гилёв Лог. Гринева М. И., 1934 г. р.
4. Там же. Романовский район , с. Гуселетово. Гулько С.А., 1930 г. р.
5. Там же. Романовский район, с. Дубровино. Калашник И. Ф., 1929 г. р.
6. Там же. Романовский район, с. Гилёв Лог. Камчатова М. И., 1920 г. р.
7. Там же. Романовский район, с. Гилёв Лог. Кандаурова А. Н., 1928 г. р.
8. Там же. Романовский район, с. Гилёв Лог. Мохова М. И., 1928 г. р.
9. Там же. Романовский район, с. Гилёв Лог. Савостин М. М., 1927 г. р.
10. Там же. Романовский район, с. Романово. Свирин А. Г., 1937 г. р.
11. Там же. Романовский район, с. Сидоровка. Сергеева М. В., 1925 г. р.
12. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Спицина А. П., 1928 г. р.
13. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Сычева Р. Д., 1927 г. р.
14. Там же. Романовский район, с. Гуселетово. Тимофеев А. И., 1928 г. р.
15. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул, 2008. 528 с.

В. С. Станиславских

Виды женского рукоделия в селах Романовского района в XX в. (по материалам ИЭЭ-2010)

Традиционное женское занятие – домашнее рукоделие и связанные с ним устноисторические и фотосюжеты – достаточно широко представлены в материалах минувшего полевого сезона (ИЭЭ АлтГПА, Романовский р-н). Собрана коллекция фотографий, в интервью затронуты вопросы о шитье, вышивании, вязании, изготовлении кружева, ковроделии, лоскутном шитье и пр. Особо следует отметить рассказы информаторов о прядении и ткачестве. В них с разной степенью полноты описаны особенности заготовки сырья и обработки волокна, орудия труда и процессы прядения, ткачества.

На основе полевых материалов можно утверждать, что население Романовского района в качестве сырья для изготовления полотна чаще всего использовали лен и коноплю, которые выращивали, как правило, на огородах. Но поскольку на территории Романовского района часть сел была расположена вдоль линии озер, то использовали и дикорасту-

щую коноплю. Например, в с. Гуселетово конопля росла на «лягах», или «ляжках», – маленьких озерах [8]. Одни информаторы использовали в качестве сырья для изготовления изделий льняное волокно, мотивируя это тем, что на выходе полученный «материал был лучше», т. е. мягче; другие – конопляное, так как «из конопли одежда была прочнее» [3, 6]. Но в целом преобладали посевы конопли [11]. Традиционным сырьем для производства нитей служила также овечья шерсть.

Процесс обработки волокна, зафиксированный в текстах интервью, в целом не отличался от традиционного для восточных славян, известного по этнографической литературе [12]. Но были отмечены некоторые локальные отличия, которые объясняются как природно-географическими особенностями района (снопы конопли вымачивали в маленьких озерах-лягах [8]), так и этническими традициями местного населения (при обработке стеблей льна и конопли потомки украинских переселенцев использовали терницы (тепалки) – вращающиеся барабанные мялки [2]; кроме того, украинцы мяли стебли ногами или в ступе [7]).

Нити из обработанного волокна пряли с использованием веретена [16], прялки-донца [19] или деревянной самопряхи [1–11, 13–15, 17–18, 20]. Их либо изготавливали самостоятельно, либо покупали у мастеров. По воспоминаниям жительницы с. Закладное Татьяны Даниловны Шептуля, девочки учились прясть с 12 лет: «Я даже чуть раньше прясть начала. В 12 лет уже на рушники и дерюги пряла» [19]. После прядения нити приступали к тканью полотна. По полевому материалу фиксируется распространение в первой половине XX в. на современной территории Романовского района ткачество посредством ткацких станов, которые украинцы называли верстаками, а русские – кроснами [14]. Льняное и конопляное полотно массово изготавливали до 1940-х гг. В военные и послевоенные годы этим уже почти не занимались, так как не было ни сырья, ни времени. По словам информаторов, ткачество представляло собой довольно трудоемкий процесс [14]. Полевые материалы 2010 г. позволяют реконструировать процесс ткачества лишь в самом общем виде.

По свидетельству Н. Е. Овечкиной, готовое полотно было серым, его отбеливали традиционным для крестьян способом: летом вымачивали в реке, зимой стелили на снег – «холсты во дворе весной на снегу стелили и снегом забрасывали, чтобы они белились» [14]. После отбеливания из тканого полотна, в зависимости от его качества, изготавливали одежду и предметы бытового назначения. Из сукна (шерстяной ткани) украинцы шили зимнюю верхнюю одежду – зипуны (кыреи) [7]. Дерюги – грубые холсты – ткали, используя в качестве основы льняные нити, а в ка-

честве утка — нити из овечьей шерсти [19]. Праздничные рушники чаще всего изготавливали из тонкого полотна. Тканые кустарным способом цветные орнаментированные рушники, предположительно привезенные с Украины, информаторы называют «Кроловецкими» («Королевскими») [11].

Основным способом орнаментации изделий, изготовленных из самотканого и фабричного полотна, является вышивка. У информантов Романовского района встречаются преимущественно предметы, вышитые в технике простого и болгарского креста, лицевой и двусторонней глади, мережки, ришелье.

Предметами, традиционно богато украшавшимися вышивкой, были рушники. Техника вышивки рушников и орнамент менялись со временем: старинные рушники традиционно украшались вышивкой крестом, выполненной красно-черными нитями, что было характерно для украинцев и выходцев из Южной России, после 1950-х гг. наибольшее распространение получила вышивка крестом и гладью, выполненная фабричными нитями мулине различных цветов. Встречаются рушники разных видов, в том числе вышитые, украшенные одной или несколькими полосками вязаных или фабричных кружев, бахромой [19], лентами [20].

Вышивкой украшались также «шторки на угол» — «угольники» для красного угла, занавески, края «самошитых скатертей», наволочки, дорожки [17]. Широкое распространение получило украшение интерьера дома картинами, вышитыми в технике креста (часто так называемого двойного, или «болгарского»). Сюжеты вышивок определялись главным образом модой и доступностью в сельской среде готовых схем, как правило, напечатанных в журналах для вышивки, а также личными предпочтениями, зачастую имеющими и этническую окраску [4].

Не менее значимым рукоделием было вязание. По словам информантов, крючком вязали из овечьей шерсти (реже — из козьего пуха) и из покупных нитей фабричного производства [19]. О вязальных спицах упоминаний нет. Стрижка овец осуществлялась дважды в год. Шерсть сначала обрабатывали: били на струне, чесали, пряли, сучили, а затем красили. Вместо покупной краски могли использовать березовые листья. После окрашивания высохшую пряжу сматывали в клубки [18]. Чаще всего из шерсти вязали теплые вещи (носки, чулки, рукавицы, кофты, юбки, шапки, шали и т. п.), использовали ее и для изготовления необходимых в быту изделий: «шерсть пряли и кружки на пол вязали» [14]. Шерсть использовали, в зависимости от времени стрижки, как сырье для катания войлока, валенок (осенняя стрижка), для прядения (весенняя стрижка). По свидетельству Н. Е. Овечкиной из д. Сидоровка, «на

носки и варежки пряли веснянку, которую состригали с овец в апреле—мае. Весенняя шерсть была мягкая, длинная» [14].

Изделия декоративно-прикладного творчества: кружевные скатерти, салфетки, околодки — кружево на покрывала, на рядна вязали из фабричных ниток деревянным крючком [3].

Наиболее редко встречающимся видом рукоделия является ковроделие. Для изготовления махровых ковров покупали основу (бязь, гобеленовые покрывала) или сами ткали прочное полотно. Затем ее натягивали на деревянный станок и при помощи специальной иглы цветными шерстяными нитками выбивали рисунок петельками [5]. Екатерина Афанасьевна Мулевана из пос. Тамбовского рассказывает: «Ковер сама выбивала. Шерсть пряла, сучила, красила и иголкой его выбивала. Рисунок взяла у подруги» [13].

В единичных случаях занимались шитьем из лоскутков ткани. Эту технику чаще всего использовали для шитья одеял, половичков [13].

В настоящее время прядение льна и ткачество ушли в прошлое за отсутствием необходимости в изготовлении нитей, ткани, а вязание и шитье носят прикладной характер.

В ходе сбора и изучения материала прошедшего полевого сезона выявился ряд отличительных черт в рукоделии, обусловленных главным образом этнической и этнографической принадлежностью информантов. Так, русские ткали сине-красно-черные пояса с надписями и рисунками, а потомки украинцев — однотонные красные пояса с большим количеством кисточек. Другой фактор, отразившийся в особенностях рукоделия, — природно-географический: например, использовали коноплю, растущую на лягах. Последний фактор, который повлиял на специфику домашнего рукоделия, — эстетические предпочтения женщин, функциональная составляющая (удобство применения того или иного материала, инструментария) и т. д. Одни женщины охотнее изготавливали нить на прялке, другие предпочитали веретешко; многие по-разному относились к конопляному и льняному полотну, по-своему интерпретируя их достоинства и недостатки.

Ткачество и ковроделие на территории Романовского района требуют более детального изучения, что определяет перспективу дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский р-н, с. Казанцево. Абрамова Лидия Федотовна. 1927 г. р. Украинка.
2. Там же. с. Дубровино. Бузина В. П., 1936 г. р. Хохлушка.
3. Там же. с. Дубровино. Голенко Т. М., 1935 г. р. Хохлушка.
4. Там же. пос. Тамбовский. Гринько Вера Андреевна. 1925 г. р. Хохлушка.

5. Там же. с. Дубровино. Дорошенко Р. И., 1937 г. р. Хохлушка.
6. Там же. с. Дубровино. Дудченко Е. Ф., 1927 г. р. Хохлушка.
7. Там же. с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р. Украинка.
8. Там же. с. Гуселетово. Киршанова А. К., 1927 г. р., Русская.
9. Там же. с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р. Украинка.
10. Там же. с. Романово. Костенко У. А., 1932 г. р. Украинка.
11. Там же. с. Романово. Курашова Т. Е., 1926 г. р. Русская.
12. Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 г.
13. Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский р-н, пос. Тамбовский. Мулевана Е. А., 1927 г. р. Хохлушка.
14. Там же. д. Сидоровка. Овечкина Н. Е., 1926 г. р. Русская.
15. Там же. с. Романово. Полторацкая Е. И., 1927 г. р. Украинка.
16. Там же. с. Казанцево. Скопа Любовь Анатольевна. 1960 г. р. Украинка.
17. Там же. пос. Тамбовский. Тарабарка У. П., 1929 г. р.
18. Там же. с. Закладное. М. Д., 1939 г. р. Украинка.
19. Там же. с. Закладное. Шептуля Т. Д., 1936 г. р. Украинка.
20. Там же. пос. Тамбовский. Шпет А. Т., 1929 г. р. Русская.

Н. А. Тадина

О возрожденном зайсанате как регуляторе внутриэтнической жизни алтайцев[1]

В Горно-Алтайском государственном университете нами завершается изучение зайсаната в Республике Алтай в рамках регионального проекта РГНФ. В этнографическом отношении возрожденный зайсанат интересен тем, что он является одним из регуляторов развития внутриэтнической жизни алтайцев. В течение полевого сезона 2010 г. мы продолжили сбор сведений, на основе которых были сделаны следующие выводы.

Зайсанат остается южноалтайским явлением и охватывает роды этнотерриториальных групп южных алтайцев — теленгитов и алтай-кижи. Его возрождение объясняется особенностью этнического сознания, выстроенного на родовой структуре, выступающей механизмом внутриэтнической жизни. До тех пор, пока из поколения в поколение будет сохраняться обычай патрилинейной передачи родовой принадлежности и связанное с этим соблюдение родовых обычаев, таких как экзогамия, авункулат, взаимопомощь, почитание старших, будет жить зайсанат как символ единства сёока [5, с. 77–81].

В современном зайсанате действуют 12 зайсанов самых многочисленных родов «кыпчак», «тодош», «тёлёс», «майман», «иркит», «чапты», «сагал» и др. Их деятельность заметна в политической и социальной жизни рес-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ — № 09-03-61302 а/Т.

публики. Сами зайсаны желают быть понятными общественности. Обычно они принимают активное участие в проведении мероприятий общереспубликанского масштаба, например, на празднике «Эл-Ойын» (июль, 2010 г.) зайсаны, одетые в нарядные алтайские костюмы, ранним утром совершали ритуал почитания Алтая и испрашивания благополучия всем участвующим. Их действия запечатлеваются как российскими, так и зарубежными СМИ и широко рекламируются в журналах, газетах, по телевидению. В этом видится их стремление быть популярными и понятными для окружающих, будь то односельчане, иностранные туристы или молодежь [8, с. 595–597].

Мы наблюдаем деформацию родового самоуправления как неизбежный итог адаптации к нынешним условиям развития этноса. Дело в том, что имеющийся опыт «реанимации» зайсанства не дал ожидаемых результатов: старинная форма правления не отвечала современным условиям [4, с. 45–48]. Если в старину основными функциями зайсана были административные и судебные, то в наши дни идея возрождения зайсаната отвечает современным внутриэтническим проблемам, к которым относятся соблюдение родовых обычаев экзогамии и авункулата, сохранение авторитета старших по возрасту, регулирование сватовских расходов, актуализация традиционных норм морали и этики в современных условиях.

Принято считать, что именно зайсан может повысить значимость соблюдения норм родовой экзогамии. У современных алтайцев нередки случаи экзогамных нарушений как между родственными сёоками, называемыми «карындаш», так и внутри сёока, а порой в одной родословной. Функциями зайсана являются «хранение» нормативного эталона отношений между сёоками и регламентация практики брачных связей между представителями разных родов. К нарушившим экзогамный обычай относятся сёоки тодош долины р. Песчаной (Шебалинский р-н), кыпчак долины р. Урсул (Онгудайский р-н), кёбёк Чуйской долины (Кош-Агачский р-н). Многие знают о таких нарушениях, совершенных еще в советское время и продолжающихся в наши дни, сообщают, в каком сёоке, в каком селе, потомки какой фамилии совершили это [6, с. 130–135].

В последнее время среди алтайцев стали звучать предложения о допустимости брака внутри крупных сёоков и между некоторыми родственными сёоками. Есть семейные пары из представителей родственных сёоков, причем многочисленных — таких как кыпчак, кергил и мундус. Другой пример: сёоку тодош родственным приходится малочисленный сёок очы, а оттого почти сливающийся в один сёок, поэтому браки меж-

ду ними недопустимы. Итак, отступление от традиционных брачных практик с учетом численности сёока становятся новой формой социальных отношений.

Из брачных традиций наиболее сложной оказалась проблема регламентирования сватовских расходов на свадьбу. Остро стоит вопрос об ограничении списка родственников невесты, которых полагается сватать. Такой обычай сватовства распространен среди алтай-кижи, а у теленгитов происходит в одном месте. По предъявленному списку сторона жениха должна совершить сватовской визит с преподношениями и оповещением о предстоящей свадьбе. Информаторы указывают, что сегодня сватовство, как и следующий за ним выкуп, стали серьезной экономической проблемой. В Усть-Канском районе считается нормой назначение стороной невесты свыше 40, а в последние годы — 50–60 семей, что стало своеобразной мерой испытания сватов. Для сравнения: информаторы сообщают, что на начало 1960-х гг. сватам приходилось просватать 25–30 домов, в 1970–1980-е гг. — 40–50, в 1990-е — 40–50; в 2000–2010-е — 60–70. Возможно, такой рост частично объясняется тем, что род хочет выделить и поощрить как можно большее число своих членов, при этом никого не обидев [1, с. 114–123].

В наши дни, когда социальные контрасты становятся привычными, узловые брачные обряды стали своеобразным предметом состязаний — у кого на свадьбе больше машин, соотносится ли размер приданого невесты со списком домов, по которому было совершено сватовство. Далеко не всякая семья способна «потянуть» свадебные расходы самостоятельно. Задачей зайсана является справедливое распределение финансовой нагрузки между всеми участниками торжества. Усть-канцы объясняют, что традиция подачи большого списка адресов для сватовства объясняется количеством их родственников, которых не могут обойти вниманием, они же дают богатое приданое, соразмерное с затратами на сватовство. Сегодня наблюдается другое отличие свадьбы от свадеб прошлого века — полный комплект приданого невесты, от набора стаканов вплоть до мебели, холодильников, телевизоров и пр. Живущие по соседству русские, сравнивая алтайские свадьбы со своими, отмечают небывалые затраты алтайцев, называя алтайскую свадьбу «богатой и расходной», а активное участие обеих сторон в обеспечении молодых объясняют так: «Алтайцы между собой дружные».

Другая проблема связана с социальной жизнью алтайцев: безработицей, пьянством и мелкими кражами. Институт зайсанства — чисто общественная организация, регулирующая родовые отношения и мелкие проступки, мог бы стать прообразом общественной палаты Россий-

ской Федерации в регионе [3, с. 135–136]. Помня традиционную судебно-фискальную функцию зайсана, некоторые алтайцы предлагали методом общественного суда решать насущные вопросы сородичей. Исследуя этот аспект функций возрожденного зайсаната, этнограф С. П. Тюхтенева поясняет, что алтайцы «прежде всего хотели бы восстановить ответственность друг перед другом членов рода, жителей села. Кроме того, обсуждаются проблемы, связанные с различными правонарушениями, не носящими уголовного характера. Алтайцы считают более целесообразным наказание за какой-либо проступок в виде морального осуждения и возмещения убытка, нежели лишения свободы» [7, с. 82].

О другом опыте суда зайсана сообщается в интернете: «Люди до сих пор обращаются к зайсанам с просьбой разрешить ту или иную ситуацию. Например, известны случаи, когда к Константину Шылыкову тоже обращались как к судье. Одна бабушка осталась без детей, за скотом некому стало ухаживать. Она попросила дальних родственников помочь в этом, но в результате и она осталась недовольной, и родственники посчитали, что она несправедлива. Обратились к зайсану, чтобы он разрешил ситуацию» [2]. Таким образом, актуализация родовых традиций силами зайсанов приводит к возврату престижа родовой элиты, авторитета старшинства по возрасту, родству, социальному статусу, что вызвало интерес среди населения как внутри республики, так и за ее пределами.

Современный зайсанат считает возможным налаживание регулирования сватовских расходов, реформирование норм авункулата, соблюдение которого преднамеренно забывается в связи с низким уровнем жизни. На каждом Курултае алтайского народа продолжают звучать предложения корректировки ситуаций внутриэтнической жизни.

История этнического возрождения в Республике Алтай показывает, что современный зайсанат обеспечен поддержкой социально активного большинства алтайцев.

Источники и литература

1. Енчинов Э. В. Обычное право в регулировании заключения брака алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 114–123.
2. Если говорить о работе зайсана… // Новости Горного Алтая. URL: http://www.gorno-altaisk.info (дата обращения 23.09).
3. Иванова В. С. О первом опыте суда зайсаната в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 135–136.
4. Иванова В. С. О современных формах родового управления в Республике Алтай // Материалы заседания науч.-практ. конф., посвященной 15-летию образования Госу-

дарственного собрания — Эл Курултай Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2009. С. 45–48.
5. Тадина Н. А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 77–81.
6. Тадина Н. А. Родовая экзогамия как выражение генеалогического единства алтайского сёока // Культурное наследие народов Сибири и Севера (материалы VI Сибирских чтений). СПб., 2005. С. 130–135.
7. Тюхтенева С. П. Обычное право алтайцев: есть ли будущее у института зайсанства? // Обычное право и правовой плюрализм (матер. конф.). М., 1999. С. 82.
8. Ябыштаев Т. С. Возрожденный зайсанат в Республике Алтай как одно из проявлений процесса коммодификации культуры алтайцев // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология (матер. конф.). Иркутск, 2010. С. 595–597.

В. И. Терентьев

Западная Монголия: современная этническая ситуация (по результатам полевых исследований 2008–2010 гг.)[1]

В течение 2008–2010 гг. коллектив этнографов и историков КемГУ по гранту Министерства образования и науки занимался проблематикой межкультурных взаимодействий в приграничных территориях России и Западной Монголии.

Можно выделить пять основных районов дислокации экспедиции. Во-первых, это Дэлуун сумон Баян-Ульгийского аймака с моноэтничным казахским населением; во-вторых, Ульгий, Умнеговь и Тариалан сумоны Увс аймака со смешанным полиэтническим составом населения (дербеты, баяты, хотоны, халха); в-третьих, Мянгат и Эрдэнэбурэн сумоны Ховд аймака (олеты, мянгаты и казахи); в-четвертых, Тургэн и Сагил сумоны Увс аймака — котловина озера Уурэг-нуур — моноэтничный дербетский состав населения; и, в-пятых, городское население «монгольских» аймаков Западной Монголии — Ховд и Улаангом.

Для выявления современной этнической ситуации были использованы метод анкетирования населения, анамнестическое обследование (интервью с экспертами) и метод кратковременного включенного наблюдения. С учетом характера исследований на трех языках (русском, монгольском и казахском) был составлен опросный лист. В процессе экспедиционных работ опросный лист неоднократно корректировался, вносились дополнительные вопросы, отражающие специфику бытовой и духовной культуры. Экспертами в нашей работе выступали чиновники ад-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ ЕЗН 2.13.08, з/н № 13 «Изучение этнокультурных взаимодействий в Центральной Азии: Россия и Монголия с эпохи колонизации Сибири до современности».

министративного корпуса: начальник багов, главы сумонов, заместители губернаторов и губернаторы.

Традиционным занятием населения сельской местности (по-монг. — хотон) по-прежнему остается скотоводство. Существует фиксированная система выпаса скота с закрепленными за каждым сумоном и багом (низшая административная единица) пастбищами. Виды пастбищ делятся на четыре группы: *өвөлжөөн* («зимники»), *зуслан* («летники»), *хабаржаан* («весенники»), *намаржаан* («осенники»). Два раза в год устраивают собрания скотоводов у начальника бага, где каждый высказывает свои предложения, обсуждают различные проблемы. На этом же собрании утверждают сроки перекочевок, например, в 2010 г. скотоводы с весенников *Уурегийн буудал* (южное побережье оз. Уурэг-нуур) 1 июля будут уходить на летние пастбища, в ущелье *Норийн-салаа* (примерно в 30 км к юго-западу от озера).

Также в качестве примера можно привести цикл перекочевок дербетов Уурэг-нуура. В ноябре уходят на зимники *Хар-Ус* и *Цагаан-Хац,* которые находятся на северо-западном побережье озера, в феврале передвигаются на весеннее пастбище (северо-восточный берег озера), в апреле уезжают в сумонный центр Сагил (восточнее озера, за перевалом Улан-даваа), в июне приходят на юг озера, в урочище *Шугум*. Помимо социальных выплат, для большинства семей основой дохода являются средства от продажи продуктов животноводства. На рынке Улаангома корова стоит 500 тыс. тугриков (ок. 10 тыс. руб.), баран — 80–100 тыс. тугриков (ок. 2 тыс. руб.), козий пух 1 кг — 45 тыс. тугр. (ок. 1 тыс. руб.), 1 кг сыра — 4–5 тыс. тугр. (ок. 100 руб.). Те, кто имеет грузовые автомобили, вывозят скот в город, либо при отсутствии транспорта договариваются с соседями, или же продают перекупщикам, которые уже крупными партиями везут сразу в Улан-Батор. Такую ситуацию мы наблюдали в этом году, когда шла сезонная стрижка овец.

В зависимости от численности скота перекочевывают до 20 раз за год. Зимники дербетов Уурэг-нуура расположены на северном берегу озера, неподалеку от границы с Республикой Тыва. Соседство с тувинцами обусловливает постоянную кражу скота у дербетов и угон его за границу. Имеют место вооруженные столкновения с монгольскими пограничниками (как, например, в 2006 г.).

Земледелие развито в основном в Тариалан сумоне Увс аймака. Хотоны и дербеты сумона Тариалан (в переводе с монгольского «посев»), помимо овощей, выращивают пшеницу, в сумонном центре находится мукомольное предприятие. Поля орошаются при помощи регулируемой

системы арыков. Практически полное отсутствие скота в районе обрабатываемых земельных участков способствует их сохранности.

Рыбной ловлей в настоящее время население Западной Монголии занимается редко. Во время полевых исследований экспедиции КемГУ была замечена ловля рыбы дербетами на озере Уурэг-нуур. В качестве орудия использовалась трехзубая острога длиной 40 см, насаженная на древко длиной 3–4 м. Верхом на коне рыболов заходит в воду, загоняет рыбу на мель и затем бьет ее. Большинство современных жителей Западной Монголии не знают способов приготовления рыбы, поэтому продукты рыбного промысла постепенно выходят из их рациона.

По вероисповеданию монголы ламаисты. Но при опросе встречались монголы, которые своей религией называли ислам. Оказалось, что отвечающий просто путал ислам с буддизмом либо не знал больше никаких религий. Праздники отмечают только государственные за незнанием других. Отсюда можно сделать вывод о характере «народной веры». Этот аспект подлежит дальнейшему изучению, особенно в связи с тем, что сакральные объекты до сих пор почитаются местным населением, речь идет о священных горах, на которых сооружены *индеры* или *обо*, целебных источниках *оршаан*. На гору для совершения коллективного поклонения и жертвоприношения индерам ходят в Цагаан-сар («Белый месяц» или Новый год) во время обряда «первых шагов».

Казахи традиционно исповедуют ислам и консервативно настроены в отношении смешанных браков: 77% опрошенных казахов против заключения смешанных браков, отсюда практически полное отсутствие интеграции казахов в современную монгольскую нацию. Как среди монголов, так и среди казахов сохраняются атеистические взгляды — следствие пропаганды периода строительства социализма в Монголии.

Неотъемлемой частью этнической культуры ойрат-монголов и казахов Западной Монголии являются народные праздники. Праздники можно разделить на календарные и семейные. Основными календарными праздниками монголов являются *Цагаан-сар* («Белый месяц»), или Новый год, отмечаемый на рубеже осенне-зимнего и весенне-летнего сезонов, и *Наадам* (или *Эрийн гурван наадам* — «три игрища мужей»), проводимый обычно в июле, в конце весенне-летнего сезона. Наадам проводят на государственном, аймачном и сумонном уровнях.

Скотоводческий весенне-летний цикл у сельских полукочевых и кочевых казахов Баян-Ульгийского аймака включает обряды, сопровождающие стадии хозяйственной деятельности. В первый день привязывания кобылицы привязь смазывают маслом, а первый кумыс в кожаном бурдюке *сабе* взбивают всем кочевьем, после чего все собираются в

этой юрте и происходят праздничные угощения. Остальные праздники следуют в традиции ислама: *Курбан-байрам, Ураза-байрам* и др.

Казахи Монголии являются наиболее мобильным населением из всех этнических групп, проживающих на западе страны. 71% опрошенных (в большей степени казахи Дэлуун сумона) совершали заграничные поездки, 81% имеют родственников в Казахстане и различными способами поддерживают с ними отношения.

Примерно половина всех опрошенных хочет переехать либо в другой аймак, либо в Улан-Батор, что в очередной раз иллюстрирует высокую степень миграции населения Западной Монголии.

Также были обследованы бывшие центры колхозов *нэгдэлов* Бургастай и Ачит, сохранившиеся от социалистического периода истории Монголии. В настоящее время они не ремонтируются и продолжают использоваться в большинстве случаев как складские помещения.

В результате исследований КемГУ была выявлена современная этническая ситуация в аймаках Западной Монголии, определена специфика региона и намечена проблематика дальнейших исследований. В первую очередь работы будут направлены на комплексное обследование Увс аймака и приграничных участков Республики Тыва.

Р. Ю. Федоров

Особенности взаимодействий со старожильческой средой белорусов — «панцирных бояр» Зауралья[1]

Летом 2010 г. нами были проведены экспедиционные исследования на территории Петуховского района Курганской области и Ишимского района Тюменской области в местах компактного проживания группы белорусских переселенцев, получивших название «панцирные бояре».

Панцирные бояре представляли собой особую категорию служилых людей, сложившуюся в XVI в. на территории современной Белоруссии. Первоначально они несли конную службу в панцирном облачении с тяжелым вооружением и занимали промежуточное положение между мелкой шляхтой и тяглыми крестьянами. После присоединения в конце XVIII в. восточных территорий Речи Посполитой к Российской империи панцирные бояре вошли в сословие государственных крестьян. К этому времени по образу жизни и социальному статусу они стали близки к казакам и крестьянам-однодворцам. Возделывая землю, панцирные бояре занимались охраной приграничных рубежей и полицейской службой. Само понятие «панцирные бояре» к тому времени стало анахронизмом, однако сохранилось в качестве самоназвания этой категории людей.

[1] Работа поддержана грантом РГНФ № 09-01-00567а/Б.

В начале XIX в. в западных губерниях Российской империи нарастала тенденция к обеднению и росту числа малоземелья государственных крестьян. Реформа управления государственными деревнями, разработанная П. Д. Киселевым (1837–1841 гг.), предусматривала их переселение на новые земли в качестве одного из путей разрешения сложившейся проблемы. В 1850–1860 гг. несколько общин панцирных бояр, проживавших на территории Себежского и Невельского уездов Витебской губернии (в настоящее время территория Псковской области РФ), решились на переезд в далекую Сибирь. Процесс переселения одной из групп панцирных бояр в Бергамацкую волость Тарского уезда достаточно хорошо изучен [1–3]. Однако и по сей день практически отсутствуют научные публикации, подробно рассматривающие историю и этнические особенности панцирных бояр, проживавших на территории Зауралья.

К моменту переселения первой группы панцирных бояр в Утчанскую волость Ишимского уезда (ныне это территория Петуховского и Чистоозерского районов Курганской области) значительную долю старожильческого населения этих мест составляли старообрядцы, именуемые здесь двоеданами. Крестьянские общины старообрядцев и белорусских переселенцев жили достаточно обособленно друг от друга. Потомок панцирных бояр, информатор Анатолий Яковлевич Тябутов, 1938 г. р., проживающий в д. Ново-Ильинка Петуховского района Курганской области, так обосновывает культурные различия между живущими здесь белорусами и двоеданами из соседней деревни Жидки: «Характер и образ жизни у нас разный. Белорусы — народ хлебосольный, гостеприимный. Какой гость ни придет — всегда накормят, напоят. А двоедан чужого не пустит за порог. Бывало, зайдешь во двор к двоедану, попросишь напиться. Он даст стакан, который хранится не дома, а где-нибудь в сенях. А если даст свой, то его после этого выкинет. Пить после меня не будет. В Ново-Ильинке и Жидках многие обряды отличаются друг от друга. И праздники, и церковные обряды, и хоронят по-другому».

Безусловно, подобное противопоставление старожильческих и новопоселенческих крестьянских общин, основанное на мировоззренческой оппозиции «свой—чужой», не только препятствовало быстрой ассимиляции белорусских переселенцев, но в некоторых случаях даже способствовало усилению их этнокультурной самоидентификации на новом месте. Это подтверждается анализом местных преданий, сохранившихся в белорусских деревнях Мизоново и Новые Локти Ишимского района Тюменской области. В обеих деревнях прибывшие панцирные бояре были подселены к проживавшим здесь ранее старожилам — чалдонам. В данном случае обе общины также старались обособиться друг от друга. По

рассказам информаторов из д. Мизоново, после прихода панцирных бояр она оказалась фактически разделенной на две части, в одной из которых жили чалдоны, в другой — самоходы (это самоназвание часто применяется многими переселенцами из Белоруссии, проживающими на территории Зауралья и Западной Сибири). Сохранилось предание о том, что в деревне существовал материальный маркер границы старожильческого и новопоселенческого миров: в условленном месте был установлен специальный межевальный столб. Даже последнее пристанище местные старожилы и переселенцы находили в разных местах: кладбище было разделено на две части специально вырытой канавой, на одной части хоронили чалдонов, на другой — самоходов. Похожая ситуация сложилась и в соседнем селе Локти, куда прибыла другая партия панцирных бояр из деревни Рамуси Гультяевской волости Невельского уезда Витебской губернии.

Переселенцы жаловались властям на притеснения со стороны чалдонов и обращались к ним с просьбой о предоставлении им отдельного участка земли для заселения. По сохранившемуся среди старожилов деревни преданию, которое записала бывший учитель Ново-Локтинской средней школы, краевед В. Л. Киселева (1930 г. р.) двое панцирных бояр специально отправлялись в Петербург, чтобы передать государю прошение о переселении. Как бы то ни было, просьба крестьян была удовлетворена, и им был предоставлен свободный участок земли, находившийся в нескольких верстах от Локтей. Здесь ими была основана деревня, получившая название Новые Локти.

Большинство информаторов из мест компактного проживания потомков панцирных бояр на территории Зауралья отмечают, что среди их предков были редки браки и даже бытовые контакты с чалдонами и двоеданами вплоть до 1930-х гг., когда процессы, связанные с разрушением традиционного жизненного уклада на селе, начали способствовать размыванию этнокультурных границ между потомками старожилов и переселенцев. Несмотря на это, некоторые потомки панцирных бояр, переселившихся в Зауралье более 150 лет назад, до сих пор подчеркивают свою инаковость по отношению к старожильческому окружению.

Следует отметить, что подобное противопоставление себя окружающей этнокультурной среде было присуще не всем группам белорусских переселенцев. Так, результаты проведенных нами полевых исследований на территории Тарского района Омской области и Иглинского района Республики Башкортостан свидетельствуют о том, что в тех районах, где переселенческое население преобладало над старожильче-

ским, белорусы нередко вступали в активные культурные взаимодействия с переселенцами других национальностей. В этих районах отмечены нередкие браки белорусских переселенцев с приехавшими сюда вместе с ними русскими, украинцами, латышами и представителями некоторых других народов. При этом белорусы активно перенимали их специфические особенности хозяйствования, праздники, фольклор.

Опросы информаторов помогли выявить основные маркеры этнокультурной идентичности, сохранившиеся среди потомков белорусских переселенцев. Одним из них являются особенности приготовления пищи (драники, кулага, комы и другие национальные блюда). Среди материальной культуры наиболее отчетливо сохранились мотивы вышивки на рушниках и полотенцах. Среди национальной одежды, которую носили предки, информаторы чаще всего вспоминают андараки.

К специфическим особенностям хозяйствования белорусских переселенцев можно отнести льноводство, одним из крупнейших центров которого являлась Витебская губерния. Культивирование льна белорусские переселенцы начинали сразу при освоении участка под пашню, поскольку он не только давал сырье для получения волокна и масла, но и обладал полезными свойствами для подготовки под посев озимых и помогал бороться с сорняками.

Среди народных праздников выделяются Купала, Юрьев, Дзяды (Деды). Говоря о ментальных установках, можно выделить утверждения о том, что белорусы, живущие за Уралом, являются носителями таких положительных качеств, как отзывчивость, гостеприимство, ответственность, чистоплотность и трудолюбие. Несмотря на то, что многие потомки переселенцев никогда не были на родине своих предков, они с интересом следят за жизнью современной Беларуси через СМИ, принимают участие в работе фольклорных коллективов, инсценировках народных праздников. Однако подобный интерес присущ в большей степени людям старшего поколения, тогда как молодежь нередко утрачивает интерес к традициям своих предков.

По рассказам информаторов, у многих коренных жителей д. Ново-Ильинка фамилии со временем были изменены на русский манер: Тябут (Тябутов), Никонёнок (Никоненков), Мазурович (Мазуров), Игнатович (Игнатов). Среди жителей деревни встречаются также фамилии Дроздецкие, Пиманенковы, Жирновы, Лопухины. Часть этих фамилий упоминалась и среди панцирных бояр, поселившихся в д. Малая Скирла Бергамакской волости Тарского уезда (ныне Кыштовский район Новосибирской области), что указывает на одно и то же место выхода этих групп

переселенцев [4, с. 39]. Обилие одинаковых фамилий способствовало широкому распространению специфической культуры уличных прозвищ местных жителей. Часто прозвище, данное когда-то одному человеку, закреплялось за целой семьей, превращаясь в ее своеобразную вторую фамилию, нередко становящуюся ее главным «идентификатором» для местной общины.

Современную ситуацию с этнокультурной самоидентификацией живущих за Уралом потомков панцирных бояр можно представить следующим образом. С одной стороны, эти люди считают себя полноправными сибиряками, старожилами мест, в которых они живут. При этом в архетипах самосознания этих локальных сообществ сохраняются элементы инаковости, выраженные в противопоставлении себя культуре и образу жизни старожильческой — чалдонской и двоеданской среды. Однако подобное противопоставление чаще всего носит лишь декларативный характер, связанный скорее с памятью о традициях предков, нежели с сохранением некогда имевших место реальных культурных или хозяйственных противоречий. Поэтому наряду с сохранением отдельных элементов этнокультурной самоидентификации у потомков панцирных бояр можно проследить все большее стирание их культурных различий с местным этническим окружением. Этот процесс усиливают общие для современного российского села тенденции, связанные с оттоком из него молодежи, разрушением культурной преемственности поколений и угасанием многих традиционных форм хозяйствования, некогда игравших важную роль в жизни этих локальных сообществ.

Источники и литература

1. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
2. Громыко М. М. Община в процессе переселения «панцирных бояр» Себежского уезда в Сибирь // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 19–31.
3. Мамсик Т. С. «Откуда мы родом...» (Скырлинское поселение белорусов) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 53–73.
4. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Наука-Центр, 2002.

Е. Ф. Фурсова

Этнокультурная специфика календарной обрядности российских переселенцев Присалаирья начала XX в.[1]

Интервью с потомками российских переселенцев с Брянщины, Черниговщины и Пинщины — мест, которые по праву можно считать славянским этнографическим заповедником, — для этнографа-полевика

[1] Работа поддержана РГНФ, проекты № 09-01-00567а/Б, № 10-01-00561а/Б.

представляет особый интерес[1]. Обосновавшись в предгорьях Салаирского кряжа, местные жители жили одним коллективом с сохранением значительной роли натурального хозяйства, форм народного самоуправления, во многом традиционного образа жизни. Фольклорно-песенный репертуар местной группы «Прямчаночка» составлен из песен, исполнявшихся женской половиной села и никогда не выходивших из употребления на протяжении XX в. Круг брачных связей всегда был ориентирован на «своих», т. е. переселенцев из соседних деревень Брянской (села Буда, Струговская Буда), Курской губерний (Белгородский уезд), Белоруссии (Гродненская губерния), которые проживали в деревнях Прямское, Петропавловское (позднее часть переехала в Маслянино) Николаевской волости Барнаульского уезда Алтайского горного округа. Сибиряки-старожилы, чтобы отделить себя от соседей, называли их «хохлами» вне зависимости от места выхода и этнической самоидентификации переселенцев. Сами выходцы из Брянской, Курской губерний считают себя русскими, а черниговцев — украинцами, хотя во многих семьях присутствуют родственники обеих национальностей. Нередко можно услышать от пожилых людей: «По отцу я украинская, а по маме будовская (здесь, в местном понимании, русская. — *Е. Ф.*)».

Исследование календарной обрядности присалаирских жителей сел Прямское, Петропавловка позволяет утверждать, что к 1930–1940-м гг. здесь сложилась целостная система календарных обычаев и обрядов со всеми взаимосвязями составляющих элементов (слова, музыка, действия, танцы), которая все эти годы поддерживалась межпоколенной передачей традиций.

Поскольку в д. Прямское и Петропавловка нет своего храма, праздники и привязанные к ним обычаи, запреты пожилые женщины записывают для памяти на отдельных листочках бумаги. Опасаясь всем коллективом не соблюсти какой-либо праздник, нарушить традиции, селянки держат в курсе не только себя, но и своих соседей. На пожелтевших листах из школьной тетради жительница Прямского Е. Т. Ананенко хранит записи наиболее важных для ее семьи праздников и дат календаря. Для декабря значатся народные праздники: Видянье (4.12), Андрей (15.12), Варвары (17.12), Савы (18.12), Микола (19.12), Ганны (22.12); в январе указаны: кутья, Рождство (7.01), Бабина (8.01), Рождест. день (9.01), кутья постная, Хрящение (19.01), Иван Хряститель (20.01), «Татьянин день» (25.01), Панасья (30.01). Отдельной строкой прописано «После Хрящения мясоед. 12 нядель из пэтровкой если мясоеду 7 нядель, то летом пятровке 5

[1] Полевые работы в Маслянинском районе Новосибирской области проводились в 1989, 1993, 2002, 2004, 2010 гг.

нядель». «Заканчивается календарь Елены Тимофеевны двумя такими записями: «А на выр…ной (вербной?) в среду свиное св. (здесь, видимо: свято. — *Е. Ф.*). А на маслину среду четверг коровья и овечья свято».

В ходе интервьюирования удалось получить дополнительную информацию о сопровождавших эти дни обычаях и обрядах. Местные селяне что-то поясняют с большим знанием дела, а что-то нет, так как следуют обычаю уже формально. В Прямском и Петропавловке в двухнедельные Святки, называемые «Святые вячары», были запрещены любые работы со льном. «А святки после Раждва, тада уж мы спряли, рады, больше не прядём». Видимо, из-за отсутствия в деревнях церквей местные селяне выговаривают Рождество с использованием старой белорусско-украинской лексики «Ржде ство» или «Раждво», не знают рождественских рацеек, тропарей, кондаков.

Традиционный обрядовый обход дворов на Новый год, посещение каждой усадьбы с благопожеланиями выделяли российских поселенцев на фоне старожилов, в том числе соседей-старообрядцев из д. Пеньково (у старообрядцев не пускали посевальщиков, а у чалдонов при обходах не высказывались благопожелания) [об этом см. 6, с. 108–109]. Е. Т. Ананенко не только помнит, но еще и сегодня может спеть для односельчан посевальную песню: «Я знаю, як посевають под Новый год:

„Як пришел Иля, да на Василя.
У его пуговичка соломяновая,
Где пугом (палкой. — *Е. Ф.*) махне, там жито расте,
А где не махне, там не расте.
Уроди, Боже, яру пшеницу, всякую пашницу
На полях стогами, в печке пирогами.
Сколько бервенцов (бревен. — *Е. Ф.*), столько жеребцов.
Сколько полочек, столько телочек.
Сколько лавочек, столько ярочек.
И сколь углов, чтоб столько було баран(о)в.
Сколько стеночек, столько свиночек“».

После благопожеланий хозяину напоминали, что нужно исполнить для достижения благополучия и успешного решения семейных забот. Эти нехитрые стишки, читаемые речитативом, были разнообразны, но содержали один и тот же припев: «Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю, чтоб здоровы были, много лет жили. Ты, хозяин-мужичок, полезай-ка в сундучок, доставай-ка пятачок. Нам на орешки, вам на потешки». Еще вариант: «Сею, сею, посеваю… ты, хозяин-мужичок, дай мне колбасы кусок, а я эту колбасу своёму батьке понэсу. Батька буде ести, бородою трести, усами кивати и вас поминати». В последнем посе-

вальном стихе, возможно, нашла отражение древняя форма обрядовых обходов с маскированием, представлявшем, как считают исследователи, богов, духов предков и пр. [5, с. 171].

Обычаи Крещения во многом совпадали со старожильческими, однако не включали принятые у чалдонов или старообрядцев-кержаков купания в ледяных прорубях. «На Хрещение двери перекрестим угольками, захрещивали. Двери перехрестим, а на дворе и тута делали крестики мелом. У нас на Хрещение не купались. Поп приезжает, у Пеньковой купалися».

Под Новый год, Рождество и Крещение обязательно готовили поминальное блюдо — кутью. Сегодня, как и на протяжении многих предыдущих поколений, пшеницу заливают водой, толкут, смывают шелуху и посыпают сахаром. «Надо из пшаницы три кутьи варить. Ставлю на кут перед иконою, заливаю пшаницу водой, варим, она разварится, и тода вечером: „Мороз, мороз, ходи с нами кутю ести“, — кричали за дверями». Заклички Мороза носят обрядовый характер, интерпретируемый сегодня как задабривание сурового сибирского мороза. Этой же кутьей немного прикармливают домашнюю живность: птиц, овечек.

В памяти пожилых сельских женщин сохранился праздник рожаниц — Бабины, который следовал сразу после Рождества Христова. Приведем рассказ непосредственной участницы: «У нас тут одна повитуха была, все к ней ходили. На Бабины собирались только те породихи, у которых она принимала роды. Одну звали ее на всех. Породиху принимала бабка, и вот уже породихи на Бабины приходят к бабке. Кто платок, кто полотенце принесет, тогда же всё холщовое, полотняное было». Бабка-повитуха организовывала женскому коллективу застолье, угощая кашей, чаем. Генезис подобных празднеств, несомненно, восходит к древним языческим пластам истории славянских народов, когда роль «бабки» была много шире — посредничество между светлыми и темными силами, знахарство [5, с. 87].

Масленичные гуляния, как и повсеместно в Сибири, сопровождались разведением костров и ритуальными прыжками через огонь. Отличительной чертой местных гуляний было сохранение собственно масленичных песен, услышать которые исследователю доводится редко. «На Масленую огонь палят. Палят костры и тут, и там. Бабы в широких юбках перепрыгивают через костры, и мужики прыгают. Мы вот вали (валежник. — *Е. Ф.*) насобираем и поем:

„Яко середу на масленую, на жидовские заговенья
Воробейко яичко украл, на высокую полечку поклал.
А слепые-то подглядывали, а глухие-то подслухивали,

А безногие побегли догонять, а безрукие побегли отбирать.
Маслена, маслена белая нога, а хто не оженится, чирия губа.
Маслена, маслена белый сыр, а кто не оженится — сукин сын“».

Масленичный обрядовый комплекс, проводившийся, по мнению некоторых ученых (И. М. Снегирева, Н. П. Волкова), в честь языческого бога Велеса, совпадал с мартовским новолетием. По содержанию сибирские песни ближе к их разновидности с брачной тематикой, в которой осмеивались не вступившие в брак молодые люди. Как показывают наши материалы, на юге Западной Сибири масленичные празднества повсеместно включали «корильные» элементы для не женившейся и не вышедшей замуж молодежи в среде как старожилов, так и украинцев (навешивание колодок).

Из-за отсутствия церкви в Вербное воскресенье под иконы и в пригоне подтыкали неосвященные вербы. «Церкви у нас не было, а в Огнёвой Заимке была, и в Никоново была, 15 километров. Я молитву почитаю над водой, дед попрыскае вербу, и в пригон. Так и сейчас она там висит».

Накануне Пасхи крестьяне вытапливали бани и в ночь практически всем составом шли пешком в какую-либо церковь. Ходили молиться, освящать паски, что особенно благостным считалось на рассвете.

Родительский день на Фоминой неделе называли Радуницей. До недавнего времени рядом с кладбищем водили «карагоды». Остатки кладбищенского пира не оставляли на могилках, а несли с собой, чтобы магическими приемами воздействовать на скотину. При этом с кусочками такого угощения в виде хлеба или блинов в дом не заходили. «И вот кода из кладбища ходишь на родительский день, кода приносишь оттуда хлеба, в пригон, говорят приговорку: «Яко с кладбища люди идуть домой, тако чтобы там коровы, овечки со стада ходили».

Характерно, что утрата магической основы закличек Весны не привела к их переходу исключительно в детскую аудиторию. Приведем наблюдение, иллюстрирующее этот рассказ: «Эту песню пела Ивана мать, это золовка, сестра ее брата. Бабы сидят у нас на траве и тута пеють, и тама, и гукають эту весну:

„Моя дочк(а), Ульяночка,
Погнала бычок поранку.
Пасись, пасись, быся,
Да и домой вярнися, у-у-у...
Да и домой вярнися, и к своёй Ульянке, у-у-у...“».

Из теста пекли «жаворонков» с глазками из конопли. Число жаворонков местные жители не считают особенно важным, обычно выпекая не-

сколько десятков — от 30 до 40. Птичек раздают детям, и те съедают этих игрушечных «вестников весны».

Сено косить начинали после Петрова дня (12.07) («Пятровка»). Накануне старики («деды») клепали косы, готовили грабли и утром по росе шли в поле. Приведем воспоминания С. И. Куриленко: «Лапти за спиной, косу сюда, битон воды и узелок на ней. Это я еще застал. Я работал пацаном. „Вот тебе кобыла миноуха, вот такое тебе звено, должен копны таскать, сено метать“. Потом подрос, на граблях стал работать, силос возили, ямы руками выкапывали, силос конями топтали. А их, женщин, пятьдесят, они косили. А сейчас никто не косит...»

Праздник Ивана Купала, как и повсеместно в Западной Сибири, сопровождался ритуальными бесчинствами молодежи. По сибирскому же обычаю не жгли костров, но купались в водоемах. Отличительной чертой купальских празднеств переселенческих сел была непопулярность обливаний, например, в Прямском этого обычая вообще никто не придерживался. «На Иван Купала шкодили, то хлопцы лавку украдут, куда занесут, то калитку снимут, то целый сруб к речке перенесут. Купалися, на камень (здесь: гору. — *Е. Ф.*) нас возили, которые молодые, купаются, а мы с горы глядим».

В записях у Е. Т. Ананенко указан праздник Панасия, который на этот день отсутствует в церковном календаре. Считалось, что это очень строгий праздник в смысле запретов на сельскохозяйственные, особенно женские работы. «Это такой праздник Панасия, что делать ниче нельзя. У нас тетка моя родная, сестра батькина, пошла лен трепаный уже в баню чесать (мыкать), чтобы чистенько было. Фитилек на пол упал, так она и сгорела, долго лежала, вся обгорела».

Не только в памяти людей, но и в быту сохранились многие сельскохозяйственные запреты, направленные на обеспечение достатка, приплода скота. По мнению селян, в среду на Масленой неделе ничего нельзя делать, чтобы коровы водились, а запреты в четверг объяснялись необходимостью приплода овец. В среду на Вербной неделе также ничего не полагалось делать по хозяйству — уже из-за боязни магическим образом навредить приплоду свиней. «В среду Свяное Свято. Свяное Свято — ничего не надо делать в этот день, чтоб свиньи велися. А на Маслену, в среду, четверх коровье и овечье свято».

Исследование традиционной календарной обрядности показывает удивительную стойкость славянских традиций в селах компактного проживания российских переселенцев столыпинского периода. Характерно сохранение закличек, обрядовых песен со словесным обращением к объекту в виде олицетворенного времени года, природного явления (Весна,

Мороз). Сохранению этнокультурной специфики способствовали миграционные процессы в последующие 1914–1930-е гг., когда носители общего культурного кода бежали к своим односельчанам от тягот Первой мировой войны, раскулачивания.

Источники и литература

1. Ананенко Николай Кузьмич, 1933 г. р., д. Прямское Маслянинского р-на НСО, родители приехали из Стругавской Буды Брянской губернии в 1910 г.
2. Ананенко (Степаненко) Елена Тимофеевна, д. Прямское Маслянинского р-на НСО, родители приехали из Черниговской губернии в 1933 г.
3. Гайдук (дев. Дударева) Любовь Васильевна, 1935 г. р., д. Петропавловка Маслянинского р-на НСО.
4. Куриленко Сергей Иванович, 1933 г. р., д. Прямское Маслянинского р-на НСО. Родители приехали с Белоруссии (бывш. Брянской области, д. Березино).
5. Соловей Л. М., Курочкин А. В. Обход, Абход, Обхід // Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск: Навука і Тэхніка, 1993. 479 с.
6. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — XX вв.). Новосибирск: Агро, 2002. 287 с.

Н. И. Шитова

Идеал супружества у старообрядцев Уймона (по материалам рукописей Т. Ф. Бочкарева)

В современном российском обществе в последнее время возрастает интерес к православному идеалу супружества, к именам Петра и Февронии Муромских, союз которых считается образцом христианской любви. Появляются работы, посвященные локальным вариантам примеров идеального супружества [3]. Полученные в ходе последнего полевого сезона новые материалы позволяют констатировать наличие на локальном уровне христианского идеала отношений между мужчиной и женщиной и среди старообрядцев Уймона.

Ранее автор уже обращался к рукописному наследию Тимофея Филипповича Бочкарева [7]. Рукопись, материалы которой уже использовались в публикациях, обозначим как рукопись № 1 [1]. В 2010 г. представилась возможность ознакомиться еще с одним вариантом изложения Т. Ф. Бочкаревым содержания семейных исторических записей (утраченных в 1930-е гг.), связанных с историей уймонских первопоселенцев (события XVIII в.). Новый, ранее не введенный в научный оборот источник обозначим как рукопись № 2 [2]. Рукопись № 2 представляет собой общую тетрадь в клетку, ее объем составляет 57 листов. В рукописи № 2, по сравнению с рукописью № 1, большее внимание уделено личности

невесты, а затем и супруги главного героя — Исаака Бочкарева, а также взаимоотношениям молодых.

Исаак Бочкарев — не только первопроходец и первооткрыватель новых земель, но также руководитель, организатор, новатор хозяйственной деятельности. Поскольку личность Исаака в рукописях идеализирована, его взаимоотношения с невестой и супругой — Татьяной Атамановой, описанные в источниках, можно рассматривать, как воплощение идеала супружества на локальном уровне.

В рукописи № 2 повествуется о том, что и Исаак, и Татьяна получили духовное образование и принимали самое активное участие в богослужении в одном из московских храмов. Уделяется особое внимание их совместному гармоничному духовному пению: «Слышал и радовался, как пели парень и девушка» [2, л. 10]. Когда проводить службы в московском храме по дониконовскому канону стало невозможно, Исаак и Татьяна совместно организовали моленную: «Запрягли две пары в брички, из церкви все увезли к дяде, и у дяди сделали молебный дом» [2, л. 1 об.].

В источнике сообщается, как неоднократно страдали молодые за свою верность древлеправославию, подвергались избиению: «Церковники меня избили, на нас все прервали. А Татьяну девчонки избили. Домой пришли почти голые, в общем, нас два раза избили» [2, л. 1 об.]. После этих событий жених с невестой побуждают свои семьи к переезду на реку Керженец (в рукописи — Кержу).

На новом месте и Исаак, и Татьяна продолжают участвовать в старообрядческом богослужении. Этим выражается идеальное духовное единство молодых: «Татьяна прочитала, что на указе. Исаак начал петь. К нему подпелась Татьяна» [2, л. 4 об.]; «Исаак начинал пение, Татьяна» [2, л. 12 об.]. После окончания одного из молений, уже на рассвете, верующие стали расходиться по домам. Как сообщает источник, на жениха с невестой снова напали и избили: «Пять хулиганов с палками налетели, Исаака и Татьяну по головам сбили с ног… Исаак с Татьяной стали оба в крови» [2, л. 5].

После одного из избиений Исаак долго поправлял свое здоровье и принял решение о поиске новых мест для переселения. Как сообщается в рукописи № 2, сначала на поиски новых земель отправились трое: Исаак и Татьяна с братом. При первых трудностях пути стало понятно, что подобные испытания не для женщин: «Вскоре дорога пошла на восток, пара встала. Таня вылезла в слезах. Исаак все повешал на себя. На прощанье поцеловались. Исаак на восток помолился. Фаэтон развернулся. А Исаак пошел в путь» [2, л. 15 об.]. Даже такое трудное испытание, как опасное путешествие, молодые попытались совершить вместе.

После всех трудностей пути в Уймонскую долину и обратно, через 16 месяцев Исаак успел вернуться домой, пока невесту не сосватали другие: «Увидел у Атамановых 2 пары коней, украшенные, приехали за Татьяной. Подошел к воротам, открыл ворота, кто-то меня сзади поймал. Я не успел оглянуться, как я оказался в объятиях. Обнялись и пошли в избу» [1, с. 24]. Татьяна верно ждала возвращения жениха: «Много раз тебя видела во сне. Ты от меня уходил. Я проснусь, правда плачу» [1, с. 24].

В рукописи Т. Ф. Бочкарева упомянут древнерусский брачный обряд разувания жениха невестой: «Она принесла стул: „Садись“. А сама начала с меня стаскивать и разувать» [1, с. 24]. Это был единственный обряд, который, вероятно, предшествовал брачной ночи: «Я пошел в амбар на свою койку. А Тане головой показал, а сколько проспали, не помню» [1, с. 26].

Как известно, обряд разувания новобрачного у восточнославянских народов в XIX — начале XX в. расценивался исследователями как унижающий женское достоинство. Как считает Н. В. Зорин, такая оценка вполне логична для указанного периода, но истоки этого обряда лежат в далеком прошлом. По мнению исследователя, разувание жениха невестой означало добровольность вступления невесты в брачные отношения. Как он предполагает, первоначально разувание означало доброжелательное отношение к гостю, являлось символом завершения пути и гостеприимства [4, с. 134]. Примечательно, что в рукописях Т. Ф. Бочкарева этот обряд в прямом смысле упоминается в контексте завершения женихом трудного и опасного пути. Также не вызывает сомнения акцент на проявлении доброй воли невесты. Таким образом, материалы рукописей Т. Ф. Бочкарева находятся в соответствии с мнением Н. В. Зорина о значении обряда разувания жениха невестой.

Следующей заботой Исаака было узаконивание брака, венчание: «Я сказал тяте и маме: „Тятя, нас надо сделать по закону, пока епископ здесь“» [1, с. 29]. По приезде в селение старообрядцев духовного лица (в рукописи № 1 оно обозначено как «епископ», в рукописи № 2 — как «митрополит»): «По закону все сделали. Помолились Богородиси, Господу, Николи, апостолам. Моленье закончили, епископ и пристав положили по три поклона. Бог благословит на заповеди» [1, с. 29–30].

Создание новой семьи совпало с началом новой жизни в новых условиях. Молодым хотелось как можно быстрее оказаться на новом месте: «Были бы крылья у нас с Татьяной, сейчас бы улетели» [1, с. 25]. По-особому в рукописях придается акцент участию Татьяны в переселениях: и с Москвы на Керженец, и с Керженца на Катунь. Речь идет о Татьяни-

ной буренке, которая была «повадлива», т. е. весь скот шел за ней. «Татьянина шла за фаэтоном, а за ней все шли дружно. И кони шли хорошо» [2, л. 37 об.]. Интересно сравнить это с характеристикой пения Татьяны на богослужении: «за Татьяной пели дружно» [2, л. 12 об.].

У молодых Исаака и Татьяны состоялось экстремальное «свадебное путешествие» — переезд с реки Керженец к реке Катуни. Постель Татьяна расстилала на земле под деревом: «Таня где выбрала место, вот здесь шкуру кверху шерстью, простынь как на перину. Улеглись, уснули… Исаак поближе к Тане» [2, л. 42]. Для безопасности вокруг спального места протягивали нить с колокольчиком, и при приближении зверя колокольчик звенел. Случалось, что молодые чуть не оказывались в лапах медведя: «И мы взяли постель, и под елку спать. Исаак берданку взял с собой. Улеглись, уснули. Сколько спали, не знам. Услышали, колокольчик сбрякал. Проснулись. Исаак увидел маленьких два огонька. В эти огоньки Исаак стрелил. Колокольчик утих, и мы уснули. Самый старший нас разбудил и спросил: „Ты кого ночью убил?“ „Я в огоньки стрелил“. „Вставайте и поглядите“. Лежал огромный черный медведь, вот он колокольчиком гремел» [2, л. 40].

Во время путешествия Татьяна вместе с Исааком отправлялась на охоту. Просились со своими мужьями на охоту, правда, уже во время другого путешествия, из Москвы в Уймон, молодые жены братьев Исаака — Андрея и Ивана — Ирина и Галина. Видимо, в экстремальных условиях далекого путешествия в окружении родственников совместная охота была одной из немногих возможностей молодоженам побыть наедине.

В рукописях Т. Ф. Бочкарева изложена удивительная история любви Исаака Васильевича Бочкарева и Татьяны Григорьевны Атамановой. Основой этой любви была духовная близость, единство духовных убеждений. Видимым выражением глубочайшего духовного единения (в варианте дониконовского православия) являлось слаженное пение на богослужении в храме, а позже в молебном доме. Это пение вдохновляло присутствующих, его подхватывали окружающие.

Исаак и Татьяна совместно переносили трудности, связанные с исповедованием древлеправославия, не раз терпели побои. Предприняли попытку вместе отыскать новые земли для переселения, но Татьяне пришлось вернуться и ожидать своего жениха. Будучи обвенчаны, они вместе с родственниками отправились в трудный далекий путь и стали основателями первого в Горном Алтае русского поселения — д. Уймон. У Исаака и Татьяны родилось семеро детей — пять сыновей и две дочери.

В рассматриваемых источниках отчетливо прослеживается ряд идеологических установок в сфере муже-женских отношений. Уймон-

ские первопоселенцы, представители московского старообрядчества, изначально не отрицали брак, как некоторая часть старообрядцев, а видели в нем опору для сохранения дониконовских устоев. Женщина показана как спутница, разделяющая все трудности борьбы за веру и поиска новых путей. Она зримо или незримо присутствует рядом со своим избранником и вдохновляет его на подвиги. Взаимоотношения молодых, обозначенные в рукописях Т. Ф. Бочкарева, полностью соответствуют уймонской поговорке: «Муж без жены, как рыба без воды» [5, с. 153].

Важной особенность уймонского идеала супружества, представленного в рассматриваемых источниках, является сбалансированность духовной и физической стороны любви. С одной стороны, духовная основа близости между мужчиной и женщиной, своеобразное взаимное слияние в древлеправославии представлено достаточно четко. В то же время телесные отношения очерчиваются как вполне естественные, им не придается акцента греховности.

Уймонский идеал супружества несут на себе ряд специфических старообрядческих черт (например, упоминание религиозных преследований; трудности с осуществлением венчания). В то же время в этом идеале нашли выражение общероссийские семейные ценности – благочестие, взаимная любовь и верность, совершение дел милосердия и попечение о различных нуждах своих сограждан. Это те качества, которые традиционные религии России всегда связывали с идеалом супружества [6].

Источники и литература

1. Бочкарев Т. Ф. Рукопись № 1. 44 с. (Хранится в старообрядческой общине с. Мульта).
2. Бочкарев Т. Ф. Рукопись № 2. 57 л. (Хранится в старообрядческой общине с. Тихонькая).
3. Звездина В. Петр и Февронья по-демидовски URL: http://vorotynez.ucoz.ru/publ/zhizn_zamechatelnykh_ljudej/demidovy/vera_zvezdina_petr_i_fevronja_po_demidovski/7-1-0-7.
4. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004. 248 с.
5. Кучуганова Р. П. Уймонские староверы. Новосибирск: Сибирское соглашение, 2000. 161 с.
6. Межрелигиозный совет России поддерживает идею объявления 8 июля Днем семьи, любви и верности. http: //www. interfax-religion.ru/buddhism/…
7. Шитова Н. И. Рукопись Т. Ф. Бочкарева как источник по этнической истории и культуре уймонских старообрядцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. С. 242–246.

Н. В. Шрейдер

Миграция немецкого населения после реабилитации (указа 1955 г.) на примере целинного поселка Тамбовский Романовского района Алтайского края

Настоящее исследование было проведено в рамках полевого сезона 2010 г. в Романовском районе Алтайского края. Целью исследования являлось изучение формирования немецкого населения в пос. Тамбовский Романовского района. Пос. Тамбовский сформировался в 1950-е гг. из разных миграционных потоков, участвующих в освоении целинных земель, что позволяет изучить движение населения, условия и факторы, влияющие на его активность. Особенно интересными представляются миграции немцев во время освоения целины, совпавшие с реабилитацией и получением немцами права на передвижение. В отличие от большинства депортированных народов, которые вернулись на родину, депортированных немцев ее лишили: Поволжская Республика была ликвидирована.

Основным методом исследования являлось интервьюирование. Была получена информация о времени и причинах переселения немецкого населения в пос. Тамбовский, а также местах их первоначального выхода.

Респонденты представляют одну возрастную категорию — это депортированные немцы 1920–1930-х гг. рождения (конечно, разница в возрасте респондентов значительна, кто-то во время депортации был маленьким ребенком, кто-то подростком, но для нашей темы это не имеет большого значения, так как в пос. Тамбовский все они поселились в сознательном возрасте).

Первой особенностью немецкого населения пос. Тамбовский является то, что по месту первоначального выхода они являются выходцами из различных районов Саратовской области (Мариентальского района (с. Мариенталь), Паласовского района (с. Нойваймер), Меменского района («совхоз № 99»), Кукусского (с. Кукус, дер. Штааль), Красноармейского района (с. Норка) и из г. Саратова), т. е. представляют группу депортированных немцев Поволжья. Но в сравнении с поселениями депортированных немцев военного времени, состоявших на Алтае, как правило, из переселенцев одного-трех населенных пунктов, в целинных поселках спектр территории выселения шире.

Второй особенностью немцев пос. Тамбовский является то, что поселок стал местом вторичной, а в некоторых случаях и третичной миграции. Поэтому, в отличие от других поселков с преобладающим немецким населением, в пос. Тамбовский проживают немцы, которые были депортированы в различные районы Сибири: в Красноярский край (Крас-

нотуранский район, с. Бузуново, Ясовский район, с. Фомка); Новосибирскую область (Здвинский район, с. Старогорностари, Чистоозерный район, дер. Абушкан, Татарский район, с. Новая Деревня); Томскую область (г. Нижневартовск, Александровский район, с. Новоникольск и с. Ларино). Значительную группу представляют также немцы из соседних сел: Алтайский край (Усть-Калманский район, с. Михайловка, Рубцовский район, с. Поповка, Романовский район, с. Сидоровка, Закладное).

Основная группа немецкого населения поселилась в поселке на протяжении 1950–1960-х гг. Этому способствовали два значимых для истории нашей страны события: массовая распашка целинных земель, начавшаяся в 1954 г., и образование целинных поселков, а также частичная реабилитация немецкого населения и указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 г.

К середине 1950-х гг. происходит смягчение политической жизни, связанное со сменой руководства. В национальной политике наблюдаются тенденции к реабилитации репрессированных народов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. [7, с. 177] со всех немцев, находящихся на спецпоселении, были сняты ограничения в правовом положении. На перемещение немцев оказали влияние два фактора: во-первых, в первом пункте указа предлагалось «снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев — граждан СССР, которые после репартиации из Германии были направлены на спецпоселение». Это открыло возможности для передвижения немцев. Но следующий пункт ограничил территории их передвижения, так как в нем говорилось, что «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Поэтому в Сибири происходило внутреннее перемещение немцев.

Респонденты упоминают, что об изменении в своем правовом положении они узнавали из газет и радио, а также от местных комендантов, «когда приходили последний раз отмечаться» (П. П. Гибельгаус, В. Д. Шайдт, В. Я. Обгольц). Фрида Филипповна Вайденкеллер, 1931 г. р. говорила, что их собирали в конторе и сообщали [3].

Этот указ был большим шагом в сторону восстановления гражданских прав немцев и предоставлял свободу в их реализации. Немцы получили паспорта, право участвовать в выборах, а немцев-юношей стали

призывать в ряды Советской армии. Петр Петрович Гибельгаус, 1936 г. р. ,говорил: «Я в армию призывался в 1955 г., а раньше немцев не призывали» [6]. Эрна Яковлевна Герман, 1933 г. р., упоминает, что где-то в 1955 г. они ходили на выборы, «это была великая радость, пели песню про Варвару Бахолдину» [5]. Виктор Яковлевич Обгольц, 1937 г. р., вспоминал, что «после 1953 г. сняли комендатуру, появляются паспорта» [10].

Режим комендатуры был отменен, немцы получили право свободного передвижения по стране (ранее они должны были каждый месяц отмечаться в комендатуре, подтверждая, что они не покинули место поселения; чтобы выехать куда-либо, нужно было спрашивать разрешение у коменданта). Петр Петрович Гибельгаус, 1936 г. р., рассказывал: «В 1953 г. от комендатуры освободили, а то каждый месяц нужно было ходить, отмечаться. Я не имел права выехать из деревни, когда школу окончил. Поэтому многие не учились в институтах, техникумах» [6]. Мария Александровна Герман, 1934 г. р., также подтверждает, что «при комендатуре нельзя было выезжать из района, с 18 лет каждый месяц ходили расписывались — отмечались, что мы здесь. Выехать дальше села — разрешение нужно. А в 1950-х гг. смогли поехать посмотреть на село, где жили. Наши дома стояли еще, но там жили русские люди» [4].

Благодаря возвращению немецкому населению гражданских прав возросла их миграционная активность, но они, в отличие от остальных реабилитированных народов, были лишены главного права — на создание национальной автономии, поэтому активно участвовали в государственных кампаниях. Одной из таких кампаний стала политика правительства Н. С. Хрущева по увеличению площади плодородной земли (распашка целины). На февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС 1954 г. было принято постановление о распашке целинных земель. 28 февраля 1954 г. в Барнаул прибыл первый эшелон с целинниками, а 25 марта первые целинники приехали на место, где был основан пос. Тамбовский. Виктор Давыдович Шайдт, 1938 г. р., вспоминал: «Поселок основан в 1954 году, 25 марта сюда приехали первые целинники, начали строить совхоз. В основном целинники были из Тамбовской области (почему поселок и называется Тамбовский), а также из разных областей» [12].

Пос. Тамбовский был основан как целинный, затем сюда стали приезжать люди из других населенных пунктов, в том числе и немцы, получившие право свободного передвижения по стране, что отразилось на плане его застройки — одна из крайних улиц, где в основном селились немцы, называется среди местного населения «Берлинка», или «Западный Берлин». Виктор Давыдович Шайдт, 1938 г. р., пояснил: «Ул. Горького

называется „Берлин“. Мы в 1968 г. сюда приехали, она уже так называлась» [12].

Опрос немецкого населения показал, что основной причиной приезда немцев в пос. Тамбовский были более благополучные условия жизни. Здесь организовывался целинный совхоз, нужны были рабочие руки, была заработная плата от государства и предоставлялось жилье. Целина была важным государственным мероприятием, и чтобы добиться успехов в ее реализации, рабочие-целинники обеспечивались всем необходимым. К тому же уровень организации труда в совхозе имел преимущество перед колхозом, здесь люди работали за деньги, а не за трудодни. Поэтому началась внутренняя миграция из соседних сел. Петр Петрович Гибельгаус, 1936 г. р., из соседнего села Сидоровки говорил, что в колхозе не хотел работать, а здесь — совхоз [6]. Василий Иванович Ашенбреннер, 1939 г. р., также рассказывал: «Мы жили в соседнем селе Закладном, а отец тут работал, а в 1963 г. мы сюда приехали, нам квартиру дали» [1].

Мария Александровна Бич, 1929 г. р.: «В пос. Тамбовский переехали в 1955 году. Тут еще целину подняли. Целина, песни… и мы сюда приехали на целину работать» [2]. Эрна Яковлевна Маст, 1936 г. р.: «Когда совхоз тут только образовывался, знакомый нам написал, что строится здесь целинный совхоз, и легче здесь прожить, чем в городе (в три смены мы работали в Свердловской области), говорит, новый совхоз строится, рабочие нужны, хорошо платят. Мы в 1955 г. приехали» [8]. Эрна Яковлевна Герман 1933 г. р. говорит, что ее родственники приехали сюда, так как там, где они жили раньше, не было дорог [5].

Вполне объяснимыми являются миграции немцев из других сибирских регионов. Как известно, большинство немцев были депортированы в Казахстан, на Алтай и в Омскую область, но значительное количество респондентов было депортировано в северные регионы Сибири и Урала, и поэтому при появлении возможности сменить место жительства они перебираются в Алтайский край с его более благоприятным климатом. Амалия Иоганесовна Семеренская, 1939 г. р., так объясняет причины своего переезда с Северного Урала: «На севере климат сырой, а отец — легочник. Брат его попал сюда, написал, что здесь климат хороший» [11].

Вообще большинство респондентов говорят, что приехали сюда, так как им кто-то из родных или друзей сообщил, что здесь лучше.

В настоящее время национальный состав пос. Тамбовский выглядит приблизительно так: на первом месте по численности находятся русские, на втором — немцы, на третьем — украинцы. Чтобы сохранить не-

мецкую национальную культуру в полиэтничном пространстве, в поселке действует центр «Единство». Он был основан 28 декабря 1997 г. обществом развития «Гальбштадт» ННР с помощью германской стороны. Директором его с 1998 г. является Надежда Савельевна Мертес, со слов которой и была получена информация о Центре [9].

Таким образом, главными причинами появления немецкого населения в пос. Тамбовский было собственно его основание и строительство в нем целинного совхоза с преимуществами, которые давало совхозное производство перед колхозным, а также предоставление немцам свободы передвижения.

Источники и литература

1. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, пос. Тамбовский. Ашенбреннер В. И., 1939 г. р.
2. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Бич М. А., 1929 г. р.
3. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Вайденкеллер Ф. Ф., 1931 г. р.
4. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Герман М. А.,1934 г. р.
5. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Герман Э. Я., 1933 г. р.
6. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Гибельгаус П. П., 1936 г. р.
7. История российских немцев в документах. М., 1993. 445 с.
8. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, пос. Тамбовский. Маст Э. Я., 1936 г. р.
9. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Мертес Н. С., 1958 г. р.
10. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Обгольц В. Я., 1937 г. р.
11. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Семеренская А. И., 1939 г. р.
12. Там же. Романовский район, пос. Тамбовский. Шайдт В. Д., 1938 г. р.

Е. Е. Щербина

Из истории фольклорного движения в Западной Сибири конца XX — начала XX в.

В культурной жизни современной России феномен фестиваля как специфической формы массового празднества играет весьма заметную роль. Такой вид организации праздника, сочетающий элементы «народного гуляния», выставки-ярмарки, музыкального концерта с участием вокальных и хореографических коллективов, работы различных мастерских и мастер-классов и пр., становится все более популярным, привлекая «артистов» и «зрителей», грань между которыми условна. Круг сфер культурной жизни, представленный в фестивальной форме, практически неограничен.

Историю собственно фольклорных фестивалей можно начать с середины 1980-х гг. Идея фестиваля народного искусства является логиче-

ским этапом в развитии фольклорного движения. Как отмечают исследователи, после установления в России советской власти в 1930-е гг. прервалась культурная традиция, признанная идеологически чуждым сознанию нового советского человека.

Обращение к «исконному», «народному», началось в 1960-х гг. Это было время расцвета советской культуры, но одновременно — время активного поиска ценностных ориентиров, способных конкурировать с официальной системой ценностей. Общество открыло себя, свои истоки. Тогда же заговорили о глубоком кризисе, постигшем народно-хоровой жанр профессионального и самодеятельного творчества. Установленный образец «смотра народного творчества» перестал устраивать людей творческих. Новое открытие фольклора началось с подъема фольклористики и отразилось в развернувшемся вслед за этим движении фольклорных ансамблей. К середине 1980-х гг. в стране была создана фестивальная «база» — материальная, социальная и ментальная.

Инициатитва в проведении первых концертов принадлежала Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР. Концерты проводились сначала в Москве, а затем и в других крупных городах. Этнографические концерты собирали все большее количество слушателей и получали немалый резонанс.

Практически в каждом субъекте страны появились специализированные структуры, работающие с фольклорным материалом. В Новосибирске еще в 1931 г. был образован Дом искусств Сибирского края; он быстро включился в массовый «поход за культуру», развернувшийся в сельской местности. Именно тогда приобрели популярность смотры художественной самодеятельности и районные олимпиады. На основе постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества» в мае 1979 г. на базе Дома народного творчества и областного методического кабинета в г. Новосибирске было создано новое учреждение — областной научно-методический центр народного творчества и культпросветработы (ОНМЦ). 1970–1980-е гг. были отмечены его высокой научно-исследовательской активностью.

В Новосибирской области в то время существовало 1083 государственных клубных учреждения, из которых 98 носили звание «Учреждение культуры отличной работы», 55 коллективов были удостоены звания «народный». В середине 1980-х гг. Новосибирск, наравне с другими городами России, «уловил» новые веяния в отношении традиционной культуры, воплотив их в форме фольклорного фестиваля.

Дома народного творчества и центры фольклора «аккумулировали» фольклор, непосредственно способствовали его поиску, накоплению, систематизации и творческой обработке. Новаторами в этой области в России были профессиональные музыканты Д. Покровский и В. Щуров – основоположники профессионального фольклорного движения. После визита Д. Покровского в Новосибирск появился ныне один из самых известных в Сибири фольклорных ансамблей – «Красота» НГУ. Усилиями этого ансамбля под руководством О. Выхристюк в Новосибирске был проведен первый фольклорный фестиваль. Его идея возникла одновременно с появлением «Красоты» в 1981 г. Фестиваль был проведен в 1983 г. в поддержку молодежного движения за аутентичный фольклор. Ансамбль НГУ в те времена занимался джазовыми обработками традиционной музыки, но одним из первых отказался от практики стилизации. Аутентичных фольклорных ансамблей в те времена было крайне мало, и фестиваль «Красоты» поддерживал именно такие коллективы.

С тех пор Сибирский фольклорный фестиваль ежегодно проходит при поддержке НГУ, Управления культуры администрации НСО (ныне – Департамент культуры области), отдела по делам молодежи Советского района и межрегиональной организации по русскому рукопашному бою «Русский щит». Изначально он ориентировался на «чистое», взятое «из первоисточника» фольклорное творчество. «Красота» регулярно выезжала в экспедиции в поисках народных песен и танцев.

В 1988 г. в г. Новосибирске был создан Областной центр русского фольклора и этнографии с целью содействия фольклорному движению. Центр был сориентирован на научно-исследовательскую, методическую, издательскую, художественно-творческую работу. Одним из основных направлений его деятельности стала организация и проведение областных, региональных и российских фольклорных фестивалей, календарных народных праздников и других социально значимых акций.

Областной Центр русского фольклора и этнографии является одним из крупнейших методических центров Западной Сибири по традиционной народной культуре. После долгого периода реорганизации в 1997 г. возник Новосибирский государственный областной Дом народного творчества (НГОДНТ). Сегодня его деятельность осуществляется в соответствии с программой поддержки и развития традиционной художественной культуры Новосибирской области.

Сибирский фольклорный фестиваль имеет несколько основных компонентов: выставка-ярмарка, народное гуляние, праздничный концерт, карнавальное шествие и пр.

В целом тенденции в развитии фольклорного движения в Новосибирской области не отличаются от общероссийских. Сибирский фольклорный фестиваль был одним из первых в стране. Позже, уже в начале 1990-х гг., появились другие проекты: в 1990 г. — первый окружной фольклорный фестиваль «Эргав» в Анадыре (его прототипом являлся фестиваль «Чукотские зори», проводившийся в Чукотском АО в 1980-х гг.); Всесибирский фестиваль фольклора «Скоморошина» 1993 г. в Алтайском крае и др.

Семейным фольклорным ансамблем «Радоница» в Новосибирске в 1993 г. был проведен первый всероссийский детский фольклорный фестиваль «На Троицу» с участием коллективов из Иркутска, Кемерово, Новосибирска и районов Новосибирской области.

В дальнейшем фольклорное движение в Новосибирске набирало обороты. Ныне одним из известнейших в регионе является этнофестиваль «Живая вода». Этот проект был инициирован в Новосибирске в 1997 г. творческим объединением «888» и его руководителем А. Казариновым. Первоначально он назывался «Песни неба и земли» и проводился на Алтае. Два года спустя он уже имел четкую концепцию, которая была сориентирована на этническое музыкальное и изобразительное искусство. Это был первый фестиваль, привлекший внимание администрации Республики Алтай, заинтересованной в реализации программ по сохранению и популяризации культурного наследия и привлечении внимания к территории.

К 1999 г. фестиваль сформулировал собственную философию, затронув вопросы современной идентичности и ее этнических «корней». Содержание фестиваля определили поиски традиционных и современных путей к идентификации человека, которые могут быть выражены с помощью искусства (музыкального, изобразительного, театрального и т. д.).

В рамках проекта «Живая вода» начал использоваться термин «событийный туризм», обозначающий новый содержательный и социальный формат культурного события. Фестиваль стремился дистанцироваться от формата концертного выступления в череде гастрольных туров звезд этно-музыки. Он стал своего рода форумом, на который приезжали люди из разных регионов страны и мира. В настоящее время миссия фестиваля заключается в том, чтобы открывать возможности познания сибирских территорий, их истории и культурных традиций. Фестиваль способствует актуализации и популяризации традиционной культуры.

С конца 1990-х гг. и по сей день в Новосибирске и области продолжают появляться все новые фестивали — фольклорные или связанные с ка-

кими-либо аспектами традиционной культуры. С 2007 г. проводится фестиваль традиционных ремесел «Артания»; 13 октября 2007 г. в Новосибирске на территории фан-клуба «Горизонт» состоялся первый фестиваль сибирской музыки «Тайга-2007», на котором выступали коллективы, исполняющие фольк- и этномузыку из Новосибирска, Абакана, Красноярска, Барнаула; в 2008 г. был впервые проведен малый фольклорный фестиваль «Этнокапелла».

Без сомнения, современные фестивали несут не только развлекательную, но и познавательную, просветительскую, релаксационную, интеграционную функции. Так, 25-й Международный Сибирский фольклорный фестиваль было предложено провести в рамках Интернедели-2007 г. и пригласить молодежные коллективы из разных стран. В 2009 г. фестиваль «Живая вода» был включен в программу международного инновационного молодежного форума «Интерра».

Фольклорное движение в современной Сибири связывается с парадигмой обновления общества. Оно продолжает искать пути, источники и новые формы своего воплощения.

Я. Щетинина

Борьба с колчаковщиной глазами участников событий: опыт интерпретации воспоминаний

В семейном архиве моей бабушки, Раисы Ивановны Лисицыной, обнаружена тетрадь воспоминаний, связанных с историей с. Красноярского современного Поспелихинского района, записанных со слов местных жителей, предположительно в 1950–1960-х гг., Анной Дмитриевной Полыгаловой, которая в разные годы работала учителем начальных классов и секретарем сельского совета. Воспоминания эти представляют интерес во многих отношениях, прежде всего потому, что с. Красноярское некогда являлось центром Ново-Алейской волости, население которой достигало около 3 тыс. человек и в которую входили такие крупные села, как Локоть, Веселоярское, Новичиха, Поспелиха, Калмыцкие Мысы и др. Красноярское — одно из старейших сел в районе, ему в 2009 г. исполнилось 260 лет.

Наиболее подробно в данном источнике зафиксированы эпизоды борьбы местных жителей против колчаковцев в 1918–1919 гг. Значительную часть этих материалов составляют воспоминания непосредственного участника событий Александра Ефимовича Чепуштанова, который прибыл в с. Красноярское после отбывания тюремного заключения: в июне 1916 г. он был арестован за политическую пропаганду и распространение среди солдат листовок против империалистиче-

ской войны. Во время гражданской войны он был контужен, после госпиталя признан негодным к военной службе и отправлен на родину. Волостной ревком утвердил его заместителем председателя сельсовета.

Роль, которую Чепуштанов сыграл в местном партизанском движении — он был одним из руководителей боевой дружины, — определила такие особенности его изложения, как обилие фактов, касающихся последовательности событий, их причинно-следственной связи, а также состава вооруженных сил обеих борющихся сторон, их передвижений, характера боев, организации сопротивления колчаковщине; кроме того, он дает порой очень подробную характеристику отдельных, и белых, и красных, участников событий. Локальная ситуация здесь определялась тем, что Ново-Алейская волость отказалась выполнить приказы Колчака о всеобщей мобилизации, роспуске советов и восстановлении земской управы. К началу описываемых событий советская власть уже пала в ряде крупных центров Алтайской губернии — Барнауле, Змеиногорске, Рубцовске, и враг вплотную приблизился к пределам волости. 6 июля 1918 г. в с. Красноярское прибыл отряд колчаковцев — 25 человек; в селе начались аресты большевиков, членов местного совета и активистов по списку, представленному местным купцом Шестаковым. Но собравшиеся большой толпой односельчане добились освобождения арестованных и с шумом выпроводили белых из села. Так окончилась первая попытка свергнуть советскую власть в Ново-Алейской волости.

18 июля 1918 г. село было оцеплено сотней казаков. Местные жители под руководством ревкома и активистов стремительно организовали отпор «белым бандам»: был создан вполне боеспособный, мобильный конный отряд под предводительством Шевченко, по местным селам и деревням разосланы «гонцы» за подмогой, налажены разведка и связь. По заданию Шевченко в селе Красноярском все утро гудела сирена на паровой мельнице, оповещая население о приближении врага. В результате, когда в село прибыл казачий есаул, который потребовал объяснений у Шевченко, почему до сих пор не признана установленная во всей Сибири власть Колчака, у народного дома уже собралась «подмога» — несколько тысяч вооруженных людей. Ядро сопротивления составили бедняки. На помощь новоалейцам из Кулундинской степи продвигался красногвардейский отряд Петра Сухова.

Казаки, понимая, что соотношение сил не в их пользу, постарались на сей раз закончить дело миром — есаул обратился к «мирному» населению с приветственной речью, заявив, что его обманули какие-то прово-

каторы, после чего белые опять покинули село, при этом им были устроены «хорошие проводы».

Однако опасность продолжала грозить Красноярскому: разведкой было установлено, что со стороны Поспелихи наступают «зеленые егеря» под командой Окунева, а со стороны Рубцовска — «голубые уланы» Каурова.

Возглавить разгром врага ревком поручил Афанасенко и Чепуштанову. Как только отряд Каурова приблизился на нужное расстояние, по нему был нанесен удар одновременно с двух флангов. В результате враг не смог развернуться для боя и отступил, неся большие потери.

В воспоминаниях значительное место уделено описанию обстановки, природы: «Косые лучи солнца осветили движущуюся колонну отряда»; «Утренняя заря была омрачена черной пеленой человеческого мрака за свою судьбу»; «Южный ветер слегка стонал, выл». Подробно описан отряд Петра Сухова, который направлялся в село Красноярское: «Впереди колонны на вороном коне сидел широкоплечий, с черными, коротко подстриженными волосами и черной бородой, с черными как уголь глазами, командир отряда Петр Федорович Сухов. А рядом с ним на рыжем белоногом коне — начальник штаба Дмитрий Григорьевич Сулим».

Далее респондент повествует, что на «узком заседании» им было внесено предложение: объединить отряды Сухова и Сулима и местные силы и разгромить колчаковскую группировку. Но Сухов предложение не принял и двинулся в Монголию. Его отряд дошел лишь до деревни Тюнгур — по-видимому, в Уймонской долине, где в ущелье был полностью разбит белыми.

Ситуация для с. Красноярского складывалась тяжелая. Во избежание значительных потерь на заседании ревкома были приняты следующие решения: 1) отряд распустить, основному активу уйти в подполье; 2) все имеющиеся оружие спрятать в надежных местах.

12 октября 1918 г. отряд колчаковцев ворвался в село. Далее приводится подробное описание жесточайших расправ. Отец и брат Чепуштанова были испороты на глазах односельчан, как и другие жители, которые не хотели подчиниться белой власти. «Когда колчаковскому золотопогоннику сообщили, что двое колчаковцев ранены, он в неистовой злобе прорычал немедленно, здесь же в ограде, пятерых расстрелять и закопать. Один из них — Егор Ефимович Чепуштанов — остался жив после расстрела, о чем доложили «золотопогоннику» — белому офицеру, который, однако, приказал закопать «эту живую красную гадину» заживо, вместе с расстрелянными. Одному из лучших местных активистов — Ва-

силию Дмитриевичу Прасолову выкололи штыками оба глаза и сбросили в реку Алей. Не случайно колчаковские отряды характеризуются респондентом такими эпитетами, как «стаи кровожадных зверей», «каратели», «золотопогонники» и др.

Далее респондент описывает деятельность партизанского подполья. Скрываясь в землянке на берегу Алея, он готовил население к будущей борьбе. Ревкомом была поставлена задача: во всех населенных пунктах волости создать инициативные группы; одну из них возглавил сам рассказчик, другие — местные активисты С. А. Вольных, Редькин, Хорошилов, Краснорудский и др. В июне 1919 г. группа Е. М. Мамонтова предложила волостному активу объединить все силы в боевой партизанский отряд. В результате этого объединения появился северный фронт — каменско-алейские отряды под командованием Мамонтова. Его задача состояла в том, чтобы не только остановить колчаковские силы, но и полностью разгромить их — «в прах». Радостным событием для волости было взятие у колчаковцев Рубцовска, что позволило получить большое количество промышленных товаров, а главное, продовольствие.

Важным для с. Красноярского событием стал приезд Мамонтова. На митинге он обратился к собравшимся: «Как только очистим Алтайскую землю от колчаковской нечисти, вы первых жертв перехороните в братскую могилу и поставите им памятник».

Мамонтов объединил в своих руках крупные силы партизан. Начался разгром колчаковцев в Поспелихе, Солоновке и на прилегающих территориях. Как только была освобождена территория Ново-Алейской волости, Зменогорскии уездный комитет поручил А. Е. Чепуштанову восстановить власть советов в лице революционных комитетов. Был создан кавалерийский отряд «Красные орлы», который выступил в погоню за бандой Плотникова. Итогом всех сражений стал разгром белого движения. Сам автор воспоминаний подводит эти итоги следующим образом: погибшие покоятся в братской могиле; «кулацкую банду разгромили, но кровавый каратель Плотников с несколькими бандитами сумел удрать — скрыться в Монголию».

Таким образом, несмотря на то, что памятник отражает только точку зрения участника красного движения, а следовательно, советскую, официальную версию истории гражданской войны, он важен, прежде всего потому, что приведенный здесь фактический материал не противоречит этой версии и ясно показывает, что большинство населения Ново-Алейской волости, по крайней мере в тот период, сочувствовало красным, а не колчаковцам. Приводятся реалистические характеристи-

ки участников событий, факты жестоких расправ белых над местными активистами. Значимость памятника велика еще и потому, что автор воспоминаний, по-видимому, являлся одной из ключевых фигур партизанского движения в Ново-Алейской волости, воспоминания которого были зафиксированы еще в 1950-х гг., когда его память хранила все детали сражений. Для жителей с. Красноярского эти воспоминания важны еще и потому, что в них показаны самоотверженность, сила духа, героизм их дедов и отцов.

4 Традиционные общества и культуры: проблемы модернизации

Российско-казахстанский научно-методологический семинар в рамках реализации программы научного сотрудничества АлтГПА (Барнаул), Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева МОН РК (Астана) и Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Модератор — д-р ист. наук профессор И. В. Октябрьская

Е. А. Абиль

Факторы формирования традиционной социальной системы казахов: историко-синергетический анализ

О потребности использовать новые методологические подходы в исторической науке в начале нового тысячелетия говорил академик М. К. Козыбаев, отмечая, что казахстанским историкам «необходимо дать более широкую перспективу источниковедческим исследованиям, освоить передовые технологии в клиометрических изысканиях, дать импульс более интенсивным разработкам в методологических инновациях» [3, с. 17]. В связи с этим особую актуальность для исторической науки Казахстана приобретают системный метод и синергетика, получившие в последние десятилетия особую популярность. Как отметил академик А. Нысанбаев, «прогресс исторической, как и всякой другой науки состоит наряду с прочим в выработке новых понятий, таких, которые позволяют более полно, более глубоко (и, следовательно, более объективно) познавать действительность» [4]. Это тем более важно, что сам системный метод не является неизменным, постоянно развиваясь и принимая новые формы — от общей теории систем до синергетики.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть факторы формирования традиционной социальной системы казахов, опираясь на принципы, выработанные в рамках синергетической научной парадигмы.

Важной проблемой в определении социальной системы является выяснение сущности сил, объединяющих субъекты и объекты социальных отношений в единую систему, а именно проблема системообразующих факторов. Известный советский исследователь П. К. Анохин в качестве главного системообразующего фактора выдвинул результат функционирования системы, который активно влияет на отбор именно тех степеней свободы из компонентов системы, которые при их интегрировании определяют дальнейшее получение полноценного результата [2]. Собственно результат функционирования системы с точки зрения синергетики можно рассматривать как достижение аттрактора.

Более продуктивный путь видится нам в выделении ряда внешних и внутренних системообразующих факторов [1]. К внешним отнесем факторы, способствующие образованию системы, являющиеся чуждыми для ее элементов, не обусловленные и не вызванные внутренней необходимостью.

Одним из базовых факторов следует признать механические, в данном случае скопление людей в определенном пространстве, в результате чего включаются механизмы самоорганизации (демографический фактор). Очевидно, что для возникновения внутренних системных свя-

зей необходима определенная плотность элементов — соотношение количества с определенным объемом. Эта плотность связана с природой системы и характерными для элементов системы видами связей. Если мы говорим о социальной системе, то основой внутренних взаимосвязей является обмен информацией в различных формах через системы символов и кодов.

Представим себе ситуацию, когда на определенной территории сосуществует некая совокупность индивидов с установившимися взаимными связями. Затем на ту же территорию прибывает население, не обладающее системным единством. Естественно, что это приводит к перестройке всех внутренних взаимосвязей. Чем больше будет этих «пришельцев», тем больше новая общность будет отличаться от прежней.

Естественный рост населения также приводит к увеличению плотности внутренних связей, изменению их качества, при этом обостряются противоречия между людьми, связанные с ограниченностью ресурсов. В результате возникает необходимость упорядочения отношений внутри данного сообщества и создания социальных норм — катализаторов порядка. Итогом данного процесса становится генезис новой социальной системы.

Непрерывный количественный рост дифференцированных элементов системы в ограниченном пространстве может выступать и внутренним фактором. К примеру, демографический рост населения в определенной экологической нише ведет к изменению принципов регулирования процессов производства и распределения продуктов производства.

Можно предположить, что подобные процессы происходят в результате изменения способа производства, увеличения прибавочного продукта. Как следствие, происходит рост уровня жизни и демографический взрыв. Такое, очевидно, имело место при переходе населения Казахстана к производящим формам хозяйства в период энеолита (ботайская, маханджарская культуры) при освоении плавки бронзы. Вероятно, аналогичные процессы происходили при переходе населения Казахстана к кочевому скотоводству. Новая система хозяйствования в условиях аридного климата оказалась более эффективной, что привело к демографическому взрыву и к определенной нехватке территорий. Как следствие возникли новые связи, регулирующие процессы земле- и водопользования, облеченные в различные формы: культурные, правовые, политические.

Количественный рост элементов системы может выражаться и в увеличении количества субсистем одного уровня, что ведет к росту конфликтности и изменению характера связей между элементами системы. Это может быть увеличение количества элитных и контрэлитных групп

в политической системе. Очевидно, что такой рост может дестабилизировать политическую ситуацию, заставив искать новые коалиции, политические блоки и т. п.

Рост количества этнических и субэтнических групп может привести к росту межэтнической напряженности и конфликтности. Рост количества социальных групп, новых сословий, кланов, каст ведут к реорганизации всей социальной иерархии, что всегда сопровождается социальными потрясениями. Эти изменения служат катализатором процесса нормирования в социальной системе. Все известные нам попытки систематизации и кодификации норм права у кочевников от Ясы Чингисхана до *Жеті Жарғы* связаны с процессами изменения в социальной системе и со значительными усложнениями структуры.

Важнейшим системообразующим фактором для социальных систем является изменение характеристик внешней среды, включая вмещающий ландшафт (экологический фактор), внешнеэкономическую (рыночный фактор), этническую (этнический фактор), внешнеполитическую ситуацию (политический фактор) и культурогенез (культурный фактор).

На весь ход истории кочевников мощное воздействие оказывал специфический способ производства, в свою очередь зависящий от экологических характеристик. Любое общество существует в рамках определенного геобиоценоза, важнейшей составляющей которого является ландшафт. Изменение климата влечет за собой его изменение и не может не влиять на процессы в данном обществе. Правда, благодаря гибкости кочевого скотоводства и его приспособленности к экологическим катаклизмам глобальных социально-экономических потрясений на территории Казахстана не происходило.

Культурогенез является не менее значимым системообразующим фактором. Это может быть проникновение в социальную систему иных ценностей. Таковым является, в частности, принятие ислама кочевниками Семиречья, приведшее к созданию новой политико-правовой системы в рамках государства Караханидов.

Механизм воздействия культурного фактора на социальную систему связан со спецификой внутренних отношений в социальной системе, основанной на наборе кодов-символов и системе ценностей. Если в социальной системе начинают внедряться иные культурные ценности, это приводит к конфликту традиционных и новых символов, что вызывает рост нестабильности системы. В итоге инициируется возникновение качественно новой системы связей.

Воздействие окружающей этнической среды также может послужить значительным системообразующим фактором. В период масштаб-

ных этногенетических или миграционных процессов социальная система вступает в контакт с новыми для нее этносами (субэтносами), с непривычными этническими стереотипами.

Результатом подобных контактов становятся различные варианты взаимодействия — от сосуществования до ассимиляции. В одних случаях происходит консолидация этноса (этносов), составляющего основу социальной системы, в других — сепарация (выделение) части этноса в самостоятельную этническую систему. Так, под влиянием русского этноса в татарской этнической общности появилась этнографическая группа *кряшен*, а под влиянием узбеков в казахской — группа *курама*. Механизм актуализации этнического фактора проявляет себя в культурных феноменах — язык, система ценностей, материальная культура и др.

Время — важный системообразующий фактор, определяющий будущее. Потенциальное время выступает как цель социальной консолидации. Значимую роль «будущее» играет в таких элементах социальных систем, как идеологии. Время может быть как внешним системообразующим фактором, так и внутренним.

Социальные системы, как и другие нелинейные сложные системы, возникают под воздействием целого ряда внутренних факторов. Одним из них является общность природного качества элементов. Это выражается в том, что человеческий коллектив обладает присущими только ему особыми социальными связями — языком, письмом, правом.

Основной системой символов, с помощью которой передается информация в обществе, является язык, поэтому социальные связи быстрее образуются в моноязычной среде, нежели в полиязычной. Аналогичную роль играет расовое или религиозное единство, а также политические или культурные предпочтения. Вместе с тем однородность имеет определенные пределы. Абсолютно однородный социум — нонсенс. Фактор взаимодополнения обеспечивает связь между элементами социальной системы. Являясь частью коллектива, каждый человек занимает в нем определенную нишу, обусловленную его характеристиками — образованием, происхождением, способностями. Полная реализация всех его возможностей происходит только в процессе взаимодействия с другими людьми, обладающими иными характеристиками. Это относится не только к отдельным людям, но и к группам. Деятельность политической партии может быть полностью актуализирована только во взаимодействии с другими политическими объединениями, и чем больше разница в их взглядах, тем более активна их деятельность.

Большое значение имеет фактор функциональности, выражающийся в виде возникающих в процессе специфического взаимодействия эле-

ментов системы. Целостность системы при этом обеспечивается не только существованием разнофункциональных элементов, но и их взаимодействием. Разница состоит в том, что фактор взаимодополнения касается сходных по функциям элементов, а функциональный – разнофункциональных. Так, в самих социальных группах должна быть определенная иерархия, поэтому в случае отсутствия одного из элементов иерархии он должен появиться. Применительно к традиционной социальной системе казахов это означает, что многомерность «кочевого» общества будет воспроизводиться. При потере одного из компонентов системы (потере оседло-земледельческого компонента) возникнут попытки его вернуть, а при невозможности – «достроить» за счет других ресурсов. Известны попытки хунну, монголов и казахов постоянно контролировать земледельческую периферию или создавать оседло-земледельческие зоны из военнопленных, беглых и пр. в регионах «традиционно» кочевых.

Любую сложную систему можно представить как структурную иерархию, состоящую из подсистем более низкого уровня. Если представить кочевое общество в качестве системы, то его «животноводческо-кочевая» и «оседло-земледельческая» составляющие предстанут в виде подсистем, выполняющих различные функции. Каждый из этих компонентов представляет собой сложный культурно-исторический комплекс, включающий политический, правовой, экономический, культурно-религиозный компоненты.

В заключение отметим, что применение синергетических моделей и циклической парадигмы к реконструкции социального процесса не отрицает других методологических подходов. Мы далеки от мысли объявить системный подход и основанные на нем методы новой генерализирующей концепцией, призванной всесторонне объяснить исторический процесс, тем более что многие авторы справедливо указывают на опасность позитивистской редукции при перенесении на развитие общества и культуры установленных синергетикой закономерностей нелинейности и поливариантности путей развития процессов в физическом мире. Мы хотим лишь обозначить новые возможности гуманитарного знания.

Источники и литература

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
2. Анохин П. К. Философские аспекты функционирования систем. М.: Наука, 1989. 212 с.
3. Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2 кн. Кн. 1. Алматы: Ғылым, 2000. 420 с.
3. Нысанбаев А. Проблема объективности в историческом познании // Официальный сайт Ин-та истории и этнологии МОН РК. URL: www.iie.freenet.kz/otan_tar_1_2000_1-2.html

А. Е. Ахметкалиева, А. Р. Иксанова, А. П. Коновалов

Этносоциология и этнография распространения национальных традиций среди этнических казахов Восточного Казахстана

Авторы настоящей статьи провели этносоциологическое исследование среди жителей г. Семей, Жарминского и Кокпектинского районов Восточно-Казахстанской области — этнических казахов по достаточно актуальной проблеме — эволюции национальных традиций в условиях социально-экономического прогресса. Основой работы стали экспертные опросы по формализированной анкете — всего более 400 экспертов из городов и сел региона. Среди опрошенных пропорционально было репрезентировано взрослое население, начиная с 18 лет и старше. Результаты исследований были обобщены в аналитических таблицах.

Таблица 1

Удельный вес вписавших наличие знаний по поводу отличий этноса в основных сферах жизни общества, %

Наименование сфер, где имеются особенности	Всего	В том числе респонденты				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	города	села
1. Национальная кухня	88,5	87,8	86,3	91,1	88,0	89,0
2. Национальные музыкальные инструменты	87,0	87,8	90,0	83,5	88,0	86,0
3. Проведении свадебных обрядов	79,5	73,2	72,5	89,9	78,0	81,0
4. Национальная одежда	79,0	78,0	77,5	81,0	75,0	83,0
5. Прием гостей	66,0	78,0	61,3	64,6	47,0	85,0
6. Национальные танцы	63,0	68,3	66,3	57,0	52,0	74,0
7. Захоронения	61,5	46,4	61,3	69,6	56,0	67,0
8. Воспитание детей	59,0	41,5	60,0	67,1	49,0	69,0
9. Национальные песни	47,0	43,9	53,8	41,8	33,0	61,0
10. Отправление религиозных культов	45,0	41,5	45,0	46,8	22,0	68,0
11. Внутреннее убранство жилища	44,5	41,5	41,3	49,4	45,0	44,0
12. Строительство жилища	38,0	31,7	37,5	41,8	30,0	46,0
13. Хозяйствование	25,5	19,5	23,8	30,4	15,0	36,0

Обращает на себя внимание уровень компетенции респондентов (табл. 1). Они гораздо лучше знают национальные особенности в приготовлении пищи, использовании музыкальных инструментов, нежели во внутреннем убранстве современного жилья, в хозяйствовании и еще меньше — в строительстве домов. По ряду традиций село занимает лидирующие позиции (в хозяйствовании, содержании жилища, в национальных песнях, отправлении религиозных культов и др.). Это подтверждает тот факт, что село — «хранитель» национальных традиций. Старшее по-

коление больше тяготеет к соблюдению традиций в одежде, питании, обустройстве жилья и пр.

Интересны также данные опроса о самооценке респондентов (табл. 2).

Таблица 2

Респонденты о собственных знаниях и соблюдении традиций, %

Уровень знания и соблюдения традиций	Всего	В том числе респонденты...				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	города	села
1. «Знаю многие, соблюдаю не все»	36,0	41,5	27,4	41,8	47,0	25,0
2. «Знаю и соблюдаю наиболее важные»	29,0	26,8	35,0	25,3	18,0	41,0
3. «Знаю хорошо и все соблюдаю»	19,5	14,6	13,8	27,8	16,0	23,0
4. «Мало знаю и соблюдаю наиболее важные для меня»	7,5	9,8	12,5	1,3	9,0	1,0
5. «Соблюдаю те, которые другие почитают, не больше, не меньше»	6,5	4,9	11,3	2,5	10,0	3,0
6. «Практически не знаю и не соблюдаю»	1,5	2,4	–	1,5	–	7,0

Данные табл. 2 демонстрируют достаточно широкий разброс в характере знаний, а тем более в соблюдении национальных традиций. По крайней мере, «знаю хорошо и все соблюдаю» отметили только 19,5% опрошенных, среди них больше представителей старшего поколения (27,8%).

Результаты опроса дают возможность оценить востребованность тех или иных традиций в жизни современных казахов. В первом десятке фигурируют традиции гостеприимства, праздник «Наурыз» и некоторые религиозные мероприятия. Многие традиции находят большую поддержку на селе. Это еще раз подтверждает роль аула в сохранении национальной идентичности.

Таблица 3

Респонденты о регулярности соблюдения национальных традиций в их семьях, % (всего протестеривано 44 вида традиций). Звездочками отмечены равные значения

Рейтинг регулярности	Всего	В том числе респонденты				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	города	села
1. Қуырдақ	96,0	78,0	96,3	98,7	93,0	99,0
2. Шай беру, ет асу	77,5	87,8	95,0	96,2	94,0	95,0
3. Наурыз	74,0	92,7	67,5	79,7	77,0	78,8
4. Құрбан-айт	74,0	82,9	63,8	79,7	78,0	70,0
5. Ораза-айт	68,5	70,7	62,5	73,4	76,0	61,0
6. Қарта	65,5	65,9	57,5	743,4	63,0	68,0
7. Бата	62,0	73,2	60,0	77,2	35,0	89,0
8. Қазы	59,0	31,7	53,8	60,8	52,0	66,0
9. Қонақ асы	56,5	70,7	50,0	55,7	31,0	82,0

Рейтинг регулярности	Всего	В том числе респонденты				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	города	села
10. Құрт	56,0	65,9	48,8	58,2	52,0	60,0
11.* Бет ашар	54,0	63,4	51,3	67,1	38,0	70,0
11.* Шілдехана	54,0	56,1	47,5	59,5	31,0	77,0
12.* Қырқы	52,5	58,5	47,5	54,4	31,0	74,0
12.* Қырқынан шығару	52,5	53,7	46,3	58,2	30,0	75,0
13.* Бесікке салу	52,0	53,7	43,8	57,0	30,0	74,0
13.* Сүндет	52,0	51,2	47,5	57,0	31,0	73,0
13.* Той жыры	52,0	61,0	45,0	54,4	32,0	72,0
14.* Жал	50,5	43,9	48,8	56,7	44,0	57,0
14.* Тұсау кесу	50,5	53,7	45,0	54,4	29,0	72,0
15.* Киіт	50,0	51,2	43,8	55,7	30,0	70,0
15.* Көніл айту	50,0	58,5	42,5	53,2	29,0	71,0
16. Ірімшік	49,0	41,5	42,5	59,5	42,0	56,0
17. Тұсау салу	47,0	46,3	41,3	54,4	27,0	67,0
18. Келін шай	46,0	46,3	41,3	50,6	33,0	59,0
19. Шұжық	41,5	51,2	36,3	41,8	20,0	63,0
20. Жоқтау	33,0	36,6	33,8	30,3	23,0	43,0
21. Дауыс шығару	32,5	39,0	27,5	34,2	23,0	42,0
22. Тақия	30,0	43,9	22,5	30,4	27,0	33,0
23. Етік	25,5	26,8	13,8	36,7	35,0	16,0
24. Домбыра	20,0	29,3	21,3	13,9	18,0	22,0
25. Кісе	18,5	9,8	5,0	36,7	33,0	4,0
26. Тон	13,0	31,7	7,5	8,9	14,0	12,0
27.* Қобыз	9,5	12,2	8,8	8,9	8,0	11,0
27.* Тымақ	9,5	9,8	5,0	13,9	4,0	15,0
28. Камзол	9,0	9,8	7,5	10,1	5,0	13,0
29. Шапан	8,5	9,8	11,3	5,1	7,0	10,0
30.* Мәсі	8,0	12,2	7,5	6,3	6,0	10,0
30.* Бөрік	8,0	9,8	6,3	8,9	5,0	11,0
31. Қырықтық	7,5	4,9	6,3	10,1	6,0	9,0
32. Кимешек	7,0	7,3	5,0	8,9	6,0	8,0
33. Қалпақ	6,5	9,8	5,0	6,3	4,0	9,0
34.* Қайырпақ	5,0	2,4	2,5	8,9	7,0	3,0
34.* Кебенек	5,0	2,4	2,5	8,9	4,0	6,0
35. Кебіс	3,5	7,3	3,8	1,3	4,0	3,0
Средний (социализированный) процент	39,1	41,5	34,7	42,6	30,1	47,2

Средний, «социализированный» процент соблюдения респондентами национальных традиций составил 39,1%, среди молодежи — 41,5%, людей среднего возраста — 34,7% и старшего — 42,6%. Для города он соста-

вил 30,1%, а аула – 47,2%. Это еще раз показывают дифференциацию отношения указанных категорий населения к традициям.

Результаты опроса касаются причин востребованности или невостребованнности различных национальных традиции в жизни современных казахов.

Таблица 4

Знания респондентами профессий своих ближайших предков, %

Назвали, кем были по профессии	Всего	В том числе респонденты				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	города	села
Отец	95,0	83,0	98,8	97,5	97,0	93,0
Мать	99,0	97,6	100,0	98,7	100,0	98,0
Дедушка по отцу	54,5	46,3	58,8	54,4	48,0	61,0
Дедушка по матери	49,0	41,5	57,5	44,3	47,0	51,0
Бабушка по отцу	52,5	36,6	57,5	55,7	40,0	65,0
Бабушка по матери	48,5	43,9	52,5	46,8	37,0	60,0

Данные табл. 4 объясняют, хотя и косвенно, причины снижения востребованности ряда национальных традиций. Причиной отчасти является нарушение межпоколенной преемственности. Как видим, почти 50% респондентов мало общаются со старшими родственниками. Другой причиной забвения традиций является поликультурная вариативность локальных сообществ Казахстана, что влияет на «казахский этнопорядок». В табл. 5 приводятся результаты опроса по поводу полиэтнично-

Таблица 5

Степень полиэтничности окружения и религиозности респондентов, %

Вопросы и ответы	Всего	В том числе респонденты				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	города	села
1. Имеются представители других национальностей:						
в семьях респондентов	17,5	22,0	15,0	17,7	18,0	17,0
среди ближайших родственников респондентов	40,0	53,7	38,8	34,2	32,0	48,0
среди друзей респондентов	73,5	82,9	73,8	68,4	60,0	87,0
2. Отношение к религии:						
относят себя к исламу	59,5	68,3	42,5	60,8	59,0	60,0
не относят	40,5	31,7	57,5	39,2	41,0	40,0
3. Характер посещения культовых заведений:						
регулярно	5,5	7,3	6,3	3,8	4,0	7,0
периодически	34,0	39,0	28,8	36,7	33,0	35,0
редко	45,5	35,6	50,0	45,6	37,0	54,0
не посещают	15,0	17,1	15,0	13,9	26,0	4,0

сти, подтверждающие наличие «сложностей», которые «размывают чистоту национальных вещей», наполняют ее иным содержанием.

Из приведенных данных видно, что, во-первых, все казахи идентифицируют себя с исламом, во-вторых, степень верования большинства опрошенных умеренная, в-третьих, среднее поколение, воспитанное в условиях советского атеизма, проявляет гораздо меньшую религиозную активность, чем молодые люди, воспитанные после обретения Казахстаном государственной независимости.

Показателем полиэтничности в регионе является современная языковая ситуация, когда средствами коммуникации являются русский, казахский и другие языки. Табл. 6 позволяет проследить, насколько русский язык сказывается на характере межсубъектных контактов, на взглядах, вкусах и ценностях респондентов. Многие казахи, помимо родного, хорошо знают и русский язык. Именно с помощью русского языка многие казахи приобщились к достижениям цивилизации, науке и технике. К примеру, все студенты технических специальностей работают с литературой на русском языке, поскольку на казахском языке чаще можно встретить переводы с русского, а не оригиналы.

Таблица 6

Респонденты о языках социальной коммуникации,%

Вопросы и ответы	Всего	В том числе респонденты...				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	города	села
1. Говорят в семье в основном						
на казахском языке	29,5	34,1	22,5	34,2	24,0	35,0
на казахском и русском языках	68,5	60,0	70,0	59,5	67,0	55,0
на русском языке	2,0	5,9	7,5	6,3	9,0	10,0
2. Говорят на работе, учебе в основном						
на казахском языке	20,0	14,6	16,3	26,6	9,0	31,0
на казахском и русском языках	68,5	58,5	71,3	70,9	82,0	55,0
на русском языке	11,5	26,9	12,4	2,5	9,0	14,0
3. Говорят в общественных местах (больница, транспорт и др.) в основном						
на казахском языке	17,5	9,8	16,3	22,8	6,0	29,0
на казахском и русском языках	71,5	61,0	73,8	74,7	81,0	62,0
на русском языке	11,0	29,2	9,9	2,5	13,0	9,0
4. Общаются с друзьями, родственниками в основном						
на казахском языке	4,6	18,8	24,1	12,0	28,0	
на казахском и русском языках	46,3	68,8	69,6	73,0	56,0	
на русском языке	39,1	12,4	6,3	15,0	16,0	
5. Говорят в гос органах в основном						
на казахском языке	22,0	25,0	25,3	3,0	46,0	

Вопросы и ответы	Всего	В том числе респонденты...				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	города	села
на казахском и русском языках	61,0	67,5	72,2	87,0	49,0	
на русском языке	17,0	7,5	2,5	10,0	5,0	
6. Читают газеты в основном						
на казахском языке	14,6	15,0	30,4	15,0	27,0	
на казахском и русском языках	39,0	68,8	62,0	68,0	52,0	
на русском языке	46,4	16,2	7,6	17,0	21,0	
7. Смотрят телепередачи в основном						
на казахском языке	2,4	25,3	21,5	12,0	18,0	
на казахском и русском языках	53,7	74,7	72,3	74,0	63,0	
на русском языке	43,9	—	6,2	14,0	19,0	
8. Средний процент коммуникации						
на казахском языке	16,0	19,9	26,4	11,6	30,6	
на казахском и русском языках	54,2	70,7	68,7	76,0	56,0	
на русском языке	29,8	9,4	4,9	12,4	13,4	

Имеется еще одна причина эволюции национальных традиций казахов — унификация сферы потребления. Речь идет об одежде, бытовой технике, автомобилях и пр. У людей появляются новые вкусы, взгляды и пристрастия. Это обнаруживается при анализе опроса о том, какие праздники респонденты почитают больше всего.

Таблица 8

Рейтинг наиболее почитаемых респондентами праздников, %

Наименования праздников	Всего	В том числе респонденты...				
		18–29 лет	30–49 лет	50 и > лет	Города	Села
1. Новый год	82,0	90,2	77,5	81,0	95,0	69,0
2. Собственный день рождения	67,0	80,5	72,5	54,5	61,0	73,0
3. Наурыз	66,5	58,5	66,3	70,9	79,0	54,0
4. Дни рождения близких	46,0	36,6	43,8	53,2	47,0	45,0
5. День независимости республики Казахстан	11,0	9,8	10,0	15,2	8,3	17,0
6. 9 Мая и 23 Февраля	6,0	7,3	12,5	15,2	1,6	12,0
7. Религиозные	4,0	2,4	5,0	3,8	5,0	3,0
8. Другие	2,0	—	3,8	2,5	—	4,0

В целом анализ материалов опроса позволяет сделать следующие выводы:

— в региональном сообществе формируются общие для всех этнических групп ценности; они играют интегрирующую роль;

— судя по популярности традиционных праздников казахов среди представителей других этносов, они объединяют все население Казахстана;

— сочетание этнического, социального и гражданского в действительности Казахстана определяют особенности национального сообщества, которое обозначается как «казахстанский народ», «казахстанская нация».

С. К. Бердагулова

Казахстан и Россия: культурно-образовательное сотрудничество на рубеже XX–XXI вв.

Казахстан и Россия входят в огромный Евразийский регион. Между ними существуют устойчивые геополитические, хозяйственные, этнические и культурные связи. Их сближению, по мнению экспертов, способствует ряд важных факторов. Первый среди них — это общая граница свыше 6 тыс. км, что имеет серьезное значение для двусторонних отношений. К тому же оба государства обладают крупными материальными ресурсами, что обусловливает предпосылки для дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества. Курс на сближение, принятый Казахстаном и Россией, обеспечивает условия для создания единого культурного пространства.

Кардинальные изменения, охватившие постсоветское пространство в последнее десятилетие XX в., а именно трансформация политического развития, переход экономики к рыночным отношениям, возникновение реальных условий для интеграции Казахстана в мировое образовательное пространство, оказали существенное влияние на состояние системы образования.

Несмотря на обретение политической независимости, бывшие союзные республики не утратили взаимных связей в области образования. Это особенно характерно для казахстанско-российских отношений. Общность системы образования, а также сходные процессы формирования национальных образовательных принципов стимулировали дальнейшие контакты двух независимых государств в этой сфере. В то же время образовательные связи суверенных Казахстана и России, практически не прерывавшиеся и после распада СССР, формировались в новом формате. Формирование правовой базы международного образовательного сотрудничества началось с первых договоров и соглашений, подписанных в 1992 г.

В марте 1992 г. в г. Уральске состоялась встреча правительств обоих государств, где были приняты совместные решения по многим вопросам; в

числе прочих обсуждались и проблемы, связанные с образованием [5, с. 78–79]. Взаимодействие систем образования Казахстана и России обрело легитимность после 25 мая 1992 г., когда было подписано Соглашение о сотрудничестве в области образования [2, с. 56], согласно которому стороны должны были обеспечить удовлетворение общеобразовательных потребностей народов, проживающих на территории своих государств, прежде всего путем создания условий для получения образования на родном языке. Соглашение гарантировало равные права граждан Казахстана и иностранных граждан на образование и его доступность. Речь шла об организации учебных стажировок, семинаров, учебных и научных поездок, об обмене специалистами и преподавателями для работы в высших, средних и специальных учебных заведениях.

Продолжением сотрудничества стран стал договор Казахстана и России от 28 марта 1994 г. о сотрудничестве в области образования [3, с. 75], который предполагал взаимодействие в подготовке учебников и учебно-методической литературы для всех народов, проживающих на территории обоих государств, развитие партнерских связей между высшими и средними учебными заведениями, профучилищами, школами и др. Подписанные в период с 1991 по 2005 гг. документы стали базой для эффективного сотрудничества Казахстана и России в области образования.

Со второй половины 1990-х гг. в Казахстане проходили серьезные изменения в сфере образования: внедрение тестовых технологий на экзаменах в вузах, коллективное тестирование абитуриентов и студентов старших и выпускных курсов университетов и коллективная государственная аттестация, введение единого национального тестирования, переход на европейские стандарты высшего и послевузовского образования, внедрение кредитной технологии и т. д. Концептуальной основой этих преобразований стало присоединение Казахстана в 1997 г. к Лиссабонской конвенции по признанию квалификаций, относящихся к высшему образованию, и ко Всемирной декларации по образованию для XXI в. (Париж, 1998), а также разработка Концепции развития образования в Казахстане до 2015 г. [5, с. 57]. Казахстан развивался так динамично, что опережал многие страны СНГ по реформированию образования, и уже добился неплохих результатов [5, с. 75]. Образование рассматривается в стране как главный фактор конкурентоспособности в экономике.

Важнейшим этапом сотрудничества между Россией и Казахстаном в области образования стало решение об открытии на базе Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева Казахстанского филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоно-

сова, принятое в сентябре 2000 г. [4, с. 23–26]. Филиал стал ярким проявлением российско-казахстанской дружбы и сотрудничества, а также признаком доверия к нашей системе образования.

Новый импульс образовательному сотрудничеству дали 2003 и 2004 гг. — Год Казахстана в России и Год России в Казахстане. В эти годы был подписан ряд соглашений и договоров между учебными заведениями Казахстана и России. Так, в марте 2003 г. подписано соглашение, предусматривающее совместное проведение научно-исследовательской работы, выпуск журналов, учебно-методической литературы, обмен преподавателями, стажерами, студентами по ряду специальностей [2, с. 8].

Между Казахстаном и Россией постоянно идет обмен делегациями. В 2005 г. в Астане и Алматы с официальным визитом находилась делегация во главе с руководителем Департамента образования Москвы [6, с. 56]. Целью визита были знакомство и обмен опытом. У россиян вызывало интерес внедрение Единого национального тестирования в Казахстане, подготовка перехода на двенадцатилетнее образование, введение кредитной технологии. Казахстанский опыт единого выпускного и вступительного экзамена для школьников был учтен при внедрении в России ЕГЭ.

Одним из пионеров установления научно-образовательных контактов между странами стали взаимосвязи Кокшетауского государственного университета имени Ш. Уалиханова и Омского государственного университета. Доброй традицией стала организация научных конференций на территории обеих стран по различным отраслям науки. Хорошо зарекомендовала себя конференция «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность на рубеже 2000–2001 гг.» проводившаяся впервые в 2001 г. в г. Кокшетау, а затем в Омске, Астане, других городах Казахстана и России. Процесс развития научно-образовательных связей захватил многие вузы Астаны, Караганды и других городов.

Стремление к плодотворному и взаимовыгодному сотрудничеству в области образования между Казахстаном и Россией в настоящий момент принимает все новые формы. Говоря об образовательных связях между Казахстаном и Россией, президент Республики Казахстан Н. Назарбаев отметил, что у сотрудничества в сфере образования — большой потенциал и прекрасные перспективы. Многовековая дружба и десятилетия союзничества скрепили единство двух евразийских государств и обеспечили общность интересов в будущем [1, с. 6].

Сотрудничество в области образования рассматривается Казахстаном и Россией как одно из приоритетных направлений в рамках разви-

вающихся двусторонних отношений, выходят на новый более качественный уровень и становятся тем ориентиром, которому начинают следовать многие республики постсоветского пространства.

Источники и литература

1. Гужвин А. Нас объединяет дружба // Казахстанская правда. 2003. 15 февр. С. 6.
2. Образовательное пространство: Казахстан и Россия // Учитель Казахстана. 2005. № 17. С. 8.
3. О расширении и углублении казахстанско-российского сотрудничества // Вестн. Кокшетауского гос. ун-та им. Ш. Уалиханова. 2005. № 3. С. 78–79.
4. Соглашение о сотрудничестве в области образования от 25 мая 1992 г. // Бюллетень международных договоров Республики Казахстан [далее Бюллетень договоров]. 1992. С. 56.
5. Соглашение о сотрудничестве в области образования от 28 марта 1998 г. // Бюллетень договоров. 1998. С. 75.
6. Соглашение о научно-образовательном сотрудничестве от 18 марта 2003 г. // Бюллетень договоров. 2003. С. 23–26.

В. С. Бойко

Инонациональные общины азиатского происхождения в Западной Сибири: методология и методика исследования

Инонациональные общины России — этнические группы, являющиеся частями титульных или иных этносов зарубежных государств. Их характерной чертой является прохождение основных этапов истории за пределами России. Военно-экономическое продвижение России в Азию на протяжении XVII–XX вв. заметно обогатило и ее национальный состав. Многократное перекраивание политической карты Азии привело к тому, что часть ее автохтонного населения оказалась в составе Российской, Британской, Китайской и других империй, а потом и других государственных образований. В новом своем состоянии они превратились в национальные меньшинства, остались коренным населением либо трансформировались в этнические сообщества переходного типа. Особенности этих трансформаций социально и научно значимы в контексте резко возросших во второй половине XX — начале XXI вв. внешних миграций, когда в массовом обиходе и даже академической литературе стало широко и не всегда адекватно применятся понятие диаспор и другие историко-мигрантоведческие термины и положения. Применительно к выходцам из бывших советских республик, включая русских, понятие диаспор неоправданно как с научной, так и с конкретно-исторической точек зрения.

Цель данного сообщения — краткая социально-культурная характеристика ставших частью этнического ландшафта Западной Сибири вы-

ходцев из зарубежной Азии: китайцев, корейцев, афганцев, вьетнамцев и др. – на протяжении краткой истории их миграций в российское приграничье (XX – начало XXI вв.). Поскольку эти миграции были прерывными, определяемыми социально-политическими и экономическими кризисами в странах исхода и в самой России/СССР, их лонгитюдное исследование невозможно по обстоятельствам научно-методического характера.

Ранняя история азиатских сообществ в западносибирском регионе воспроизводится по малочисленным и отрывочным данным местных отделов государственных архивов конца XIX – XX вв. Миграции 1920–1930-х гг. отложились в материалах персональных дел репрессированных, которые стали доступными после рассекречивания в начале 1990-х гг., но были отнесены по закону 2006 г. к делам ограниченного доступа. Несмотря на их специфическую структуру и содержание (материалы допросов, обысков и пр.), они содержат определенную культурно-историческую, социально-демографическую и иную информацию о выходцах из Азии, которая позволяет воспроизвести черты их группового облика.

Наиболее репрезентативны данные об общинах корейцев и китайцев, в разной степени, но достаточно успешно приспособившихся к неблагоприятным природным и социально-политическим условиям советской Сибири. Сталинские репрессии конца 1930-х гг., коснувшиеся подавляющего большинства иностранцев, прервали процесс адаптации выходцев из Азии. Имеющиеся в распоряжении исследователей документы не позволяют в должной мере изучить механизмы их социализации, динамику культурной идентичности, коммуникационные практики. Но даже немногие архивные материалы, дополненные данными прессы и воспоминаниями современников, свидетельствуют о высоком взаимном (мигранта и принимающего сообщества) потенциале толерантности местного населения и выходцев из зарубежной Азии. В ряду объяснений этого феномена – особенности ментальности азиатских русских, представлявших собой в специфический социо-культурный тип в пределах многонационального российского этноса. Не следует сбрасывать со счетов и жесткую регламентацию социальных, в том числе и межнациональных отношений в условиях крайне идеологизированного режима советского типа, одним из своих приоритетов провозгласившего национальное равноправие.

Своеобразным «белым пятном» в этнической истории Азиатской России, в том числе ее западносибирском массиве, оказалась судьба потомков зарубежных азиатов – тысяч детей от смешанных браков периода по-

сле Первой мировой и гражданской войн. Единственные данные на этот счет — материалы реабилитационных комиссий конца 1980-х — начала 1990-х гг., содержащие данные о членах семей реабилитированных. Прочие (статистические, демографические и пр.) документы не зафиксировали и не сохранили данных этого рода, поскольку подавляющее большинство потомков азиатов было зарегистрировано под русскими именами.

В период «холодной войны» выходцы из зарубежной Азии вновь оказались под подозрением, каждая национальная группа — по своим специфическим основаниям. Судьбу корейцев, в том числе тех, кто пережил сталинские репрессии, осложнил раскол Кореи и внутрикорейский конфликт с массированным международным участием. Советско-китайские противоречия, переросшие в затяжное политико-идеологическое противостояние в 1960–1980-е гг., стали главным фактором формального игнорирования китайского сообщества в СССР. В той или иной степени это негласное табу продолжает действовать и поныне, хотя подкрепляется уже опасениями китайской экспансии и прочими проявлениями глобальной «азиатизации» мира.

Этническая азиатизация — императивная тенденция, которая при определенных обстоятельствах может превратиться в серьезный вызов для России и ее суверенитета. Ее легализация (через контролируемый приток различных категорий мигрантов из Азии и их трансформацию в граждан России в соответствии с общенациональными и региональными потребностями и квотами, а также национальным и международным законодательством) — один из вариантов решения проблем в их организационно-правовом измерении. Возможно и определенное участие мигрантов из Азии в решении демографических проблем России, при адекватном научно-экспертном и управленческом сопровождении этих процессов. «Азиатские черты» все отчетливее проявляются в создании подлинного этнокультурного образа российского пограничья, определяя исследовательские задачи регионоведов, этнологов, культурологов и пр., пытающихся постичь суть этого постоянно меняющегося феномена.

М. Г. Качановская

Политика присоединения Казахстана к России как один из факторов хозяйственной и социальной модернизации казахского этноса Прииртышья в XVIII–XIX вв.

Начало XVIII в. совпало с началом политического кризиса Казахстана. Это было связано с усилением присутствия России в Центральной Азии, а также со слабостью государственной власти и усилением родового сепаратизма в период правления Тауке хана. Усиливалась обособлен-

ность жузов, и в целом внешнеполитическая обстановка по всей периферии Казахского ханства складывалась не в пользу казахов: с востока и с запада усиливалась угроза со стороны Джунгарии, с севера наступали яицкие и сибирские казаки, осуществляя колониальную политику России. Джунгары, жившие по соседству с казахами, совершали на них опустошительные набеги, принося большие бедствия. Казахи неоднократно обращались к России за военной помощью и защитой от Джунгарской империи. Эти просьбы, а также торговые интересы России побудили Петра I, считавшего казахские степи и Иртыш «воротами для русской торговли со Средней Азией» и Индией, принять ряд мер, направленных на присоединение Прииртышья к России [1, с. 31]. В 1714 г. Петром I был послан в регион отряд полковника Бухгольца. Несмотря на противодействие со стороны джунгар, на Иртыше были основаны в 1715 г. Ямышевская, в 1716 г. — Омская и в 1717 г. — Железинская крепости [2, с. 59].

В следующие годы по Иртышу была построена цепь русских крепостей, тянувшаяся до его верховьев, в том числе Семипалатинская в 1718 г. В 1720 г. майор И. М. Лихарев из Тобольска с отрядом в 440 чел. дошел до оз. Зайсан и на обратном пути построил Усть-Каменогорскую крепость. Тем самым в 1716–1720 гг. границы России в районе среднего и верхнего течения Иртыша оказались максимально приближенными к ареалу расселения казахов Среднего жуза.

После разгрома Джунгарии правительство России приняло ряд мер, направленных на дальнейшее заселение Прииртышья казачеством. В 1755 г. последовал указ об отводе казачеству земель для казенного хлебопашества, но в 1773 г. эта мера была отменена. В последующие годы казакам выделялись земельные наделы по 6 десятин на душу. Кроме того, им представлялись различные льготы. Еще в 1765 г. вдоль Иртыша была отчуждена полоса земли, так называемое «десятиверстное пространство». В начале XIX в., когда образовалось местное линейное войско, земли десятиверстной полосы были представлены ему в пользование, а в конце века переданы в собственность. Казахи оказывали сопротивление изъятию земель и заселению их казачеством.

Отмежевание у кочевников десятиверстной полосы и запрещение им пользоваться пастбищами в долине Иртыша лишило их лучших зимних пастбищ, нарушило обычные пути кочевок и изменило их направление. Среди казахов все больше усиливалось имущественное расслоение. Многие аулы были вынуждены искать пристанища на землях далеко в степи или платить ренту казачеству за пользование угодьями, а отдельные хозяйства и вовсе разорялись, пополняя ряды бедноты. Царское правительство обложило казахов постоянной данью — кибиточным сбо-

ром (ясаком). В казахской степи проводились административные преобразования.

Изменения в общественно-экономической жизни казахов привели к тому, что внутри казахского рода также произошли изменения. Эти изменения наиболее сильно проявились среди казахов, кочевавших на территории Западно-Сибирской равнины. В процессе трансформации родов формировались территориальные отношения.

В процессе строительства линии крепостей, продвижения русских вглубь казахских кочевий происходило межкультурное взаимодействие. Казахи овладевали хозяйственными навыками русского населения, в том числе сенокошением. На первых порах сенокошение развивалось медленно. Несмотря на запрет 1756 г., крупные скотовладельцы предпочитали перегонять скот на правобережье Иртыша [3, с. 42]. Но пропуск стада на внутреннюю сторону сопровождался большими потерями скота. Поэтому ценность сенокосных угодий в степи с каждым годом возрастала, особенно в XIX в.

В первой половине XIX в. с сокращением кочевых маршрутов значительно возросло производственное значение зимовок, казахи-скотоводы стали строить хлева для молодняка и мелкого скота. В прилинейных районах Прииртышья казахи заимствовали некоторые приемы стойлового содержания скота у русского населения. Заметив эти сдвиги в хозяйстве казахов, Г. Броневский утверждал, что «волости, кочующие близь линии, научились у русских косить сено и лучше строить дворы для скота, чем много сберегают его зимой» [4, с. 89].

Следует отметить, что родовая казахская знать проявляла большую заинтересованность в устройстве оседлого жилья на своих зимовках, так как, согласно казахскому адату, недвижимое имущество обеспечивало постоянное пользование зимовкой, превращало ее в собственность того, кому это имущество принадлежало.

Под влиянием русского крестьянского хозяйства и быта усиливалась тяга к земледелию и оседлости рядовых скотоводов (шаруа). Об этом свидетельствует желание казахов, выселенных в 1860-х гг. из некоторых русских селений Тобольской губернии, поселиться отдельной деревней и заниматься хлебопашеством. Они обратились к сибирской администрации с просьбой «отвести им душевой надел земли» [5, с. 130].

Распространению оседлости и земледелия среди казахов содействовала также русская беднота — переселенцы-самовольцы. Бедняки-переселенцы не могли производить посев самостоятельно. Им приходилось договариваться с казахами о посеве исполу или из одной четверти при условии предоставления лошадей, семян и земли. Эти земледельцы, по-

лубатраки-полуиздольщики, приносили в аулы навыки земледельческого труда.

Фактором, стимулировавшим оседание казахов, также были вольные крестьяне-переселенцы. В ходе стихийной колонизации устанавливались непосредственные связи русских крестьян-переселенцев с казахским населением, расширялось общение казахов с русским населением прилинейных районов, росли крестьянские поселения.

Одновременно с изменениями в формах хозяйства происходило разложение общинного землепользования и складывание частного землепользования и частного землевладения.

Таким образом, по мере проникновения в Прииртышье товарно-денежных отношений, в ходе распространения земледелия и сенокошения и приспособления скотоводческого хозяйства к новым условиям и требованиям общероссийского рынка сформировались предварительные условия для более глубоких хозяйственных перемен в казахской степи. Процесс модернизации казахского общества развивался поступательно.

Источники и литература

1. Арын Е., Нухулы А., Инсебаев Т. Павлодарская область: календарь исторических событий и дат. Павлодар: ПГУ. 2003. 220 с.
2. Ерофеева И. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, испр. и доп. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 620 с.
3. Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Павлодар, 2006. 208 с.
4. Броневский С. Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. Павлодар 2006. 213 с.
5. Раздыков С. З. Казахи юга Западной Сибири в 18 — первой половине 19 вв. Павлодар 2007. 246 с.

С. Б. Кожирова

Уйгуры Казахстана: история «миграционных» волн

Уйгуры — один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии. В письменных источниках уйгуры упоминаются с III в. н. э. В VIII в. было образовано Уйгурское государство на р. Орхон. В 840 г. это государство было разгромлено енисейскими кыргызами. Часть уйгур переселилась в Восточный Туркестан и западную часть Ганьсу. Длительное подчинение и раздробленность привели к тому, что этноним *уйгур* почти перестал употребляться. Уйгуры стали называться по месту жительства — *кашгарлык* (кашгарец), *турфанлык* (турфанец) или по роду занятий — *таранчи* (земледелец).

Существование уйгурских поселений в Семиречье еще в XV в. отмечает А. Н. Бернштам. Имеется упоминание о селении кашгарцев близ

р. Ош, относящееся к XV в. [13]. В литературе приводятся исторические факты, свидетельствующие о том, что уйгуры встречались и среди населения Ферганской долины еще в XVI в., т. е. задолго до массового переселения уйгуров в XVIII–XIX вв. [16].

Таранчи называли илийских уйгуров. Этот этноним закрепился за той частью уйгуров, которая была переселена в долину р. Или преимущественно из Кашгарии. Это переселение осуществлялось маньчжуро-китайской администрацией насильственно вскоре после захвата в 1759 г. Восточного Туркестана цинской империей. Переселение преследовало двойную цель: ослабить антицинские настроения и основать новые уйгурские поселения, жители которых обязаны были снабжать маньчжурские войска продовольствием.

К 1760 г. уйгурское государство, существовавшее в Восточном Туркестане, было захвачено маньчжурскими правителями Китая. Эти земли получили китайское название «Синьцзян» («Новая территория» или «Новая граница»). Вся полнота власти в регионе была сосредоточена в руках маньчжурских военных чиновников.

Оказавшись в составе Поднебесной империи, уйгуры неоднократно поднимали восстания против ханьцев и стремились покинуть страну. Первая волна миграций уйгуров в Среднюю Азию пришлась на конец 1820-х гг. В результате подавления цинским правительством восстания Джахангир-ходжы в Кашгаре (1826–1828 гг.), группы уйгуров-кашгарцев огромными массами переходили в Ферганскую и Семиреченскую области. По некоторым данным, за указанный период на территорию Кокандского ханства переселились от 85 до 160 тыс. кашгарцев [15, с. 325–335].

Второй поток связан с карательными операциями китайских властей в период восстания 1864–1873 гг. Тогда было уничтожено возникшее государство Йттишар во главе с Якуб-беком, многие участники восстания бежали в Семиречье. Цинское правительство выдворило из Кашгара оставшихся в живых родственников бежавших в пределы России участников восстания. Переселенцев размещали в пределах Верненского, Иссык-Кульского уездов.

Когда в 12 февраля 1881 г. между Россией и Китаем был заключен Санкт-Петербургский договор, российская сторона специально оговорила статью, учитывавшую интересы ушедшего из Илийского края населения. В ней, в частности, предусматривался переход под юрисдикцию России части территории на западе Синьцзяна, где должны были поселиться жители края, «...которые примут российское подданство и, вследствие этого должны будут покинуть земли, которыми владели там» [6, с. 56].

С августа по декабрь 1881 г. специальными комиссиями были произведены опрос и перепись с целью выяснения числа желающих перейти в подданство России и выселиться в ее пределы. Согласно «Списку таранчей Кульджинского района, изъявивших желание остаться в русском подданстве, от 20 ноября 1881 г.», мужчин насчитывалось 9 524, женщин — 8 117, детей — 10 553. В феврале 1882 г. в списках значилось 11 068 уйгурских и 1 055 дунганских семей [7].

Последующее сокращение миграционного потока было связано с амнистией, объявленной цинской администрацией участникам антиманьчжурского восстания. Китайские чиновники от имени богдыхана объявили местному населению «полное всепрощение» и гарантировали ему личную и имущественную безопасность. Это должно было «вселить народу доверие к китайским властям, имеющим принять край, и удержать его от необдуманного поголовного переселения в пределы России...» [8]. Цинские власти обещали предоставить остающимся ряд льгот на обзаведение сельскохозяйственным инвентарем, семенами и рабочим скотом. Но в этот период обострилась ситуация в Кашгаре и Яркенде. Возникли слухи о вновь готовящемся восстании мусульман. Обеспокоенные этими известиями, цинские власти начали переброску войск из Джунгарии в Кашгарию, мобилизовав для этого кочевников. Это стало причиной ухода местных жителей в пределы Ферганской области и Семиречья. На территории Верненского, Джаркентского, Пишпекского уездов появились селения уйгуров-кашгарлыков с населением более 6 тыс. чел. [5].

Объявление о возвращении края под власть маньчжурской династии повергло местное население в смятение. Жители Илийского края начали в массовом порядке обращаться к русским властям с просьбами о предоставлении российского подданства и разрешения на переселение в пределы Российской империи. В канцелярию по Кульджинским делам поступили десятки прошений от уйгуров, казахов, дунган Илийской долины. На российскую территорию ушли более 70 тыс. уйгур, дунган и казахов, из них уйгуров насчитывалось 45 373 человека [9].

В пределы Российской империи переселилось около половины населения Илийского края. Подтверждение этому официальные документы. Так, по донесению генерал-губернатора Степного края Г. А. Колпаковского начальнику Главного штаба Н. Н. Обручеву от 19 марта 1883 г. в российские пределы переселилось приблизительно: таранчей — 75 000 и дунган — 5 000. Таранчи осели на правой стороне р. Или — между Хоргосом и Борохудзиром, в Джаркенте, Аккенте, по берегам рек Аксу, Баян-Казак, Сарыбулак, Чилик, Корам, Каратурук, Леп и Талгар; дунгане поселились в городах Верном, Пишкеке [1].

После миграции уйгуров в Семиречье было образовано 5 «таранчинских» волостей, вобравших в себя все уйгурское население Юго-Восточного Казахстана: Джаркентско-Таранчинская, Аксу-Чарынская, Малыбаевская, Карамская и Карасуйская. Помимо этого, уйгуры были сконцентрированы и на отошедшей по Санкт-Петербурскому договору территории Кетменской волости. Джаркентско-Таранчинская, Аксу-Чарынская и Кетменская волости вошли в состав Джаркентского уезда, а Малыбаевская, Карамская и Карасуйская волости — в состав Верненского уезда [10]. Первоначально в «таранчинских» волостях было образовано 42 селения, число которых возросло в начале XX в. до 99: «Оседлое инородческое население делится на волости во главе с Волостным правителем, а волости подразделяются на сельские старшинства с сельскими старшинами во главе... У таранчей каждое сельское старшинство, за очень малым исключением, образует отдельное селение» [11].

Уйгурское население располагалось в сельской местности небольшими земляческими группами и образовало сравнительно густую сеть поселений. Характер расселения уйгурского населения на территории Юго-Восточного Казахстана определялся традиционной системой хозяйствования (поливным земледельческим хозяйством) и организационной структурой уйгурского общества. Переселившись плотной и компактной массой, уйгуры заняли зону предгорных речных долин, практически идентичную зоне своего прежнего расселения в Восточном Туркестане и Кульджинском крае [12].

Динамика численности уйгурского населения была представлена такими цифрами: к 1885 г. численность уйгуров Семиречья возросла до 47 911 чел., в 1888 г. она составила 49 202 чел., а в 1892 г. — уже 51 097 чел. [19]. Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. выявила в Семиречье 55 999 уйгуров [4, с. 52–53]. Во время этой переписи в Семиреченской области китайский язык назвали родным 7 398 чел. мужского пола и 6 732 женского, всего 14 130 чел. Из этого числа 3 016 чел. мужского пола (40,8%) и 2 811 женского (41,8%), всего 5 827 чел. (42,2%), проживали в городах, остальные — в сельской местности [3].

Третья волна миграции уйгуров в Центральную Азию в начале XX в. — это так называемые отходники, которые в поисках работы в страдную пору приходили из Кашгарии. По материалам сельскохозяйственной переписи, в 1917 г. в России насчитывалось 100 416 уйгуров, в том числе 60 888 таранчей и 39 528 кашгарлыков [17]. К началу XX в. на территории Казахстана и Узбекистана сложились места компактного проживания уйгуров.

В мае 1921 г. на съезде представителей уйгур в Ташкенте было принято общее для всех таранчей, кашгарлыков и других родственных им групп наименование *уйгуры*. Это историческое название было утрачено после изчезновения уйгурского государства в период длительной междоусобной борьбы. В 1930-е гг. этноним *уйгуры* широко распространился и в Синьцзяне.

В 1955 г. провинция Синьцзян была преобразована в Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР. С этого времени политическое руководство Китая стало проводить в регионе жесткий антиисламский курс, что привело к росту антикитайских настроений и появлению сепаратистских тенденций в регионе. Одно из первых серьезных столкновений между уйгурами и ханьцами произошло в 1956 г. В этот период в автономии в ходе проведения «культурной революции» были осуществлены массовые репрессии, причем особым гонениям подверглись мусульманское духовенство и местная национальная интеллигенция.

В 1957–1958 гг. в СУАР развернулась кампания «борьбы с местным национализмом». Активные участники революционных событий 1930–1940 гг. в Синьцзяне были вынуждены выехать на жительство в Советский Союз. По переписи 1959 г., в СССР насчитывалось 95,2 тыс. уйгуров [18]. В 1970 г. численность уйгурского населения составила 173 276 чел. В Казахской ССР в 1959 г. проживало 59 840 уйгуров, в 1970 г. – 120 881 [2, с. 10]. Увеличение численности уйгуров произошло как в результате естественного прироста, так и в связи с переходом многих групп уйгуров из Синьцзяна на территорию СССР.

Наиболее массовый поток мигрантов пришелся на 1962 г. Он был спровоцирован слухами о том, что советские власти, стремясь ограничить миграцию спасающихся от голода беженцев, решили закрыть советско-китайскую границу. Китайские власти, запретившие выезд, для разгона толпы использовали регулярные воинские части. Результатом этого противостояния явилось то, что приблизительно 60–80 тыс. уйгуров, казахов и представителей других этнических групп бежали в Советской Союз через хоргосский участок советско-китайской границы, который был открыт советскими властями [14]. Новая часть переселенцев состояла из скотоводов и земледельцев, которые были расселены в Талды-Курганской, Алма-Атинской, Семипалатинской, Южно-Казахстанской, Джамбулской областях Казахской ССР.

Современная уйгурская диаспора Казахстана сконцентрирована в Уйгурском (56,13% всего населения района), Панфиловском, Энбекшиказахском, Талгарском районах Алматинской области и городе Алматы. Из 223 007 уйгуров Казахстана в Алматы и Алматинской области прожива-

ет 213 144 чел. или 95,58%, в том числе в Алматы — 67 082 чел., или треть (30,08%) всех уйгуров Казахстана [20].

Последняя волна уйгурской миграции представлена лицами уйгурской национальности, приезжающими в Казахстан и государства Центральной Азии с коммерческими целями. Этот поток возник уже в конце 1980-х гг., когда началась агония Советского Союза. «Китайский торговый бум», который наблюдался в Казахстане уже с 1987 г., но особый размах приобрел в 1991–1993 гг., подпитывал миграцию. Основную часть торговых агентов и посредников с китайской стороны составляли уйгуры, имеющие родственные связи в Казахстане и быстро адаптирующиеся к местным условиям.

И хотя официальные цифры прибывающих «торговых» мигрантов отсутствуют, тот факт, что такая категория существует, не вызывает сомнения. Это подтверждается результатами весьма любопытного исследования, проведенного бывшим стажером Института уйгуроведения НАН РК Шоном Робертсом, предложившим оригинальную методику исследования взаимоотношений в среде уйгурской диаспоры Казахстана. Суть этой методики сводится к делению всех уйгурских мигрантов на три категории, соответствующие устной традиции уйгуров: *ерликляр (yerliklar),* «местные жители», — уйгуры, которые родились в Казахстане и чьи семьи жили здесь по крайней мере с 1900 г., *кельгянляр (kelganlar),* «прибывшие», — уйгуры, чьи родители или они сами прибыли в Казахстан в 1950–1960-е гг., и *хитайликляр (khitailiklar),* «из Китая», — уйгуры, прибывающие в Казахстан из Китая, чтобы работать или торговать на временном основании. Между уйгурами различных волн Ш. Робертс отмечает наличие конфликтов и разногласий и делает вывод о том, что потомки уйгуров первых миграционных волн в большей степени идентифицировали себя с Казахстаном, нежели с Синьцзяном, а мигранты 1960-х гг. и их потомки явились активными проводниками идей независимости Синьцзяна и создания на его территории уйгурского государства.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Д. 3220. Л. 21.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. С. 318.
3. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Т. V. СПб., 1914. Ч. 1. 363 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. LXXXY. Семиреченская область. СПб., 1905. 280 с.
5. РГВИА. Ф. 447. Д. 14. Л. 153.
6. Русско-китайские отношения 1689–1916 // Официальные документы. М., 1958. 263 с.

7. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 21. Оп. 1. Д. 696. Л. 22.
8. ЦГА РК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 697. Л. 71–82. Ведомости о переселении.
9. ЦГА РК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 691. Л. 193–194.
10. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4861. Л. 270
11. ЦГА РК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 735. Л. 279
12. Баратова Г. С. Социально-экономическая история уйгуров Семиречья на рубеже XIX–XX вв.: автореф. … канд. ист. наук. Алма-Ата, 1988. 24 с.
13. Бернштам А. Н. Уйгуры и Семиречье. Фрунзе, 1946. 78 с.
14. Борисов О. Б. Некоторые вопросы истории советско-китайских отношений // Территориальные притязания Пекина: история, современность. М., 1979. 284 с.
15. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1962. С. 325–335.
16. Гейер И. И. Весь русский Туркестан. Ташкент, 1908. 258 с.
17. Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края // Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. 1925. № 9. 268 с.
18. Искаков Г. М., Решетов А. М., Седловская А. Н. Современные этнические процессы у советских уйгуров // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 74–93.
19. Недзевецкий В. Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской волости. Верный, 1913. 98 с.
20. Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2003. 736 с.

С. И. Ковальская

Традиция и модернизация: дискурс конфликта или примирения?

Любая национальная культурная традиция содержит как консервативную, так и креативную составляющую, последняя и позволяет генерировать новации. Как утверждает А. С. Ахиезер, «возможности модернизации надо искать в исторически сложившейся культуре, в накопленном историческом опыте. В противном случае она приводит к повседневному увеличению масштабов социокультурного противоречия» [1, с. 281]. Встает вопрос о том, как относиться собственно к этносам, сохраняющим патриархальный уклад. По-видимому, пока этносы, «вписанные в природу», – кочевники, собиратели, охотники, рыболовы – имеют возможность сохранить свое неповторимое «я», выраженное в образе жизни, типе культуры и ментальности, они сохраняют свою субъектность в истории. Как только они начинают подчиняться чужой логике развития, они превращаются в объект, которым манипулируют.

На наш взгляд, такая категоричность не совсем уместна, так как сохраняется свобода воли. И не только отдельный человек, но даже определенные группы (этнические, социальные или какие-либо другие) вправе определять свою судьбу, не повторяя жизненный цикл своих предков

или иных предшественников. В условиях новейшего времени такая возможность была предоставлена всем народам СССР. Другое дело, насколько добровольным был этот выбор, хотел ли сам народ соответствовать этому новому темпоритму. Здесь, как нам кажется, и кроется основная проблема конфликта ценностей, и видно, что он имеет несколько уровней — от личного до национального, и в том и другом случае ситуация может быть совершенно различной.

После утраты традиционного уклада жизнедеятельности, кочевья в так называемом чистом виде, он сохранился в устном народном творчестве, генеалогии, поведенческих ритуалах казахской культуры, в архитектуре и убранстве дома, элементах повседневной и праздничной одежды, украшений и т. д. Зарубежные авторы при попытках анализа процесса трансформации традиций уделяют значительное внимание присутствию перечисленных проявлений культуры в современной жизни. Как правило, подчеркивается, что происходит либо их постепенная замена новациями, либо наблюдается взаимный синтез, либо нечто новое используется соответственно традиционным навыкам. Причем тяготение к кочевому стереотипу поведения признается неистребимым даже в отечественной историографии, хотя в зарубежной подобное мнение встречается гораздо чаще. Так, Дж. Мозур в своем обзоре о Казахстане пишет: «Большинство изобразительных произведений посвящено казахскому аулу, в котором живут простые пастухи и колхозники. Сами авторы вышли из этой среды, и чувство ностальгии к внегородскому образу жизни отцов и дедов отчетливо прослеживается почти во всех рассказах. Поэтому становится понятным, почему писательский сентиментализм по отношению к традиционной жизни казахов находит выражение в форме обращения к старине» [2, p. 349–350]. Действительно, образ степи и в литературе, и в живописи на всем протяжении развития этих видов искусства присутствует как ответ на вопрос поиска национального стиля. Степь олицетворяет собой некое символическое пространство — это родовая земля, кочевье, где происходят вневременные события человеческой жизни — счастье, радость встреч, материнство, старость. Но постепенно «мощный позитивный символ казахской живописи — Степь — обретает свой антипод — Город...», — пишет Р. Ергалиева [3, с. 75–76]. Это появление отечественные искусствоведы объясняют нарастанием внутренних кризисных явлений, связанных с «эпохой застоя».

Размышляя о перспективах развития национальной живописи сегодня, А. К. Ниязов подчеркивает: «Степь как олицетворение традиционного рая вновь становится одной из наиболее востребованных тем в живописи, воплощаясь в новом изобразительном языке, полном символов и

метафор... что касается ландшафтных предпочтений, то здесь приоритеты неизменны — именно степь, безграничные казахстанские пространства стали главным лейтмотивом творчества казахских художников» [4, с. 201–204]. Можно резюмировать, что на ментальном уровне подвижки хотя и происходили, но были куда менее заметны, чем в объективной материальной реальности. Традиционная ментальность продолжала функционировать в модусе — номадизм, шежире, казахский аул, это отмечали западные авторы, и нам приходится соглашаться с этим как практически с бесспорным фактом [5].

В зарубежной историографии достаточно часто встречается тезис о том, что автохтонное население восточных республик СССР существовало в ситуации двойственного положения: с одной стороны, оно должно было строго соблюдать требования традиционного общества и в целом патриархального уклада жизни, с другой — адаптироваться к требованиям советской эпохи с ее идеологическими установками, отказом от религии и всего того, что являлось определяющим в первом случае [6, p. 126]. Совместить эти две разновекторные составляющие без каких-либо потерь было достаточно трудно, если не сказать невозможно.

Пребывание в постоянном состоянии конфликта со своим внутренним миром, отказ от ряда приоритетных направлений в процессе жизнедеятельности — все в совокупности не могло пройти безболезненно ни на уровне судьбы отдельного человека, ни нации в целом. В советской исторической литературе, да и в постсоветской анализ подобных вопросов практически отсутствует, за малым исключением, встречающимся в литературе антропологического характера последних лет, в то время как западная историография полна подобных размышлений в контексте проблемы формирования национальной идентичности, социальной динамики, в решении женского вопроса и в ряде других.

Что же касается литературы, посвященной анализу нациестроительства в постсоветский период, то практически все зарубежные авторы делают акцент на том, что наблюдался, особенно в первые годы, активный процесс индигенизации (indigenization), реанимации всего традиционного, частично или полностью утраченного в советский период, — от семейно-бытового уровня до общегосударственного. Тимоти Эдмундс подчеркивает, в частности, возрождение определенных традиций номадизма в среде современных казахов. Например, наряду с сохранившимися традициями безоговорочного гостеприимства, уважительного отношения к старшим, знания своих корней автор отмечает увеличение использования, а соответственно производства и продаж таких элементов материальной кочевой культуры, как юрта, кобыз,

домбра, некоторых продуктов питания, в частности кумыса, и т. д. [7, p. 6–12].

Изменения в материальной культуре, особенно если повышалась степень повседневного комфорта, большинством населения воспринимались как естественные и необходимые и практически не содержали в себе конфликтной составляющей. Трудности были исключительно утилитарного порядка: формирование навыков пользования техническими новшествами, их ремонт и т. д. Изменения же в духовной сфере, как правило, воспринимались как трагические и непоправимые. Это касалось многих сторон жизни общества — языковых процессов, религиозной ситуации, социальных трансформаций и т. д.

Нежелание менять традиционный уклад жизни, отказываться от кочевого комфорта с его физической и духовной составляющей можно было наблюдать повсеместно, вплоть до полной утраты защитного механизма в виде поддержки рода, семьи или отдельных личностей. Только потеря такой поддержки заставляла в первую очередь часть мужского населения уходить в города в поисках заработка и пропитания. Уход от привычного, стремление к познанию чего-то нового также могли стать причиной геопространственных перемещений.

Город преподносил немало сюрпризов, заставлял меняться вчерашнего кочевника не только внешне, но и внутренне, вносил существенные изменения в стиль жизни, манеру поведения, рацион питания, моду. При этом связи с аулом не прерывались, и при первой возможности большинство возвращалось. Но оставались те, кому некуда было возвращаться, или те, кто, освоив этот новый стиль жизни, привыкал к нему и, обнаружив в нем даже немало достоинств, постепенно становился городским русскоговорящим жителем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Стремление к городскому комфорту становится важнейшим движущим фактором, и вчерашний кочевник, принимая решение, все чаще руководствуется личным интересом. Проблема соотношения и выбора в пользу кочевого образа жизни или городского комфорта совершенно не изучена, но весьма интересна с точки зрения исторической антропологии. Условия города постепенно становятся местом естественного обитания идей национальной реабилитации сообразно требованиям модернизации.

Лимитированная индустриализация, слабая включенность автохтонного населения в эти процессы в конечном итоге привели к сохранению традиционных предпочтений в сфере труда, концентрации местного населения в сфере управления, торговли, обслуживания, образования и гуманитарных наук. А. М. Хазанов, анализируя проблему отсталости Сред-

ней Азии и Казахстана, отмечал: «Модернизация в этом регионе была осуществлена с минимальным участием коренного населения — индустриализация, урбанизация, демографическая революция, революция в образовании и трудовая мобильность — не были осуществлены здесь в полной мере» [8, p. 155].

Круг замкнулся: традиционные предпочтения и отсутствие навыков индустриального труда у кочевого населения, с одной стороны, ограниченная индустриализация и недостаточное вовлечение местного населения в происходящие модернизационные процессы — с другой. Обозначенные факторы лишь укрепили ментальную привязанность рядового казаха-кочевника к ценностям кочевого социума с непререкаемым авторитетом старшего и знанием генеалогии, поддержкой семьи и рода, ностальгическими экскурсами в героическое прошлое и любовью к устному народному творчеству и т. д. В меньшей степени такие настроения были характерны для части казахской бюрократической или политической элиты, достигшей высокого карьерного статуса и положения. Как результат выбора той или иной жизненной стратегии была различна и степень русификации — от полной, ведущей к смене этнической идентичности, что в чистом виде встречается крайне редко, через аккультурацию или «гибридизацию» к сугубо поверхностной, которая вполне могла сочетаться даже с антирусскими настроениями. При изучении подобных проблем мы выходим за рамки истории как научной дисциплины и вторгаемся в пределы нового научного направления для исторической науки Казахстана — антропологии, что требует дополнительных знаний, умений, навыков и методов проведения подобных исследований.

Источники и литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1998. Т. 2. 600 с.
2. Mozur J. Kazakhstan. Review // World Literature today. Bloomington, 1983. Vol. 57. № 2. P. 349–350.
3. Ергалиева Р. Этнокультурные традиции в современном искусстве Казахстана. Алматы: Ғылым, 2002. 181 с.
4. Ниязов А. К. К проблеме пространства и ландшафта в живописи Казахстана // Мир Евразии: история, современность, перспектива. Труды пятого международного Евразийского научного форума. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва, 2006. С. 201–204.
5. Carlson Ch. F., Oraltay H. Kul Tegin. Advice for Future // Central Asian Survey. Oxford, 1983. Vol. 2. № 2. P. 121–138.
6. Karpat K. H. The Turkic Nationalities: Turkish-Soviet and Turkish-Chinese Relations // Soviet Asian Ethnic Frontiers. New-York, etc.: Pergamon Press, 1979.
7. Edmunds T. Searching a Nationalism: Foci for Kazakh Identity in the 1990s // Central Asia Monitor. 2000. Vol. 2. P. 6–12.
8. Khazanov A. M. After the USSR. Ethnicity. Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States. The University of Wisconsin Press, 1995.

И. В. Октябрьская, Н. Е. Смирнова

Казахи Алтая. Проблема оценки человеческого потенциала: этносоциальный аспект

В современных общественных науках человеческий потенциал признается главной составляющей национального развития. Он отражает социальное качество населения. Основными его компонентами являются социально-демографический потенциал (половозрастная структура населения, состояние здоровья, продолжительность жизни, естественное и механическое движение населения, включая миграцию иностранной рабочей силы); трудовой потенциал (уровень и структура занятости населения, масштабы безработицы, качество рабочей силы, уровень оплаты труда); экономический потенциал (уровень благосостояния и реальных доходов населения, социальные гарантии и социальная защищенность), социокультурный потенциал (уровень общего образования и профессиональной подготовки, особенности нормо-ценностного сознания). Как показывают многочисленные исследования, этническая дифференциация характерна для всех процессов воспроизводства и формирования человеческого потенциала на уровне региона. Группировка населения по национальному составу дает более надежные основания и имеет более высокую прогностическую значимость при оценке человеческого капитала, чем традиционно используемая группировка по административно-территориальному делению.

Современные этносоциальные процессы Сибири соединяют в своем развитии тенденции дифференциации, культурного и политического самоопределения этносов, с одной стороны, и интеграции с возможной нивелировкой различий, с другой. Облик каждого из народов Сибири имеет как специфические, так и общие черты, что является показателем исторически сложившейся мозаичности и одновременно отражает общую тенденцию модернизации общества. Процессы интеграции, получившие развитие в рамках многонационального сообщества, опираются на исторический опыт, сохранение культурного многообразия и традиции толерантности. Эти факторы определяют перспективу в развитии человеческого потенциала региона.

В ходе освоения региона на протяжении нескольких столетий изменялся состав населяющих его этносов и их соотношение. К XIX в. практически во всех областях Сибири сложилось значительное преобладание русских. Эта ситуация характерна и для современного национального состава Сибирского федерального округа (СФО), где при наличии этнополитических образований (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Хакасия), выражающих волю локальных

многонациональных сообществ с ориентацией на интересы титульных коренных народов, в целом русские остаются в абсолютном большинстве. При этом состав наиболее значительных по численности этносов существенно меняется в масштабах первой пятерки.

К началу XXI в. первую пятерку в этнической структуре СФО входят (в порядке убывания) русские, украинцы, немцы, татары, казахи, составляющие 92,7% населения СФО. Казахи СФО являются частью казахской диаспоры России.

По данным переписи населения в 2002 г. в России постоянно проживало 654,0 тысячи казахов, что составляло около 0,45% населения. При этом значительная их часть находилась в сельской местности – 61,7% от общей численности. В Сибирском федеральном округе (СФО) казахи по численности впервые превзошли белорусов и заняли пятое место – 123,9 тыс. человек, что составляет около 0,6% населения. В Республике Алтай казахи насчитывали 12 108 чел. При этом Республика Алтай и Алтайский край были наименее урбанизированными; в них соответственно 91,9% и 74,2% казахского населения проживало в сельской местности. Для сравнения: в Омской области 45,3% казахов являлись городскими жителями (здесь и далее данные Всероссийской переписи 2002 г.) [1].

Родным языком владело в СФО 72% казахского населения, а русским – 97,6%. В Республике Алтай уровень владения русским языком у казахов на 10 п. ниже средних показателей по округу, а в Алтайском крае он составляет 99,0%.

По данным переписи населения 2002 г., доля детей и подростков в общей численности казахов в СФО составляла 27,7% (в РФ 25,6%), а доля населения пенсионного возраста – 8,9% (в РФ 9,7%). Возрастную структуру казахского населения (РФ и СФО) можно считать более прогрессивной по сравнению со структурой всего населения РФ и СФО, так как в ней очень высока доля населения моложе трудоспособного возраста, т. е. детей и подростков, и низок удельный вес старших возрастных групп.

Поло-возрастные структуры казахского населения СФО различаются по территориям. Выделяется Республика Алтай, в которой на долю детей и подростков приходится 33,8% казахов (в сельской местности – 34,9%), а на население старше трудоспособного возраста – всего 7,5%. В результате в республике меньше доля населения трудоспособного возраста и соответственно более высок коэффициент демографической нагрузки (704 чел. в целом по республике и 751 чел. на селе на 1000 населения трудоспособного возраста). Но с точки зрения социальной перспективы здесь имеются большие резервы увеличения численности населе-

ния трудоспособного возраста. Коэффициент прогрессивности возрастной структуры равен в Республике Алтай 4,5.

Алтайский край, напротив, характеризуется более низкой долей населения моложе трудоспособного возраста среди казахов по сравнению со всем казахским населением округа, она составляет 22,0% (в сельской местности — 24,1%) и большим удельным весом населения пенсионного возраста — 12,2% (на селе — 13,1%).

В Алтайском крае и Республике Алтай в городе очень высок процент трудоспособного населения и значительно ниже доли других групп казахского населения по сравнению со средними аналогичными показателями в целом по субъектам. Население трудоспособного возраста в городских поселениях Республики Алтай составляет 76,6% от численности казахского населения, а Алтайского края — 74,2%. В результате в городах данных субъектов относительно невысок уровень демографической нагрузки.

Средний возраст казахского населения отражает его прогрессивную половозрастную структуру. Самое молодое население имелось в Республике Алтай — 25,7 лет, что на почти на 10 лет меньше среднего медианного возраста всего населения СФО. В других областях он незначительно колебался около 30,0 лет. Средний возраст сельских жителей существенно выше, чем городских, только в Республике Алтай, в других субъектах различий практически нет.

Анализ соотношения мужчин и женщин казахского населения округа показал, что в среднем численность женщин практически не отличалась от численности мужчин, хотя в группе старше трудоспособного возраста численность женщин в процентном соотношении в 1,5 раза больше, чем мужчин, а в других возрастных группах численность мужчин несколько превосходит численность женщин. Поло-возрастная структура казахского населения Республики Алтай близка к среднеокружным для казахов значениям. В Алтайском крае преобладает мужское казахское население, в том числе для групп трудоспособного возраста и моложе трудоспособного возраста, а перевес женского населения в группе старше трудоспособного возраста не столь существен по сравнению со всем и казахским населением округа.

Данные о состоянии в браке казахов РФ и СФО демонстрируют средний для всего населения уровень брачности: около 63% мужчин и 57–58% женщин брачного возраста, по данным переписи населения 2002 г. состояли в браке. При этом доля регистрируемых браков среди мужчин и женщин казахов в СФО и РФ составляла около 90%, что является высоким показателем. Среди казахского населения РФ и СФО про-

цент мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, составил: 30% мужчин и 23,6% женщин, что выше средних для всего населения показателей и объясняется более молодым населением. В городе этот показатель выше: 33–34%.

Низок среди казахского населения уровень разводимости: процент находящихся в разводе мужчин варьируется в пределах 3–4%, а женщин – 5–7%. В городе он несколько выше у мужчин, а в сельской местности различие более существенное – в 1,5 раза.

В Республике Алтай среди казахов значительно меньше процент никогда не состоящих в браке по сравнению с аналогичными показателями СФО, в основном за счет села, где выше и общий уровень брачности. В городах Республики Алтай, напротив, численность состоящих в браке казахов – всего 41,4% среди мужчин и 33,1% среди женщин в возрасте 16 лет и более, более половины казахского населения в городах никогда не состояли в браке. В городах Республики Алтай казахи в большей степени предпочитают состоять в незарегистрированном браке. Показатели брачности казахов Алтайского края в большинстве мало расходятся со средними данными для казахов СФО, следует отметить лишь более высокую долю незарегистрированных браков как в городе, так и в сельской местности.

Казахи, постоянно проживающие в СФО и в РФ, имеют высокий уровень рождаемости. Если в 2002 г. среднее число рожденных детей на 1 000 женщин составляло в СФО 1 897 (все население), то у казахов СФО – 2 142, а у казахов РФ – 2 015. При этом у казахов особенно явственно проявляется сокращение числа рожденных в семье детей. Для родительского поколения, которым в 2002 г. было 60 лет и более, среднее число рожденных детей за весь репродуктивный период составляло в СФО около 6 на 1 женщину (в РФ около 5 детей). Для женщин казахской национальности в возрасте от 50 до 60 лет этот показатель также был достаточно высок – 4 ребенка (СФО). Для женщин в возрасте 40–49 лет он выше, чем у других национальностей, и равен 2,6. По остальным возрастным категориям различия со средними показателями незначительны. Среднее число рожденных детей в расчете на 1 000 женщин 15 лет и более, указавших число рождений, у казахов Республики Алтай на 6,6% больше, чем в среднем у казахов СФО.

Уровень образования казахов существенно ниже, чем в среднем у всего населения СФО и РФ. Всего 45% казахов СФО имело профессиональное образование (все население СФО – 57,5%). Среди получивших профессиональное образование прошедшие среднюю профессиональную подготовку составляли 22,7%, начальную профессиональную подготов-

ку — 14,2%. Очень низка у казахов доля специалистов с высшим образованием: среди жителей города она составила всего 6,5%, среди жителей села — 4,0%. Уровень образования казахов Алтайского края мало отличается от данных по всему казахскому населению СФО. Казахи Республики Алтай при средней для казахов СФО профессиональной подготовке имеют значительно более совершенную ее структуру: доля имеющих высшее образование здесь больше в 1,7 раза, а имеющих среднее профессиональное образование — на 10,1%. Для сравнения: в Омской области доля имеющих высшее образование составляет всего 5,6%.

Диапазон источников средств существования во многом определяется особенностями демографических структур и образовательных практик, а также зависят от проживания в городской и сельской местности.

Доход от трудовой деятельности и от личного подсобного хозяйства составлял у казахов СФО в среднем около 40,3, в сельской местности он на 5,6 п. выше, чем в городе. В сельской местности также преобладали доходы от личного подсобного хозяйства. У казахов СФО достаточно высок процент населения находящегося на иждивении других лиц — 29,6%, в том числе в городе — 34,6%, что объясняется прогрессивной возрастной структурой населения. В Республике Алтай доля доходов от трудовой деятельности и личного подсобного хозяйства у казахов на 4 п. меньше по сравнению с аналогичными данными по СФО, что объясняется более высокой безработицей и повышенным удельным весом находящихся на иждивении лиц. В Алтайском крае, напротив, первые две основные статьи источников средств существования составляют 52,0%, так как здесь ниже уровень безработицы и относительно меньше находящихся на иждивении.

В целом по СФО процент казахов, имеющих один и два источника средств существования, примерно одинаков — около 48%. В Алтайском крае и особенно Республике Алтай как субъектах с преимущественно сельским населением два источника средств существования имеет преобладающая часть населения.

На сегодняшний день казахская община Республики Алтай, сохраняя свою языковую и этнокультурную идентичность, отличается высокой степенью адаптации к социальным условиям региона. Она интегрирована в его экономическую и политическую инфраструктуру и развивается в активном взаимодействии с казахскими сообществами России, Китая, Монголии и основным этническим массивом Республики Казахстан.

Источники и литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 год. Национальный состав и владение языками. Гражданство. Т. 4. М., 2005. С. 190, 612–716.

М. Ю. Онучко

Молодежь и Русская православная церковь в Казахстане: эволюция взаимоотношений

В Русской православной церкви молодежь представлена достаточно широко. Если считать, что в категорию «молодежь» входят лица до 20–30 лет, то в городах количество прихожан такого возраста приблизилось к 30%, в сельской местности — к 15–20%. Однако официальной статистики по этим данным не ведется.

Возвращаются в церковь люди в возрасте 35–50 лет, воспитанные в свое время вне веры. Представители этой возрастной группы, имеющие определенный жизненный опыт, обращаются к вере вполне разумно, искренне и составляют своеобразный «костяк» прихожан. Отмечается рост числа крещений среди молодежи. Если родители ребенка не разделяют его веру, то духовные наставники просят прийти к компромиссному решению, поскольку Церковь не разрушает семью — богоустановленный институт.

Национальный состав православной молодежи мало отличается от национального состава Русской православной церкви в Казахстане: большей частью это славяне, греки, корейцы, совсем немного представителей титульной нации. Дети до 15 лет зачастую посещают воскресные школы при храмах, до 20 лет — входят в молодежные группы по интересам, участвуют в жизни прихода.

Практически при всех крупных соборах в областных центрах Казахстана действуют молодежные группы. Их наставниками являются или молодые священнослужители, или сами представители этих групп. Никаких особенных приемов в работе с молодежью не используется, главное — это показать молодому человеку, что он нужен и интересен.

Молодежь активно участвует в религиозных праздниках, церемониях. Многие являются потенциальными кандидатами на священничество. Верующая молодежь ощущает в церкви покровительство и защиту. Степень религиозности среди молодой паствы различна, от непосредственного участия в таинствах церкви и богослужении до желания просто «потусоваться».

Отношение к другим традиционным религиям, скорее всего, нейтрально, поскольку все дети общаются со своими сверстниками в учебных заведениях. Конфликтов на религиозной основе нет — православные не склонны демонстрировать свою веру.

С исламом у православия исторически сложились неконфликтные отношения, как между административными структурами, так и между верующими. Католицизм является мировой религией, и он не национа-

лен. Вместе с тем католическая и православная церкви находятся в очень сложных отношениях.

Православие проповедует принцип неагрессивности. Самый яркий пример, который проиллюстрирует эту ситуацию, — отношение молодежи к семье как к социальному институту. В XXI в. институт семьи и брака испытал значительные изменения. Новая социально-экономическая ситуация усилила нестабильность брачно-семейных отношений: увеличилось число разводов, неполных и проблемных семей, детской неустроенности и т. д. Церковь осуждает разводы. Если один из членов семьи не хочет менять свою веру, супруг должен предоставить ему такую возможность. Духовенство советует, чтобы дети в смешанных семьях выбирали веру в осознанном «совершенном» возрасте. Принятие веры своего супруга совершается только по исключительному согласию самого человека. Однако воцерковленной молодежи говорят как о недопустимости менять свою веру, так и о недопустимости насильственного обращения в нее своего супруга.

Конфликтов в среде церковной молодежи практически не встречается. Церковь, несомненно, оказывает влияние на формирование мировоззрения молодого поколения.

Отношение к государственной власти в среде верующей молодежи отличается терпимостью, поскольку учение церкви не противоречит государственным институтам власти. Исходя из богоустановленной природы государства, Церковь не только предписывает повиноваться государственной власти, но и молиться за нее.

У православной молодежи сложилось отрицательное отношение к сектантским группам, особенно к тем, что ведут прозелитическую деятельность среди православных.

Одними из основных направлений работы с молодежью остаются православное воспитание и обучение основам православной веры. Для этой цели при Алматинско-Семипалатинском епархиальном управлении в 1991 г. было открыто двухгодичное епархиальное духовное училище (АЕДУ), которое постановлением Священного Синода Русской православной церкви 17 июня 2001 г. было преобразовано в четырехгодичное. Здесь готовят священнослужителей и регентов. Также при АЕДУ существует вечерний богословский миссионерский факультет, призванный оказывать помощь мирянам и сотрудникам храмов г. Алматы и области в получении знания о православии, готовить православных миссионеров, преподавателей Закона Божия. Всего обучается около 200 слушателей.

В Караганде с 1997 г. действует епархиальный филиал Свято-Тихоновского богословского института, срок обучения в котором длится 5 лет.

Здесь имеются два факультета: богословско-пастырский и катехизаторско-педагогический, на которых обучаются 13 священнослужителей и 20 мирян. Ежегодно 4–5 человек направляются в духовные учебные заведения Русской православной церкви. Значительное число священников обучается в Духовной академии в Москве заочно.

Практически при всех церквях и молитвенных домах Русской православной церкви открыты церковно-приходские школы по изучению основ православия. Например, в Алматинско-Семипалатинской епархии действуют 83 воскресные школы, в которых обучается 2,8 тыс. человек, как детей, так и взрослых.

Созданная в 1999 г. с благословения архиепископа Алексия инициативная группа «Чистое слово» проводила в Алматы и других местах епархии акции, направленные на удаление из повседневного быта выражений ненормативной лексики.

С 1995 г. функционирует православное благотворительное общество содействия развитию культуры и образования в Республике Казахстан «Светоч», с помощью которого уже несколько тысяч молодых людей поступили и окончили различные вузы Российской Федерации, имея возможность сдавать вступительные экзамены во многих областных центрах Казахстана. На состоявшейся в 1999 г. в Алматинском епархиальном управлении первой конференции православного благотворительного общества «Светоч» были подведены итоги его деятельности за пять лет. Отмечено, что за это время в вузы России направлено на обучение около 2,5 тыс. студентов, которые по завершении учебы могут вернуться и работать в Казахстане. Для поступления в российские учебные заведения необходимо получить не только благословение священника, но и рекомендацию архиерея.

Русская православная церковь проводит активную просветительскую работу в Казахстане. Для этого она использует различные каналы: регулярные проповеди священников, основанные на изложениях и толкованиях Библии и других религиозных источников, показ выступлений Патриарха и местных иерархов по случаю крупных религиозных праздников в церквях, что имеет общественный резонанс, сравнимый с резонансом светских праздников.

За последние годы Русская православная церковь в целях религиозного просвещения населения приняла ряд мер. В их числе организация в 1996–1997 гг. совместно с национальной сетью вещания радио «NS» еженедельных передач «Свет православия». Со 2 октября 1998 г. они возобновили свою деятельность, и сегодня эта программа транслируется в крупнейших городах Республики Казахстан. В Астане на радио «Астана»

проходил цикл передач «Благовест». Передачи транслировались по воскресеньям в вечернее время в течение 25 минут.

Телекомпания «ИнтерКараганда» в г. Караганде каждый воскресный день выпускает передачи из цикла «Мир православной духовности» продолжительностью 30 минут. Один раз в месяц выходит телепередача «Православное кино». Введенским собором г. Караганды издается еженедельная газета «Неугасимая лампада». Еженедельно клириками Благовещенского прихода г. Караганды по местному радио проводится проповедь «С нами Бог». В г. Темиртау Карагандинской области клирик Покровского храма священник Сергий Любич каждую неделю по местному телевидению ведет передачу «Православная семья». Клирики этого храма регулярно ведут передачи «Благовест» по местному радио и телевидению.

В Талды-Кургане Алматинской области при Иоанно-Богословском соборе один раз в месяц издается газета «Слово Православия». В г. Семипалатинске Восточно-Казахстанской области в течение года регулярно, два раза в месяц, по городскому телевидению настоятель Воскресенского собора протоиерей Фёдор Проскурин ведёт православную телепередачу «Верую». В г. Павлодаре ежемесячно на областном телевидении выходила программа «Беседы о духовности». Вел передачи настоятель Благовещенского собора игумен Иосиф (Еременко). В течение каждого месяца передача повторялась дважды, таким образом, в эфир в 1999 г. вышло 36 передач.

Бесспорным достижением в деле православной миссии является деятельность редакции епархиальной газеты «Свет православия в Казахстане» и республиканской православной газеты «Веди». Каждый номер этих изданий стал тематическим руководством для любого настоятеля в организации духовно-нравственного чтения и бесед в приходе. И это введено в постоянную практику во многих приходах, особенно в сельских.

С 1997 по 2001 гг. число церковно-приходских школ возросло с 19 до 48. В школах обучались 1800 детей и взрослых. Функционировало 18 библиотек, услугами которых пользовались 3400 читателей.

При Алматинском епархиальном духовном училище с 1999 г. под патронажем отдела богословского и религиозного образования действует вечерний богословско-миссионерский колледж. Колледж-факультет дает мирянам возможность получить достоверные знания о православии в объеме семинарского курса обучения и готовит православных миссионеров, преподавателей церковно-приходских школ, работников церковных библиотек и групп милосердия.

С марта 1997 г. в г. Караганде действует епархиальный филиал Свято-Тихоновского богословского института. Обучение рассчитано на пять лет и проводится на двух факультетах: богословско-пастырском и катехизаторско-педагогическом.

Епархиальный отдел по благотворительности и социальному служению, координирующий деятельность приходских групп «Милосердие», оказывающих помощь больным, инвалидам, престарелым, многодетным семьям, бездомным и беженцам, постоянно осуществляет посещение тюрем и исправительных колоний, детских домов, домов инвалидов и престарелых, больниц, лечебниц и т. д. Особенно эффективны выступления деятелей Русской православной церкви с религиозно-просветительской целью в светских учреждениях: в больницах и домах призрения, в воинских частях, в местах заключения, в школах, вузах и т. д.

Внешкольную досуговую деятельность в Казахстане проводят многие приходы и епархии, организующие детские лагеря, паломничества, детские и подростковые праздники и церковно-просветительские мероприятия. Внеучебные мероприятия, проводимые в Казахстане, можно условно разделить на следующие группы:

— миссионерское и духовно-просветительское служение молодежи; организация летних и зимних детских и подростковых лагерей соответствующей направленности;

— социальное служение молодежи, вовлечение церковной и воцерковляемой молодежи в социальную работу (помощь больным, нуждающимся и т. д.);

— нравственно-патриотическое служение молодежи, привлечение молодежи к подготовке и осуществлению служения на благо Отечества, изучение истории Отечества (работа с казачеством);

— молодежь в бизнесе и политике. Важной задачей православной молодежи является внесение традиций православной веры, основ православной этики в культуру современного бизнеса и политики;

— сотрудничество со студенческой молодежью;

— творческая деятельность молодежи. Особый интерес вызывают у современной молодежи занятия различными видами искусства, музыкой, художественным творчеством, спортом.

Формы и методы работы, используемые РПЦ с молодежью, меняются в зависимости от аудитории, в которой они применяются. Условно вся молодежь делится на шесть групп:

1) невоцерковленная молодежь, в целом позитивно относящаяся к православию. Наиболее подходящим методом работы с этой группой

представляется ее вовлечение в различные формы досуговой или творческой деятельности, совместимые с православной духовностью;

2) невоцерковленная молодежь, равнодушно относящаяся к православию или к религиозной жизни в целом. Для успешной работы с этой группой необходимо прежде всего разрушение неправильных стереотипов восприятия Церкви и духовной жизни, а также формирование новых представлений;

3) неофиты, недавно пришедшие к православной вере, с одной стороны, еще мало знающие церковную жизнь и основы православия и переоценивающие свою компетентность в разных вопросах церковной жизни. Здесь наиболее подходящими методами работы представляются катехизация, основанная на традициях церковного просвещения, и вовлечение этой группы в практическую деятельность общины под руководством опытных людей;

4) воцерковленная молодежь, различающаяся по степени общественной активности и уровню осознания своего места в Церкви. Для этой группы необходимо разработать различные формы участия в церковном и общественном служении, а также устранить барьеры в церковном сознании (дистанцию между клиром и мирянами, боязнь инициативы и ответственности), препятствующие такому участию. Необходимо способствовать появлению и реализации молодежных инициатив, а также побуждать церковную молодежь к проявлению личной активности;

5) молодежь, выбравшая другие христианские конфессии или другие традиционные религии, но сохранившая уважительное отношение к православию и не отрицающая возможности диалога с православными. Наиболее эффективным методом взаимодействия с представителями этой группы является разработка и осуществление образовательных и культурных программ, имеющих просветительскую направленность (например, семинары по вопросам экологии или противодействия наркомании);

6) молодежь, негативно настроенная по отношению к Православной церкви. При работе с такими людьми необходимо вести диалог в духе христианских ценностей.

Методы и формы работы зависят от того, с какой из названных групп работает тот или иной организатор. Наиболее многочисленной и потому наиболее важной представляется на сегодняшний день невоцерковленная молодежь, равнодушная к церкви. В зависимости от того, насколько успешна будет работа Церкви именно с этой группой, можно говорить о положительных или отрицательных результатах миссии среди молодежи. При работе с невоцерковленной молодежью,

равнодушной к духовной жизни и к религии вообще, можно говорить преимущественно о методе опосредованной миссии. Основополагающими принципами в организации работы являются искренность, открытость и терпение. Знакомство с православием должно быть постепенным и ненавязчивым, одновременно необходимо создать все условия для действительного воцерковления. Формы работы могут быть различными. Неприменимы только те формы работы, которые противоречат православной вере и нравственности (например, организация секции йоги).

Для работы с невоцерковленной, но ориентированной позитивно молодежью и неофитами можно применять те формы работы, которые уже давно с разной долей успеха применяются в Русской православной церкви (катехизаторские курсы, занятия по изучению Священного писания, воскресные школы для взрослых и т. д.). Метод этой работы можно обозначить как непосредственную миссию.

При работе с воцерковленной молодежью необходимо рассмотреть вопрос об отношении к лидерству среди православных христиан. Неправильно воспринимаемые лидерство или первенство, несомненно, опасны для человека.

Таким образом, в работе с молодежью РПЦ в Казахстане не пренебрегает никакими средствами и формами, не отрекается от искусства, культуры, спорта. Тем не менее из молодежи не надо создавать особую когорту, чтобы «носиться» с ее желаниями и потакать ее амбициям, так как это не полезно ни самой молодежи, ни обществу, ни РПЦ, ни государству. Молодежная миссия не должна забывать ни о Боге, ни о человеке. Язык общения с молодежью должен избежать двух крайностей — упрощения и морализации.

А. Ю. Охотников

Немцы Северной Кулунды: социокультурная адаптация в первой половине XX в. Общая оценка

На протяжении 1990-х гг. российско-немецкая проблематика находилась в фокусе реализации отечественных и международных программ правовой, и, шире, социокультурной реабилитации бывших спецпоселенцев. Однако практически вне внимания исследователей и публицистов оставался позитивный опыт социокультурной адаптации немцев 1950–1960-х гг. Современный социальный заказ по отношению к гуманитарным исследованиям уже не исчерпывается интерпретацией массивов архивных документов и данных статистики по процедурам и результатам репрессий. Феномен российских немцев был ре-

зультатом не только масштабной репрессивной политики и недостаточных реабилитационных инициатив Советского государства, но и самостоятельных этногрупповых стратегий по возрождению и адаптации родной культуры в меняющихся политических и социокультурных реалиях. Понять логику существования одной из миноритарных групп России — одна из актуальных задач отечественной этнологии. Для полноценной интеграции культур в единый социум необходимо максимально полное включение исторического опыта отдельных этносов в национальный контекст.

Немецкое присутствие на севере Кулундинской степи становится значимым с момента столыпинской аграрной реформы. География выхода переселенцев-немцев соответствовала общим трендам немецкой аграрной миграции начале XX в.: преобладали выходцы из губерний Восточной Украины, из колоний Поволжья и Новороссии.

Миграционное давление в сочетании с государственными установлениями обусловили приоритет общинной формы землеустройства в северокулундинских немецких поселках. В формировании культуры кулундинских немцев сыграл существенную роль не только традиционный опыт и имперская практика водворения, но и экономическая целесообразность, а также актуальный опыт переселенцев. Сибирско-немецкая культура начала свое существование как культура аграрной модернизации, ориентированная на развитое рыночное хозяйство.

Первая мировая война оказала неоднозначное влияние на хозяйственное и демографическое развитие северокулундинских колоний. С одной стороны, возросший спрос на продовольствие стимулировал рост товарности немецких хозяйств, способствовал включению в севооборот новых культур, востребованных рынком. С другой стороны, в условиях мобилизации и отсутствии связи с внешним рынком немецкие хозяйства столкнулись с исчерпанностью людских ресурсов (отчасти компенсированной притоком мигрантов) и износом техники.

В конце 1910-х гг. хозяйственные приоритеты кулундинских немцев устоялись в пользу выращивания яровых культур и экстенсивного животноводства. Наиболее преуспели в освоении целинных земель выходцы из колоний Восточной Украины, имевших аналогичную хозяйственную ориентацию. Наименьший успех сопутствовал поволжским немцам, выходцам из ремесленных колоний, ранее занимавшихся подсобным земледелием.

В 1920–1924 гг. немецкие хозяйства Северной Кулунды в результате непомерных продовольственных изъятий пришли в упадок. Зафиксированная в коллективной памяти и нашедшая отражение в историко-этно-

графических исследованиях традиционная сибирско-немецкая культура периода 1925–1928 гг. несла в себе следы архаизации вследствие кризиса первой половины 1920–х гг., наиболее ярко проявившиеся в производственной сфере. Следствием архаизации стало уменьшение посевных площадей по сравнению с уровнем 1916 г. Тем не менее основные приоритеты, свойственные немецким колонистским культурам России начала XX в., сохранились: механизация полеводства, способствующая гендерной специализации труда, рациональное использование конного тягла, мелкая буккерная вспашка почвы и т. д.

Меньший успех сопутствовал традициям немецкого ремесла: в малонаселенной Северной Кулунде оно не могло быть рентабельным. Слабость основной массы «середняцких» хозяйств при наличии значительных земледельческих угодий, высокого спроса на продовольствие в условиях относительно корректной фискальной политики в 1925–1927 гг. обусловила высокий вес кооперации в производственных отношениях северокулундинских немцев. Хозяйственную сплоченность в немецких поселках Кулунды стимулировала политика конфессиональных и государственных кредитных структур.

Вследствие высоких материальных и трудовых затрат в ходе хозяйственного обоснования основная масса переселенцев-немцев была вынуждена ориентироваться на натуральные технологии жизнеобеспечения. В частности, первым жильем для колонистов служили грунтовые («пластянки» — «визехаус») и саманные дома, копирующие кирпичные и деревянные постройки мест выхода. Вплоть до конца 1950-х гг. они оставались основным элементом застройки немецких поселков Северной Кулунды.

В одежде северокулундинских колонистов преобладали вещи из покупных фабричных тканей, в домашних условиях выделывалась только пряжа и валенки. Специфические особенности кухни сибирских немцев определяет замена ряда продуктов, широко употребляемых немцами в украинских и поволжских степях, но отсутствовавших в Сибири.

В 1920-е гг. продолжался процесс институциализации конфессиональной жизни в немецких деревнях Северной Кулунды. Опыт создания успешных хозяйств на целине освящался евангельскими ценностями. Это позволяло сибирскому немцу, высоко оценивая коллектив единоверцев, воспринимать построенное им общество как совершенное. Негативный опыт взаимоотношений с советскими фискальными структурами также обуславливал ориентацию сибирских немцев на внутриконфессиональные и локальные связи. Тем не менее они нуждались в эффективном

диалоге с государством. Советизация достигалась низовыми практиками, за счет развития образовательных институтов.

Но противоречия между насаждаемыми государством нормами колхозной кооперации, усугубленные затрудненностью диалога атеистического государства и протестантских общин, привели к масштабному миграционному движению 1929 г. Миграции были остановлены комплексом репрессивных и пропагандистских мер.

Однако и в колхозной сибирско-немецкой деревне продолжала свое существование самобытная колонистская культура. Успешность сибирско-немецких колхозов опиралась на солидную материальную базу «объединенного» инвентаря, на производственные практики, высокую грамотность и ответственность колхозников, стремление достичь компромисса между реальными нуждами сельского хозяйства и интересами местных властей.

На протяжении первой половины 1930-х гг. жители северокулундинских колоний демонстрируют высокую степень внутригрупповой солидарности. Зависимость районных властных структур от низовых администраторов в середине 1930-х гг. способствовала приходу в сферу управления подлинных лидеров сельской общины, способных выполнить план и обеспечить благополучие крестьян. В то же время прекращение деятельности конфессиональных институтов способствовало частичному замещению традиционных норм новыми.

Репрессии 1938 г. приостановили процесс автономного функционирования немецких хозяйств, обусловили дезадаптацию оставшегося немецкого населения. К 1941 г. большинство немецких колхозов Северной Кулунды находились в состоянии хозяйственного упадка. Репрессии не могли не сказаться на хозяйственной жизни. Уничтожение референтных групп способствовало деградации системы административного компромисса в немецких селах.

На фоне процессов обеднения и деструкции 1930–1940-х гг. «единоличное время» воспринималось сибирскими немцами как период социального процветания. При отсутствии позитивного опыта контактов с «большой» советской культурой в сознании сибирских немцев закрепился приоритет опыта собственного поселения.

Ситуация в немецком сообществе Северной Кулунды изменилась с появлением депортированных немцев Поволжья. Накануне депортации поволжские немцы проживали в секуляризованном и урбанизированном культурном пространстве, в условиях умеренного достатка, имели доступ к развитым системам образования и здравоохранения. Вместе с тем уровень интеграции в русскоязычное культурное пространство оста-

вался невысоким, достигался по преимуществу за счет индивидуальных трудовых и образовательных стратегий.

Ликвидация Немреспублики и депортация, осуществленная вопреки советскому праву и принципам автономии, не соответствовала ни миграционным трендам поволжско-немецкого населения, ни опыту эффективной аграрной колонизации Сибири. Для поволжских немцев депортация стала центральным пунктом их истории, способствующим становлению групповой идентичности «диаспоры изгнания». Депортация проходила в условиях военного времени. Трудовые мобилизации 1942 г. довершили хозяйственную деградацию сибирско-немецких колхозов Северной Кулунды. Следствием конфискационных мер 1940-х гг. стали деструкция всего комплекса сибирско-немецкой культуры.

В личных хозяйствах северокулундинских немцев получили распространение примитивные орудия и технологии. «Плановые» задания, не учитывающие демографических изменений в сибирско-немецких поселениях, в сочетании с военными налогами привели к полному обнищанию и голоду населения.

В сибирско-немецких деревнях Северной Кулунды стало массовым беспризорничество, тотальным — дефицит социализации. Деградации этических представлений не могли противодействовать конфессиональные институты, подавляемые государством. Часть немецких населенных пунктов Северной Кулунды была ликвидирована.

Адаптация депортированных немцев в местах высылки оказалась крайне затруднена вследствие перманентного изъятия трудоспособного населения в военную промышленность и отсутствия гарантий трудоустройства и обеспечения минимумом ресурсов. Единственным способом выживания для высланного немца оставалось вступление в колхоз. Тяжелые и практически неоплачиваемые «разные работы» без учета прошлого статуса и профессии давали право доступа к ресурсам кулундинской сельской общины. Хорошее качество работы в колхозе при отсутствии должного материального стимула объясняется личными обязательствами перед общиной и необходимостью представлять себя как достойного работника и человека, снимая тем самым пропагандистские антинемецкие обвинения.

Местная исполнительная власть как институт гуманитарной и социальной поддержки мигрантов обладала низкой эффективностью. Задачи обеспечения депортированных жильем решались преимущественно за счет местного населения — «подселением», «помочью», трудовыми усилиями русских и украинцев Кулунды. Прочие вопросы жизнеобеспечения депортированных также решались при мирской поддержке. При

этом культуры старожильческого населения были обеднены форсированной аграрной модернизацией. Возможности старожильческой опеки были чрезвычайно ограничены. В результате мер национальной, аграрной, экономической политики СССР в 1942–1943 гг. поволжские немцы полностью обнищали. Депортированные длительное время находились в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы, что лишало стимула к обоснованию на месте. Последствия мобилизации трудоспособного населения для поволжских немцев были столь же тяжелыми, как и в случае с сибирскими немцами.

Влияние военной пропаганды способствовало мобилизации негативных стереотипов в отношении поволжских немцев в старожильческих сообществах Кулунды, длительной фиксации низкого статуса немецкой культуры. Достижение консенсуса сместного проживания было достигнуто за счет устранения наиболее ярких черт образа немца, прежде всего публичного употребления немецкого языка. Травматизм опыта первых контактов поволжских немцев и старожилов так и не был преодолен вследствие отсутствия гласного компетентного обсуждения: односельчане, связанные общим прошлым, а нередко и родственными узами, до сих пор не имеют консолидированной позиции относительно качества взаимоотношений в военные и послевоенные годы.

В 1950-е гг. благодаря повышению уровня жизни, интенсификации производства, возросшей самостоятельности хозяйств и политической реабилитации советских немцев создались благоприятные условия для возрождения сибирско-немецких деревень и национальных хозяйств Новосибирской Кулунды. Поволжские немцы Новосибирской Кулунды вошли в современную культуру кулундинского полиэтничного села. Сравнительно быстрый успех интеграции оказался возможен в результате ослабления зависимости от традиционных мирских структур и опеки государства, а также в связи с достижением высокого статуса поволжских немцев в общественной и производственной иерархии, упрочнением и усложнением соседских и корпоративных связей.

Хозяйственным успехам поволжских немцев в целинный период, безусловно, благоприятствовали демографическая структура группы, довоенный опыт модернизации хозяйства АССР НП, трудармейские навыки работы в промышленном производстве. Успехам поволжских немцев способствовали их этические качества, удачно сочетающиеся с практиками аграрной модернизации, а также усвоение опыта старожилов и оптимизация кросскультурных контактов, в том числе в сфере семейно-брачных отношений. Вследствие чрезвычайной занятости поволжских немцев-мужчин в целинной экономике произошла архаизация гендер-

ного трудового поведения и «феминизация» процесса ранней этнической социализации, в котором поволжскими немцами также были востребованы ресурсы культур старожилов.

Отмена режима спецпоселения и «запаздывание» «нормативных», общегражданских мер партийно-пропагандистской работы с советскими немцами сделали возможным частичное восстановление конфессиональных институций северокулундинских немцев. Однако к 1960-м гг. речь шла лишь о фрагментарном присутствии религиозных начал в их соционормативной культуре. Изоляционистские стратегии адаптации сохранялись лишь частично. Родной язык обслуживал лишь бытовые нужды; в рамках колхозной административной иерархии использовался только русский.

Весомость «целинных» колхозных доходов, возможность участия в хозяйственной и культурной жизни на базе советских институций, рост участия сибирских немцев в образовательных и экономических мероприятиях вне родного села привели к переходу на так называемый «субординативный билингвизм» трудоспособной части населения.

При высоком качестве этнокультурной адаптации, наличии значительного числа заимствований из локальных украинской и русской культур кулундинские немцы к концу первой половины XX в. ассимилировались в доминирующую русскую советскую культуру при посредстве региональной. Целинный хозяйственный опыт формировал региональную, кулундинскую идентичность.

Б. И. Ракишева

К вопросу о культурной идентификации казахской диаспоры

Проблема самоопределения и самосохранения этноса особенно актуальна для диаспоральных сообществ. Существуют внешние и внутренние признаки (маркеры) этнической идентичности. К внешним маркерам относятся поведенческий (общие поведенческие нормы) и языковой (владение родным языком) компоненты. К внутренним – когнитивный (владение общим кругом культурного знания), психосоциокультурный (общая ментальность, принятие норм, ценностей, реалий и идеалов группы, общая «картина мира») и эмоциональный (чувство принадлежности к группе) компоненты. Культурная идентичность (идентификация) рассматривается индивидом или этносом в сравнении (в первом приближении) с адаптацией (во втором приближении), аккультурацией (в третьем) и ассимиляцией.

Процесс формирования казахской диаспоры был достаточно долгим и сложным в связи с длительной миграцией. Он сопровождался

социальными катаклизмами, к которым можно отнести межнациональные и межрелигиозные конфликты, войны. Однако, несмотря на определенные угрозы, казахам удалось адаптироваться к социально-экономическому и социокультурному контексту различных стран мира. Одним из факторов адаптации стали особенности ментальности номадов, сложившиеся из природных реалий (степной неограниченной территории проживания, освоения дальних пространств), следствием чего стала широта мышления, всепринимающая культура, мобильность в том числе и социально-психологическая. Социологические исследования, проведенные автором в 15 странах мира, указывают на стойкость этнической, религиозной, культурной, языковой идентичности в рамках казахской диаспоры. Ассимиляция в ее среде очень редка и связана с демографическими особенностями, например, в Таджикистане проживает около 900 казахов, из них $^{2}/_{3}$ составляют женщины, и соответственно в этой группе этническая ассимиляция неизбежна [4, с. 53].

Именно особенности адаптации накладывают отпечаток на все стороны жизнедеятельности современных казахов. Выражением адаптационных стратегий казахов является тенденция к расширению границ диаспоры.

Традиции казахов, обычаи и обряды родов и племен изначально были святы и обязательны для всех и каждого; их функционирование и нерушимость означали социальный порядок и глубокое уважение к законам предков, ставших со временем кодексом морально-правовых отношений – адатом. Как проявление исполнения воли предков адат констатировал родовую память и отличие казахов от других тюркских племен, т. е. идентифицировал их как этнос [1, с. 35].

Наиболее отчетливо этническая культура проявлялась в литературе, искусстве, в этнической символике, традициях, некоторых формах материальной культуры (кухня, одежда), фольклоре. Этническая память сохраняла имена и образы народных героев – батыров, акынов, воинов, родословные которых передавались из поколения в поколение и являлись гордостью родов.

Культурную идентификацию и ее состояние в рамках казахской диаспоры можно проследить по результатам опроса и особенностям повседневной жизни ее представителей. В данной статье представляем результаты качественного (глубинные интервью) и количественного (опрос) анализа, проведенного в среде казахской диаспоры Стамбула. Было опрошено 116 этнических казахов, проживающих в районе Зейтунбурну. Опрос был проведен в 2009 г. Анкетирование проводилось на турец-

ком языке. Глубинные интервью были проведены в 2008 г.; было опрошено 22 респондента [5, с. 198–205; 6].

Нужно отметить, что казахи, мигрируя на территорию Турцию, из-за близости к турецкому окружению, в целом не подверглись «культурному шоку». Под «культурным шоком» понимается состояние группы, оказавшейся в чужом обществе и испытывающей значительные трудности в общении и удовлетворении своих потребностей, ощущающей себя беспомощной и дезориентированной. Близость культур, языка, традиций стала фундаментом для построения адекватного взаимодействия народов. В результате анализа данных можно прийти к выводу, что основой для адаптации диаспоры стала религиозная общность турков и казахов.

В этой стране сложился ряд культурных традиций, одна из которых – имянаречение. По законам Турции, прибывшие мигранты-казахи должны были получить имена и фамилии на турецком языке. Казахский язык относится к кипчакско-болгарской группе тюркских языков, однако собственно тюркских имен насчитывается мало [2, с. 544]. На формирование имен в среде казахской диаспоры повлияли следующие факторы: монгольское владычество, принятие ислама (имена арабоиранского, арабо-персидского происхождения), проживание в различных странах (имена, популярные в Афганистане, Пакистане, Индии). Согласно Сунне пророка Мухаммада, сразу после рождения ребенка в правое ухо читают азан, а в левое – икамат. К предпочтительным относятся имена, в которых присутствует слово *абд* (раб) или *амат* (рабыня), в сочетании с одним из имен Аллаха: *Абд ал-Малик* (раб Владыки), *Амат Аллах* (рабыня Аллаха). Также, согласно мусульманским законам, детям дают имена пророков и ангелов. Желательно давать только одно имя, хотя можно и несколько [3, с. 448].

Монгольское влияние прослеживается и в именах Барлас («знатный и отважный богатырь»), Жамбыл («крепость»), Монке («серебро, деньги»), Сайын («лучший»), Шона («волк»).

Наиболее распространенные имена в среде современной казахской диаспоры Турции и соответственно Западной Европы – арабского происхождения: Абдурахман (в переводе с арабского *абди* означает «вечный, бесконечный», *рахман* переводится как «милосердный, человек, всегда готовый помочь, простить и сострадать»), Абдулхамит (*абди* – «вечный, бесконечный», *хамит* – «похвальный, достойный похвалы»), Фатих («завоеватель»); турецкого происхождения: Сельджук, Кенан, Пинар («маленький источник»), Осман. Часто встречаются также имена татарского, таджикского, узбекского, азербайджанского происхождения:

Омир, Орхан, Ясмина, Юмру, казахского – Шолпан, Гульбаршын, Гульдана, Назгуль.

В определении признаков, которые обусловливают национальную принадлежность, этнические казахи, проживающие в Турции, сошлись на комплексе, состоящем из трех элементов: расовый тип, религия и соблюдаемые обычаи и традиции (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, определяет национальную принадлежность человека?», %

Вариант ответа	Значение
Обычаи, традиции, культурные ценности	80,2
Расовый тип	62,9
Исповедуемая религия	50,9
Гражданство	44,8
Национальность отца	40,5
Владение языком своего этноса	22,4
Место рождения	18,1
Личный выбор	10,3
Национальность матери	6,9
Затрудняюсь ответить	5,2

Соблюдение этикетных правил, традиций и обрядов – важная составляющая этнической идентификации. И хотя во время миграционного пути смешались различные уклады жизни, культуры и религии, все же многие казахские семьи сохранили наследие своих предков. Так, на вопрос о знании своих традиций и обычаев 96,6% ответили положительно (табл. 3). На вопрос: «Соблюдаете ли Вы (Ваша семья) традиции и обычаи своего народа?» – 99% этнических казахов также ответили положительно (табл. 4).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы свои национальные традиции и обычаи?», %

Вариант ответа	Значение
Да	73,3
Скорее да, чем нет	23,3
Скорее нет, чем да	2,6
Затрудняюсь ответить	0,8

На вопрос об отношении к традициям турецкого народа 50% опрошенных казахов сказали: «Уважаю, но не перенимаю» (табл. 5).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Соблюдаете ли Вы свои национальные традиции и обычаи?», %

Вариант ответа	Значение
Да, стараюсь тщательно соблюдать все традиции	67,2
Соблюдаю отдельные традиции	16,4
Соблюдаю традиции по отдельным, особым событиям (свадьба, рождение ребенка, похороны т. п.)	15,5
Нет, намеренно не стараюсь соблюдать национальные традиции	0,9

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы оцениваете традиции и обычаи турецкого народа?», %

Вариант ответа	Значение
Уважаю и стараюсь перенять лучшие	45,7
Уважаю, но не перенимаю	50,0
Я их плохо знаю, мне они безразличны	2,6
Затрудняюсь ответить	1,7

Некоторая обособленность в отношении к турецкому населению чувствуется также в отношении к обрядам и праздникам титульного этноса – 56,9% представителей казахской диаспоры равнодушны к ним (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Каково Ваше отношение к обрядам и праздникам турецкого народа?», %

Вариант ответа	Значение
Не признаю и не люблю	6,0
Равнодушен, отношусь терпимо	56,9
Поздравляю, не более того	14,7
Принимаю участие, перенимаю то, что считаю лучшим	20,7
Затрудняюсь ответить	1,7

В истории казахской диаспоры миграционный путь по странам Востока (Индия, Иран, Афганистан, Пакистан) и в конечном итоге «остановка» в Турции по приглашению турецких властей имели большое значение. В Турции казахам дали землю, гражданство и новую жизнь.

Следует отметить, что турецкая культура сильно повлияла на культурную специфику казахов. Большая часть традиций, используемых в их повседневной жизни, – турецкие; это праздники, свадьбы, похороны,

рождение детей. Так как корни многих турецких традиций мусульманские, то сложностей в принятии их казахами не было. При этом сохраняются многие элементы казахской культуры: *кыз узату, шилдехана, тусау кесер* и т. д.

Одним из этнодифференцирующих признаков или маркеров является национальная кухня. Нужно отметить, что казахами Стамбула в основном используется турецкая кухня, однако в меню диаспоры присутствуют и казахские блюда, например бешпармак, но приготовленный по-турецки с использованием риса. На столах часто можно видеть также казы, карта и другие деликатесы казахской кухни.

Народную музыку, в основном кюи, слушает преобладающая часть казахов Турции. В последние несколько лет среди молодежи становится востребованной казахская музыка. Эти звуки можно слышать дома, в звонках мобильных телефонов, в автомобилях представителей казахской диаспоры. Популярность обретает казахстанская популярная музыка на казахском языке («Уркер»). Также в казахской среде популярна турецкая музыка (народная, популярная музыка).

Особое место в культурной жизни казахов, проживающих в Турции, отводится футболу. Члены диаспоры являются активными болельщиками одной из национальных турецких команд («Фенербахче»), входят в футбольные клубы, сами играют в футбол. Спортивное пристрастие распространяется на все поколения казахов, мужчин и женщин. Футбол является консолидирующим фактором в жизни диаспоры: ее представители из различных стран играют в командах, знакомятся друг с другом, заводят семьи. В программу ежегодных Курултаев европейских казахов обязательно входят футбольные турниры.

Два поколения, родившиеся в Турции, стали основными носителями родной для них турецкой культуры. Старшее поколение — носители казахской культуры — играют роль посредника между культурами, хранителей и передатчиков информации.

Многие традиции и обычаи в казахской диаспоральной группе Турции сохранены, хотя и прослеживается турецкое влияние: «Конечно, все смешано, но тут в большинстве все проводится на казахском. Сейчас в Казахстане нет видео на казахском. Просмотрев Алматинский базар, зеленый базар, черный базар, не можешь найти на казахском, все только на русском языке. Искали казахского кино — нет, ладно, культура пусть будет, но почему нет казахских фильмов» (из интервью с представителями казахской диаспоры в Стамбуле).

При поддержке Генерального Консульства Казахстана в Турции в последние годы стали проводить праздник Наурыза: «Уже 3–4 года, как

празднуем Наурыз. Если честно сказать, давно совсем не знали Наурыз, никогда не праздновали. В этом году провели совместно с казахским фондом, все было замечательно. С Казахстана пригласили артистов, провели все хорошо. Пригласили всех, показывая, как празднуется Наурыз».

При эффективной адаптации казахов состояние культуры и языка вызывает серьезную озабоченность представителей диаспоры. На вопрос: «Беспокоит ли Вас состояние языка и культуры Вашего народа?» — получены следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Беспокоит ли Вас состояние культуры Вашего народа?», %

Вариант ответа	Значение
Да, очень беспокоит	53,4
В какой-то мере беспокоит	37,9
Практически не беспокоит	5,2
Не беспокоит вообще	0,9
Затрудняюсь ответить	2,6

Из Турецкой Республики казахи уезжалив рамках трудовой миграции в страны Западной Европы, сохранив все традиции и обычаи. Далее уже к этим основным культурным особенностям добавились те, которые популярны в Европе (празднование Рождества и Нового года, государственные праздники и т. д.).

По мнению профессора Г. Шалабаевой, «казахская культура изначально несет в себе способность к сосуществованию различных этносов, социальных и религиозных групп, способности к культурному синтезу. Она выработала культурные коды, ориентированные на обобщение исторического опыта (в том числе и чужих народов), оптимизацию механизмов приспособления к климатическим, геополитическим условиям, что свидетельствует о способности к культурной адаптации и интегративной деятельности. Речь идет о способности определенного элемента духовности активизировать культурно-цивилизационную систему как целостность» [7, с. 167].

Источники и литература

1. Билялова Г. Н. Этническая идентификация казахов: теоретико–методологические аспекты // Казахстан–спектр. 2008. № 1 (43). С. 30–36
2. Казахские имена / сост. М. К. Рахметова. Алматы, 2007. 544 с.
3. Мусульманские имена. М.; СПб, 2010. 448 с.
4. Ракишева Б. И. Современное положение этнических казахов в Республике Таджикистан // Мысль, 2007. № 10. С. 53–56.

5. Ракишева Б. И, Хаяти Тюфекчиоглы, Седа Билан, Кожирова С. Б., Мажитова А.Б. Cross-study: некоторые аспекты социально-экономического положения казахской диаспоры Стамбула и турецкой общины Астаны // Междунар. исследования. Общество. Политика. Экономика. 2009. № 1. С. 198–205.
6. Результаты глубинных интервью, проведенных с представителями казахской диаспоры. Астана, 2008. 75 с.
7. Шалабаева Г. Казахстан: от древних цивилизаций к современности. Алматы, 2007. 258 с.

З. К. Сураганова

Категория «собственность» в казахской традиционной культуре

Традиционное производство, возникавшее в результате социально-экономических отношений, являлось не чем иным, как отношениями собственности.

Основными формами собственности, согласно Э. Фромму, являлись: собственность, созданная своим трудом, функциональная или личная и ограниченная [18, с. 96]. Функциональная, или личная, собственность никогда не отчуждалась. Она составляла у казахов «ядро стада, видовая структура, размер которого в своей пропорциональной соотнесенности представляет собой экономически, экологически, социокультурно сбалансированную, а потому постоянную величину (по данным различных источников, общее количество скота, составляющее эту величину, в региональном разрезе в среднем колеблется от 250 до 800, что объясняется, с одной стороны, материальным положением отдельных семей, с другой — местными ландшафтно-климатическими условиями и ресурсными возможностями среды обитания)» [2, с. 52].

К объектам, не подлежащим отчуждению, у казахов, относилась также родовая собственность, а именно «недвижимое имущество, расположенное в пределах родовых стойбищ, кибитка (юрта), оставшаяся от предков, со всем убранством, утварью и доспехами этих предков» [14, с. 16]. Орудия скотоводческого хозяйства *коген*, *жели*, *бас жип* (привязи для ягнят, жеребят и верблюжат, телят и коров), *нокта* (недоуздок для жеребят и верблюжат), *бида* (повод для верблюда), *жуген* (узда), *курык* (укрюк для ловли лошадей) — не подлежали дарению или передаче в другие руки [19, с. 132], так как, согласно казахским народным поверьям, были наделены магическими качествами. Запреты отдавать свои вещи чужим выдающийся русский этнограф Д. К. Зеленин квалифицировал как «имущественные запреты». На основе огромного количества этнографических данных разных народов Евразии им выделено четыре категории имущественных запретов: 1) табу дарения; 2) табу займа и обмена; 3) табу продажи; 4) табу на вынос вещей из жилища. Причем тре-

тий запрет генетически восходил к первым двум в качестве их производного [8, с. 183–184]. По поводу данных запретов З. Фрейд писал следующее: «На собственности человека, находящейся в постоянном употреблении, лежит неизменное табу для всякого другого, например, на его платье, оружии и орудиях труда» [17, с. 44].

Ограниченная форма собственности являлась величиной переменной, поскольку всегда отчуждалась. У казахов она включала скот, зерно, предметы роскоши, людей. Само название, сформулированное Э. Фроммом, подразумевало неполное, частичное владение. Ее владелец выступал в качестве хранителя данной собственности на определенное время. Она входила в состав собственности, созданной своим трудом, и составляла непосредственно объект обмена. Имея характер постоянно отчуждаемый, обменный, ограниченная собственность находилась в постоянном движении, тем самым не только обеспечивая круговорот материальных ценностей, но и играя роль медиатора в социальной жизни общества в целом. В зависимости от форм обмена ограниченная собственность меняла свое значение. Она то выступала в качестве социального регулятора, то решала более значимые для социума магические и ритуальные задачи. Ограниченная собственность расходовалась только в рамках обмена и дарения. Казахский этнограф Н. Алимбай рассматривает данную форму собственности как институционализированную, основная задача которой заключается в осуществлении распределения «по различным узлам родственно-родовых отношений в виде енші, жасау, Қалың мал, а также многочисленных институтов дарения» [2, с. 49]. Принимая рассматриваемую часть собственности как величину переменную, данный автор считал, что общий объем расходной части общесемейного бюджета на указанные цели «составлял всего 10–13% от общего количества общесемейного скота, который также легко восстанавливался в течение годового производственного цикла» [2, с. 52].

Традиционной культуре было присуще бережное отношение к собственности, что позволяло пользоваться ею достаточно продолжительное время. Она имела «накопительский», социальный характер, в отличие от современного «рыночного» [18, с. 99]. Так, у казахов считалось плохой приметой — жаман ырым — выбрасывать неизношенную вещь: если ее не хотели носить, необходимо было подарить ее кому-нибудь [9, с. 26]. Такое отношение было продиктовано не только рациональными экономическими соображениями. Тот, кто скопил большое состояние, согласно традиционным верованиям, обретал некое средство, сохраняющее и приумножающее удачливость, счастье и, разумеется, богатство [6, с. 190].

У древних тюрков бытовала пословица: *«Jыparlығ kesүrgүdin jыpar ketse jызы қalur»* — «Если с ароматного мешка исчезнет аромат, запах останется», смысл которой сводится к тому, что даже если богатство и достаток уйдут, у человека сохранится способность всегда обрести благосостояние [10, с. 69], то есть имевший некогда богатство наделен способностью, притягивающей его.

Утрата самого богатства не означала утраты способности его притягивать. Отсюда следовало, что щедрость не может стать расточительностью, поскольку щедрый обладает некой возможностью постоянно его приобретать. Нам думается, что такое «притягивание» было связано с понятием *құт*. Следующая пословица древних тюрков поясняет нашу мысль: *«Қиuttluғқа қоша jaғar»* — «У человека, на которого снизошел *құт,* богатство прибывает за богатством» [10, с. 85].

Значение *құт* в тюркском мире в целом и у казахов в частности связано с «понятием «жизненная сила», «душа», «дух», «зародыш». Для нас важно, что в южносибирской традиции выделяются два направления, одно связано с человеком, второе — с миром животных [15, с. 594]. В XVI в. казахский хан Касим (в 1513 г.), принимая у себя в гостях опального хана Могулистана Султан-Саида, предложил во время прогулок осмотреть его стада. По этому поводу он дал своему гостю следующее пояснение: «Мы жители степи, у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, главное наше богатство состоит в лошадях, мясо и кожа их служат нам лучшею пищею и одеждою... в земле нашей нет ни садов, ни зданий; полюбоваться скотом, который пасется — вот цель наших прогулок» [12, с. 120]. Скот являлся не просто богатством, он олицетворял могущество и значимость его хозяина, его успешность, он составлял часть его самого. *Мал — адамнын бауыр ети* («Скот — это мясо от печени человека») — говорится в казахской пословице [1, с. 17].

Во второй половине XIX в. о казахах писали: «Богатство в скоте киргиз предпочитает всему, пристрастие у иных к скотоводству доходит до того, что они даже редко пускают его в продажу. Эти полудикие табуны, разрастаясь, подвергаются изменениям только в калыме, при выкупе невесты. В скотоводстве киргиз видит свою роскошь и прелесть жизни — оно составляет его почет и славу в орде» [5, с. 372]. Пояснения явственно указывают на отношение к богатству кочевника — скоту.

Для нас важны в приведенных пояснениях отношение к скоту, отождествляемому с богатством, и форма отчуждения. Количественные изменения в табунах могли произойти только в силу брачного обмена, важнейшими элементами которого были выкуп за невесту и ее приданое. Скот действительно являлся основным объектом обменных отноше-

ний у казахов, поскольку в понимании казахского народа составлял особую ценность, отчуждение которой могло быть реализовано только в виде обмена и дарения. Такое предпочтение основывалось на представлениях о целостности человеческого и природного миров [7, с. 184]. При таком отношении к собственности распоряжение ею предполагало некое обрядово-ритуальное действо, в рамках которого мог быть осуществлен прием-передача этой самой собственности [7, с. 65]. Единицей ценности при обменных отношениях у казахов выступала голова лошади или барана [16, с. 55–56].

В XIX — начале XX в. отношение к богатству у казахов по-прежнему сохранило ряд архаических черт. Его не продавали, предпочтение отдавалось обмену или дарению; продажа собственности представлялась чем-то вроде ее уничтожения. «Киргизы в прежнее время не продавали скота на деньги, даже не любили их, как приносящих ущерб их хозяйству и благосостоянию», — отмечалось в начале XX в. [11, с. 100].

Понятия «богатство» и «скот» у казахов были тождественны, тогда как деньги не ассоциировались с богатством. В целом наблюдалось пренебрежительное отношение к ним, ими крайне редко пользовались [16, с. 55]. Это отчетливо проявляется при анализе слова *мал* («скот»), означающем в переводе с арабского «богатство, имущество, собственность» [13, с. 183]. Следовательно, современное значение слова *мал* сменило семантику и относится к более позднему наслоению, связанному с тем, что богатство у казахов-кочевников ассоциировалось со скотом.

Богатство в традиционной культуре требовало его использования; скаредность и скупость воспринимались как нарушение права владения, т. е. право собственности обязывало к отчуждению. Перемещение богатств основывалось на традиционных представлениях, исходящих из норм обычного права. Отчуждение содействовало получению нового статуса, повышению уже имеющегося общественного престижа и уважения, то есть передача собственности в другие руки давала гораздо больше влияния, чем ее сохранение или накопление [7, с.65].

Богатому необходимо было быть щедрым. Казахская поговорка *«Ердин малы — елдин малы»* («Скот мужчины — скот народа») свидетельствует об общности имущества в прошлом с одной стороны, а с другой — о щедрости, как неотъемлемом признаке богатого человека. По всей видимости, в сознании казахского народа богатство одного человека требовало перераспределения среди коллектива, а сама раздача богатства приобретала форму редистрибуции. Раздача полученного от Высших сил — вот в чем обязанность щедрого. При разъяснении отношений обмена у казахов Х. А. Аргынбаев использует казахскую пословицу *«Ал-*

мактын да салмагы бар» («Только тот может рассчитывать на взятие, кто сам потратился») [3, с. 228].

Отношение к собственности, экономические отношения между членами общины у казахов выражалась в нерациональности и превалировании социально-правовых черт в условиях родового общежития.

Само понятие «собственность» в казахском языке имеет целый ряд значений: *бак-даулет* (богатство, состояние, счастье), *даулет* (достояние, богатство, состояние, имущество), *дуние* (вселенная, космос; мир; царство; свет, вещь; имущество), *дуние-мулик* (вещи, имущество), *малмулик* (имущество), *меншик* (собственность), *мулик* (имущество; собственность; достояние) [4]. Семантический круг этих значений напрямую связан с миром традиционных представлений казахов, где собственность — это одновременно все мироздание, мир (поскольку и люди и все живое зависимы от милостей природы), а также любая другая малая толика мироздания (вещь, предмет). Полисемантика данного понятия дает представление о синкретизме не только культурного, произведенного человеком, но и природного. Весь созданный руками человека материальный мир находился на грани природного и социального, поскольку выполнялся природным же субъектом из природного же материала (глина, вода, шкуры, шерсть и т. д.). Но наличие знаний, навыков, определенного опыта, умения транслировать его — все это придавало природному субъекту — человеку — статус социального существа.

Таким образом, в традиционном обществе существовали несколько форм собственности, отношение к которым и между которыми осуществлялись в соответствии с мировоззренческими установками казахского народа, придававшими экономическим отношениям иррациональный характер. Эти представления, возникшие в глубокой древности, в пережиточном состоянии бытовали еще в XX в.

Источники и литература

1. Абай. Книга слов: Поэмы / пер. с каз. К. Серикбаевой, Р. Сейсенбаева. Алматы, 1993. 272 с.
2. Алимбай Н. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // Алимбай Н., Муканов М. С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы, 1998. С. 10–61.
3. Аргинбаев Х. А. Брак и семья у казахов (Историко-этнографический сборник). Ответ. редактор академик АН КазССР А. Х. Маргулан. Алма-Ата, 1973. 328 с.
4. Бектаев К. Большой казахско-русский русско-казахский словарь. Алматы, 1999. 704 с.
5. Взгляд на экономический и общественный быт киргиз. Из путевых заметок Русанова // Томские губернские ведомости. 1861. 15 дек. № 49. С. 373–373.

6. Гуревич А. Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье // Средние века. Сборник АН СССР. Ин-т истории. Вып. 31. М., 1968. С. 180–198.
7. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. 224 с.
8. Зеленин Д. К. Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1935 / сост. А. Л. Топоркова. Вступ. ст., подготовка текста и коммент. Т. Г. Ивановой. М., 1999. С. 181–258.
9. Қазақы тыйымдар мен ырымдар / Құрастырушы авторы А. Құралұлы. Алматы, 1998. 64 с.
10. Қашқари М. Түрік тілінің сөздігі: (Диуани лұғат-ит-түрік): 3 томдық шығармалар жинағы / Қазақ тіліне аударған, алғы сөзі мен ғылыми түсініктерін жазған А. Егеубай. Алматы, 1997. Т. I. 590 с.
11. Мякутин А. И. Юридический быт киргизов. Оренбург, 1910. 242 с.
12. Прошлое Казахстана в источниках и материалах: Сб. 1 (V в. до н. э. — XVII в. н. э.) / под ред. проф. С. Д. Асфендиярова и проф. П. А. Кунте. 2-е изд. Алматы, 1997. 383 с.
13. Рустемов Л. З. Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. Алма-Ата, 1989. 320 с.
14. Сборник киргизского обычного права. Верный, б. г. 17 с.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006. 908 с.
16. Тронов В. Д. Материалы по антропологии и этнологии киргиз // Зап. РГО по отделению этнография. Спб., 1891. Т. XVII. Вып. 11. 72 с.
17. Фрейд З. Тотем и табу // Тотем и табу: сб. М., 1998. С. 16–183.
18. Фромм Э. Иметь или Быть? М., 1986. 238 с.
19. Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. 256 с.

К. Уалиев

Соблюдение прав и законных интересов детей в казахстанском законодательстве

В представленной статье автором рассмотрены процессуальные и тактические особенности участия адвоката при производстве допроса несовершеннолетних участников процесса в судебном следствии (свидетелей, потерпевших и подсудимых). Даны рекомендации по исследованию и использованию доказательств, представленных суду.

Судебное разбирательство построено таким образом, что судебное следствие предстает как ключевая его часть, поскольку позволяет обеспечить проверку законности и обоснованности действий, выводов и решений органов предварительного расследования. Именно здесь исследуются собранные по делу доказательства, так как в основу приговора суда могут быть положены только те доказательства, которые были предметом исследования в судебном следствии. Судебное следствие является

важнейшим и по объему, и по содержанию частью судебного разбирательства, в которой судом с участием сторон проводится исследование всех доказательств, необходимых для вынесения приговора.

В соответствии с ч. 1 статьи 345 УПК РК судебное следствие начинается с изложения обвинителем сущности предъявленного подсудимому обвинения, а по делам частного обвинения – с изложения жалобы лицом, ее подавшим, или его представителем, а в их отсутствие – секретарем судебного заседания. Судебное заседание по рассмотрению уголовного дела по обвинению несовершеннолетнего производится в общем порядке, с отдельными изъятиями, предусмотренными главой 52 УПК РК, с обязательным участием защитника, прокурора и законного представителя.

Полагаем, что существующие в действующем законодательстве изъятия недостаточны для полноценного и справедливого рассмотрения уголовных дел и судебного разбирательства, кроме того, ввиду сложности рассмотрения уголовных дел по делам о преступлениях несовершеннолетних, а также с учетом возрастной неприспособленности несовершеннолетнего к условиям современной жизни требуют совершенствования правовой защиты лиц данной категории. Для этого необходимо с учетом судебно-следственной практики внести соответствующие дополнения в действующие уголовно-процессуальное законодательство и ввести специальные институты ювенальной юстиции.

Таким образом, согласно основному закону – Конституции Республики Казахстан и международным актам в части обеспечения защиты прав несовершеннолетних был издан указ Президента Республики Казахстан от 23 августа 2007 г. «Об образовании специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних».

В свое время известный русский юрист, профессор Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницкий утверждал: «С предупредительными задачами относительно несовершеннолетних несовместимы, кроме общего заключения, также и порядки суда: производство последнего для несовершеннолетних вместе со взрослыми, гласность самого суда, создающая в глазах их ложный ореол преступления, увлечения уголовной защиты, преувеличивающие в глазах их значение преступной деятельности и т. п. Все это составляет наклонную плоскость, по которой несовершеннолетние увлекаются в привычную преступность. Нельзя остановиться на одной реформе наказаний, за ней должна следовать, или, правильнее, ей должна предшествовать реформа самого суда. Отсюда широкое движение, замечаемое в новейшее время в пользу идеи совершенно особых судов для несовершеннолетних и в принятии им порядка производства, более приспособленного к потреб-

ностям лиц нежного возраста в видах воздержания их от преступлений» [1, с. 507].

Возвращаясь к особенностям участия адвоката в судебном следствии по делам о преступлениях несовершеннолетних, следует отметить, что именно здесь защитнику нужно со всей ответственностью подходить к реализации своих прав и обязанностей для установления истины по делу, по средствам наиболее эффективного способа – допроса участников процесса, особенно если они являются несовершеннолетними.

В процессе судебного следствия защитник должен, с одной стороны, активно участвовать в исследовании собранных по делу доказательств: допросах свидетелей, потерпевшего, подсудимого, в осмотрах местности, документов, вещественных доказательств, при назначении и производстве экспертизы, а с другой стороны, представлять суду новые доказательства в пользу своего подзащитного [2].

В главе 42 УПК РК «Судебное следствие» предусмотрен процессуальный порядок допроса подсудимого (ст. 348 УПК РК), потерпевшего (ст. 350 УПК РК) и свидетеля (ст. 351 УПК РК), в статье 352 УПК РК предусмотрен ряд особенностей допроса, касающихся непосредственно несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля.

Участвуя в качестве защитника в судебном следствии при рассмотрении уголовных дел, где несовершеннолетние принимают участие как потерпевшие, свидетели и подсудимые, адвокат при ведении допроса должен строго соблюдать требования уголовно-процессуального законодательства и Закона РК «Об адвокатской деятельности».

При допросе несовершеннолетнего свидетеля адвокату необходимо уяснить, стремится ли он говорить правду или пытается скрыть, исказить истину. При допросе добросовестного свидетеля адвокат стремится помочь свидетелю рассказать все, что ему известно; при допросе недобросовестного свидетеля задача адвоката – показать суду ложность его показаний.

Адвокат располагает рядом возможностей, чтобы составить себе предварительное мнение о степени добросовестности несовершеннолетнего свидетеля посредством изучения материалов уголовного дела и показаний свидетеля на предварительном следствии, анализа его ответов на вопросы суда и прокурора, сопоставления ответов свидетеля в суде с его показаниями на предварительном следствии.

Адвокат допрашивает первым только дополнительных свидетелей, вызванных по его просьбе, в остальных случаях он ведет допрос после судей и прокурора (ч. 2 ст. 347 УПК РК). Это дает возможность защите, слушая показания, еще раз проверить свое предварительное мнение о

добросовестности свидетеля. Адвокат обязан не только внимательно слушать показания несовершеннолетнего свидетеля, но и обращать внимание на его поведение во время допроса, что позволит сделать вывод о его добросовестности с учетом всех остальных обстоятельств. Имеет значение, как держится несовершеннолетний свидетель перед судом: спокоен, волнуется или агрессивен по отношению к подсудимому.

Как правило, большинство несовершеннолетних свидетелей — это добросовестные лица, стремящиеся искренне показать суду правду. Но несовершеннолетний может добросовестно ошибаться, путаться, забыть, не понять вопрос и ответить неверно. Задача адвоката в этом случае сводится к тому, чтобы применить такие приемы допроса, которые помогут ему вспомнить обстоятельства дела, сосредоточится, не путаться в датах и т. д. Адвокат должен также помочь суду вскрыть ошибки восприятия несовершеннолетнего свидетеля. Выявление всех этих данных позволит решить, как правильнее построить допрос, в какой форме и последовательности задавать вопросы, детализировать их, чтобы свидетель лучше понял вопросы, как напомнить ему то, что он забыл, и т. д.

Создав правильное представление об индивидуальных особенностях несовершеннолетнего свидетеля, адвокат получает возможность построить допрос так, чтобы наилучшим образом помочь свидетелю рассказать все существенное, что ему известно, поправить ошибки, допущенные на предварительном следствии.

Очень важен для установления истины по уголовному делу допрос несовершеннолетнего потерпевшего. В этом случае задача защиты заключается в том, чтобы привести в соответствие состав обвинения с показаниями несовершеннолетнего потерпевшего, установить с помощью его допроса фактические данные, влияющие на квалификацию преступления.

Гораздо сложнее допрашивать добросовестно заблуждающегося несовершеннолетнего потерпевшего. Он психологически связан своими действиями, подачей заявления о совершенном преступлении, более того, арестом подсудимого и т. д. В некоторых случаях боязнь признаться перед судом, что он ошибся, влечет определенную моральную ответственность за то, что случилось с подсудимым. Поэтому при допросе добросовестно заблуждающегося несовершеннолетнего потерпевшего требуется особый подход, навык расположить его и не озлобить, не запугать последствиями ошибки, а помочь понять ошибку.

При допросе потерпевших и свидетелей защитник вправе ставить уточняющие вопросы. «Если данный вопрос был уже выяснен ранее судом или прокурором, защитник не лишается права задать этот же во-

прос применительно к выясняемым им обстоятельствам, если при этом не был получен исчерпывающий ответ, либо ответ представляется сомнительным, либо в ответе промелькнули какие-то сведения о фактах, играющих роль для защиты подсудимого, но эти сведения, именно потому, что были освещены поверхностно, могут оказаться не воспринятыми ни судом, ни участниками процесса. И само собой разумеется, что все вопросы, связанные с выяснением обстоятельств, которые оказались обойденными, но имеют значение по делу, обязательно должны быть поставлены защитником» [3, с. 51].

Допросив свидетелей и потерпевших в начале судебного следствия, адвокат получает определенное представление о характере существовавших между подсудимым и другими лицами взаимоотношений, что, в свою очередь, обеспечивает выяснение многих обстоятельств, подлежащих доказыванию. В самом деле, выяснить общие отношения между подсудимым, потерпевшими и свидетелями — значит в необходимых пределах понять личные свойства каждого из них, направленность личности подсудимого, установить содержание и условия формирования в его сознании умысла на совершение преступления, выяснить правомерность поведения потерпевших, осмыслить значение повода и разобраться в обстоятельствах, способствовавших совершению преступления.

Условием наступления ответственности за совершение преступления является достижение подзащитным возраста уголовной ответственности. Установление адвокатом возраста подсудимого, как правило, лишено особых сложностей. Основными источниками сведений о возрасте подзащитного являются его показания, личные документы, приобщенные органами предварительного расследования к делу (паспорт, различного рода удостоверения, свидетельство о рождении и т. п.). На практике необходимость установления возраста обвиняемого возникает при обнаружении адвокатом несоответствия различных данных о его возрасте.

Адвокатам следует иметь в виду, что особо тщательное установление возраста подсудимого необходимо при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних, так как в этих случаях возраст не только характеризует субъекта преступления, но и является обстоятельством, смягчающим ответственность [4, с. 244].

Раскрыть многие детали преступления адвокату удается тогда, когда сведения, почерпнутые из допроса несовершеннолетнего подсудимого, подтверждаются другими материалами дела. Сам по себе правильный допрос подсудимого окажется неубедительным для суда, если в деле есть данные, противоречащие словам подсудимого, не подтверждаю-

щие, а, наоборот, опровергающие их. Следовательно, прежде чем допрашивать подзащитного в суде, адвокат хорошо уясняет не только доказательства обвинения, но и факторы, которые после допроса подсудимого могут стать защитительными аргументами.

Перед допросом подсудимого адвокат отмечает для себя, в каких материалах дела находятся показания потерпевшего и свидетелей, освещающих основные обстоятельства преступления, где изложены выводы экспертизы о механизме и характере наступивших последствий, как можно использовать данные протокола осмотра места происшествия. Сделав необходимые выписки из соответствующих документов, адвокат учитывает их при составлении плана допроса несовершеннолетнего подсудимого.

Немаловажное значение для защиты имеет порядок исследования доказательств: адвокат должен четко представлять себе, как лучше исследовать доказательства с позиции защиты.

Выступая в качестве защитника по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего подсудимого, адвокату следует подвергать анализу практически каждое имеющееся в деле доказательство независимо от того, обосновывает ли оно обвинение или, наоборот, оправдывает подзащитного либо смягчает его вину. В результате такой работы адвокат четко представляет себе, что в деле доказано бесспорно, с чем можно и нужно согласится, а с чем нельзя, что доказано по делу, что не доказано, что вообще не может быть доказано.

Подзащитный — единственный из допрашиваемых лиц, с которым адвокат имеет право беседовать по всем вопросам дела, и притом до дачи им показаний в суде. Следовательно, адвокат знает позицию своего подзащитного, оценку им каждого доказательства. Это значительно облегчает подготовку к допросу. При допросе подзащитного важно выяснить в случае отрицания им вины, какие события имели место в действительности, что делал, говорил, чего не делал, не говорил подсудимый, установить обстоятельства, мотивы показаний, которые он рассматривает как ложные. В случае признания подзащитным вины необходимо выяснить у него все обстоятельства, смягчающие ответственность, — его роль в преступлении, причины и условия совершения преступления. Во всех случаях адвокат выясняет у несовершеннолетнего подзащитного обстоятельства его жизни, состояние здоровья, условия воспитания, обстановку в семье и т. д.

В. И. Жуковский отметил и зависимость позиции адвоката от сути показаний подзащитного: «Ввиду сознания подсудимого облегчается и задача защиты, — она опирается, с одной стороны, на сознание подсуди-

мого как на акт уважения к суду; с другой — она находит себе опору и в том, что в пользу обвинения было уже многое и неоднократно выражено, в пользу же подсудимого не было еще ни слова сказано». Отмечена и социальная роль позиции адвоката по конкретному делу: «По содержанию защита определяется содержанием речи прокурора. Защита имеет, прежде всего, определить относительную широту общественного интереса, затронутого делом и падающего на голову подсудимого. Необходимо выяснить, в чем именно общественный интерес заключается: в объекте ли преступления... или же в обстановке преступления, в самом образе действий подсудимого» [5, с. 28]. Эти мысли В. И. Жуковского помогают сегодняшним адвокатам: оттачивают профессиональный ум, учат видеть за фактом явление, определяют социальную роль адвокатуры.

Исходя из требований закона об установлении истины и обеспечения несовершеннолетнему подсудимому права на защиту, можно прийти к выводу о том, что грамотная и скрупулезная работа адвоката с доказательствами в судебном следствии создает для суда и надзирающего прокурора фактическую основу для принятия решения, более выгодного подзащитному.

Источники и итература

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: «Альфа», 1996. Т. 2.
2. Защита по уголовному делу: пособие для адвокатов / под ред. Е. Ю. Львовой. М.: Юрист, 1998. С. 90–108.
3. Бернам У., Решетникова И. В., Прошляков А. Д. Судебная адвокатура. СПб.: Изд. Санкт-Петербург. ун-та, 1996.
4. Лубшев Ю. Ф. Адвокат в уголовном деле. М.: Юристъ, 1997. С. 244.
5. Жуковский В. И. Уголовная защита. СПб, 1913.

Ю. Н. Цыряпкина

Особенности антропологических исследований в Восточном Казахстане: этносоциальное взаимодействие в постсоветский период

Исследование этносоциального взаимодействия в Восточном Казахстане в 1990–2007 гг. является весьма актуальной темой как для казахстанской, так и для российской науки. Восточный Казахстан — регион на востоке Республики Казахстан, включающий в свой состав Восточно-Казахстанскую и бывшую Семипалатинскую области, имеет тесные экономические, культурные и миграционные связи с российским Алтаем. Статистика свидетельствует, что на начало 2007 г. численность казахов в составе населения области составляла 52%, русских — 42% [1, с. 33]. Информационно-коммуникативное пространство Восточного Казахста-

на осуществляется в основном на русском языке; динамично развивается и внешнеэкономическое сотрудничество Восточно-Казахстанской области и Алтайского края.

В Восточном Казахстане в Центре социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинского государственного университета имени Шакарима под руководством А. П. Коновалова в г. Семей (бывший Семипалатинск) функционирует крупный отдел по изучению современных общественных отношений. Эта научная структура проводит системные социологические исследования в регионе по важнейшим проблемам этно-религиозной жизни и социо-экономической ситуации в Восточном Казахстане [3, 4]. Фактически команда А. П. Коновалова ежегодно осуществляет срез основных проблем восточно-казахстанского общества, но преимущественно количественными методами. Количественные исследования позволяют фиксировать общие тенденции развития региона, не рассматривая подробно природу социальных конфликтов или напряженности.

Западные исследователи также не оставляют без внимания восточно-казахстанскую проблематику. В 2004 г. вышла книга шведского ученого Майкла Джентайла (Gentile Michael) об изучении постсоветских городов в переходный период на примере Казахстана [8, p. 115–145]. Свое исследование автор сфокусировал на 3 объектах — Усть-Каменогорске, Зыряновске, Лениногорске, городах разных категорий в одном регионе. М. Джентайл рассматривает изменения в регионе сквозь призму процессов урбанизации, предполагающих формирование в городах особой городской культуры и этнической составляющей. В своей работе исследователь опирается на статистические данные, официальные документы и материалы собственных опросов и полевых исследований. М. Джейнтал учитывает все факторы, влияющие на развитие городов в указанный период, и в первую очередь экономические, миграционные, историко-географические и др., что делает его работу комплексной и многоаспектной.

Автор также исследовала этносоциальное взаимодействие в Восточном Казахстане, опираясь на мнения западных конструктивистов об этничности и социальных границах. Например, методологический подход Ф. Барта (2006) использовался для изучения влияния этнической идентичности на процесс социального взаимодействия: «Этнические группы — это собственные представления, приписываемые и идентифицируемые самими акторами и, следовательно, обладающие свойством организовывать взаимодействие между людьми» [5, с. 11]. По мнению Ф. Барта, этнические границы сохраняются и проявляются именно во

время социального взаимодействия; каждой этнической группе соответствует довольно сложная организация поведения и социальных отношений. На основе данного подхода автору удалось установить связь социально-экономического развития Республики Казахстан и межэтнического взаимодействия. В 1990-е гг. в результате экономического регресса в промышленном производстве и сельском хозяйстве региона, сокращения рынка труда, увеличения роли государственного языка в жизни общества возникли негативные явления в межэтническом взаимодействии. В 1990-е гг. Восточный Казахстан пережил всплеск миграции русского и русскоязычного населения. В 2000-е гг. (материал позволяет анализировать положение области до 2007 г.) начинается период стабилизации и улучшения экономического развития в промышленном производстве региона, совершенствуется социальная политика, появляются первые успехи в сфере языкового строительства и культурной коммуникации — все это привело к улучшению межэтнического взаимодействия.

Проблемами этничности и ее культурных и социальных проявлений занимался также норвежский исследователь Т. Эриксен. Его основное предположение заключается в том, что этничность является свойством социальной формации и аспектом ее взаимодействия, т. е. этнические различия влекут за собой культурную дифференциацию, которая отражается на природе социальных отношений [6, p. 127–144; 7, p. 42–68].

Важным фактором, значительно влияющим на общественную жизнь Казахстана в последнее двадцатилетие, стал государственный язык; возник вопрос перевода на казахский язык делопроизводства. В 2006 г. автором под эгидой Центра социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинского государственного университета им. Шакарима было проведено социологическое исследование, подтверждающее, что язык как один из важных идентификационных факторов и культурных различий может влиять и на социальные отношения в обществе. Причем несвободное владение казахским языком или его отрывочные знания присущи не только русским, но и отчасти городскому казахскому населению, и этот факт негативно отражается на их позициях.

Британский автор индийского происхождения Джома Назпари, написавший книгу о роли насилия и лишения прав части населения в начальный период становления независимости Казахстана, приводит множество интересных примеров о процессах возрождения казахского языка и его значении в социальной жизни. В начале 1990-х гг. в Алматы были зафиксированы случаи, когда банды молодых казахов сельского происхождения буквально третировали молодых женщин-казашек, говорящих по-русски [9, p. 48]. Подобные случаи были зафиксированы и в Вос-

точном Казахстане. Они означают, что в основе лингвистических противоречий лежали далеко не этнические факторы, а в основном социальные — противостояние двух культур: городской и традиционной сельской.

В целом нужно отметить, что привлечение западных методологических подходов позволяется комплексно исследовать взаимодействие этнических групп — русских и казахов в Восточном Казахстане — и выявить природу их противоречий. В случае исследований, проведенных автором, крен делался на этническую специфику региона и проявления этничности во всех аспектах жизни восточно-казахстанского общества.

В 2010 г. появилось иссследование Р. Д. Ахметовой. Ее работа посвящена этнокультурной тематике и доказывает успешность межэтнической модели взаимодействия в Казахстане. В рамках данной большой темы было выполнено региональное исследование Р. Д. Ахметовой, касающееся изучения этнокультурных процессов в Восточном Казахстане в 80-х гг. XX — начале XXI в. [2]. Во многом повторяя структуру исследования автора, Р. Д. Ахметова делает упор на исследовании культурного компонента в межэтническом взаимодействии в позднесоветский и постсоветский периоды, не рассматривая влияние экономического и социального факторов. Тем самым данная работа фиксирует положительные тенденции в развитии этнокультурного диалога в Восточном Казахстане в рамках общественных организаций (например, малой ассамблеи народов Казахстана), которые занимаются сохранением культуры и традиций разных этнических групп. Хотя каждодневное общение и взаимодействие складывается из действия различных факторов, и в первую очередь социально-экономических. Таким образом, анализ только этнокультурного взаимодействия не доказывает успешность межэтнической модели.

В целом необходимо отметить, что сложилось несколько направлений изучения этносоциальных и этнокультурных процессов в Восточном Казахстане в позднесоветский и постсоветский периоды. Каждый из научных центров и отдельные ученые акцентируют внимание на одном из аспектов развития восточно-казахстанского общества. Дальнейшие перпективы исследований связаны с проведением многоаспектных полномасштабных проектов.

Источники и литература

1. Восточный Казахстан в цифрах 2007: статистический ежегодник. Усть-Каменогорск, 2007. 56 с.
2. Ахметова Р. Д. Этнокультурные процессы в Восточном Казахстане в 80-х годах XX — начале XXI века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Семей, 2010. 19 с.

3. Коновалов А. П. Развитие национальных процессов глазами семипалатинцев: сборник материалов социологических исследований, проведенных в 2003 г. Семипалатинск, 2004. 59 с.
4. Коновалов А. П. Развитие национальной ситуации и этносоциальных общественных объединений в восточном регионе Казахстана (системные социологические исследования). Семей, 2007. 78 с.
5. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006. 200 с.
6. Eriksen T. N. The cultural context of ethnic differences//Man, New Series, Vol.26, No1 (Mar., 1991). P. 127–144.
7. Eriksen T. N. Ethnic identity, national identity and intergroup conflict//Social identity, intergroup conflict and conflict reduction. Oxford University Press, 2001. P. 42–68.
8. Gentile M. Studies in the Transformation of Post-Soviet Cities. Case Studies from Kazakhstan. Uppsala, 265 p.
9. Nazpary J. Post-Soviet Chaos: Violence and Dispossession in Kazakhstan. L., 2002. 217 p.

Сокращения

АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей
АлтГПА — Алтайская государственная педагогическая академия
АлтГУ — Алтайский государственный университет
АЭ — археологическая экспедиция
БГПИ — Барнаульский государственный педагогический институт
БГПУ — Барнаульский государственный педагогический университет
ВКМЗ — Восточно-Казахстанский музей-заповедник
ВКО — Восточно-Казахстанская область
ВРИКМ — Волчихинский районный историко-краеведческий музей
ВЦИОМ — Всероссийский центр изучения общественного мнения
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет
ГАПО — Государственный архив Павлодарской области
ГАТюмО — Государственный архив Тюменской области
ГБУК НСО НГКМ — государственное бюджетное учреждение культуры Новосибирской области Новосибирский государственный краеведческий музей
ЗСАЭС — Западно-Сибирское археолого-этнографическое совещание
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКМ АлтГПА — Историко-краеведческий музей Алтайской государственной педагогической академии
ИНГГ СО РАН – Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука Сибирского отделения Российской академии наук
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛИК — лаборатория исторического краеведения
МОУ — муниципальное общеобразовательное учреждение
ННР — Немецкий национальный район
НПЦ — научно-производственный центр
ПМА — полевые материалы автора
ПФА РАН — Петербургский филиал архива Российской академии наук
РА — Республика Алтай
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РРКМ — Романовский районный краеведческий музей
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
СФО — Сибирский федеральный округ
ФДПП — факультет дополнительных педагогических профессий
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦХАФ АК — Центр хранения архивного фонда Алтайского края, г. Барнаул

Список авторов

Абиль Еркин Аманжолулы – доктор ист. наук, профессор Костанайского государственного педагогического института, г. Костанай, РК

Актасова Диана Ерлановна – ученица средней школы № 11, г. Семей, РК

Алекса Дарья Владимировна – студентка 2 курса исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Алехин Юрий Петрович – канд. ист. наук, директор Рудно-Алтайского историко-культурного центра, г. Змеиногорск, РФ.

Афанасьева Юлия Юрьевна – аспирант Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ

Ахметкалиева Алмагуль Ергалиевна – студентка Семипалатинского государственного университета им. Шакарима, г. Семей, РК

Бельгибаев Ержан Адильбекович – канд. ист. наук, доцент Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ

Бердагулова Сагинтай Кенесовна – канд. ист. наук, доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, РК

Боенко Ирина Александровна – магистрант Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ

Бойко Владимир Сергеевич – канд. ист. наук, доцент Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Брусник Николай Дмитриевич – директор МОУ СОШ с. Покровка Баевского района Алтайского края, РФ

Буржуа Жан – проф., доктор наук университета г. Гент, Бельгия

Гуссен Р. – проф., доктор наук университета г. Гент, Бельгия

Гапак Диана Юрьевна – студентка Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, РФ

Гашенко Любовь Николаевна – магистрант Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ

Гейли Уолтер (Бельгия, университет г. Гента)

Гефке Наталья Алексеевна – магистрант Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Глазкова Елена Ивановна – заведующая сектором Редкой книги научной библиотеки Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, РК

Голомянов Александр Иванович — канд. тех. наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, РФ

Гольева Александра Амуриевна — вед. науч. сотрудник Института географии РАН, доктор географических наук, г. Москва, РФ

Горбунов Вадим Владимирович — доктор ист. наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ.

Грибанова Наталья Святославна — зав. историко-краеведческим музеем Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Гущина Ирина Сергеевна — студентка 2 курса исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Демин Михаил Александрович — доктор ист. наук, профессор, декан исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Дьякова Дарья Владимировна — магистрант Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Жилкова Светлана Алексеевна — ученица средней школы № 11, г. Семипалатинск, РК

Запрудский Сергей Сергеевич – старший лаборант лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ.

Иванова Алена Сергеевна — студентка Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, РФ

Иксанова Алина Ринатовна — студентка Семипалатинского государственного университета им. Шакарима, г. Семипалатинск, РК

Карпов Михаил Владимирович — магистрант Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ.

Качановская Мария Геннадьевна — магистрант Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, РК

Керхове Р. (Бельгия, университет г. Гента)

Кирюшин Кирилл Юрьевич — канд. ист. наук, доцент кафедры рекреационной географии, туризма и регионального маркетинга Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ

Ковальская Светлана Ивановна — доктор ист. наук, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, РК

Кожирова Светлана Басиевна — доктор пед. наук, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, РК

Коляскина Елена Александровна — канд. ист. наук, старший преподаватель Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, г. Бийск, РФ

Коновалов Алексей Петрович — канд. ист. наук, директор Центра социологического мониторинга и прогнозирования Семипалатинского государственного университета им. Шакарима, г. Семипалатинск, РК

Константинов Никита Александрович — студент 5 курса, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ.

Контев Аркадий Васильевич — канд. ист. наук, доцент Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Коротков Александр Вячеславович — студент 3 курса исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ

Кривчик Юлия Владимировна — директор районного краеведческого музея, с. Романово, Романовский район, Алтайский край, РФ

Курило Андрей — ученик Романовской средней школы, с. Романово, Романовский район, Алтайский край, РФ

Левина Марина Владимировна — аспирант Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ

Лугоненко Дарья Сергеевна — студентка Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, РФ

Люля Наталья Викторовна — студентка 2 курса исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Мамонтова Оксана Сергеевна — науч. сотрудник Алтайского государственного краеведческого музея, г. Барнаул, РФ

Мунхбаяр Чулуунбат — аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, преподаватель Ховдского государственного университета, г. Ховд, РМ

Никонова Людмила Ивановна — доктор ист. наук, зав. отделом Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, РФ

Нуралиева Перизат Кузембаевна – директор научной библиотеки Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, РК

Овчарова Мария Александровна — канд. ист. наук, науч. сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея, г. Новосибирск, РФ

Октябрьская Ирина Вячеславовна — доктор ист. наук, зав. отделом Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ

Онучко Марина Юрьевна — канд. полит. наук, доцент Евразийского государственного университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, РК

Охотников Адриан Юрьевич — канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ

Папин Дмитрий Валентинович — канд. ист. наук, науч. сотрудник научно-исследовательского сектора Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ

Прохорова Елена Аркадьевна — студентка 2 курса исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Ракишева Ботагоз Ислямовна — канд. соц. наук, директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, и.о. доцента кафедры евразийских исследований Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, РК

Рахимжанова Сауле Жангельдыевна — магистрант Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, РК

Рожнова Ольга Юрьевна — студентка Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, г. Бийск, РФ

Романова Елена Анатольевна — специалист Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природного музея-заповедника, г. Усть-Каменогрск, РК

Руш Юлия Владимировна — студентка 2 курса исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Рыков Алексей Викторович — студент 2 курса исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Семибратов Владимир Петрович — канд. ист. наук, директор НИИ гуманитарных исследований при Алтайском государственном университете, г. Барнаул, РФ

Серегин Николай Николаевич — аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии, мл. науч. сотрудник научно-исследовательского сектора Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ.

Ситников Сергей Михайлович — канд. ист. наук, доцент Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Смирнова Наталья Евстафьевна — науч. сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, РФ

Соёнов Василий Иванович — канд. ист. наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии, доцент кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ.

Станиславских Виктория Сергеевна — студентка 2 курса исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Сураганова Зубайда Кабиевна — канд. ист. наук, доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, РК

Тадина Надежда Алексеевна — канд. ист. наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ

Телегин Андрей Николаевич — старший преподаватель Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Терентьев Владислав Игоревич — науч. сотрудник Экомузея-заповедника «Тюльберский городок», г. Кемерово, РФ

Тишкин Алексей Алексеевич — доктор ист. наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ.

Трифанова Сынару Вениаминовна — зав. музеем археологии, вед. научный сотрудник лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ

Федоров Роман Юрьевич — канд. философ. наук, ст. науч. сотрудник Тюменского научного центра СО РАН, г. Тюмень, РФ

Федорук Александр Сергеевич — канд. ист. наук, науч. сотрудник научно-исследовательского сектора Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ.

Фесенко Наталья Анатольевна — ученица средней школы № 11, г. Семипалатинск, РК

Фурсова Елена Федоровна — доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник, Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ

Цыряпкина Юлия Николаевна — канд. ист. наук, доцент Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Шитова Наталья Ивановна – канд. ист. наук, ст. лаборант Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ

Шрейдер Наталья Владимировна – магистрант Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Штанакова Евгения Александровна – студентка 5 курса, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ

Щеглова Татьяна Кирилловна – доктор ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Щербина Евгения Евгеньевна – студентка Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, РФ

Щетинина Яна – студентка Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул, РФ

Якоякова Байару Владимировна – аспирантка Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ

Содержание

Лаборатории исторического краеведения – 20 лет

М. А. Демин
Лаборатория исторического краеведения в научно-образовательном сообществе Алтайского края 4

Т. К. Щеглова
Устная история и этнография: пути и формы взаимодействия (из опыта внедрения новых подходов, методов и технологий в этнографические исследования) 12

А. В. Контев
Историко-архивные изыскания в лаборатории исторического краеведения 21

С. М. Ситников
Исследования Верхнеалейской, Гилевской, Кулундинской, Сентелекской и Чумышской археологических экспедиций 33

А. Н. Телегин
Двадцать полевых сезонов Степного отряда археологической экспедиции ЛИК БГПИ—БГПУ—АлтГПА 36

Н. С. Грибанова
Деятельность историко-краеведческого музея АлтГПА (БГПУ) в 1992–2010 гг. . . 38

В. С. Бойко
Историческое краеведение в АлтГПА в начале 2000-х гг. и проблемы научного исследования Азиатской России 43

Археология

Жан Буржуа, Уолтер Гейли, А. В. Эбель, Т. В. Федосова
Картографирование археологических объектов долины Юстыд в Кош-Агачском районе Республики Алтай 46

Ж. Буржуа, У. Гейли, А. В. Эбель, Т. В. Федосова
Работы по датированию объектов в долине Юстыд 49

Ж. Буржуа, Р. Гуссен, Р. Ван де Керхове, А. В. Эбель, Н. А. Юркова
Завершающие работы по проекту «Мониторинг и моделирование вечной мерзлоты в горах российского Алтая» 52

В. В. Горбунов, К. Ю. Кирюшин
Случайная находка средневекового стремени из Кытмановского района 57

С. П. Грушин, Ю. П. Алехин, В. М. Шайхутдинов
Продолжение работ на поселении Колыванское I в 2010 г. 59

С. П. Грушин, И. В. Мерц, Д. В. Папин
Новые исследования могильника Телеутский Взвоз I. 63

П. К. Дашковский
Изучение южной группы курганов на могильнике Ханкаринский Дол 69

М. А. Демин, С. С. Запрудский, С. М. Ситников
Богатое захоронение могильника Чекановский Лог II 72

М. В. Карпов
Обследование Сузунского медеплавильного комплекса летом 2007 г. 75

К. Ю. Кирюшин, В. П. Семибратов
Поселение Селезнево I — новый объект археологического наследия Шелаболихинского района 82

К. Ю. Кирюшин, С. М. Ситников, В. П. Семибратов, Ю. И. Гельмель
Исследование поселения Новоильинка III в 2010 г. 86

Ю. Ф. Кирюшин, А. В. Шмидт, А. А. Тишкин, С. С. Матренин
Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка I). 92

Н. А. Константинов, Е. А. Штанакова
Продолжение обследования археологических памятников в окрестностях с. Ильинка Шебалинского района 98

Е. Н. Куликова
Акбаур как комплексный природно-исторический памятник Верхнего Прииртышья. 100

Б. Ч. Мунхбаяр
Типы и классификация тюркских поминальников на территории Ховдского аймака 103

В. П. Семибратов, К. Ю. Кирюшин, С. М. Ситников, М. А. Демин
Исследование поселения Бирюзовая Катунь-7 116

В. П. Семибратов, А. А. Тишкин, К. Ю. Кирюшин
Предметный комплекс поселения Бирюзовая Катунь-7 119

В. И. Соёнов, С. В. Трифанова
Полевые археологические исследования 122

А. Н. Телегин
К археологической карте Алейского и Шипуновского районов Алтайского края 126

А. А. Тишкин, А. А. Гольева
Микробиоморфные исследования насыпи кургана № 4 на памятнике Бугры. . 128

А. А. Тишкин, В. В. Горбунов, Н. Н. Серегин
Продолжение археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай 132

А. С. Федорук, Д. В. Папин
Археологические исследования в Центральной Кулунде и Барнаульском Приобье в 2010 г. 138

Я. В. Фролов, В. В. Чекушин, А. В. Гвоздев
Материалы эпохи раннего железа могильника Лебяжье I 143

М. К. Хабдулина
Новые материалы к функциональному назначению городища Бозок 147

Б. В. Якоякова
Исследование гравированных наскальных рисунков урочища Абыдьяй (Чаганка) 153

Этнография и устная история

Д. В. Алекса
Социально-экономический облик исчезнувших сел Романовского района (по устноисторическим источникам) 156

Ю. Ю. Афанасьева, Е. Ф. Фурсова
Традиционный детский костюм семейских Забайкалья 161

Е. А. Бельгибаев, А. В. Коротков
Дунганский этнический элемент на Алтае 165

И. А. Боенко
Полевая практика в Монголии: русский язык в сознании старшего поколения 168

Д. Ю. Гапак
Рынок в структуре представлений современных горожан (по материалам полевых исследований) 173

Л. Н. Гашенко
Отражение состояния здоровья и болезни в речи жителей Крутихинского района Алтайского края 176

Н. А. Гефке
Соляные озера Романовского района и непромышленная добыча поваренной соли в 1920–1990-е гг. по материалам историко-этнографической экспедиции 2010 г. 179

Е. И. Глазкова, П. К. Нуралиева
Аблаинкит на перекрестке культур 183

А. И. Голомянов, Е. Ф. Фурсова
Детские и юношеские игры сибирских крестьян — переселенцев из Белоруссии в XX в. 189

Д. В. Дьякова, И. Е. Гущина
Система жизнеобеспечения населения Романовского района Алтайского края 194

А. С. Иванова
Вайшнавы Западной Сибири. Опыт адаптации: этнокультурный аспект (по материалам полевых исследований). 200

Е. А. Коляскина
Традиционные представления русских Алтая о месячной «нечистоте» женщины 204

А. П. Коновалов, Д. Е. Актасова, С. А. Жилкова, Н. А. Фесенко
История освоения целинных и залежных земель 1954–1965 гг. в свидетельствах и оценках современников 208

А. В. Коротков, Н. Д. Брусник, Е. А. Бельгибаев
Традиции свадебной обрядности русского населения Алтая (по материалам Баевской этнографической экспедиции) 215

Ю. В. Кривчик, А. Курило
Похоронная обрядность украинских переселенцев и их потомков в селе Романово в XX в. 217

М. В. Левина
Некоторые особенности социокультурной ситуации у выходцев из ближнего зарубежья (на материале анкетирования учащихся МОУ «Гимназия № 74» г. Барнаула) 226

Д. С. Лугоненко
Феномен дачи в современной культуре горожан (по материалам полевых исследований) 231

Н. В. Люля
Свадебная обрядность украинского населения Романовского района 1950–1960-х гг. (полевые материалы 2010 г.). 234

О. С. Мамонтова
Традиционная глиняная утварь в собрании Романовского районного краеведческого музея 240

Л. И. Никонова
Из истории некоторых населенных пунктов на Алтае и Красноярском крае, где проживает мордва: по результатам этнографической экспедиции 2001–2002 гг. 244

М. А. Овчарова
Характеристика мордовского комплекса одежды из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея 248

И. В. Октябрьская, С. К. Сураганов
Художественный войлок казахов Сибири и Алтая: традиции и современность 255

Е. А. Прохорова
Роль музеев Романовского района в сохранении культурного наследия..... 260

С. Ж. Рахимжанова
Вклад немецкой диаспоры Павлодарской области в развитие региона..... 265

О. Ю. Рожнова
Праздник — ключ к объединению (на примере празднования Вигилии в польском национальном центре «Ожел бялы» («Белый орел») города Бийска)..... 269

Е. А. Романова
Сюжетная вышивка середины XX в. на территории Восточного Казахстана (на основе фондовой коллекции ВКМЗ)..... 271

Ю. В. Руш
Переселенческие традиции в архитектуре Романовского района (по материалам историко-этнографической экспедиции 2010 г.)..... 277

А. В. Рыков
Производственная и повседневная жизнь в алтайской деревне в годы Великой Отечественной войны: устная история 281

В. С. Станиславских
Виды женского рукоделия в селах Романовского района в XX в. (по материалам ИЭЭ-2010)..... 288

Н. А. Тадина
О возрожденном зайсанате как регуляторе внутриэтнической жизни алтайцев..... 292

В. И. Терентьев
Западная Монголия: современная этническая ситуация (по результатам полевых исследований 2008–2010 гг.)..... 296

Р. Ю. Федоров
Особенности взаимодействий со старожильческой средой белорусов — «панцирных бояр» Зауралья 299

Е. Ф. Фурсова
Этнокультурная специфика календарной обрядности российских переселенцев Присалаирья начала XX в..... 303

Н. И. Шитова
Идеал супружества у старообрядцев Уймона (по материалам рукописей Т. Ф. Бочкарева) 309

Н. В. Шрейдер
Миграция немецкого населения после реабилитации (указа 1955 г.) на примере целинного поселка Тамбовский Романовского района Алтайского края 314

Е. Е. Щербина
Из истории фольклорного движения в Западной Сибири конца XX — начала XX в.. 318

Я. Щетинина
Борьба с колчаковщиной глазами участников событий: опыт интерпретации воспоминаний. 322

Традиционные общества и культуры: проблемы модернизации

Е. А. Абиль
Факторы формирования традиционной социальной системы казахов: историко-синергетический анализ 328

А. Е. Ахметкалиева, А. Р. Иксанова, А. П. Коновалов
Этносоциология и этнография распространения национальных традиций среди этнических казахов Восточного Казахстана 333

С. К. Бердагулова
Казахстан и Россия: культурно-образовательное сотрудничество на рубеже XX–XXI вв. 339

В. С. Бойко
Инонациональные общины азиатского происхождения в Западной Сибири: методология и методика исследования. 342

М. Г. Качановская
Политика присоединения Казахстана к России как один из факторов хозяйственной и социальной модернизации казахского этноса Прииртышья в XVIII–XIX вв. 344

С. Б. Кожирова
Уйгуры Казахстана: история «миграционных» волн 347

С. И. Ковальская
Традиция и модернизация: дискурс конфликта или примирения? 353

И. В. Октябрьская, Н. Е. Смирнова
Казахи Алтая. Проблема оценки человеческого потенциала: этносоциальный аспект 358

М. Ю. Онучко
Молодежь и Русская православная церковь в Казахстане: эволюция взаимоотношений. 363

А. Ю. Охотников
Немцы Северной Кулунды: социокультурная адаптация в первой половине XX в. Общая оценка. 369

Б. И. Ракишева
К вопросу о культурной идентификации казахской диаспоры. 375

З. К. Сураганова
Категория «собственность» в казахской традиционной культуре 382

К. Уалиев
Соблюдение прав и законных интересов детей в казахстанском законодательстве 387

Ю. Н. Цыряпкина
Особенности антропологических исследований в Восточном Казахстане: этносоциальное взаимодействие в постсоветский период. 393

Сокращения 398
Список авторов 399

Научное издание

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г.

Археология, этнография, устная история

Выпуск 7

Материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25–26 ноября 2010 г.

Подписано в печать 5.04.2011. Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,75. Тираж 150 экз. Заказ № 45.

Издательство «АзБука»
656049, Барнаул, ул. Мерзликина, 10